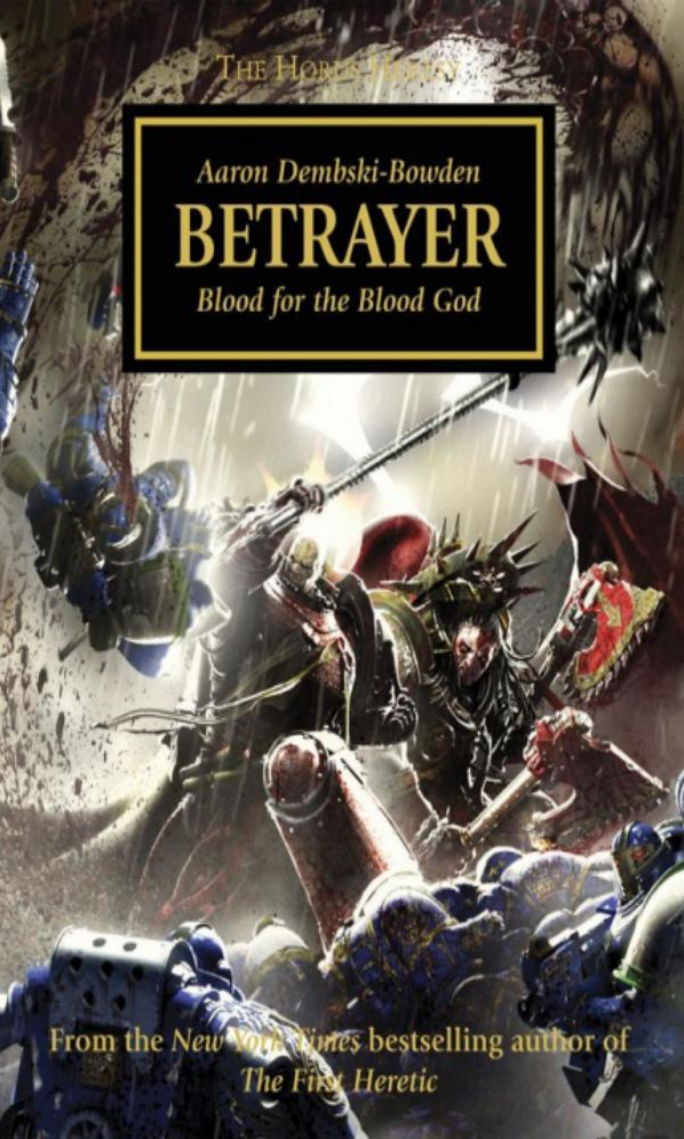
The Horus Heresy
Aaron Dembski-Bowden
BETRAYER
Blood for the Blood God
From the New York Times bestselling author of
The First Heretic

Annotation

Теневой крестовый поход начался. Пока Ультрадесантники ошеломлены внезапным нападением Кор Фаэрона на Калт, Лоргар и остальные Несущие Слово наносят удар вглубь Ультрамара. Их неожиданные союзники, Ангрон и Пожиратели Миров, продолжают разорять все системы, которые попадаются им на пути. На гарнизонной планете Арматуре эта непрерывная свирепость может, в конечном итоге, оказаться причиной их гибели. Миры запылают, Легионы столкнутся, и примарх падет.

- Аарон Дембски-Боуден
  - Персонажи
  - Пролог
  - ЧАСТЬ I
    - Последние слова
    - 1
    - 2

- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12

- Часть 2
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
- Эпилог
  - I
  - II
  - III

Аарон Дембски-Боуден
Предатель

Персонажи

Примархи

Магистр войны Гор Луперкаль, примарх Сынов Гора

Ангрон, примарх Пожирателей Миров

Лоргар Аврелиан, примарх Несущих Слово

Магнус Красный, примарх Тысячи Сынов

Робаут Жиллиман, примарх Ультрадесанта

XII Легион «Пожиратели Миров»

Вориас, Лекцио Примус, подразделение библиариев

Эска, кодиций, подразделение библиариев

Кхарн, капитан Восьмой роты, советник Ангрона

Каргос «Плюющийся кровью», апотекарий Восьмой роты

Джеддек, знаменосец Восьмой роты

Скане, сержант Восьмой роты, отделение разрушителей Скане

Гарте, сержант Восьмой роты, тактическое отделение Маракана

Делварус, центурион Сорок четвертой роты, отделение триариев Делваруса

Лорке «Первый», дредноут, модель «Контемптор».

Нерас, дредноут

XVII Легион «Несущие Слово»

Аргел Тал, Гал Ворбак, командующий Вакра Джал.

Эреб, Первый капеллан, Темный Апостол Слова

Эшрамар, сержант Вакра Джал, отделение испепелителей Эшрамара

XIII Легион «Ультрадесант»

Орфео Кассандар, легат Арматуры

Служащие флота

Лотара Саррин, флагкапитан боевого корабля XII Легиона «Завоеватель»

Ивар Тобин, первый помощник боевого корабля XII Легиона «Завоеватель»

Фейд Халлертан, офицер боевого корабля XII Легиона «Завоеватель»

Лералла — провидица боевого корабля XII Легиона «Завоеватель»

Кеджик, вокстмагистр боевого корабля

XII Легиона «Завоеватель»

Благословенная Леди, Исповедник Слова

Механикумы Марса

Вел-Хередар, архимагос венератус, представитель Келбор-Хала

Легио Аудакс «Угольные Волки»

Генрик Солостин, Принцепс Ультима, принцепс командирского титана «Сиргала»

Тот Кол, модерати примус командирского титана «Сиргала»

Кида Бли, модерати секундус командирского титана «Сиргала»

Девятый, адепт Механикума,

командирский титан «Сиргала»

Аудун Лирак, Принцепс Пенультима

Легио Лисанда «Стражи Границы»

Максамиллиен Делантир, принцепс титана «Ардентор»

Эллас Гиле, модерати примус титана «Ардентор»

Кей Адарас, модерати секундус титана «Ардентор»

Неимперские персонажи

Тибарал Фаль`кр, праксуарий, имперский магнат Нуцерии

Ошамай Эврел`Коршай, генерал Родственной Стражи Фаль`кра

Дамон Пританис, Вечный

Потому что нам нельзя было доверять. Императору требовалось оружие, которое никогда не поставит собственные желания выше желаний Империума. Оружие, которое никогда не укусит кормящую руку. Пожиратели Миров не были таким оружием. Все мы обнажали клинки только ради пролития крови, и все мы ощущали ликование, побеждая на войне, в которой никогда не было необходимости. Мы — не такие ручные и надежные питомцы, каких желал Император. Волки повинуются, а мы нет. Волкам можно верить, нам же — никогда. Они обладают отсутствующей у нас дисциплиной, поскольку их чувства не пылают от гудящих

в затылке Гвоздей Мясника.

Когда Волков зовут к ноге, они всегда повинуются. И из-за этого непонятно, почему они называют себя волками. Император приручил их, надел на них ошейники, и они подчиняются любому его капризу.

Однако волк так не поступает. Это собачье поведение.

Вот почему мы больше не Псы Войны, а Пожиратели Миров.

Восьмой капитан Кхарн, из неопубликованного трактата «Восемнадцать Легионов»

Пролог
Иссткан III

Тело обнаружил Скане. Он стоял по колено в трупах возле разбитого остова боевого танка «Лендрейдер», облаченный в броню, покрытую черным из-за греховности используемого им оружия.

— Каргос, — передал он по воксу. Насыщенный помехами голос дребезжал. Во время боя один из врагов попал ему в горло, и это вызвало сотрясение аугметических голосовых связок. Они нуждались в настройке по возвращении на «Завоеватель».

— Каргос, — снова произнес он в могильную тишину вокс-канала.

— Что? — ответ брата тоже пострадал от помех, однако их причиной была не бионическая трахея, а куда более заурядное искажение воксом.

— Отследи мою локационную руну, — сказал Скане. — Иди сюда.

— Я занят. Оглянись вокруг, сержант.

Думаешь, сейчас моя помощь нужна тебе одному?

Скане не стал озираться по сторонам. Он знал, где находится и что увидит — он был в самом центре, и количество погибших исчислялось тысячами. На большинстве были доспехи зеленого цвета мелководных океанов, потрескавшиеся и расколотые предательством былых сородичей. Это были бывшие Сыны Гора, преданные своими братьями и убитые за неверность. На их фоне запятнанные кровью белые доспехи выделялись, словно жемчужины среди водорослей. Здесь пало слишком много Пожирателей Миров, хотя победа и была неоспорима. Со всех сторон город был мертв, от него остались только пепел со щебнем.

На Скане упала тень, заслонившая слабое светило. Сотрясая истерзанную землю, мимо с треском и лязгом прошел «Пес войны» Легио Аудакс. Воин махнул проходящей боевой машине рукой, но не получил никакого отклика, кроме тусклого блеска солнца на гарпуне

«медвежьих когтей» титана. Тот двинулся дальше, выворачивая ноги и вдавливая ими в землю керамит, кости и искореженное железо. Напоминающая волчью морду кабина опустилась, выискивая среди мертвых и умирающих жизненные показатели и отметки сканеров.

Скане повернулся спиной к уничтоженному танку и опустился на колени у его переднего края, возле минного трала, покрытого царапинами и залитого кровью. Пронзенное шипами ковша тело подергивалось в неудобном положении, пальцы продолжали тщетно скрести по металлу. Скане не знал, каким образом придавленный воин продолжает оставаться в живых, и сомневался, что дрожащая истекающая кровью фигура переживет процесс снятия с трала. И все же он снова заговорил.

— Каргос, — в третий раз произнес он. Перед ответом апотекария прошло несколько секунд.

— Я же сказал тебе, что занят. Почини свое проклятое горло или заткнись

и жди, пока мы не вернемся на борт корабля.

Скане расстегнул замки на шее умирающего воина и снял шлем с шипением выходящего сжатого воздуха. Обнажившееся лицо было бледным и залитым кровью изо рта. Открытые глаза ничего не видели, а рот шевелился в лишенной слов беззвучной ярости.

— Я нашел Кхарна, — передал Скане по воксу.

На этот раз Каргос отозвался сразу же.

— Иду.

ЧАСТЬ I

Арматура, военный мир

Спустя год после резни на Исстване V

— Всем, кто слышит эти слова. Молю вас разнести их по Империуму. Я вице-адмирал Тион Конор Галл Андарионского флота, размещенного в Пределе Квинтус Ультрамара. Мой личный код три-три-пробел-девять-один-К-О-Л-пять-один.

Мы подверглись преднамеренному и враждебному нападению со стороны флота, носящего цвета Двенадцатого Легиона Пожирателей Миров. Наши эскорты уже уничтожены. Уцелевшие крупные корабли берутся на абордаж. Большинство погибло сразу же.

Верфи Фульгентия утрачены из-за предательства. Сообщите...

— Вариано, они продолжают глушить сигнал. Мне плевать, как ты это

сделаешь, но пробейся через помехи, иначе я сам тебя пристрелю...

— Говорит адмирал Галл с Андарионского флота. Сообщите сборному пункту на Калте. Сообщите лорду Жиллиману. Нас предали. Нас предали.

Адмирал Тион Конор Галл. На борту линкора Ультрадесанта «Легат», размещенного возле Латоны.

— Теодос всем оставшимся силам: держите оборонительный порядок над арктическим кругом. Не давайте им бомбить, пока не отправят астропатический

вопль. Всем незанятым в бою фрегатам поддержки в семнадцатом квадрате: взять на прицел корабль Несущих Слово с идентификатором «Песнь смерти».

Сбейте его, пока он не навел лэнсы на арктическую крепость.

— Всем членам экипажа «Эквитас», не принесшим жертвенный обет, направиться к спасательным капсулам.

— Теодос флоту: мы обездвижены и горим, весь второстепенный экипаж покидает корабль. Прекратите попытки защитить нас. Повторяю: прекратите попытки защитить нас. Используйте свои пушки в другом месте.

— Почему не получается? Почему астропаты молчат?

— Соедините меня с «Песнью смерти». Меня не

волнует, ответят ли они.

— Семнадцатый, я знаю, что вы меня слышите. Мы ваши братья. Что за безумие вас охватило? Что за безу...

Магистр флота Гай Теодос. На борту боевого корабля Ультрадесанта «Эквитас», размещенного возле Уликсиды.

— По-прежнему ни слова с Калтского сборного пункта. Возможно, сигнал даже до них не доходит.

— Один из нас должен выбраться отсюда живым...

— Флагман «Азуреусу»: выходите из боя любыми необходимыми способами. «Слезы Кияноса» и

«Бессмертный патриарх» должны выдвинуться для поддержки, выполнив маневр Семи Восхождений, чтобы принять на себя весь удар, предназначенный «Азуреусу». Всем эскадрильям сопровождения: образовать вокруг «Азуреуса» перехватывающее построение «Деникво». «Игитур», прекратить атаку и навести орудия на третий квадрат для поддержки «Азуреуса». Я хочу, чтобы вы сняли у него с хвоста этот корабль Двенадцатого. У нас на это будет всего один шанс.

— «Азуреус», во имя Императора и Пятисот Миров, бегите и не останавливайтесь. Бегите к Арматуре и передайте от меня привет Орфео.

Командующий Криос

Касан, капитан боевого корабля Ультрадесанта «Винкулум Унитатис», размещенного возле Эспандора

1
Первосвященник и колдун
Артатура
Песнь варпа

Базилика Перегрина представляла собой бронированную крепость, которая возвышалась над зубчатыми стенами хребта флагмана и давала возможность обозревать варп над всем боевым кораблем «Фиделитас Лекс». На любой планете этот собор сам по себе был бы дворцом, он отдельно равнялся по размерам городскому сектору и был относительно скромным подобием Имперского Дворца Терры.

В увенчанной куполом обсерватории на вершине центрального шпиля находился Лоргар Аврелиан. Облаченный в доспех, но безоружный владыка Несущих Слово спокойно стоял, пока на сотнях палуб у него под ногами его сыновья готовились к войне. Корабль был полон криков и песнопений, но Лоргар продолжал невозмутимо наблюдать за тем, как

безумная дымка разбивается о купол.

— Брат, — донесся сзади голос.

Лицо Лоргара — бледное, богоподобное и покрытое золотистыми надписями — озарилось теплой улыбкой. Нарушив свое небесное бдение, он обернулся, гулко стукнув подошвами по мозаичному полу. Его приветствовал образ брата Магнуса.

Кожа Лоргара напоминала по цвету расписанный золотом мрамор, Магнуса же — обожженную медь. Оба примарха были отражениями отца, созданными по образу Императора, но при этом Лоргар напоминал эстетично-прекрасное изваяние, покрытое изящными рунами и кружащимися мандалами, а Магнус больше походил на краснокожего языческого идола — воплощение Бога-Солнца вроде тех, которым поклонялись примитивные народы в менее просвещенные эпохи. Его кожа обладала красным оттенком освежеванной мускулатуры, а доспех был сделан из золотых чешуй, обрамленных слоновой костью. Бронзовый шлем венчала львиная грива щетинящихся багряных волос. Плащ был закреплен на плече

гемтой из вулканического стекла размером с кулак, выполненной в виде черного скарабея. Лоргар не был уверен, где на самом деле находится брат, однако стоявшая перед ним спроецированная сущность была идеальна в каждой мелочи.

— Магнус, — произнес он, продолжая улыбаться. — Скажи мне, что ты принял решение.

Как и всегда, Лоргар проявлял свои эмоции максимально открыто, и его глаза сияли искренней благодарностью за появление брата. Однако Магнус все равно оставил слова без ответа.

— Я слышу, как твои сыновья готовятся к войне, — сказал он вместо этого.

Улыбка Лоргара не исчезала.

— От этого звука стынет кровь, да? Они так сильно изменились после Исствана.

— Как и ты, — сказал Магнус.

Наконец, улыбка Несущего Слово померкла, и он вновь перевел взгляд на бурлящие небеса.

— Странно. Такие же слова от

Ангрона звучали бы как комплимент, ну или настолько близко к нему, насколько наш брат вообще на это способен. Но у тебя они больше напоминают проклятие.

Магнус пожал плечами.

— Я бы не поверил Ангрону, если бы он поклялся мне, будто вода влажная. Наш брат слеп. Слеп и сбился с пути.

— Ты его недооцениваешь, — произнес Несущий Слово. — Он также меняется. Все мы меняемся. Ах, Магнус, ты увидишь, как теперь сражаются мои Несущие Слово. Всего несколько лет назад я бы даже представить этого не мог... — Лорган снова улыбнулся, а затем покачал головой. — Но ты пришел сообщить мне о своем решении, не так ли? Прошу тебя, брат, говори.

Чародей слегка качнул головой.

— Сперва расскажи мне про Калт. Приливы Великого Океана разбиваются о края системы Калта, Лорган, и оттуда исходят тошнотворные волны смерти.

— Прискорбно, однако необходимо.

Магнус фыркнул, но Лорган не был уверен, веселье ли это, или же насмешка.

Он снова обратил глаза к кипящему хаосу варпа и, не мигая, вглядывался в ядовитые глубины выраженных эмоций.

— Я рад, что ты пришел, — сказал он наконец. — Мне тебя не хватало.

Магнус издал низкий грохочущий смешок.

— Я так понимаю, с Ангроном не получается того братского товарищества, на которое ты надеялся?

Сияющая улыбка Лоргара померкла в третий раз, но он не ответил.

Магнус подошел к брату. От образа Алого Короля не исходило никаких запахов, но психическая проекция вызывала у Лоргара зуд по коже. Как бы силен ни стал Несущий Слово, от одного лишь пребывания рядом с Магнусом у него ныли зубы. Высокий сородич оказывал на его сознание ощутимое давление. Ничего психического, никаких тонкостей. Это была грубая сила души, ощущаемая в момент встречи психических разумов.

— Где мы? — спросил Магнус.

— Недалеко от места, где нам необходимо быть, — отозвался Лоргар.

— Так это секрет?

— Не секрет, а сюрприз. Это разные вещи.

Магнус запнулся.

— А где Кор Фаэрон? Где Эреб?

Несущий Слово наклонил голову, чтобы снова посмотреть на брата.

— Ты чувствовал на Калте смерть? Это их рук дело.

Магнус издал уклончивое ворчание.

— Легионы сражаются друг с другом, — мягко произнес Лоргар с нажимом, — а галактика охвачена пламенем. Смирись с этим. Прерви свое затворничество в Великом Оке. Возвращайся в бой. Ты станешь частью планов Гора, и тебе не придется спрашивать меня, что происходит, где и почему. Ты будешь знать, где на доске находятся фигуры. Будешь сам их переставлять.

На сей раз уже Магнус отвел взгляд от покрытых солнечными пятнышками глаз брата, столь же божественных, как и улыбка того.

— Ты так еще и не решил, да? — спросил Лоргар.

— Решу. По крайней мере, до наступления конца.

Лоргар не стал настаивать дальше. Они просто стояли и слушали, как варп с воем бьет в заговоренное стекло обсерватории, а на далеких нижних палубах поют Несущие Слово.

— Скажи мне одну вещь, — наконец, произнес Лоргар. — Ты ощущаешь стыд из-за того, что Русс переломил тебе спину об колено?

— Аврелиан, — в устах Магнуса имя прозвучало предупреждением.

Лоргар сделал рукой примирительный жест и сменил тему.

— Однажды ты предостерег меня не полагаться на Эреба и Кор Фаэрона в столь большой степени.

— Ты не обладаешь даром следовать советам, — заметил Магнус.

Лоргар рассмеялся, мягко выдохнув сквозь улыбку.

— Это так, однако ты был прав.

— Разумеется, — сказал Магнус и продолжил, — расскажи мне про Аргела Тала.

Примарх не пытался скрыть свою заинтересованность.

— Сейчас он на борту «Завоевателя» вместе со своей элитой Вакра Джал. Из трех моих ближайших сынов он один остается предан моему замыслу. Но он сломлен, брат. Что же касается двух других... Я люблю их за гордость и амбициозность, однако варп вокруг них сгущается, насыщаясь болезнью их душ. Теперь они ведут собственные игры. Эреб играет в них по велению богов. Он раб, который мнит себя королем. Кор Фаэрон же играет в них по собственным причинам.

Он сделал паузу, почти что не желая продолжать.

— А Ариман... такой же?

Магнус неосязаемо положил руку брату на плечо. Эфирная кисть парила над куском пергамента, прикрепленным к доспеху Лоргара.

— Да. Отвратительно, что у нас это общее, не так ли?

Лоргар кивнул и тихо выдохнул, что не вполне было вздохом.

— Я знаю, что порой бывал трусом. Несмотря на всю мою страсть и рвение, я заколебался перед последней преградой. Мне не следовало посылать Аргела Тала в Око, пока я сам туда не вступил. Об этом я сожалею больше всего. Он превратился в одержимое создание, терзаемое призраком единственной жизни, которую ему не удалось спасти. Хуже того, он застрял между тем, чем был, и тем, чем ему предначертано стать.

Призрачная рука приподнялась.

— Судьба не скреплена печатями, Лоргар. Измени ее, пока можешь.

— Именно это я и намереваюсь сделать. Он — лучший и худший из моих сынов. Самый сильный и самый сломленный. Я очень многому научился на том, что с ним сотворил Пантеон.

Магнус повернул лицо к волнам Великого Океана, разбивающимся о поле Геллера корабля.

— Мне не нравится, что ты отзываешься об этих разумных бурях, как о пантеоне.

Лоргар бросил взгляд вбок, и

сочленения его брони издали жужжание.

— Это слово не хуже других, Магнус. И я не могу изменить истину об их сущности.

— Слова обладают властью, Лоргар. Мне вряд ли нужно тебе об этом напоминать, — колдун внезапно ухмыльнулся. — И хватит на меня таращиться, брат! Особенно на мой глаз.

Улыбка не до конца лишила фразу жесткости.

Однако Лоргар не повиновался. Он открыто смотрел на постоянные метаморфозы образа Магнуса: полководец без левого глаза, с зашитой раной: циклоп с единственным громадным оком вместо человеческих глаз: чародей с гладкой плотью на том месте, где никогда не было правого глаза.

Когда Несущий Слово, наконец, заговорил, в его голосе абсолютно не было того неуверенного сомнения, которым была отмечена вся его жизнь на протяжении множества лет до Исствана V.

— Меня всегда нервировало, что ты больше всех похож на Отца.

Магнус приподнял покрытую шрамами бровь.

— Я? Это ты был создан его копией, Лоргар. Не я.

— Я не имею в виду физическое сходство, — Лоргар провел покрытой священными надписями рукой по татуированному лицу. — Я говорю о твоей... безликости. Ты столь же могущественен, как он, и твое лицо точно так же пляшет.

Теперь настала очередь Магнуса усмехнуться.

— Я не так силен, как наш отец. Жаль, что это не так.

Лоргар отмахнулся.

— Кто-нибудь из нас видел твое подлинное лицо? Было ли у тебя когда-то два глаза?

Магнус наклонил увенчанную короной голову.

— А ты разве не слышал историю, как я вырвал свой правый глаз, пожертвовав им ради знания? — примарх улыбнулся. — Мне она нравится. Возможно, она моя любимая.

— Я все их слышал, — отозвался

Лоргар, желая услышать больше, но оставляя тему. Он слишком хорошо знал, что меднокожего брата невозможно вызвать на откровенность, если тот не имеет такого желания. — Мне нужен твой совет, Магнус.

— Как всегда, он к твоим услугам. Хотя я напомню тебе, что произошло, когда в прошлый раз ты его попросил лишь для того, чтобы проигнорировать.

Несущий Слово не рассмеялся горькой шутке, даже не улыбнулся.

— Ты имеешь в виду тот раз, когда я обнаружил, что Отец лгал всему Империуму, и что вселенная вовсе не лишена богов, как он настаивает? Да, смутно припоминаю те события.

— Это одна из точек зрения. И, разумеется, она неверна.

Лоргар покачал головой.

— У меня нет ни желания, ни нужды обсуждать подобные вопросы. Меня тревожит куда более насущное обстоятельство. Взгляни, брат. Это произошло в прошлом месяце, когда мы штурмовали какой-то бесполезный

лояльный Трону мир, который Ангрон просто не смог оставить в покое. Его Пожирателей Миров нельзя было отозвать. Они вырезали население.

Он сделал жест свободной рукой, и перед братьями возникло туманное изображение. Магнус мгновенно узнал фигуру, вооруженную двумя массивными устрашающими топорами и закованную в стилизованное бронзовое облачение короля-гладиатора. Она запрокинула покрытую шрамами голову, безмолвно ревя в небо. Исходящие из черепа кабели хлестали из стороны в сторону, словно грива кибернетических косичек. Большая их часть была воткнута в силовые разъемы доспеха. Как обычно, некоторые вырвались в горячке боя.

— Он умирает, — произнес Лоргар.

Магнус посмотрел, как изображение Ангрона беззвучно останавливает атакующий транспортер «Химера». Тот врезался в него и остановился. Примарх приподнял машину за передние таранные шипы и перевернул. Все это время гусеницы продолжали тщетно крутиться.

— Мне кажется, он в добром здравии.

— Нет. Он умирает. Имплантаты убивают его.

Магнус повернулся к Лоргару.

— И что?

Несущий Слово пристально глядел на изображение.

— И я собираюсь его спасти.

Магнус не стал спрашивать, каким образом. Одну долгую секунду он молчал, а затем перешел к сути.

— Ты всегда был чудаком, Лоргар. Тобой движет сентиментальность. Ты ценишь верность тем, кто был верен тебе. Это меня восхищает. Правда. Но неужто галактике и впрямь будет недоставать истерзанной души Ангрона? Будет ли скорбеть об утрате даже его Легион? Неужели его жизнь действительно стоит спасать? — вопросы смолкли, и Магнус вновь обратил взгляд к варпу. Он улыбался.

— Тебя что-то забавляет, брат? — поинтересовался Лоргар. Его золотистые глаза блестели в злобном сиянии варпа.

Колдун кивнул.

— Я только что почувствовал, где мы

находится.

«Фиделитас Лекс» ворвался в реальность, с воем двигателей пробивая себе дорогу. Породившая его рана была разрывом пространства и времени, который пульсировал во тьме, наполняя космический вакуум невозможным звуком. О прибытии боевого корабля возвещал ужасающий вопль, за которым последовал странный безумный хохот.

Установленные вдоль брюха и хребта корабля кинетические генераторы со стоном пробудились, заряжая окружавшее «Лекс» ничто и создавая пустотные щиты. На бортах и зубчатых стенах начался грохочущий балет раскрывающихся куполов. Противовзрывные щиты поднялись, открывая орудийные порты, и в пустоту выдвинулись содрогающиеся пушки.

Загадочные двигатели, наделявшие корабль способностью летать в варпе, сбавляли обороты, уступая власть над флагманом физическим ускорителям. Глубоко в недрах бронированного носа

корабля кашляющий кровью трехглазый человек снова передал управление «Лексом» стратегиуму, где сотни членов экипажа пристегивались к своим креслам, купаясь в сигнальных вспышках боевых постов.

Позади «Лекса» в реальность вырывались костолеты меньшего размера, и пространство позади него заполнялось голодными железными детьми, каждый из которых был покрыт клинками и бастионами. Корабли сопровождения и эсминцы разогревали двигатели сильнее и резче, чем линкоры, ускоряясь вперед, чтобы образовать первое подобие атакующего построения.

Разрыв заполнила тень, копия флагмана Несущих Слово. Она с содроганием вошла в материальную вселенную — грубый и воинственный корабль, покрытый подпалинами и рубцами от боя в центре каждого сражения, где он когда-либо участвовал. Точно так же, как моментально подготовившийся к битве «Лекс», «Завоеватель» включил свои щиты и выдвинул бесчисленные орудия. В отличие

от «Лекса», он не стал замедляться, чтобы дать своей армаде образовать строй. Флагман Пожирателей Миров двинулся вперед, вынуждая малые корабли уходить с траектории его нарастающего ускорения.

— Уродливый корабль, — произнес Магнус, — под стать уродливой душе Ангрона.

— Ты его недооцениваешь, — снова сказал Лоргар.

Примарх Тысячи Сынов смотрел из безопасной защищенной базилики, как флот возникает сверху, снизу и со всех остальных сторон. Перед ними лежал мир с ясным небом, серыми скалистыми континентами и немногочисленными глубокими океанами, вращавшийся в животворящих лучах идеального солнца. В ночи светилась горстка маленьких городов, паутина соединяющихся огней складывалась в образ цивилизации, который нельзя было ни с чем перепутать. Этот образ был запечатлен в разуме людей с тех самых пор, как первые пустотоплаватели человечества увидели

Старую Землю с холодного прибежища низкой орбиты.

— Артатура, — прошептал Магнус. — Ты же не можешь действительно намереваться это сделать.

Его брат продолжал наблюдать за выходом своего флота из варпа и утопической планетой, висящей в космосе перед ними.

— Годовое путешествие с Исствана оказалось более богатым на происшествия, чем я ожидал. Ангрон и его Легион задержали нас, они останавливались, чтобы вырезать мир за миром ради своих гневных прихотей. Изуродованная душа нашего брата делает любое планирование довольно неприятной задачей, однако, наконец, вот мы и здесь. Начало конца.

— Где остальная часть твоего флота? — спросил Магнус, в его голосе слышалась осторожность.

Теперь Лоргар чуял соленый запах пота брата и слышал приглушенный гул сердцебиения чародея. Воплощенный образ его брата поистине был шедевром психического проецирования и с каждым

тигом становился все более реальным.

— Уликсида. Эспандор. Латона. Еще где-то. Они движутся через Ультрамар, убивая, пока сыны Жиллимана парализованы на Калте. Внезапно оказалось, что Пятистам Мирам не хватает защиты. Уверен, ты согласишься, что это прискорбно.

Магнус не ответил на улыбку брата.

— Ты не можешь атаковать Армагуру с малой долей флота, — колдун прищурил единственный глаз. — Ты придерживаешь некую уловку, за твоими словами кроется какой-то неприятный небольшой сюрприз.

— Да, — отозвался Лоргар. — Разумеется, так и есть.

— Ты все это предвидел, — обвиняюще произнес Магнус.

— Значительную часть. Боги шепчут о том, что произойдет. Они говорят, а я слышу.

Тень Магнуса, медленно разрастаясь, накрыла его.

— Я же говорил тебе, что не следует верить их нашептываниям.

— А я и не говорил, что верю им. Я говорил, что могу их слышать. Это немного другое, — он снова рассмеялся, и в этом звук был полон искреннего веселья. — Магнус, есть ли кто-то, кого бы ты не недооценивал? Ты пробыл здесь не более нескольких минут, а успел уже не раз оскорбить меня и Ангрона.

— Ты так ненавидишь Жиллимана? — внезапно спросил Магнус. — Так его не выносишь, что тебе мало изувечить его Легион на Калте? Ты уже победил. Зачем тебе стремиться уничтожить его мирную и процветающую империю?

Улыбка Лоргара слегка угасла, но не исчезла. Нанесенные на всем его лице священные надписи вновь разгладились в плотные строчки.

— Брат, я не питаю к нему ненависти. Когда-то я ему завидовал. Но это было пятьдесят лет назад, и я был другим. С тех пор я узнал, что варп — это песня, Магнус. Это симфония, и я один желаю исполнить ее. Вот почему мы здесь.

Впереди подразделения флота

Пожирателей Миров начали расходиться, лишаясь всякого подобия слаженности. Радужки глаз Лоргара были мягкого золотисто-коричневого цвета, где-то посередине между оттенками янтаря и земли. Он бесстрастно наблюдал, не выглядя ни удивленным, ни встревоженным. Если уж на то пошло, казалось, что примарх очарован разворачивающимся беспорядком. Корабли Несущих Слово, напротив, двигались плавным и непринужденным строем.

— Варп — это не песня. Я опасаюсь за твой рассудок, Лоргар.

Вся базилика погрузилась во мрак, когда они прошли под месяцем Пилы, единственной луны Арматуры. Покрытая миллионом огней кузниц и фабрик и отравленная смогом громада заслонила идиллическое солнце. Памятник человеческой промышленности затмил свет. Божественные черты Лоргара потемнели в разрастающейся тени.

— Могу представить, Магнус, однако ты всегда обладал талантом столь беззаботно критиковать других за те

грехи, которые есть и у тебя.

Лицо Магнуса скривилось в широкой фальшивой улыбке.

— Это опять твое чрезмерно живое воображение.

Лоргар сделал шаг к брату. Ранее бывшие теплыми глаза теперь стали холоднее, чем пирит.

— Скажи-ка мне, братец, чей Легион заперт в Великом Оке и вырождается до состояния червей, пока бог Перемен смеется в бесконечность? Скажи, чье материальное тело переломил об колено Леман Русс из-за того, что этот кто-то в последний момент решил все же не принимать кару, как подобает послушному сыну? Ты не стал драться, но не сдался и не покорился. Вместо этого ты впустую растратил свой Легион и труд всей своей жизни, совершив малодушную капитуляцию. Думаешь, моими действиями движет безумие? Посмотри на собственные прегрешения, лицемер. И посмотри на своих сынов, пока от них еще хоть что-то осталось.

Он покачал головой, наслаждаясь

своей речью.

— Помяни мои слова, Магнус, если ты вскоре не начнешь действовать, твой Легион и то, над созданием чего ты так усердно трудился, обратится в прах.

— Мой Легион... — лицо Магнуса исказилось от нарастающей злости, — загнали в угол. Мои Тысяча Сынов погибли из-за твоего вероломства, из-за яда, который ты нашептал в уши Гора, чтобы начать это сумасшествие. Он утверждает, что это его восстание, однако мы оба знаем, что первое сердце, обратившееся к предательству, бьется в твоей груди.

Лорган вновь рассмеялся с неподдельным удовольствием.

— Видишь? Вина всегда лежит на ком-то из нас, негодяев. Но никогда на тебе, заключившем неправильные сделки с теми богами, саму реальность которых ты отрицаешь!

Пергаменты на броне Лоргара затрепетали на внезапном ветру, вызванном гневом Магнуса. Несущий Слово продолжал спокойно стоять, и от его

безтятежной улыбки у брата кипела кровь. Кожа чародея задрожала, под ней начали извиваться жуки, а на медной плоти заплясали колдовские молнии. Магнус пришел в движение, его тело складывалось из самого воздуха, образуясь из яда по ту сторону реальности. Злоба привела его к настоящему воплощению.

— Довольно, Лоргар.

Лоргар кивнул.

— Да. У меня нет желания обмениваться оскорблениями. Все мы совершаем ошибки, важно то, как мы справляемся с их последствиями, — он указал на окружавший флагман флот. Как обычно, корабли Пожирателей Миров отказались от построения армады ради более агрессивного штурма в авангарде. За прошедший после Исствана год Лоргар понемногу отказался от попыток сдерживать независимость XII Легиона. Их невозможно было обуздать, даже ради их же блага.

— Смотри, — произнес он.

— Не уверен, что хочу видеть, как два Легиона гибнут в небесах над Армагурой.

Лоргар не встречался с ним взглядом.

— Поверь мне, — сказал он. — Хоть раз, Магнус. Поверь. Через считанные минуты оба Легиона совершат высадку.

Несущий Слово прикрыл глаза и воздел руки — дирижер перед оркестром в краткие и напряженные мгновения, пока не грянула первая нота.

— Варп — это действительно песня, брат. Позволь исполнить тебе куплет.

Слово «флот» было не вполне верным. На самом деле в безмолвном небе к Арматуре с грохотом двигалась армада: многие дюжины кораблей, но при этом лишь малая доля мощи двух Легионов.

Арматура вращалась в сердце совершенной империи Жиллимана. Она не была ни самоцветом в короне, на что претендовал Макрагг, ни будущей столицей, в которую грозил превратиться Калт, однако имела такое же значение и гораздо большее население. Если свести весь Ультрамар к примитивной метафоре, то Макрагг был бьющимся сердцем звездного королевства, а Калт —

его душой, символом сверкающего будущего, ныне преданным огню. Артатура являлась военным миром, который питал другие планеты, как костный мозг снабжает тело кровью. Она питала Легион рекрутами, питала пустоту возрождающимися в доках поврежденными кораблями, питала Империум надеждой, что крупнейший Легион вечно останется таковым. Даже если бы от XIII-го остался один-единственный воин, Легион продолжил бы жить, пока в ночи вращается Артатура.

Ее ближняя орбита служила домом громадным верфям, населенным тысячами и тысячами рабочих, сервиторов, архитехов, машинных провидцев, рабов, слуг и техноградистов. Чтобы вновь вдыхать жизнь в огромные боевые корабли Империума, требовалась целая армия людей, и здесь изо всех сил трудилось несколько миллионов. Над спокойной планетой плыли орбитальные бастионы с соединенными платформами и пастями доков. Они, словно насекомыми, кишели челноками, подъемниками, погрузчиками и

буксирами. Покрытые рубцами от Великого крестового похода имперские звездолеты, ковыляя, прибывали сюда, а спустя несколько месяцев уходили идеальными и возрожденными.

Сверху и по ту сторону верфи располагалось первое концентрическое кольцо пустотной обороны. Вооруженные спутники и орудийные платформы щетинились турелями, здесь же были зафиксированы отдельные посадочные палубы для боевых машин.

Дальше начиналась настоящая защита: замки в небесах, огромные станции-крепости, у которых имелись собственные комплекты истребителей, а целые парапеты были заняты плазменными батареями, лазерной бортовой артиллерией и системами лэнс-излучателей для уничтожения кораблей.

Внешняя сфера сателлитов, находившаяся на самой высокой орбите, представляла собой тянувшееся во все стороны множество солнечных панелей, часовых механизмов и мозгов порабощенных сервиторов, и все это было

подключено к обширным комплексам дальнобойных орудий.

Посередине этой крайней сферы ждал флот эвокатов. Легион собирался на Калте, однако военный мир XIII-го никогда нельзя было оставлять без прикрытия. Эвокаты состояли из нескольких тысяч Ультрадесантников, набранных в дюжине орденов и удостоенных высочайшей награды: наблюдать за работой Арматуры и обучением новых рекрутов, командовать имперским флотом, способным соперничать с любым другим.

Корабли совершали идеальные военные перемещения, казавшиеся красивыми даже врагам. Эвокаты занимали оборонительный порядок, а объединенная армада Несущих Слово и Пожирателей Миров перестраивалась для противодействия. Происходивший по всему полю боя переменчивый танец ничем не отличался от перегруппировки полков, маршировавших в эпохи древности.

Линкоры и крейсеры, фрегаты и эсминцы, сияющие синевой, серебром и

золотом XIII Легиона, поднимались на защиту совершенной империи.

— Ты слышишь это? — спросил поглощенный чем-то Лоргар. — Слышишь?

Магнус наблюдал, как пустотные щиты «Завоевателя» озарились от первых убийственных лучей. Следы попаданий расширялись с маслянистым свечением нефти на воде. Пока флот стремился к неизбежной гибели, он ощутил... нечто. Казалось, будто сам мир задержал дыхание. Так был наэлектризован воздух Тизки перед бурей.

Несущий Слово запрокинул голову назад и закрыл глаза, давая лицу стать пестрым от цветных вспышек щитов «Завоевателя».

— Калт — это синкопированный фоновый ритм песни. Ритм под ритмом. Так много огня, так много горя. Так много боли, — он улыбнулся, не открывая глаз. — Страдание всегда питало варп непредсказуемыми пятнами и стигматами. Теперь мы познаем ценность контроля. Слышишь? Слышишь

боль, которая будоражит волны? Слышишь их грохот, Магнус? Слышишь, как бьют эти черные волны, как громко взрывается триллион сердец, ритмично, словно барабаны на морозе?

Он поднял руки еще выше, жестикулируя с едва заметным удовольствием и направляя незримый хор.

— Потоки Моря Душ можно менять руками смертных, брат. Слушай. Слушай. Мы перестраиваем сам варп, Магнус, меняем его через боль. Мы переписываем песню.

Лоргар сделал трепещущий вдох и продолжил.

— Вот звездолет горит в атмосфере Латоны, и вопли обреченных душ отдаются в эмпиреях. А вот боевой корабль погружается в поверхность Уликсиды, копая собственную могилу и унося в посмертие сто тысяч вопящих душ. Слышишь, как они умирают, Магнус? Слышишь, как песня меняется одновременно с прекращением их существования?

Он смеялся, воздевая руку к небесам,

плача и продолжая шептать.

— Каждая жизнь. Каждая смерть. Каждый крик боли на пылающих планетах делает тоньше пелену между реальностью и первоцарством. Называй его Аидом или Адом, Джаханнамом, Наракой или Преисподней. Называй варпом... называй как хочешь. Но я вывожу его на материальный план. На Калте родилась буря, Магнус. Я заставлю целый субсектор страдать так сильно, что завеса рухнет, и Пятьсот Миров погрузятся в варп.

Он, наконец, обернулся. Его глаза пылали сверхъестественной страстью.

— Скажи, что чувствуешь это. Скажи, что слышишь, как миллион, миллион демонов визжит и лает, отчаянно желая родиться на этих горящих мирах.

Магнус чувствовал это, чувствовал столь же реально, как ветер, который никогда уже не ощутил бы кожей. Тяга, уплотнение, вибрация по ту сторону материальной вселенной. Вместо эмоционального ощущения, описанного братом, колдун воспринимал все это с

беспристрастной отвлеченностью, точно так же, как написанное на куске пергамента уравнение, которое просит решения. В своем безумии Лоргар не просто нарушал естественный порядок. Он переписывал мировой закон.

— Ты не можешь уничтожить Арматуру, — произнес Магнус. — Можешь рвать завесу между реальностью и нереальностью, как пожелаешь, Лоргар. Если угодно, можешь даже называть это песней. Твоей жизни все равно отмерены минуты.

Флот сверху и вокруг них действительно начал снижаться. Когда «Фиделитас Лекс» получил первое попадание, освещение на многочисленных палубах мигнуло раз, другой, а затем успокоилось. Лоргар снова обратил глаза к черному небу.

— Чтобы сломить Арматуру, нам понадобится корабль, который поспорит со всем, что когда-либо создавало человечество, — он выглядел задумчивым, с рассеянным взглядом водя кончиками пальцев по священному тексту,

вытатуированному на щеке. — Знаешь, у нас такой был. Причуда Задкиэля, «Яростная бездна».

Магнус наблюдал, как объединенный флот начинает гореть.

— И что же с ней произошло?

— О, — Лоргар покачал головой, снова сосредотачиваясь. — Погибла несколько дней назад, почти в тот же момент, когда Кор Фаэрон ударил по Калту. Вероятно, тень ее остова до сих пор видна в небе Макрагга — памятник неудаче Несущих Слово. Очередная запись в оставшееся после Задкиэля наследие мелких идиотских выходок. Я ему говорил, что глупо атаковать Макрагг, но он так стремился покрыть себя славой и всегда слушал только перешептывания об отмщении. Я сделал ему поблажку.

— Зачем ты ему позволил? Неужто твои сыновья настолько непослушны?

Лоргар снова рассмеялся, не обращая внимания на то, как вокруг него содрогается корабль.

— Неприятные слова в устах примарха, чьи дети не повинуются ему в

важнейших вещах. Твой Легион не подставил горло беснующимся Волкам, как ты хотел, не так ли?

Магнус неохотно кивнул.

— Даже если так. Твой флот гибнет, брат. Что ты будешь делать без «Яростной бездны»?

Лоргар перевел взгляд обратно на охваченные битвой небеса.

— Вот это я и имел в виду, когда сказал, что ты нас недооценил, Магнус. Для тебя эта война стала чем-то ошеломительным и новым. Но я это планировал половину столетия. Я провел четверть Великого крестового похода, готовясь к моменту, когда унылое стремление нашего отца к выдающимся владениям закончится, и начнется подлинная священная война.

Колдун сглотнул, ощущая нарастающее давление, с которым нечто напирало на реальность из буйства варпа. Там что-то было, и оно вот-вот должно было появиться.

— Ах! Теперь ты слышишь песню, — сказал Лоргар. Его смех эхом разнесся по

базилике. — Наконец-то ты слышишь ритм. Но нам нужно больше контроля. Так что мы призываем новые инструменты, чтобы оживить хор.

Лоргар выдохнул, указывая в глубины пустоты за Армату́рой. Реальность раскрылась. Хотя призрачное воплощение Магнуса и было лишено подобных слабостей, инстинкт вынудил его прикрыть глаз. В пространстве, далеко от обоих сходящихся флотов, образовался варп-разлом. Через него что-то двигалось. Что-то громадное: трезубец из темного металла, который колдун мгновенно узнал.

Со скрежетом входивший в реальность корабль был копией сраженного колосса, о котором говорил Лоргар. На его спине вздымался город из монастырей и соборов, обладавший почтительностью когтистых рук, изваянных, чтобы вцепиться в звезды. Большая часть имперских боевых кораблей выглядела как копья решимости, покрытой зубчатыми стенами, и мощи с хребтами из железа, но этот был крепостью в космосе, простирающейся на огромном трезубце.

Центральное острие служило сердцевиной корабля: у кормы оно было широким и покрытым массивными двигателями, и постепенно сужалось к носу, где образовывало остроконечный таран размером с малый звездолет. Прилегающие зубцы образовывали меньшие по размеру крылья-клинки, каждое из которых было покрыто наростами бортовых орудий и пушечных батарей.

Если бы кто-то облек понятие злобы в железо и отправил странствовать среди звезд, вероятно, получилось бы близко к облику того, что в этот миг врывалось обратно в реальность. Это во всех отношениях была переродившаяся «Яростная бездна».

— Это, — улыбнулся Лоргар, — «Благословенная Леди».

Магнус сделал ненужный выдох, наблюдая, как корабль, слишком большой, чтобы существовать, вышел из раны в материальную вселенную. Он с легкостью затмевал даже флагманы типа «Глориана» объединенного флота Легионов, туманные отростки варпа хлестали по

его шпилям, визжа в тишине и явно не желая отпускать корабль назад в реальность.

— Так ты построил два, — выдохнул колдун.

— О нет, — Лоргар даже не открыл глаза. Он поднял руку, указывая в пустоту, где звезды перечеркнула очередная щель в варп. — Я построил три.

2
Едва ли люди
Воины и крестоносцы
Сокрушенные на той же наковальне

Двое воинов являлись людьми лишь в самом общем понимании слова. Они были таковыми в детстве, однако время, мучительная хирургия и обширная генетическая терапия направили их рост по менее естественному пути. Здесь стояли сыновья двух миров и двух Легионов, воплощавшие идеалы и недостатки родных планет и родословных. Они олицетворяли триумфы своих Легионов и грехи отцов в куда большей степени, чем кто-либо из их братьев.

Основная ангарная платформа «Завоевателя» уже сотрясалась от первого обстрела орудий Армагуры. Флаги и победные знамена колыхались на ложном ветру, порожденном дрожью костей

корабля. Среди них было несколько опаленных и изодранных штандартов, вырванных из мертвых рук Гвардейцев Ворона и Саламандр на смертных полях Исствана V — трофеев, призванных вдохновлять легионеров Пожирателей Миров в последние мгновения перед высадкой.

Керамитовая броня первого воина обладала белизной чистого мрамора церквей, которые лучше было бы никогда не строить. Усиленная окантовка доспеха была такой же синей, как зимнее небо в нечестивые эпохи Старой Терры, когда человечество еще не выжгло поверхность планеты и не выпило естественные океаны досуха. Кожа воителя имела характерную чахоточную бледность: наследие машины боли, находившейся внутри черепа. Даже теперь та пульсировала с дразнящей неравномерностью, создавая в сознании огненное тиканье.

Под мышкой он держал щерящийся шлем с раскосыми глазницами, красными линзами и ротовой решеткой типа «Сарум». Сверху, словно акулий плавник,

возвышался офицерский плюмаж из белого конского волоса, призванный выделять воина среди его людей в пылу боя. Гравировка на наплечнике, выполненная на низкороднот наречии наггракали, именовала его Кхарном из Восьмой.

Вокруг обоих воинов разворачивался технологический балет — промышленное представление с десантно-штурмовыми кораблями и десантными капсулами, которые цепляли кранами, поднимали и буксировали. Кхарн пытался не обращать внимания на режущую боль в голове, и ему это не удавалось. Когда та стала почти нестерпимой, как это часто бывало, он прижал обе руки к лицу, вдавливая бронированные кончики пальцев в виски в поисках вен и болевых точек. Иногда это помогало.

Однако не в этот раз.

За всю свою жизнь он ни разу не молился, но в этот момент выглядел чрезвычайно схожим образом.

— Гвозди? — спросил его брат. Голос второго воина звучал отвратительно из-за сочувствия. Кхарн ощутил, как тот

положил руку в перчатке ему на плечо, и отодвинулся от незваного прикосновения.

— Не трогай меня, — сказал Кхарн, как говорил бесчисленным остальным бесчисленное количество раз. Пребывание слишком близко от других людей всегда вызывало у него головную боль.

Второй воин уже давно привык к неудобствам Кхарна. Колхидские рунические надписи на броне именовали его Аргелом Талом, повелителем ордена Освященного Железа, и все знали, что он брат Кхарна не по крови, а по делу. Аргел Тал стоял в багряном доспехе цвета артериальной крови, отделанном серебром, имевшим оловянный оттенок, словно реликвии, выкопанные из древней гробницы. Смуглая кожа указывала на происхождение с планеты песков и вездесущей жажды. В его мозгу не трещала машина боли, поскольку он принадлежал к XVII Легиону, а не к XII-му. Вместо этого его душу изуродовала вера, которой он желал бы оказаться ошибочной.

Он говорил двумя голосами —

человека, которым был раньше, и существа, которым становился. Оно добавляло к человеческому голосу фоновое звериное рычание — каждое слово произносилось одновременно обоими голосами.

— Арматура, — произнесли голоса. — Эта планета — самоубийство. Гвардия Арматурской академии. Города-казармы XIII-го для новобранцев и надзирателей-эвокатов. Легио Лисанда титанов. Знаешь, мы здесь умрем.

Кхарн сомневался, что не согласен с этим. Он читал аналитику, изучал донесения и сам провел полдюжины брифингов, обрисовывая ожидаемое сопротивление другим центурионам и младшим командирам Пожирателей Миров. К тому же — проклятье — сегодня у него болела голова. Головная боль, которая заканчивает все головные боли. Аргел Тал всегда оказывал на него такой эффект. Несущий Слово был столь же скверен, как Эска или Вориас.

— Численность преувеличена, — проговорил Кхарн, заворчав от боли.

Миллиард смертных солдат. Миллиард. И это даже не считая титанов и скитариев Механикума. Даже не учитывая размещенные внизу танковые батальоны. Даже не включая тысячи эвокатов Ультрадесанта. Численность обязана была быть преувеличена, иначе они все погибнут.

Аргел Тал горько усмехнулся.

— Ты ведь не веришь в это на самом деле, да?

Нет. Он не верил. Аналитика наземного конфликта строилась на архивах переписей самого Ультрамара. Разумеется, было отставание на несколько лет, но все равно им противостоял миллиард солдат. Пусть даже десятая их часть была подростками на самых ранних стадиях генной имплантации, все равно не было смысла притворяться, будто это будет бескровным триумфом.

Кхарн не ответил. У него начинали болеть даже глаза. Гвозди нагревались. Он оглянулся на штурмовые капсулы «Клешня смерти» — дары Магистра Войны,

соответствующие стилю войны Пожирателей Миров — которые загружались на место. Каждый из корпусов был шипастым и ребристым свидетельством смертоносного предназначения и отражением ярости машинных духов, заключенных внутри. Количество «несчастных случаев» из-за сбоев работы «Клешней ужаса» не давало поводов для веселья. Это были злобные машины, и потому они становились полезными столь же часто, как и бесполезными. Большинство имперских командующих предпочитало развертывание при помощи более надежных и менее злых машинных духов.

Кхарну они очень нравились. Он питал к ним не какую-то подлинную привязанность, а искреннюю — и, возможно, веселую — симпатию. Капсулы вызывали у него не восхищение, а чувство родства. Они ни разу не привели его или его людей не туда.

Среди поднятых капсул двигались техножрецы, которые пели и шептали последние молитвы. За приготовлениями

надзирал особенно тщедушный жрец, передвигавшийся на пяти ногах-черенках из полированного черного железа. Его красное одеяние колыхалось на фальшивом ветру ангара, потревоженное дрожью палубы и горячим выхлопом двигателей десантных кораблей, набиравших обороты перед запуском.

— Архимагос, — поприветствовал Кхарн Вел-Хередара, посланника Священного Марса.

Закутанный в мантию киборг повернул три зеленых глазных линзы вниз и на ходу произнес лишенным рта железным лицом монотонные приветствия.

— Центурион Кхарн, — сказал он. — Командующий Аргел Тал.

Жрец двинулся дальше. Его глазные линзы стрекотали и подстраивались, он тихо издавал непрерывный поток распоряжений на марсианском двоичном коде. Довольно скоро его математически выведенные претензии потонули в грохоте. Существовало ли вообще что-нибудь громче стартового ангара боевого корабля

в минуты перед высадкой? Кхарн сражался в центре городов, и это меньше давило на барабанные перепонки.

Он повернулся к Аргелу Талу.

— Эта планета была бы самоубийством в отсутствие кораблей типа «Бездна». А с ними? Возможно, будет даже слишком просто. Семнадцатый Легион чересчур суров, брат.

— Ах, — улыбнулся Аргел Тал. — Опять.

На сей раз Кхарн не шутил.

— Ты прав. Армагура станет самоубийством для скитариев и вашей армии фанатиков. Остальные будут проливать кровь, как мы это всегда делаем.

— Мне не нравится удовольствие в твоем голосе.

Так было всегда. Кхарн слегка улыбнулся.

— Ты боишься смерти?

— Мы — Легионес Астартес, — отозвался Несущий Слово. — Мы не ведаем страха.

Кхарн встретился с братом глазами.

Молчание было равносильно повторному вопросу.

— Да, — произнес Аргел Тал. — Боюсь. Я видел, что ждет нас на той стороне.

От искренности, прозвучавшей в голосе воина, Кхарн вздрогнул.

— Мы пережили Исствам III, — сказал он. — Переживем и это.

Черты Аргела Тала отличались крайней безмятежностью, практически эстетичностью — это было невинное лицо боевого священника или воина-поэта. Улыбки ему не шли — они уталяли горделивую красоту, остававшуюся у любого воителя Легионес Астартес — однако улыбался он часто. Очень мало кто знал его достаточно хорошо, чтобы видеть, насколько эти улыбки фальшивы. Одним из таких был Кхарн. Другим — его примарх. Все остальные были мертвы.

— Ты пережил Исствам III, — сказал он. — Я пережил Исствам V.

Он запнулся. Вряд ли он не замечал болезненного тика, который заставлял лицо Кхарна подергиваться в слабых спазмах.

— Осторожнее там внизу, Кхарн.

Это уже и впрямь было чересчур. Кхарн фыркнул перед ответом.

— Такие теплые слова от человека с дьяволом в сердце.

Аргел Тал снова улыбнулся. Кхарн ненавидел эту улыбку, поскольку она-то не была фальшивой. Это было выражение лица убийцы, а не воина. Так улыбаются фанатики.

Они шли вдоль ангара, наблюдая, как их воины собираются перед погрузкой. На поле боя различия Легионов были видны ясно, как день и ночь, но и в резком свете аварийного освещения они не становились менее принципиальными.

Несущие Слово из Вакра Джал стояли плотными организованными рядами. Их клинки находились в ножнах, оружие было деактивировано, а к броне прикреплены свитки с клятвами. Несколько сотен бойцов, только завершивших месяцы обучения на гладиаторских аренах «Завоевателя» и принесших обеты союза с чрезмерно большой Восьмой штурмовой ротой

Кхарна. Когда два командира проходили мимо, каждый Несущий Слово опускался на одно колено. Они склоняли головы и пели молитвы, взятые из «Книги Лоргара».

Кхарн непроизвольно поежился. У него по коже ползли мурашки от того, как такое количество ртов шепчет по воксу столь странные стихи и благословения.

— Я никогда не пойму твой Легион, — сказал он Аргелу Талу.

Несущий Слово посмотрел на своих людей и их почтительно склоненные в задумчивости серебряные шлемы, а затем перевел взгляд на силы Кхарна. В противоположность коленопреклоненной фаланге Несущих Слово, Пожиратели Миров представляли собой неорганизованную толпу. Они смеялись, отделения обменивались последними насмешками на фоне непрерывного визга цепных клинков, включаемых подергивающимися кулаками.

Аргел Тал приподнял темную бровь, когда двое Пожирателей Миров стукнулись лбами шлемов, издав характерный глухой звон удара керамита

о керамит.

— А я никогда не пойму твой, — произнес он. Интонация была красноречива.

— Нас нетрудно понять, — сказал Кхарн. — Нужно просто осознать, что бывают воины, которым действительно нравится война. Война и сопутствующее ей братство. Я знаю, тебе должно быть нелегко уразуметь это, — он указал на стоящих на коленях и молящихся Несущих Слово. — Ты из серьезной породы.

Ответ Аргела Тала приглушила бесстрастная маска увенчанного плюмажем сереброликого шлема.

— Я заглядывал в преисподнюю по ту сторону реальности, — произнес он. — Это лишило меня чувства юмора.

С подобным сложно спорить.

— Доброй охоты, — сказал Аргел Тал.

Двое командиров пожали друг другу предплечья. Никаких задерживающих слов, они просто стукнулись наручами и разошлись.

Командное отделение Кхарна ждало, создавая поверхностную иллюзию дисциплины. Эска разминал запястья,

рассекая воздух обоими клинками. Его психический капюшон представлял собой бронированную полусферу, которая закрывала затылок и соединялась кабелями с висками. Он был единственным в Восьмой роте, у кого не было Гвоздей Мясника, и как следствие — единственным, кто не выглядел так, будто вот-вот раздраженно сплюнет или нетерпеливо завоет. Каргос же, напротив, уже надел шлем и проверял, как сверла и медицинские пилы выдвигаются из перчатки нартециума.

— Я убил Харакала на арене прошлой ночью, — протянул Каргос сквозь ротовую решетку шлема Мк-IV. Его акцент был неразборчив почти до полной невнятности. Воин происходил родом с равнин Сетека, где об имперском готике сохранились лишь воспоминания. Гипнотическая имплантация наделила его владением другими языками, однако ничто не могло убрать акцент.

Кхарн безрадостно улыбнулся.

— Харакал мне нравился.

— Харакал всем нравился. Впрочем,

это не помешало его голове покатиться по палубе, — Каргос медленно повторил завершающий удар, перерубая цепным клинком шею Харакала. Остальные слышали в его голосе усмешку. — Выражение его глаз было бесценным, Кхарн. Даже ты бы посмеялся, несчастный ублюдок.

Кхарн в этом сомневался.

— Я слышал, что вы с Делварусом сходились до третьей крови.

— Делварус, — Каргос буквально выплюнул имя. — Однажды я его сделаю.

— Нет, — покачал головой Кхарн. — Не сможешь. Никто не сможет.

Каргос цокнул языком.

— Что скажешь, Эска? Есть для меня какие-нибудь пророчества? Побьет ли кто-нибудь когда-нибудь этого сукина сына Делварусa на арене?

Эска качнул головой. Это был скорее отказ, чем несогласие.

— Ты ведь не продолжаешь полагать, будто я могу видеть будущее, правда?

— Нет, — согласился Каргос. — Просто пытался помочь тебе хоть раз ощутить

себя полезным.

Эска отвесил поклон.

— Я ценю твои старания, апотекарий.

Даже по меркам Легионес Астартес он был покрыт шрамами. Его черты представляли собой размазанную мешанину бугристой рубцовой ткани — часть наследия цепного меча Гвардейца Смерти, разорвавшего ему лицо на Иссване III.

Иссван III. Кхарн очень мало что помнил о нем. Ему говорили, что он чуть не погиб в тот день.

— Ангрон не торопится, — пробормотал Каргос. — Нас ждет война.

Будто получив сигнал, Эска кашлянул. Он пытался скрыть это, сдержаться, однако все, кто находился поблизости, ощутили запах крови, запятнавшей его перчатку, когда он кашлял в нее. Из его уха медленно потек ручеек более темной и густой крови.

Пожирателей Миров накрыл покров внезапной тишины. Хохот прекратился, насмешки стихли. Все разом повернулись,

построившись неплотными рядами, когда западная дверь откатилась, скрежеща по направляющим.

Стоявшая по ту сторону фигура двигалась, тяжеловесно покачиваясь. Бронзовый доспех окрасился лучами резкого сияния осветительных полос ангара. Поэты, летописцы и военные архивариусы часто имели склонность проводить примитивные параллели между героями сражений и ложными богами, которых эти герои напоминали. Ни одно из таких сравнений никогда не работало с Ангроном Завоевателем, владыкой XII Легиона. Смертоносность примарха не поддавалась параллелям, все в нем указывало на контраст.

Его броня представляла собой многослойный шедевр Механикума, созданный в подражание архаичному бесполезному облачению гладиаторов. Он двигался, будто дикий зверь, но без естественной грациозности кошек-охотников, которые бродят по джунглям тиров, более здоровых, чем далекая Терра. И если его и можно было бы назвать богом

--- то богом раненым, чья плоть и разум покрыты шрамами. Движения чрезмерно мускулистого тела в сочетании с приливным скрежетом сочленений доспеха превращали его поступь в громыхающую угрозу. Он мог быть быстрым, но лишь когда Гвозди шипели от нагрева. Вне битвы он был опустошенным созданием, тенью того, что могло --- и должно --- было быть.

Кхарн и Пожиратели Миров вытянулись. Это был их отец, переделавший своих сынов по собственному образу и подобию.

Он дышал через щель рта, сквозь ряды заточенных зубов из темного железа, кончики которых почти соприкасались. Дыхание через рот получалось непроизвольно, он слишком привык, что носовые пазухи забиты быстро засыхающими ручейками, исходящими из кровоточащего мозга.

--- Сир, --- поприветствовал его Кхарн, воспользовавшись единственным почетным титулованием, к которому Ангрон проявлял хотя бы толику благосклонности.

Примарх все еще бранил тех, кто прибегал к традиционным формам обращения, но «сира», как правило, терпел.

— Я был на мостике, — голос примарха звучал гортанным и влажным рычанием. Зубы щелкнули, когда лицевые мышцы дернулись в такт гвоздям. — Видел новые корабли Несущих Слово. Каждый из них может поспорить с драгоценной «фалангой» Дорна.

Ангрон повернулся, чтобы оглядеть стройные ряды Несущих Слово, и его губы расползлись в неприятной улыбке. Он чувствовал их пыл, их стремление к благопристойности, и это его веселило.

— Вы улыбаетесь, — произнес Кхарн. Это был скорее усталый упрек, чем вопрос.

— Меня не перестает забавлять зрелище того, как они прикрывают болезнь внутри своих душ такой вот истовостью.

Люди Кхарна послушно усмехнулись словам примарха. Не смеялся только Эска, который вышел из строя назад, прочь от Ангрона, и медитировал, пытаясь остановить кровотечение из носа и ушей.

— Лоргар планировал эту войну

десятилетиями, — обратился Ангрон к сыновьям. — Один лишь вид тех кораблей это подтверждает. Помните об этом, все вы. Помните всякий раз, когда вас посетит соблазн поверить кому-то из этих змей в красном.

Зрачки примарха были точками размером с острие булавки в глубине болезненных глаз. Сталактит слюны побежал ручейком по покрытому шрамами подбородку. Кхарн просто склонил голову, соглашаясь со словами господина. Спорить с Ангроном никогда не было мудрым решением, даже если в этом существовала необходимость. А противоречить ему сейчас, когда у него в черепе явно пели гвозди, было бы самоубийством. Очень многие Пожиратели Миров узнали об этом на собственном опыте.

— Тварь, — прорычал Ангрон. — Тварь, подойди сюда.

Похоже, его голос каким-то образом пробился сквозь грохот ангара, поскольку Аргел Тал пересек палубу и встал перед повелителем XII Легиона. Несущий Слово не стал кланяться. Аргел Тал на горьком

опыте усвоил, что Ангрону отвратительны все знаки подобострастного почтения. Ничто так не раздражало его, как вежливая покорность. Падать ниц подобало только двум видам существ: испуганным животным и умирающим людям. Все остальное являлось капитуляцией, и ни в одном из человеческих наречий не существовало более отвратительного слова.

— Примарх Ангрон, — Несущий Слово воспользовался нейтральным салютом, приложив кулак к основному сердцу.

Кхарн сглотнул. Он уже знал, к чему все идет.

— Тварь, — снова произнес примарх. — Ты получил приказы?

— Да.

— Очень хорошо. Тогда будь готов их исполнить.

Аргел Тал повторно отсалютовал и начал отворачиваться.

— Тварь, — в третий раз сказал примарх, теперь с улыбкой. Ему нравился вкус оскорбления.

— Да, сир?

— Я видел, как прелестные боевые корабли твоего господина прямо сейчас озаряют небеса. «Трисагион» и «Благословенная Леди» прорываются сквозь оборону Арматуры. Мы обязаны им этим штурмом, а?

Аргел Тал ничего не ответил, он просто бесстрастно ждал. Серебряный лицевой щиток глядел хрустальными синими линзами. Кхарну хотелось, чтобы он промолчал и сохранил самообладание. Возможно, его брат и являлся Носителем Слова, однако у Аргела Тала был характер XIII Легиона.

Зубы Ангрона вновь щелкнули, сопровождая очередной тик.

— Благословенная Леди, — произнес он. — Это имя вашей шлюхи-жрицы, не так ли?

— Она была нашим Исповедником, — сочленения брони Несущего Слово издали низкое гудение, когда он наклонил голову и напряг мускулы. Красноречивые признаки нарастания агрессии не укрылись от внимания Ангрона. Он расплылся в ухмылке.

— И все же она мертва, а? Похоронена на флагмане Лоргара. Это та самая гробница, или вы молились не одной мертвой девчонке, несчастные фанатики?

На сей раз последовала заминка. Аргел Тал медленно вздохнул.

— Та самая.

— А правда, что фанатики вытащили ее кости из гроба? Украли их как священные реликвии, будто древние язычники?

Кхарн наблюдал, как пальцы Аргела Тала подергиваются и сжимаются.

— Это так, — ответил Несущий Слово.

— Ангрон... — предостерег отца Кхарн. Ангрон не обратил на него внимания, чего Кхарн и ожидал от примарха. Тот слишком сильно упивался собой, чтобы внимать советам.

Кхарн покачал головой. Начинается.

Смешок Ангрона обладал обаянием и теплотой горной лавины.

— Ту же самую шлюху-жрицу вы не смогли защитить при жизни. А теперь даже не в состоянии уберечь ее кости от

смертных воров. Должно быть, Лоргар тебя любит, тварь. Иначе с чего бы ему терпеть твои неудачи?

— Если мой повелитель Лоргар увидит в моей службе проступок, он волен назначить кару, — произнес Несущий Слово сквозь стиснутые зубы. Он уже разворачивался, не заботясь о проявляемом им неуважении. Дразнить его было старой забавой Ангрона, но в этот раз она грозила зайти дальше, чем когда-либо раньше. — И не тебе говорить о Благословенной Леди, Изломанный.

Смех Ангрона напоминал сырой оползень.

— Вы хоть вернули ее кости, тварь? Или они все еще в руках ваших немытых рабов-культистов?

Как и у всех старших командиров Легионес Астартес, у Аргела Тала был личный арсенал, посрамивший бы любого коллекционера, но сейчас у него за спиной находилось два оружия — лучшие и любимые из его трофеев. Оба были сделаны на Терре, в кузницах, недоступных кому-либо за пределами внутреннего

святилища Императора. Оба обладали генетической блокировкой, и их невозможно было активировать без генных отпечатков изначального владельца на реагирующих панелях рукояток обоих клинков. Аргел Тал нарушил технологический закон, хотя никогда не рассказывал, каким именно образом.

Первым оружием была алебарда, на острие которой находился изукрашенный болтер, соединенный с подствольным силовым клинком. Вдоль бесценного клинка было вытравлено кислотой его название — Шахин-и-Таразу, и когда-то он принадлежал Ситрану Келомену Астаге Мерену Виролу Утреду Мастаксе Киру Шензу-Тай Диромару из Легионес Кустодес. Это оружие год назад сразило Ксафена из Несущих Слово.

Второе приходилось алебарде двоюродным братом — это был двуручный меч, откованный в том же пламени, что и Шахин-и-Таразу, и созданный теми же руками. Эфес представлял собой распростершего крылья золотого орла: Палатинскую аквилу Императора, а на

клинке также находилось имя оружия — Иктинетар. Это был меч Аквилона из Легионес Кустодес — воина со многими, многими именами, заработанными на славной службе. Это оружие убило Кирену, Исповедника Слова, безоружную женщину, утратившую возможность пользоваться глазами.

«Храбрые, храбрые кустодии», — подумалось Кхарну. Ему оставалось только гадать, пели ли они победные песни после той схватки.

Чтобы в полную силу пользоваться каждым оружием, требовались обе руки. В бою Аргел Тал поминутно менял их от противника к противнику, выбирая то, которое лучше подходило.

Сейчас, стоя в ангаре перед Ангроном, он извлек Иктинетар. Он вытащил клинок одним плавным движением и бросился на примарха. Украденный меч завизжал, сам металл клинка был столь чист, что пел, рассекая воздух.

Ангрон поймал Несущего Слово одной рукой, пальцы сомкнулись на теле воина. Все произошло за один удар сердца.

Прежде, чем клинок хотя бы приблизился к цели, Аргела Тала швырнуло назад. Примарх расхохотался, издав все тот же звук движения грязи и камней.

— Как всегда забавно. Возвращайся к своим людям, тварь.

Но Аргел Тал уже не был Аргелом Талом. Он с отвратительным изяществом извернулся в воздухе и в полуприсевшем положении приземлился на палубу. Над плечами поднялись огромные и прекрасные в своем уродстве черные крылья нетопыря. Серебряный лицевой щиток исказился, превратившись в щерящуюся волчью пасть из искореженного металла.

— Возвращайся к своим людям, — снова сказал Ангрон существу. Он уже уходил.

На сей раз создание подчинилось. Аргел Тал поднялся на ноги, его громадные крылья складывались обратно со звуком выворачиваемого металла, а шлем разглаживался, возвращаясь к бесстрастной невыразительности Mk IV.

Кхарн вздохнул, исключительно

демонстративно, желая, чтобы примарх услышал. Резаная ухмылка Ангрона слегка раздвинулась, он лишь усмехнулся и двинулся к ближайшей «Клешне ужаса».

— Увидимся на поверхности, — сказал он и закрылся от сыновей.

Кхарн развернулся к своим людям.

— Вы его слышали. В капсулы по отделениям. Артатура ждет.

Пожиратели Миров повиновались.

+Он не примарх+ -раздался в сознании Кхарна голос Аргела Тала. Первое, что сделал центурион — инстинктивно вздрогнул. После психического шепота гвозди начали жалить резче и жарче. Они каждый раз доставляли больше боли. Кхарн оглянулся на брата. Аргел Тал направлял своих людей к их десантно-штурмовым кораблям и капсулам.

Он мой примарх, — отозвался Кхарн, понятия не имея, слышит ли его Аргел Тал. Иногда беззвучная речь работала, иногда нет.

+Примарх должен воодушевлять. Наши гены должны реагировать на один лишь его вид. Подумай о моментах, когда

смотрел на Гора, Дорна или Магнуса. Я точно так же видел собственными глазами Сангвиния и Русса. Подумай о том, как стоишь перед Лоргаром, с благоговении и почтении, которые пульсируют в крови. Это ощущение того, как наш генокод реагирует на вершину человеческого развития. Я никогда не испытывал этого инстинктивного уважения к Ангрону, Кхарн. Ни разу. Он сломленное создание. Разрушительное, несравненное в бою, но сломленное+

Кхарн не ответил, потому что сказать было нечего. Он загрузился в десантную капсулу, поднявшись по рампе, и ждал, когда закутанный раб Легиона закрепит ограничительную обвязку.

+Ты это чувствуешь,+ сказал Аргел Тал. + Ты тоже это чувствуешь.+

В психическом безмолвии Кхарн признался в том, о чем никогда не разговаривал за пределами Легиона.

Да, мы чувствует то же самое. Каждый из Пожирателей Миров знает то, что знаешь ты.

К голосу Аргела Тала добавилась

холодная кипящая злость.

+Почему вы это терпите?+

Что мы можем сделать? Убить собственного отца? Вы уничтожили Лоргара, когда он привел вас к поклонению Императору? Или вы терпеливо сносили его, надеясь, что в конечном итоге он найдет способ сравняться с братьями?

Пауза. Длинная, длинная пауза. Кхарн расценил ее как капитуляцию Аргела Тала и продолжил.

Брат, это наш позор перед другими Легионами. Ангрон был сломлен задолго до того, как прибыл к нам. Как ты думаешь, почему мы позволили ему вбить в наши головы Гвозди? Мы надеялись, что, сокрушив себя на той же наковальне, наконец-то ощутим единство с отцом.

В ответе Несущего Слово совершенно не было насмешливости. Только сочувствие. У Кхарна по коже поползли мурашки. Он бы предпочел издевку.

+Не вышло?+

Борта десантной капсулы сомкнулись и перекрыли обзор ангара снаружи. Последнее, что увидел Кхарн — как Аргел

Тал поднимается по аппарели в красный корабль XVII Легиона.

— Нет, — прошептал он, в равной мере обращаясь к далекому Несущему Слово и самому себе. — Не вышло.

3
Поддавшийся Гвоздям
Война в пустоте
Святые красные, безбожные белые

Истории о войне всегда забывали об одной вещи — пыли. Кхарн быстро об этом узнал, и урок не покинул его с годами. Даже когда два человека вскидывали ногами песок гладиаторской арены, это отвлекало. На открытой равнине две армии численностью по нескольку тысяч человек так насыщали воздух, что им можно было подавиться. Если же еще раз увеличить масштабы, то после нескольких сотен тысяч участвующих в противоборстве воинов солнце будет оставаться тусклым еще день после окончания битвы.

Однако реалии наступательной войны редко попадали в саги. Во всех историях, что он слыхал — особенно в ужасающих

диатрибах летописцев — сражение сводилось к тому, что горстка героев скрещивала клинки в лучах солнца, а безымянные подчиненные наблюдали, застыв в благоговении.

Чтобы заставить Кхарна поежиться, требовались немалые усилия, однако военная поэзия неизменно справлялась с этой задачей.

Прорыв двух Легионов через город затмевал собой все. Танковые двигатели выпускали выхлопы в виде пахнущего нефтью смога. Десантно-штурмовые корабли с ревом опускались на жаркое марево и воздушных потоках, а подбитые падали с неба, разбивались, и их пылающие остовы катились по земле. Шагавшие по улицам титаны в равной мере испускали огонь и дым — загрязнение от этих ран десятикратно увеличивалось, когда одна из колоссальных боевых машин, наконец, гибла.

Десятки тысяч солдат перемалывали подошвами рокрит и землю, последние остатки жилых башен выбрасывали в воздух свое пыльное содержимое,

разваливаясь на части — все это добавлялось к пелене.

Каждый упавший шпиль, каждый рухнувший монумент, каждый разбитый бункер выпускали во все стороны облака удушливого праха.

Одно дело сражаться в разрушенном городе, но сражаться во время разрушения города — совсем другое. Видимость стала мифом. Ее просто не было.

В былые эпохи, когда пределом человеческой способности воевать друг с другом являлись бронзовые мечи, конные разведчики прорывались сквозь пыльные облака на поле сражения, чтобы передавать информацию и приказы между офицерами, полки которых слепли в самой гуще. Это была еще одна правда, которая редко сохранялась для архивов.

С тех дней древности война прошла длинный, длинный путь. Умение человечества биться вслепую — нет. Ретинальный дисплей Кхарна реагировал на его раздражение, автоматически переключая зрительные фильтры. Половина города пылала, и термальное

зрение давало бесполезное смазанное пятно цветов, которые вызывали головную боль. Ориентирование по эхолокационному ауспику становилось ненадежным при любых атмосферных помехах, а плотные облака твердых частиц в сочетании с горящими повсюду вокруг зданиями определенно можно было считать неблагоприятными условиями.

Он не переставал бежать. Он уже не представлял, где находится, но не переставал бежать. Когда сомневаешься, двигайся вперед. Старая пословица снова вызвала у него ухмылку.

Кхарн вспомнил посадку. Вызывающее скрежет зубов снижение в темном нутре «Клешни ужаса» и последующий взрыв солнечного света, когда двери капсулы распахнулись. Он вспомнил первый бросок вглубь города, извлечение оружия и ощущение осиных укусов от огня лазганов, неспособных пробить броню. Они приземлились в казарменном районе, среди окопавшихся батальонов гвардии Арматурской академии. Юные воины, которые проходили процедуры, чтобы

стать Ультрадесантниками, а также толпы дисциплинированных солдат в форме, гордых служить XIII Легиону.

Проклятый Жиллиман и его империя внутри империи. Армагура, военный мир, была всего лишь одной из планет Пятисот Миров. Как одному человеку удалось собрать такие громадные армии? Как один Легион управлял такой мощью?

Он знал ответ, каким бы неприятным тот ни был. Это был талант несломенного примарха. Работа совершенного гения, лишенного гнета машины боли. Пока Лоргар тратил время на тайны эфира, а Ангрон ощущал вкус крови из-за отказывающего разума, Жиллиман из Ультрадесанта переделал целый субсектор согласно имперскому идеалу. Такое не удавалось даже Гору.

Раздраженные размышления прервал заряд болтера, который ударил в нагрудник и превратил поступь в сбивчивое пошатывание. Кхарн взревел, не осознавая этого — инстинктивное выражение боли, буравящей затылок — и врезался в первый взвод гвардии Академии,

который удерживал баррикаду в конце дороги. Их предводитель-эвокат сражался энергетическим гладием, показав себя превосходным мечником. Он продержался девять секунд прежде чем рухнул, и его внутренности окрасили камни проспекта красным.

Здесь город еще стоял. У пыли не было возможности заслонить собой все под солнцем.

Довольно скоро это изменилось. Прошли считанные часы, и городской ландшафт задохнулся. Теперь он потерял Каргоса, Эску и всех остальных, оказавшись в одиночестве посреди гибнущего города, где-то за вражеской линией фронта. Он помнил, как гвардия Академии дрогнула; помнил, как гнал их, ощущая на языке густую слюну, и с хрустом вгонял топор в в спины бегущих, а Гвозди тикали все горячее, заливая зрение красным. Больше он ничего не помнил до тех пор, пока не пришел в себя несколько минут назад.

Из дыма выплыли тени, которые превратились в фигуры, в воинов, облаченных в доспехи такого же синего

цвета, как небо Терры на рассвете. Кхарн не замедлился. Он прошел сквозь них с ревущим хохотом и раздирающими клинками, слюна образовала нитки между зубов. Подошвы стучали по рокритовой дороге.

— Лотара, — передал он по воксу.

В потрескивающем и покрытом помехами гололитическом окне справа от системы целеуказания возникло ее пульсирующее изображение, только плечи и голова. Длинные волосы, как обычно, были убраны от лица и связаны в хвостик. Она была показана в профиль, поскольку система захвата изображения находилась сбоку от трона.

— Кхарн? — голос звучал, словно жужжание, работающий с перебоями вокс был безжалостен к качеству передачи. Обычно размеренная шпилевая манера выражаться превращалась в кашу. — Вы улыбаетесь?

— Дайте мне картинку с орбиты, флаг-капитан.

— Как пожелаете, хотя там особо не на что смотреть. Все же, что вы там

внизу делаете? Город утопает в пыли. Бардак даже по вашим неопрятным меркам.

По обе стороны от мерцающего ретинального дисплея развернулись второстепенные зрительные окна. На каждом был вид города сверху, заслоненный облаками удушливого дыма. На самом верху пепельного облака торчали вершины башен, но ландшафт безнадежно терялся.

— Вам следовало дать мне разбомбить город с орбиты. — добавила Лотара. — Уверена, что два королевских корабля Несущих Слово с удовольствием сделали бы то же самое. Вы сидели в своей маленькой десантной капсуле и так и не увидели их размеров. Впечатляющее зрелище.

Улыбка Кхарна была опасно близка к ухмылке.

— Вы смеетесь надо мной и моими людьми, флаг-капитан, но мы, по крайней мере, знаем, когда враг действительно мертв. Это мы заканчиваем бой.

Он подошел к погибшему танку, неподвижные и безмолвные очертания

которого возникли из удушливой пыли. Ретинальный дисплей зафиксировался на нем, изливая поток данных, видеть которые Кхарну не было необходимости. Доспех типа «Максимус» представлял собой чудо технологии, но авточувства приходилось долго настраивать, чтобы они соответствовали личным предпочтениям воина. Можно подумать, его волновало, какой тир-кузница штамповал каждую ходовую часть «Носорога». Можно подумать, его волновала плотность сплавов, из которых состоял корпус, и их отличие от прочих на долю процента.

На закрытых дверях подбитого танка располагалась огромная эмблема XIII-го. Он попытался расслышать что-либо внутри, но когда вокруг рушился город, это всегда было безнадежно. Вместо этого он постучал по броне машины лезвием цепного топора.

— Тук-тук.

Ответом изнутри стала тишина, никакого веселья. Вместо того, чтобы карабкаться по покатым бортам, он

плавным прыжком вскочил на крышу. Обе подошвы ударили по ней с раскатистым лязгом. Было бы нелепо надеяться, будто более высокая позиция улучшит обзор, но ему все равно хотелось попробовать.

Он снова бросил взгляд на бесполезные орбитальные изображения, которые прокручивались на левой глазной линзе.

— Усилители? — напомнил он.

— Мои сервиторы работают над очисткой поступающих пиктов, — изображение Лотары затряслось сильнее, чем при помехах. — Знаете, мы и сами тут заняты.

Кхарн присел над закрытой башенкой.

— Очень хорошо. Наслаждайтесь своей маленькой стычкой в пустоте, флаг-капитан.

Она повернула голову и ухмыльнулась прямо в видеоприемник.

— А вы наслаждайтесь, продираясь через грязь, Кхарн. Такой неэлегантный способ воевать, — ее изображение отключилось, забрав с собой бесполезные орбитальные данные.

Кхарн уже собирался вскрыть

башенку, когда на глазных линзах замигала другая руна. Именная.

— Скане?

— Капитан, — немедленно последовал ответ вместе с хоровым драконьим воем. Двигатели. Турбины слишком нагреты, работают чересчур долго. Аугметические голосовые связки не лишали речь Скане эмоций, но добавляли ко всем его словам булькающее потрескивание.

— Вы только что вошли в зону досягаемости вокса. Единственный мой контакт за последние семь минут был с кораблем.

— Да, тут внизу все прямо-таки трещит, — передал в ответ Скане. — Где вы?

— Не знаю, — секундная пауза. — Когда ты разбили гвардию Академии, я преследовал выживших в авангарде.

— Гвозди? — спросил Скане.

— Гвозди взяли верх, — подтвердил Кхарн, зная, что это все объяснит.

— Ясно. Мы не может вас отследить, наш аспик уже отключился.

Ну, разумеется. Из всех его отделений

первыми на связь вышли разрушители. Те, чье оружие лишало эффективности более капризное оборудование. Аргел Тал нередко говорил, что у судьбы злое чувство юмора. Кхарн ни на секунду в этом не сомневался.

— Подключи его к доспеху. Позаимствуй энергии, чтобы на секунду усилить локационную руну.

— Это никогда не работает, — пробормотал тот, но чуть громче сказал: «Есть, капитан».

Кхарн посмотрел на окрашенный синим корпус у себя под ногами. «Носорог» был неподвижен, двигатель безмолвствовал, но сканеры еще могли работать. Это наверняка будет проще, чем иметь дело с разрушителями и их убитой тех...

Чудо из чудес, именная руна Скане снова вспыхнула, на сей раз вместе с данными о дистанции и перемещении.

— Засек вас, — передал Скане. Кхарн уже снова бежал.

Лотара Саррин получила трон «Завоевателя» шесть лет назад, как раз

перед своим тридцатилетием. Повышение сделало ее одним из самых молодых флаг-капитанов во всех экспедиционных флотах Императора, что в свою очередь привлекло внимание писак и имаджистов из ордена летописцев Терры. Они одолевали ее, следя за каждым шагом на протяжении того короткого периода, когда лорд Ангрон пускал такую публику на борт флагмана Пожирателей Миров. Когда они с позором отправились назад на Терру, не закончив свою работу — в сущности, они ее едва начали — официальные записи указывали в качестве причины отбытия «неприспособленность к войне в пустоте».

Космическая болезнь. Это была идея Кхарна, которую он изложил со своей обычной сухой хитростью, без улыбки.

Настоящая причина была довольно проста: они раздражали Лотару Саррин, и как следствие — раздражали Ангрона.

Примарх не обращал на них внимания до того момента, пока не услышал первую жалобу Лотары.На следующий же день их выслали обратно на Терру. Кхарн был одним из тех воинов, кому поручили

вышвырнуть их с флагмана, не обращая внимания на протестующие вопли и размахивание имперскими лицензиями, которые, по их мнению, позволяли им остаться. Все было исполнено с достойным восхищения — и удивительным, учитывая, что это был за Легион — отсутствием кровопролития. Если уж на то пошло, Пожирателям Миров в первую очередь было весело.

В военном табеле Лотары, обильно исписанном плотным и неинтересным почерком сервиторов, пустыми архивными терминами сообщалось об образцовой храбрости, стойкости и терпеливости, со ссылками на ее частые переговоры и посредничество с примархом XII Легиона. Там также отмечались многочисленные медали и награды — ни одну из которых она не надевала без формальной необходимости, и большая их часть томилась на дне гардероба в ее постоянно неубранной личной каюте.

Любой, кто читал бы эти записи, также бы заметил разнообразные упоминания о рассудительности,

похвальной тактической смекалке и логистическом таланте. Все очень дисциплинированно, как и следует ожидать от выдающегося капитана.

Единственное упоминание, которое имело для нее значение, было сформулировано так: «Удостоена XII Легионом уникального знака отличия за примечательную отвагу в ходе приведения к согласию миров, ранее принадлежавших звездному княжеству Ашул».

Эту награду она носила открыто и с гордостью. Кровавая Рука, красный отпечаток ладони на груди жесткой белой униформы. Как будто высокий филигранно украшенный трон из желтой меди уже не выделял ее среди прочих трехсот офицеров, трудившихся в стратегиуме.

Мостик «Завоевателя» представлял собой улей, где раздавались крики, бормотали сервиторы, а дежурные офицеры перекликались между постами. Потара не обращала на это никакого внимания, зная по фоновому шуму, что экипаж делает свою работу. Она не отводила глаз от обзорного экрана окулуса

и создаваемого им трехмерного тактического дисплея. В то же время она продолжала уверенно отдавать череду приказов в вокс-микрофон на вороте, барабаня кончиками пальцев по подлокотнику.

Война в пустоте шла хорошо. Она знала бы об этом даже с закрытыми глазами, учитывая тот невозможный обстрел, которому подвергали осажденную Армагуру оба сверхкорабля Несущих Слово, однако это было далеко не поспешное умозаключение.

Примарха не было на корабле, он сражался на планете внизу. Она имела возможность наилучшим образом минимизировать потери, а не посылать флот в очередную жестокую атаку лишь для того, чтобы нанести максимальный ущерб и отправить абордажные капсулы, не заботясь о том, чего это стоит людям и технике.

Такой уровень тактического изящества был редким удовольствием. Но и более сложным. Она привыкла драться грязно, как Легион, которому служила.

Она не лгала Кхарну — война на поверхности представляла собой сутятицу ужасающих масштабов. Лотара не переставала бросать взгляды на поступающие пикты, которые демонстрировали, что город утопает в собственном прахе. Она присутствовала на брифингах несколько недель назад, когда Ангрон потребовал высадиться на Армагуру и сокрушить планету изнутри. Ничего удивительного. Удивительным стал момент, когда лорд Лоргар Аврелиан из Несущих Слово кивнул, соглашаясь с Пожирателем Миров. На протяжении последнего года они пересекали Империум, разоряя попавшиеся на пути миры, несмотря на то, что Лоргар протестовал и требовал полным ходом двигаться к Ультрамару. И теперь, когда они, наконец, прибыли в сердце Ультрамара, казалось, что все ограничения развеяны на солнечном ветру.

Она в очередной раз глянула на пикт-трансляцию. На этот раз ее взгляд задержался на изображениях города. Лотара нахмурилась.

— Увеличить сектора восемь и пятнадцать, — приказала она одному из сервиторов, прикованных к консоли орбитального провидения.

— Повинуюсь.

Она медленно втянула воздух сквозь зубы, пристально всматриваясь в появляющиеся картинки.

— Они быстро и последовательно обрушивают здания, — сказала она. — Смотрите. Смотрите, как эти казармы падают строго по порядку. Это не из-за сражения. Должно быть, сооружения заминированы. Ультрадесантники уничтожают собственный город, чтобы похоронить наш Легион под щебнем.

Ивар Тобин, ее первый помощник, согласно кивнул.

— Похоже на то, капитан.

— Дай мне Ангрона, — сказала она ему. — Сейчас же.

— Есть, мэм, — он ушел выполнять ее требование. Чтобы добиться внимания занятого битвой примарха, потребовалось бы много терпения и твердости характера.

Лотара снова сконцентрировалась на пустотной войне, которая разворачивалась над Арматурой. Она вывела на четыре экрана передачу затуманенных из-за расстояния пиктов одного из новых сверхкораблей Несущих Слово. Создание было чудовищно прекрасным и настолько большим, что у нее захватывало дыхание, если она слишком долго смотрела. Человеческий разум обрабатывал детали урывками. Размеры сверхкорабля становились понятны лишь тогда, когда перед зубчатыми стенами «Благословенной Леди» проходил крейсер меньшего размера, и всякий раз при этом Лотара чувствовала, как у нее дергается желудок. Эта вещь была слишком громадной, чтобы быть настоящей.

Орбитальные сражения сами по себе были непростыми, в них были собственные методы и безумные мгновения. Война над планетой имела свойство разворачиваться на гораздо более короткой дистанции, чем многие величественные и причудливо безмятежные пустотные баталии. Драться на высокой орбите означало

оказаться под носом у врага, и это замечательно подходило Лотаре. Она к такому привыкла. Пожирателям Миров нравилось брать вражеские корабли на абордаж, и это почти всегда значило сближение, где бы ни сражался «Завоеватель».

— Почему эта орудийная платформа еще не уничтожена? — спросила она, приподняв бровь. Будьте любезны, следуйте за «Венатор Ворена». Загоняйте его в пятидесятый квадрат, и дайте полный бортовой залп по этой платформе, когда будем проходить мимо нее.

Будучи всего двадцати трех лет от роду, третий помощник Фейд Халлертан был самым молодым в командном составе стратегиума.

— Капитан, так мы окажемся в опасной близости от трех крейсеров, которые сдерживают «Лекс», — произнес он.

Она щелкнула языком — у нее была такая привычка, когда она могла вот-вот выйти из себя. Фейд ошибался, поскольку она предвидела, что приближающийся

натиск другого крейсера Несущих Слово и его эскадры фрегатов вынудит три крейсера Ультрадесанта отступить и перегруппироваться для очередной атаки, если только у них не возникнет внезапного желания быть протараненными или обездвиженными близким разрывающим огнем. Их логичный тактический отход даст ей необходимое место. Чтобы понять это по мерцающему танцу именных рун кораблей, которые собирались и кружились на тактическом дисплее, ей потребовалось полсекунды.

Она знала, что у него есть другие идеи, и они будут вполне приемлемы. Однако Лотара разбиралась в игре лучше, чем кто бы то ни было.

— Посмотри в квадрат под «Лексом», на корабль Несущих Слово, который поднимается на помощь. Вот поэтому ты неправ. Перед тем, как перегруппироваться для второй атаки на «Лекс», Ультрадесант отступит выше и дальше.

— Вижу, тэм. Но если...

— Как мне кажется, — прервала она с

улыбкой, — в мои обязанности не входит объяснение, почему мой приказ главнее твоих идей. Тебе следует самостоятельно понимать причины. А теперь делай, как я говорю, лейтенант.

Она произнесла «лефтенант», всегда оставаясь уроженкой шпиля.

Он вздрогнул, и несколько тактических альтернатив, которые он уже собирался предложить, засохли у него на языке.

— Есть, мэм.

Ивар Тобин — седеющий суровый профессионал до мозга костей — вернулся к ее трону.

— Примарх ответил на ваш вокс-вызов, мэм.

— Ну что ж. Этот день полон чудес.

Лотара откинулась назад, когда корабль затрясся: компенсаторы инерции боролись с резким поворотом. Нажав пару клавиш на подлокотнике, она активировала генератор персонального гололита. Перед троном появилось изображение Ангрона — огромное, искаженное и бледное, но это, несомненно,

был примарх. С его топоров стекала бесцветная кровь, но гололитические капли исчезали, касаясь палубы.

— Чего ты хочешь, капитан? — одну сторону лица уродовал болезненный тик, другая обмякла в безрадостном оскале. Ей не требовалось спрашивать, больно ли ему. Ангрону всегда было больно.

— Донесения о потерях нападения на поверхности выглядят довольно неприятно. Что там внизу творится?

— Эвокаты. — изображение Ангрона исказилось так, что почти исчезло, а затем вновь вернулось к зернистому виду. — И с ними еще Легио титанов. Прости, если мы умиротворяем планету не так быстро, как бы тебе хотелось, Лотара.

— Не ведите себя, как ребенок, мой повелитель.

— Я никому не повелитель, и мне начинает надоедать тебе об этом говорить. Ты всегда ведешь себя со мной очень смело, когда я на расстоянии нескольких тысяч километров, капитан.

— Я знаю, сир, — она сцепила пальцы, на мгновение отвлекшись на повторную

дрожь корабля вокруг. Проходившие мимо кормы фрегаты целились в двигательные палубы «Завоевателя», но мало чего добивались.

— Как мой корабль? — спросил Ангрон, сплюнув кровью на каменистую землю.

— Мой корабль в порядке, — отозвалась она. — Сколько эвокатов на поверхности?

Колосс издал ворчание, приподняв топор жестом, который мог бы быть божественным пожатием плечами.

— Много. Все. Не знаю, — теперь он смотрел в другую сторону, начиная изучать разрушенный город через плечо. У нее оставалось мало времени, скоро Гвозди должны были взять над ним верх.

— Перекрестки в центре, где сходятся основные проспекты. Похоже, Ультрадесант подготовил здания к подрыву. Будьте осторожны, продвигаясь в город, сир.

— Ты слишком много беспокоишься, капитан.

Она снова щелкнула языком.

— Сир, разве не совершенно логично,

что в случае вторжения военный мир будет готов к любым событиям? Хотя бы подумайте о том, чтобы продвигаться вместе с Несущими Слово и отправить разведчиков вперед для подтверждения того, что я вижу.

— Драгоценные Носители Слова моего брата шипят свои скучные молитвы, медленно маршируя по улицам. Война закончится, прежде чем их болтеры пропоют хотя бы раз.

Она изо всех сил набралась терпения.

— Может быть, вы хотя бы хотите, чтобы я атаковала отсюда фабрики Легио Титанов?

— Я хочу, чтобы ты оставила меня в покое, капитан, — Ангрон обернулся к ней. Его плотно зажмуренный левый глаз подрагивал, реагируя на спазмы, которые дергали уголок губ. Непроизвольная улыбка обнажила имплантированные железные зубы с одной стороны. — Стреляй, куда хочешь, но хватит ныть мне об этом.

Расстояние не лишало примарха грубого и дикого великолепия. Он был изуродованным громадным созданием с

покрытой швами плотью, испытывающим спазмы боли. Лотаре доводилось видеть лишь двух примархов, однако вопреки легенде, будто каждый из них создан по образу Императора, Лоргар и Ангрон не могли бы отличаться друг от друга еще сильнее. Лицу первого было место на старинных монетах, а его голос вызывал у нее мысли о теплом меде. Второй являл собой статую ангела, осквернённую сотней клинков и брошенную под дождем. Ангрон был изодранной кожей и ревом клятв поверх средоточия плотных кровеносных сосудов и мяса мускулов.

Какой бы эстетический замысел не существовал при его создании, он давно сгинул. Об этом позаботились время и война. Если бы не вмешательство судьбы, Ангрон мог бы вырасти столь же красивым, как его братья Лоргар, Сангвиний и, быть может, даже Фулгрим — но судьба никогда не была ничьим безмолвным союзником.

Искаженный гололитический образ примарха заколыхался, когда пустотные щиты корабля приняли на себя очередной

обстрел.

— Как идет сражение в пустоте? — спросил Ангрон. Она знала, что ему не нужны подробности, и что его хрупкий изуродованный разум не удержит их, даже если попытается. По белому подбородку уже бежал ручеек серой крови. Очередное кровотечение из носа.

— Мы еще здесь, — произнесла она.

— Хорошо. Продолжай в том же духе, — он повернулся к ней спиной, изображение мигнуло и, наконец, исчезло.

— Это плохо, — подумала она вслух. — Очень плохо.

— Мэм? — спросил Тобин.

— Кхарн прав насчет примарха, — она снова развернула свой трон к войне в пустоте. — Ему становится хуже.

Восстановив вокс, Кхарн потратил несколько минут на скрупулезное общение с сержантами, координируя передвижения нескольких отделений, которые не поддались Гвоздям. Как оказалось, таких было очень мало.

Эска никогда не поддавался. Рапорт

кодиция был кратким и ясным, тот отлично знал, что именно такие предпочитает Кхарн. Он мало что мог сообщить помимо того, что самый яростный бой шел на перекрестках проспектов. Там было самое мощное сопротивление Ультрадесанта и гвардии Академии, они обороняли крепости-казармы, полные защитных турелей.

Скане продолжал приближаться, он был одним из немногих, кто сохранял спокойствие в бою. Однако Кхарн обнаружил Несущих Слово раньше, чем брата.

Годовой союз принес мало ощутимых плодов. Всего несколько недель назад Легионы чуть не дошли до схватки — оба флота висели в глубоком космосе, выдвинув орудия и зарядив абордажные капсулы в пусковые шахты. Помимо этого несостоявшегося предательства, которому помешало лишь то, что Лоргар с Ангроном обнаружили флот ксеносов, который можно было уничтожить, отношения между Легионами считались относительно дружескими, если воины не

плевали друг на друга на совещаниях перед миссиями.

Отделение Несущих Слово стояло полукругом вокруг одного из своих боевых танков. Они пылко пели хором, что звучало отвратительно похоже на молитву. Разумеется, на колхидском. Несущие Слово нечасто снисходили до низкого готика, даже с братским Легионом. Очередное яблоко раздора.

Молитвенное бормотание прекратилось, когда Кхарн приблизился.

— Капитан, — поприветствовал его один из них. Позади сержанта к корпусу танка были в распятом положении привязаны трое изуродованных Ультрадесантников. Руки и грудь воинов были пробиты железными шипами, которые удерживали их на месте. Все трое легионеров XIII-го еще подергивались и сопротивлялись — даже тот, которому шип пронзил горло. Было сложно не восхититься подобным упорством.

Кхарн поднял топор и указал на распятых Ультрадесантников.

— У вас действительно есть время на это надругательство? — он удержался от снисходительности в голосе. Почти что.

Сержант Несущих Слово, закованный в новое багряное облачение их Легиона, закрыл священную книгу, которую читал вслух своим людям. Страницы тома сошлись с тихим стуком, книга упала и повисла на короткой цепи, пристегнутой к поясу воина.

— Похоже, у тебя есть время убегать в пыль и терять своих людей, Пожиратель Миров.

Кхарн ощутил, как в затылочной части мозга начали тикать Гвозди Мясника. От получаемых из черепа сбоящих сигналов кончики пальцев напряглись, и он непроизвольно вдавил активатор цепного топора, заставив зубья пилы с визгом перемалывать воздух. Несущие Слово крепче сжали болтеры, однако никак не проявили враждебность в открытую.

— Следи за словами, — предостерег Кхарн. — Возвращайтесь в бой, все вы. Здесь вы вряд ли обеспечите победу.

Сержант с серебристым лицевым щитком на красном шлеме на мгновение оглянулся на истерзанных Ультрадесантников.

— Это священный ритуал. Мы не подчиняемся твоим приказам, центурион.

— И все же, — отозвался Кхарн, улыбаясь по ту сторону лицевого щитка, — на этот раз подчинитесь.

Его слова подчеркнул приближающийся визг перегретых двигателей прыжковых ранцев. Первым приземлился Скане, который на бегу коснулся земли, проскользил по ней и остановился возле капитана. Остальные разрушители спустились неровным строем. Их оружие находилось в кобурах, а броню грели перевязи с радиационными гранатами.

— Проблема, капитан? — поинтересовался Скане. Пыльный ветер с галькой застучал по опаленному керамиту. Единственным цветным пятном на доспехе были злобные красные линзы глаз. В остальном он и его братья могли бы быть тенями, рожденными из

пепла — призраками воинов, погибших в огне.

Кхарн не ответил. Он не отрывал взгляда от сержанта Несущих Слово.

— Возвращайтесь в бой.

Кхарн, восьмой капитан Пожирателей Миров

Вдалеке, издавая характерный грохот гибели архитектуры, рушились

здания.

— Да, сэр, — наконец, произнес офицер Несущих Слово.

Восьмой капитан XII Легиона оставил Несущих Слово возле их «Лендрейдера». Разрушители последовали за ним.

— Заводите друзей, сэр? — спросил Скане на награкали, полностью состоящем из гортанного ворчания.

— Говори на готике, — отозвался Кхарн. — Старайся действовать слаженно, пусть даже Несущие Слово отказываются поступать так же.

Составной ворот Скане издал тихий визг, когда воин повернулся, чтобы посмотреть на капитана.

— Я бы не стал мочиться на Несущего Слово даже если бы он горел. Думаете, меня волнует, какими игрушками они пользуются в своей суете?

— Просто делай, как я прошу, Скане.

Разрушитель пожал плечами.

— Разумеется, сэр.

— Докладывай, — поторопил его Кхарн.

Он услышал, как Скане устехнулся по ту сторону обгоревшего лицевого щитка.

— Вам это не понравится, сэр.

Кхарн подавил желание вздохнуть.

— Где Ангрон?

— Никто точно не знает. Он поддался Твоздям после того, как мы заняли перекресток Критика полчаса назад. Последним было сообщение Делваруса. Он говорит, что видел, как примарх пожирал мертвых врагов.

— Скажи, что это шутка.

Скане еще раз пожал плечами.

Возможно, Лотара была права. Возможно, следовало дать ей просто разнести Арматуру в пыль бомбардировкой.

— Почему Делварус здесь?

— Похоже, Лотара позволила ему ускользнуть с привязи. Пока в небе эта суматоха, флагман вряд ли кто-то возьмет на абордаж.

Кхарн отмахнулся.

— Мне нужно попасть на передовую, — сказал он. — Кто-то должен скоординировать наступление с Легио

Аудакс. Проклятье, я даже не знаю, побеждаем ли мы.

— Это я вам могу сказать, сэр, — откликнулся Скане. — Мы совершенно точно не побеждаем.

Магнус наблюдал за охваченными войной небесами. Главным образом он смотрел, как «Благословенная Леди» и ее близнец «Трисагион» выставляют на поле сражения орбитальную защиту Армагеддона, разоружая один из самых укрепленных миров Империума все новыми обстрелами с завывающих и полыхающих орудийных палуб.

— Они тебе понадобятся у Терры, — тихо произнес он. Лорган не ответил. Брат уже какое-то время ни на что не отвечал.

В сравнении с размерами и пропорциями кораблей все контрмеры казались устаревшими. Первый час ничто не могло пробить щиты. Ничто не смогло даже поцарапать их броню. Чтобы, наконец, прорвать щиты «Благословенной Леди», потребовалась суммарная огневая

мощь боевой станции и двух орбитальных защитных платформ, а также самоубийственный таран имперского корабля «Стальное небо». Звездолет продолжил движение, не заботясь о тысячах гибнущих в одном из пылающих монастырей на его спине, поскольку их агония ничего не значила для полумиллионного экипажа.

Лоргар стоял на коленях в центре базилики, склонив голову в молитве. От одного этого зрелища у Магнуса по коже ползли мурашки. Несмотря на эфирную сущность его нового обличья, от некоторых инстинктов было сложно избавиться.

— Лоргар, — произнес он. В ответ брат продолжил шептать нечестивые и ошибочные обеты.

— Лоргар, — прорычал Магнус.

Несущий Слово поднял голову, на его расписанном тушью лице было выражение невероятной концентрации. Затем он моргнул, впервые за полчаса.

— Что-то не так, — Лоргар встал, и мозаичный пол потрескался у него под

ногами. Он протянул руку к одной из сотни книжных полок, и булава крозиуса рассекла холодный воздух, оказавшись прямо у него в правом кулаке. — Скоро поговорим. До встречи, Магнус.

— Отправляешься на войну, брат? — спросил колдун.

— Я нужен на Армагеддоне, — отозвался Несущий Слово.

— Ах. Разве ты не хочешь уговорить меня сражаться? Ты ведь поэтому меня вызвал, не так ли?

Лорган не обернулся.

— Мне известно твое решение, Магнус. Ты будешь стоять рядом с нами на Терре. Мне сказали об этом те боги, на нереальности которых ты настаиваешь.

Чародей отрицательно покачал головой.

— Скажи мне, что требует твоего присутствия на поверхности.

Лорган закрепил свой трехрогий шлем на месте и ответил перед тем, как выйти из зала.

— Ангрон в беде.

4
Заживо погребенный
Единство
Перекресток Валика

Покой ускользал от него.

Он цеплялся за него, испытывая ярость от тщетности собственного отчаяния. На языке уже появился знакомый горький привкус неудачи. Он закричал в небеса, желая, чтобы дождь смыл этот вкус с его зубов. Вопль иссяк.

В этот раз он был так близок к покою. Так близок.

Но тот ускользнул, и бросил его обратно в мир кровоточащей плоти и раздробленных костей — в жизнь, где от поврежденного черепа по телу в такт колотящемуся сердцу расходились импульсы боли.

Он желал, чтобы что-то, хоть что-то успокоило заводную машину боли внутри черепа, которая уродовала разум своим ядом.

И он был слаб. Слаб и слеп. Он трясся во мраке, дрожа, страдая от боли и вдыхая страд собственной крови. Он не видел поднесенных к лицу рук, но чувствовал, как те кровоточат.

Ангрон, произнес голос.

Ангрон. Это имя ничего не значило.

Ангрон. Ангрон. Ангрон. Несколько голосов. Десять, может быть двадцать. Он не был уверен. Он взревел во второй раз, прогоняя их из головы.

Я не могу до него дотянуться, произнес самый сильный из голосов. На сей раз Гвозди по-настоящему повредили его разум.

Я тоже не могу, сказал другой.

Тогда мы должны рискнуть пойти на Единство, сказал еще один.

Ответом стала безмолвная волна холодного, очень холодного отвращения — психическая копия отталкивающихся магнитов.

Нет, произнес один из голосов после приступа тошноты. Эска, нет.

Самый сильный согласился. Мы не можем еще раз допустить Единства.

Подумай о потерях, случившихся в прошлый раз, и о том, насколько мы слабее без них.

Что тогда? Ты веришь лорду Аврелиану?

Забавная идея.

Сила Лоргара неизмерима. Он мог бы добраться до Ангрона.

Лорд Аврелиан даже не высаживался, и я не хочу доверять ему в столь деликатном вопросе. Мы должны попробовать Единство. Это должны сделать именно мы.

А если нет?

Спорящие голоса смолкли. Их колебания вызвали у него улыбку, хотя он и не знал точно, почему. Возможно из-за того, что от этого разило нерешительностью, а от нерешительности разило трусостью.

Он умирает, наконец, произнес главный голос. Он вышел за пределы одержимости Гвоздями. Без нашей помощи он никогда не оправится.

Оставьте меня, подумал он. Оставьте. Убирайтесь из моей головы.

Вориас... сказал один из голосов. Приказывай.

Очередная длинная пауза, очередное колебание, от которого стердело страхом. Трусость не означала страха умереть. Трусость означала наличие того, что можно потерять. Какой прок от воина, связавшего себя с непостоянным окружающим миром? Все угасало. Все умирало. Все распадалось. В связи была слабость.

Людям, которые стояли за этими голосами, было, что терять, и это вызывало у них страх. Делало их слабыми.

Братья, неохотно произнес главный голос. Присоединяйтесь ко мне в Единстве.

Он отвернулся от раздражающего гудения, в которое превращались голоса. Костяшки побелели и потрескались, когда он стиснул разряженные рукояти топоров. Он открыл глаза, оказавшись перед окружавшей его абсолютной чернотой, заревел полным кровавой пены ртом и начал копать. Не сдаваться. Не подчиняться.

Он не знал, кто он, где находится и

почему погребен, но рвущаяся и бьющаяся часть заднего мозга сосредоточилась на одной мысли. Его не первый раз хоронили заживо.

Не было ни верха, ни низа, только вперед или смерть.

Кхарн ощущал вкус собственной крови — редкий и нежеланный вкус. Находившийся перед ним Ультрадесантник не желал умирать. Он мог симпатизировать силе воли воина, однако у него и так хватало поводов для беспокойства. Последнее, что ему было нужно — так это чтобы XIII-й оттягивал свою гибель в длительном последнем бою.

Рана в боку непрерывно болезненно пульсировала в такт ударам сердца. Его кровеносную систему затопили болеутоляющие из внутривенных инъекционных портов на запястьях, возле ключицы и вдоль позвоночника.

Однако предупреждающие руны продолжали мерцать по всему ретинальному дисплею на случай, если он каким-то образом не замечал

кровотечения из раны под ребрами.

Эвокат готовился к очередному выпаду, нанося ложные удары и уклоняясь, безупречно работая ногами на засыпанной щебнем земле. Кхарн качнулся назад, предпочтя заблокировать гладий зубчатым топором, не рискуя уворачиваться на неустойчивых камнях.

Воин тут же атаковал еще раз, нанося второй удар понизу. Кхарн отвел его в сторону, ударив Ультрадесантника кулаком по лицевому щитку, от чего легионер пошатнулся. Это дало Пожирателю Миров достаточно времени, чтобы снова вскинуть топор, и он с лязгом ударился спиной о находившегося позади Каргоса.

— Капитан, — выдохнул брат. — Я так замечательно провожу время.

Казалось, он ухмыляется, но все Пожиратели Миров с лицевыми щитками типа «Сарум» выглядели ухмыляющимися.

Их окружал лишь хаос сшибающихся клинков и изрыгающих проклятия воинов. Бьющие по керамиту клинки издавали характерный глухой звон, в который

вклинивалось близкое рявканье болтеров. На глазных линзах Кхарна возникали сигналы прекращения жизнедеятельности по мере того, как все больше его людей падало под клинками Ультрадесанта. Камни были покрыты множеством трупов гвардейцев Академии, и Кхарн наступал на тела, карабкаясь по пересеченной местности.

У не желавшего умирать эвоката была эмблема сержанта. Некогда красный плащ воина покрывали пятна пыли, прилипавшей к крови и маслу, и чешуйки засохшей грязи. Золотой шлем указывал на его принадлежность к почетной элите — тем, кто дал клятву обучать грядущие поколения Ультрадесантников и рассылать их по Пятистам Мирам. Его упрямая стойкость в равной мере вызывала у Кхарна ненависть и восхищение.

Не предполагалось, что перекресток Валика станет бутылочным горлышком. Им следовало это предвидеть. Другой Легион — не пляшущий под дудку сидящих в затылке Гвоздей Мясника — все бы ясно разглядел, и это болезненно задевало

Кхарна. Пожиратели Миров нахлынули на перекресток воющей волной, толкая друг друга на бегу и преследуя бегущих гвардейцев Академии в отвратительной синей форме.

Башни Академии взорвались, и на проспекты внизу обрушилась масса падающих камней. Дороги потрескались и провалились, погрузившись вглубь земли. За несколько ударов сердца сгинули сотни Пожирателей Миров, которых погребло под городским районом. XIII-й заминировал проспекты и подготовил собственные прекрасные строения к подрыву в заданное время, как и предупреждала Лотара. Это происходило по всему городу, но Гвозди лишали осторожности, превращая ее в нездоровое удовольствие от участия в бойне.

Важна была кровь и ничего более. Зрелище того, как враг не выдерживает и бежит, вызвало воющий хохот. Смех длился до тех пор, пока мир не взорвался вокруг авангарда Легиона.

Кхарн прибыл позже, когда половина отделений уже оказалась похоронена среди

обломков. Проспекты оказались перерезаны, задавлены кусками бесценного трамора. Там и тут, на самом краю остановившейся лавины, виднелись гусеницы танка Пожирателей Миров.

С уцелевших крыш и балконов над головой затрещал огонь снайперов. Он пробивал шлемы Пожирателей Миров, опрокидывая воинов на месте. Наверху заревели десантно-штурмовые корабли Ультрадесанта, нарастающий хохот их двигателей сопровождал отрывистые смешки тяжелых болтеров. Они все стреляли и стреляли, изливая свою злобу на гибнущих Пожирателей Миров. Гвозди забирали боль, давали покой и добавляли сил, однако Кхарн проклинал их всякий раз, когда отправлялся в бой. Проклял и сейчас, когда его слух огласился нестройным звоном бесчисленных сигналов прекращения жизнедеятельности.

Ему был нужен обзор с воздуха. Они не могли продолжать драться вслепую, когда из восточных и западных районов прибывали подкрепления Ультрадесанта.

— Скане, — выдохнул он.

Скане не было. Мертв, или находится слишком далеко. Кхарн не знал наверняка. Даже Каргос, который всего мгновение назад был у него за спиной, скрылся, преследуя очередного противника.

Кхарн повернулся и выпустил заряд из вибрирующего плазменного пистолета. Стрелы едкого термоядерного пламени ударили в трех смертных в униформе, которые пробирались в его направлении, и испепелили их на месте. Он крутанулся обратно как раз вовремя, чтобы поймать опускающийся клинок эвоката, отвести его вбок и еще раз ударить ногой по расписному нагруднику Ультрадесантника. Рана в боку вновь вспыхнула огнем, ее опалила волна жара от плазменного выстрела. Стиснув зубы, Кхарн взвыл в задыхающееся небо, в пыль, которая отрезала их от флота.

От вокса не было толку, его заполнили сбивчивые крики и настешливые помехи. Нужно было выбираться с перекрестка. Нужно было добраться до примарха. Среди рухнувших зданий не существовало линии фронта, только

островки отчаявшихся и изолированных групп воинов.

Топор попал Ультрадесантнику в шейное сочленение и, наконец, опрокинул эвоката на камни. Кхарн с третьей попытки выдернул клинок, дав жужжащим зубьям очиститься от крови. Он оборачивался в поисках очередного противника, когда ощутил, как десны заныли от звона, с которого начиналась вспышка телепортации. Несколько секунд он стоял и медленно поворачивался, пытаясь установить место высадки. Вокруг закружилась пыль, мелкие камешки начали дрожать, отрываясь от опустошенной земли. Среди сражающихся воинов в синем и белом он разглядел место, где вспышка появлялась и затухала, появлялась и затухала, не находя устойчивой точки захвата. Фиксацию на местности портила неровная поверхность, а также сотни движущихся тел и вызванные пылью помехи.

— Лотара, — в воксе слова сливались вместе и размывались. — Лотара, отменить телепортацию на перекресток

Валика. Отменить телепортацию на перекресток Валика. Мы бьемся на проклятой земле, захвата точки не получится.

В уголке его ретинального дисплея с треском возникло ее изображение, которое произнесло единственное предложение.

— Это не мы, Кхарн.

Картинка исказилась и исчезла. Перед его глазами остались потоки информации и скачущая прицельная сетка, которая не могла установить наилучшую цель в океане вражеских воинов.

От наплечника с треском отскочил заряд болтера. Сила попадания заставила его пошатнуться, шлем осыпало осколками. Он сделал ответный выстрел вслепую, оставив опустошенный плазменный пистолет перезаряжаться.

Аргел Тал, сукин ты сын, где ты?

+Кхарн?+ голос был далеким и слабым, приглушенным стуком гвоздей.

Аргел Тал? Брат, где ты? Веди Носителей Слова. Нас тут истребляют.

Никакого ответа. Ничего.

— Кто-нибудь, — произнес он в вокс. — Все, кто еще меня слышит, кто еще жив, говорит Кхарн с перекрестка Валика. Со мной Восьмая, Двенадцатая и Шестьдесят Седьмая роты. Нам нужна бронетехника и поддержка с воздуха, немедленно.

— Где Несущие Слово? — требовательно спросил один из сержантов. — Предполагается, что они...

Остаток фразы воина поглотили помехи, но он был прав. XVII-й поклялся поддержать их у Валики. Кхарн лично проводил инструктаж.

Прочие ответы представляли собой вой и громкие вопли. Легион поддался гвоздям. Легион с ликованием мчался в сотню засад. Пожирателей Миров невозможно было обуздать.

Все осмысленные голоса в этой звуковой свалке хотели знать одно и то же.

— Примарх, — снова и снова запрашивали они. — Это правда? Ангрон мертв?

Сущность называла себя Единством.

Она поднялась в дымном небе над перекрестком Валика. Ее тянули девятнадцать нитей — девятнадцать уз, которые не давали ей воспарить слишком высоко. Единство повернулось в воздухе, пристально глядя на город внизу, где в мире, полном пыли и ужасной телесности, падали здания и кричали люди.

Движимое любопытством, Единство опустилось ниже, наблюдая за тем, как жизни крохотных созданий обрываются мгновенными вспышками духовных искорок. С каждой смертью от разрушенных оболочек из плоти и железа поднималась прядь тумана. Воин падал, и поднималось мутное и размытое сияние души. Все они вопили, хотя некоторые смеялись в промежутках между криками.

Единство спустилось еще ниже, оказавшись около земли, и провело когтистой рукой сквозь туманную душу, которая поднималась над подергивающимся трупом воина в белом. Призрак распался на части, словно рассеивающаяся на ветру дымка. Единство

рассмеялось, восхищаясь подобной хрупкостью.

Девятнадцать уз потянули его, сковывая крепче. В его сознании сформировалось видение — образ изрезанного и истекающего кровью бога, затерянного во мраке.

Да. Цель. Нет времени на маленькие игры.

Единство сосредоточилось на опустошенной земле и погрузилось в щебень.

Ангрон, — позвало оно. Ангрон, услышь меня.

Он расхохотался во тьме. Этот хохот означал скорее безумие, чем веселье. Он смеялся, протаскивая свое тело по неровным камням, рассекая кожу и не зная точно, где верх, а где низ. По ту сторону глаз пульсировала кровь, но причиной этого в равной мере могли быть как раны, так и сила тяжести. Смех был всего лишь рычащим хрипом. Он силился вдохнуть в лишенном воздуха мраке на протяжении минут, или часов, или дней. Он не знал

наверняка. Все казалось одинаковым.

В ловушке.

Нет. Нет, не это слово. От одной мысли у него так затряслись руки, что он чуть не выпустил топоры, а они были нужны ему, чтобы копать. Не в ловушке, нет. Не беспомощен. Он не был заперт в темноте, в самом воплощении темноты, которое было таким реальным и плотным, что он чувствовал его вкус на языке. Оно просачивалось в глаза, когда те были открыты — были ли они открыты? Откуда он мог знать? — и заполняло рот во время смеха.

Голодный и жаркий мрак давил на него. Живой. Это была правда. Мрак был живым. Он жил, и окутывал его, словно саван.

Ангрон, произнес новый голос.

Он не был Ангроном. Он был просто Им: созданием с трясущимися руками, глазами, которые жгло от песка, и смехом, который давно умер, сменившись сбивчивым хрипом, не означавшим — не означавшим — страха. Он ничего не боялся. Ни смерти, ни темноты, ни

беспомощности.

Ангрон, услышь меня.

Он чувствовал, что с рук ободрана кожа, а пальцы стали кусками сырого мяса, которые скрепила с рукоятями топоров его собственная кровь. Продираясь сквозь скалу, он убивал себя дюйм за дюймом, мгновение за мгновением. Он свежевал себя заживо. Чтобы знать об этом, не требовалось зрение. Темнота не могла скрыть всю правду.

Оба топора не работали. Это тоже было ему известно. Лишенные зубьев клинки все еще крушили камень, но они, несомненно, были повреждены настолько, что не подлежали восстановлению.

Ангрон.

Но он не был Ангроном. Он был...

...заперт.

Запертый во Тьме.

Началась дрожь. Она становилась все сильнее. У него потекла слюна, он пополз быстрее. Камни резали мышцы, когда он протаскивал свое тело по ним, под ними, сквозь них.

Ангрон, ты ползешь вниз, вглубь

земли.

Нет. Это была неправда.

Он закричал, тратя драгоценный запас воздуха, посередине между паникой и яростью. Из носа и рта хлынула кровь. Машина боли внутри черепа начала тикать с перегрузкой, глубже вгоняя иглы в его разум. Он должен был убивать. Должен убивать. Он не был слаб. Не был напуган. Не был беспомощен.

— Убивать, — выдавил он, давясь забившими рот камнями. — Убивать. Калечить. Жечь.

Ангрон. Услышь меня. Я — Единство.

Злоба — не страх, не паника — утихла после этих слов. Он перестал дрожать, перестал волочь себя сквозь скалу.

— Кто ты?

Последние девятнадцать живых. Я — Единство. Единственное, что может добраться до тебя.

Он попытался протереть глаза от липкой крови. Удалось лишь размазать ее по лицу.

— Кто я?

Ты Ангрон, владыка XII Легиона.

Теперь его заполнило спокойствие, давая облегчение больным костям. Он знал, неизвестно откуда, что оно было искусственным. Голоса что-то с ним делали, заглушая злобу-не-страх.

Я противодействую машине внутри твоего черепа, изменяя химикаты, которые текут через мозг. Я не смогу делать это долго, не теперь, когда нас осталось всего девятнадцать. Твой разум слишком отличается от изначального человеческого. Он сопротивляется любому вмешательству.

Он попытался потрясти головой, чтобы та прояснилась, но хрустящее давление окружающих камней не дало сделать даже этого.

Нет. Ложь. Все это ложь.

— Кто ты? — выплюнул он.

Я — Единство.

Это ничего не значило.

— Если ты в силах до меня добраться, так освободи меня.

Я не могу. Я не существую на этом уровне реальности. Я — общность девятнадцати психических сознаний, не более того. Девятнадцать разумов, разделенных сотнями километров, ибо Легион выступает на войну по всей планете.

— Освободи меня! — вновь произнес он.

Тебе придется освободиться самостоятельно. Ты копаешь вниз. Враг заминировал дороги и обрушил башни на авангард твоей армии. Когда ты очнулся, то находился более чем в тридцати метрах под землей. Теперь это уже почти две сотни.

И ты истекаешь кровью. Слабеешь. Даже топоры сломаны. Даже подобные вам не бессмертны, сир.

Он не верил ни единому слову. Не хотел верить. И все же ослабил хватку на рукоятях топоров. Он сказал себе, что это для того, чтобы выждать время, а не из-за исчезновения головной боли.

Существо назвало его «сир». Это было интересно.

Я — собрание разумов,

порожденное последними вашими сыновьями, кто еще может говорить безмолвно.

Я — сила последних девятнадцати живых. Я заглушил Гвозди. На несколько редких мгновений вы стали самим собой.

Попытайтесь вспомнить все, что происходило раньше. Вы — Ангрон, повелитель Двенадцатого Легиона, сын Императора Человечества. Это Ультрама...

Нет. Хватит нашептываний.

Он вспомнил, как стоял во тьме.

Он вспомнил, как стоял во тьме, пока его братья и сестры умирали.

Он вспомнил, как стоял во тьме, пока его братья и сестры умирали из-за того, что он не сражался вместе с ни...

Нет. Не это, сир.

Он вспомнил, как ослеп от света отца. Вспомнил, как отказался бросить братьев и сестер под синим небом и высоким солнцем, вдали от города Деш'ea. Вспомнил механический грохот абсолютного предательства, когда его похитили у смерти, которую он

полностью заслужил.

Он вспомнил холодный миг истины, когда стоял в темноте и больные глаза исцелялись. Каждый день, что он продолжал дышать, был нежеланным даром. Теперь он шел путем чужой судьбы. Его судьбой было остаться с людьми, которые нуждались в нем, звали его, последовали за ним в горы и погибли без него. Несбывшаяся судьба.

Он был Ангроном из Деш'еа. После этого уже ничто не имело значения. Он слушал других, обращавшихся к нему с просьбами, тех, которым было необходимо, чтобы все это стало важно. Играл в их игры, живя чужой жизнью. Вел свои флоты, принял своих сыновей, сказал самому себе, что кровь не вода, а Пожиратели Миров — та армия, которую он хочет, и та орда, которой он заслуживает. Он поддерживал себя ложью, не позволяя никому увидеть свою потребность.

И он служил в империи бессердечного отца, терпя тихие ухмылки братьев, которых презирал.

Да. Ангрон. Ангрон Завоеватель. Мясник. Красный Ангел. Все то, чем они его сделали, лишив его судьбы...

Какой, сир?

Он отшатнулся от голоса. Они не должны были знать.

— Вориас, — прорычал он имя Лекцио Примус своего Легиона.

Вориас внутри меня, сир. Я — Единство.

Ангрону захотелось сплюнуть. Мерзкие псайкеры. Его Легион станет чище, когда последний из них, наконец, умрет. От их нашептываний Гвозди пели внутри черепа, как никогда. Он уже чувствовал, как из носа льется кровь.

— Вы сделали то, что хотели. Вы дотянулись до меня, а теперь скажите, куда копать и убирайтесь из моей головы.

Так они и сделали. Повиновались обоим требованиям. Несколько изнурительных минут Ангрон, истекая кровью, поворачивался под землей, а затем возобновил мучительное передвижение ползком. На сей раз, стремясь к свободе и свету наверху. И что более важно,

стремясь отомстить.

Эска завалился назад, и его доспех глухо ударился о корпус «Носорога». Он соскользнул наземь, медленно сгибаясь, и завершил падение неуклюжим сползанием. Кровь текла у него из ушей, носа, глаз, и в этом не было ничего нового. Все равно было больно, каждый раз больно, но постоянно сопровождающее страдание стало обыденным.

Он ощущал, как вдали умирает Единство. Совокупная сущность, которую они образовали, объединив силы, с криками уменьшалась. Ей доставляло боль простое небытие, когда все псайкеры высвобождали свои разумы и возвращались к индивидуальности. Странно и плачевно для краткоживущего сознания, но ничто иное не смогло бы пронзить мглу изломанной души Ангрона. Прото-Гвозди примарха оберегали его разум от вторжения. Никто не знал, почему, как, и задумывалось ли это вообще.

Эска припал к земле, дыша сквозь окровавленные зубы. Он был слишком слаб

даже для того, чтобы сглотнуть. Прокладывать путь в сознание примарха было все равно что вслепую плыть сквозь рокрит. А Гвозди... Гвозди превращали пытку в кошмар. Гвозди Ангрона были почти грязны в своей простоте, они закрывали мозг военачальника от внешнего воздействия, обращая его мысли в не оставляющие следов неуловимые призраки. Чтобы просто поговорить с ним разум к разуму, требовалось такое действие, как Единство. А после действия вроде Единства оставшиеся библиарии Пожирателей Миров слабели и заболевали. Что бы ни было использовано при создании внутричерепных имплантатов Ангрона, оно не поддавалось простому воспроизведению.

Ему наконец удалось поднять взгляд на собственных братьев по всей разрушенной площади, которые сознательно не обращали на него внимания. Эска уставился в пыль, глядя, как закованные в белое сыны Ангрона бьются среди камней, нанося удары клинками по силуэтам

Ультрадесятников, которые не уступали. Тени меньшего размера, смертные солдаты Арматурской стражи, сражались постоянно отступающим строем, образуя очаги сопротивления при помощи часто полыхающих лазерных винтовок. Даже сквозь пыльную дымку и химическую вонь жженого металла и танковых двигателей он чувствовал запах вызванного страхом пота, который покрывал тела людей.

Тусклое солнце заслонила тень. Небольшая тень. Он снова поднял голову, не осознавая, что был близок к потере сознания.

Первым на него обрушился страх человеческой кожи. А затем — запах крови. Жидкой крови смертного, не прошедшей фильтрацию усовершенствованными органами и без добавок стимуляторов. Он не мог различить лица или деталей формы, но это и не требовалось. Это был не легионер. Человек был не на его стороне.

Он поднял руку. Чтобы убить смертного? Защититься от грядущей расправы? Это не имело значения. Рука Эски дрожала в воздухе перед ним — самый

серьезный и очевидный признак слабости. Его предало собственное тело.

+Вориас+ беззвучно передал он, хотя это и было бесполезно. Вориаса отделяла от него половина города.

+Кхарн+ предпринял он попытку. +Каргос+. Они оба были ближе. Он не видел, как Кхарн сражается в хаосе перекрестка Валика, но слышал, как капитан кричит в вокс, требуя отменить телепортационное наведение. Как и следовало ожидать, никто из них не ответил. Возможно, они даже его не услышали.

Силуэт человека прицелился из винтовки, наводя ее в голову. Эска рассмеялся, но из его гортани вышел булькающий хриплый смешок — он давился собственной желчью.

— Почему? — спросил человек. — Почему вы нас предали?

У Эски плыло в глазах, он силился сконцентрировать свои мысли. Он снова рассмеялся, так же слабо. Рука продолжала трястись.

— Отвечай мне! — заорал солдат. Он вдавил дуло винтовки Эске в щеку.

Пожиратель Миров попытался ответить, но вместо этого его стошнило темной кровью на переднюю часть доспеха.

Рычание. Визг. Что-то блеснуло в воздухе.

Лицо Эски покрыла кровь, горячая и слишком человеческая. Тень рухнула, и ее место заняла другая. Эта издавала урчащий гул работающего доспеха.

— Эска, — произнесла новая тень. У нее был топор, а шлем венчал плюмаж. От нее пахло войной, ненавистью и огнем.

— Капитан, — болезненным шепотом отозвался кодиций. — Благодарю.

Он протянул дрожащую руку, нуждаясь в помощи.

Другой Пожиратель Миров сделал шаг назад, словно ему что-то угрожало. Ах, да. Эска опять опустил руку.

— Прости меня, Кхарн, — выдавил он.

— Все в порядке, — воин отвернулся. — А теперь вставай и закончи бой.

Эска смотрел, как его капитан удаляется по камням. Кодиций поднялся почти минуту спустя, выискивая оружие, которое бросил, спасая жизнь примарха.

На арматурце был грязный синий мундир офицера гвардии Академии, украшенный золотыми шнурами и серебряным кантом.

— З-з-з... за Императора, — запинаясь, произнес умирающий изуродованным ртом. Кровь лилась с десен там, где находились зубы, пока Кхарн не вколотил их в горло всего несколько секунд назад. Отвлекшись, Пожиратель Миров подтянул к себе сопротивляющегося мужчину и ударил того головой, впечатав щерящийся лицевой щиток в лоб человека. Сколько бы костей ни остались целыми после такого удара, их было слишком мало для продолжения жизни. Арматурский офицер упал на землю, такой же мертвый, как и город, который ему не удалось защитить. Кхарн сделал вдох, втягивая запах крови с лицевого щитка. Гвозди ответили теплой удовлетворенной пульсацией.

Он поднял глаза к небу, когда точка телепортации, наконец, зафиксировалась, прорвав в варпе канал с грохотом, от которого вылетели немногие уцелевшие

окна в радиусе нескольких улиц. Давление вытесняемого воздуха само по себе создало гром, ударивший в тридцати метрах над полем боя. Кхарн смотрел вверх., когда пришла ударная волна, и ощутил, как по броне стучат камешки и песок. Тех, кто был ближе всего к взрыву в воздухе, сшибло с ног — и Пожирателей Миров, и людей, и Ультрадесантников. Капитан находился достаточно далеко, и у него всего лишь на несколько секунд сбился ретинальный дисплей.

Из золотистой раны в небе планеты вниз упал полубог в красном и золотом. Величественный воин-жрец, закованный в священную багряную броню, каждую пластину которой покрывали рунические мандалы и молитвы, написанные колхидской клинописью. Прикрепленные к темному керамиту свитки с обетами развевались на ветру, словно пергаментные крылья, расправляющиеся при падении. А затем Кхарн почувствовал это. Почувствовал инстинктивный вздох преклонения, вызывающее зуд по коже благоговение первых мгновений пребывания

в присутствии примарха.

Ребристые подошвы Лоргара с хрустом врезались в щебень, кроша камни в гальку и пыль. Воздух тут же пронзили выстрелы снайперов, безрезультатно вспыхивавшие при попадании в психокинетический щит, который мерцал вокруг доспеха примарха. Кхарн предупреждающе закричал, но Лоргар обратил на оклик центуриона столь же мало внимания, как и на приближающуюся бурю огня, вероятно, угрожавшую его жизни. Его внимание было где-то в другом месте, он сконцентрировался на проклятой земле, которая отмечала погибший проспект.

Над головой прогрохотал десантно-штурмовой корабль Ультрадесанта. Ряды тяжелых болтеров гремели и полыхали в пыльном мраке. Это привлекло внимание примарха. Лоргар уверенно и плавно развернулся по дуге, протащив чудовищное навершие Иллюминарума по земле, а затем с ревом метнул булаву в небо. Крозиус завертелся, превратившись в размытое пятно энергии, и врезался в

усиленное стекло кабины с настолько громким треском, что его было слышно за протестующим шумом прыжковых ускорителей корабля. Когда «Громовой ястреб» вильнул в сторону, Лоргар поднял руку в том направлении, и его пальцы искривились, будто когти. Он схватил машину, удерживая ее в воздухе.

И дернул.

Двигатели десантно-штурмового корабля вздрогнули и закашлялись, испуская черную грязь. Лоргар снова потянул, словно пророк, хватающий мудрость с неба. Корабль рухнул, врезавшись в разрушенный проспект с режущим уши грохотом терзаемого металла. Его двигатели пылали, корпус был изуродован.

Примарх на какое-то время забыл о потерянном крозиусе, вновь обратив взгляд на щебень на краю широкого проспекта.

Он произнес единственное слово. Кхарн каким-то образом расслышал его отчетливо, хотя это был просто шепот.

— Брат.

Владыка Несущих Слово начал

выдергивать камни, не прикасаясь к ним, и отшвыривать их от засыпанной и разрушенной дороги с такой же легкостью, как сорвал с неба десантный корабль.

Сверху спустился Скане. Он затормозил возле Кхарна с воющим визгом двигателей прыжкового ранца. Черный доспех побелел от праха гибнущего города.

— Вам это понравится, — сказал он капитану.

Кхарн не мог отвести глаз от Лоргара.

— Ты видишь то же, что и я? — спросил он у Скане.

— Это еще лучше, капитан, — разрушитель покачал головой. — Чувствуете?

Обратив внимание, этого было нельзя не почувствовать. Земля вибрировала, слабо, но размеренно, словно быстро бьющееся сердце. Город сотрясала не смерть, а шаги гигантов.

— Поступь титанов, — произнес Кхарн.

— Я видел, как несколько движется через пыль, — согласился Скане. — И все они

не за нас.

5
Угольная королева
Его имперская мудрость
Они ликуют, мой принцепс

Машина-охотник была известна под несколькими именами, часть из которых являлась ласкательными, часть фактически архивными, а часть — проклятиями, раздававшимися, когда ее тень падала на врагов.

В различных записях, сохранившихся у остатков 203-го экспедиционного флота, она упоминалась как LADX-cd-MAPC-Квинтэссенция-[модификация Некаре]— J-XJJ-002a-2/98: VS/TK/K. Это название едва ли годилось, чтобы вселять во врагов ужас.

В анналах Темных Ангелов она была известна как «Угольная королева», и ее помнили по тем десятилетиям, когда она несла службу вместе с Первым Легионом, прежде чем вместе с сестрами была послана сражаться вместе с

Пожирателями Миров. В стратегиуме флагмана Льва, «Неоспоримого довода», висел штандарт, который чествовал ее победы, одержанные вместе с Темными Ангелами. Его сорвали, когда открылось, что она переметнулась к врагу.

Пехота, которая сражалась у нее под ногами, более часто именовала ее «Шакалом» или «Ревуном». Ее вопль всегда вызывал у меньших собратьев ответный рев. Для тех же, кто знал ее лучше всего, управлял ее движениями и образовывал биологические компоненты ее мозга, она была «Сиргалой», первым охотником Угольных Волков.

Имя командного титана, как и у всех боевых машин Легио Аудакс, происходило из древних времен, из гималазийских диалектов протоготика, сохранившегося в виде фрагментов знаний утраченных эпох Древней Терры. Давным-давно, когда Терра еще была Старой Землей — когда небеса были синими, а не цвета серого железа — крупнейший континент планеты покрывали целые цивилизации. Теперь на этом месте располагался Имперский

Дворец, и единственным, что осталось от тех почти позабытых людей, были отголоски вроде названия «Сиргалы».

«Сиргала» двигалась вперед, пригнувшись по-звериному. Волчий череп из клепанного железом керамита был наклонен вниз, чтобы смотреть вдоль дороги. Руки-орудия следовали за направлением взгляда, разворачиваясь влево и вправо при каждом движении сенсорных экранов кабины, заменявших глаза. Машина скорее кралась, чем шла, когтистые лапы с хрустом оставляли на рокритовых проспектах трехпалые следы. Из-за своей походки она качалась из стороны в сторону при каждом шаге.

На титановой пластине, находившейся на толстой броне голени, виднелись слова: «Если у волков есть королева, то это она» на том же хиндусском протоготике, который подарил ей имя. Этой надписи ее удостоил Лев, повелитель Первого Легиона, десятки лет назад. За годы войны табличка царапалась, тялась и стиралась, однако техножрецы всегда возвращали ей читаемый вид.

Личность дарителя не имела значения. Суть была в смысле.

Внутри бронированного черепа были пристегнуты к креслам трое членов командного экипажа. Генрику Солостину было восемьдесят, но благодаря омолаживающей хирургии он продолжал выглядеть на пятьдесят, находясь на пике того второго расцвета красоты, который выпадает некоторым удачливым мужчинам. Седеющая щетина на подбородке обрамляла частую и непринужденную улыбку. С висков и затылка спускались соединительные нейрокабели, которые были подключены непосредственно к кожаному креслу. Он смотрел прямо через глаза кабины «Сиргалы» на то, как артиллерийский танк скрежещет шестернями, разворачиваясь на проспекте. Орудие машины грохнуло, окутавшись черным дымом, и пустотные щиты «Сиргалы» осветились от кинетического удара.

— Этот «Поборник» надо уничтожить, — произнес Солостин.

— Есть, сир, — отозвался Тот Кол со

своего кресла. — Преследую.

Кабина затряслась сильнее, титан класса «Пес войны» перешел на шатающийся бег. Он двинулся сквозь облака пыли, и о броню загремела галька.

Лицо сидевшей на соседнем с Тотом кресле Киды было освещено нездоровым янтарным светом — иллюзией огня от мерцающего дисплея целенаведения.

— Выстрел уже готов, сир.

На своем командном троне Солостин повел обоими кулаками вперед, медленно и аккуратно нанося двойной удар. Приводы и гидравлика издали резкий визг, и «Сиргала» повторила его движение. Руки-орудия поднялись и прицелились в нейронной гармонии.

Иного разрешения не требовалось. Кида ухмыльнулась и выстрелила. Левая рука «Сиргалы» издала рычание, тегаболтеры «Вулкан» с оглушительным ревом открыли огонь, повинуясь нажавшему на спуск пальцу стрелка. На дорогу, словно ливень дымящегося металлолома, посыпались стреляные гильзы.

— Цель уничтожена. — сказала Кида.

— Цель более чем уничтожена, дорогуша, — подтвердил Солостин. Его шепот прошел по титану, вызвав дрожь удовольствия в железных костях старушки.

Тот провел «Сиргалу» за поворот проспекта и свернул на боковую улицу. Проходя мимо, «Пес войны» настешливо пнул подбитый «Поборник». Корпус танка, изжеванный устроенным Кидой обстрелом, покатился по рокриту и пробил стену.

— Модерати примус? — окликнул Солостин.

— Да, сир?

— Пинок, — он усмехнулся. — Славно сделано. Ауспик?

Бионические глаза Тота сфокусировались на дисплее левого монитора.

— Все соединения сохраняют атакующие параметры. Больше половины Легио участвует в бою, остальные двигаются точно согласно плану. Сообщается о соотношении потерь в одну вражескую машину на одну нашу.

— Приемлемо, — задумчиво произнес Солостин, — но едва ли образцово, если учесть обстоятельства. Легио Лисанда вряд ли превосходит нас по классу.

Тот смотрел на дорогу впереди.

— Лисанда сражается совместно с Ультрадесантом.

Солостин кивнул. Не было нужды уточнять — всякий раз, когда Легио Аудакс выступал на войну, происходило одно и то же. Прочие Легионы Космического Десанта действовали в тактическом согласии со своими силами Коллегии Титаника, но никогда нельзя было рассчитывать, будто Пожиратели Миров сохранят спокойствие достаточно долго, чтобы продемонстрировать подобную выдержку.

«Пес войны» продолжал враскачку идти вперед. Гремящий корпус пробивался сквозь пыльные облака, которые душили город. Они ориентировались по аускпику, направляясь к искаженным тепловым меткам и движению, засеченному широкоугольной эхолокацией. Позади «Сиргалы» не отставали от вожака «Псы

войны» «Маакри» и «Кала». На их темной броне виднелись такие же повреждения, как и у командного титана.

— Входящее сообщение. — Тот нахмурился. — Флагман отфильтровывает, как может. Оно с передовой, обращено ко всем подразделениям сопровождения. Они хотят, чтобы мы стянулись к... — он прижал бионическую ладонь к вводу вокса, аугметически соединенному с виском.

Солостин барабанил пальцами по подлокотнику кресла, непринужденно раскачиваясь в такт поступи старого титана.

— Стянуться к?... — переспросил принцепс. — Куда стянуться? Не говори мне, что, наконец, настал день, когда Двенадцатый Легион просит нас о помощи.

— Вот дерьмо, — выругался Тот, медленно выдохнув. — Передача от восьмого капитана Кхарна. Он приказывает всем подразделениям разведки вернуться к перекрестку Валика и требует немедленного подкрепления.

— Толика достоинства не помешает, модерати Кол, — неодобрительно отозвался Солостин на ругательство.

— Мои извинения, сир.

— Прощаю, — Солостин самостоятельно слушал передачу, и его улыбка угасала. — Чтобы добраться до Валики, нам придется пробиться через четверть города. Я... подождите, подождите. Это не может быть правдой, — сказал он.

Кида, не подключенная к вокс-сети, наконец, отвела глаза от стрелковых консолей.

— В чем дело?

— Поступают сообщения с половины городских перекрестков, — ответил Солостин. — Хуже всего на Валике.

Приближаются машины Лисанды. К тому же, там высадился лорд Аврелиан.

Кида нахмурилась. На оранжевом стекле целеуказателя постоянно отображались прокручивающиеся потоки данных.

— И почему это не может быть правдой?

— Не это, — произнес Солостин. Он ввел команду, чтобы перевести вокс-сообщение на основные динамики кабины. — Вот это.

— ... потеряли контакт с примархом, повторяю, говорит Кхарн с Валики. Мы потеряли контакт с примархом, подкрепления...

Кида не переставала хмуриться.

— Пожиратели Миров постоянно теряют контакт с примархом. Они теряют контакт со всеми, когда, ну вы знаете... — она постучала пальцами по виску. — Гвозди берут верх.

Солостин глядел глазами титана на пылающий город снаружи.

— На сей раз что-то явно иначе.

Кхарн кричал. Не от ярости и не из-за ран, просто потому, что еще был жив. Этот звук тысячи и тысячи раз повторяли по всему городу люди, которые подошли к своему физическому пределу, вышли за него, но так и не получили передышки. Он кричал, чтобы пересилить боль в мускулах, сражаясь с жжением

молочной кислоты в изможденном теле, затопленном боевыми стимуляторами. Он кричал и смеялся, пока убивал, и его топор опускался снова, снова и снова.

Он не лгал Аргелу Талу. Некоторым воинам нравилась война, и он был одним из таких. Не сам сокрушительный натиск, а первобытный восторг при прорыве вражеского строя и сопровождающий его дурманящий хохот. Покалывающее удовольствие от дыхания, когда другие сломлены и мертвы. В борьбе за выживание крылись бездны веселья.

Однако военные писцы занимались своим ремеслом неправильно с самого появления языка. Некоторые вещи просто нельзя описать, и первой среди них была война — подлинная открытая война между сшибающимися армиями.

В силу самой сути восприятия, то, что мудро для одного, всегда будет ложью для кого-то другого.

Некоторые рассказчики фокусировали внимание на каждой секунде поступков и поведения воина в пылу схватки, описывая движения смертных. Другие — на

атмосфере более масштабного противостояния, и давлении эмоций на его участников.

Правы были и те, и другие, и никто из них. Кхарн хорошо об этом знал.

В битве не существовало никакой универсальной истины. Порой он сражался, и не мог вспомнить ни одного удара топора, ни одного лица убитого врага, хотя те вопили у него перед глазами часами напролет. Также он бывал на таких полях боя, где каждое искаженное лицо застревало в памяти на несколько часов, и где он помнил каждый незаметный поворот топора, как и точный звук, с которым оружие разрывало доспехи, мясо и кости.

Битва определялась выносливостью. Ход времени отмечала лишь боль в мышцах и сбившееся дыхание. Война на передовой — от боевых отрядов Древней Терры до мясорубки с участием огромных орд в Великом крестовом походе — была войной с самим собой. Мастерство не имело значения, все решали братство и стойкость. В 31-м тысячелетии любой

воин, взявший винтовку, пистолет или клинок, бился против собственных запасов мужества, силы и выносливости. Против мужества братьев и сестер, против их способности продолжать стоять и держать строй.

Прошло тридцать тысяч лет, и методы ведения войны сделали полный круг.

Как показала Темная Эра Технологии, масштаб конфликтов человечества сбросил со счетов порочную практику опоры на автоматику. Люди вернулись к столкновениям меча и щита, к окапывающимся солдатам с винтовками. В роли богов теперь оказались боевые титаны и танки «Гибельный клинок».

В более спокойные моменты Кхарн ощущал гордость. Он жил во вторую эпоху легенд, и с каждой новой победой вокруг него создавалась мифология будущего. Пожиратели Миров были потомками фаланг древности, духовными наследниками стен щитов из сгинувших царств. Они являлись воплощенным эхом, воскрешая в памяти битвы, которые

дробились на поединки бронзовых клинков в руках тысячи героев, когда боевой порядок терялся в крови, поте и проклятиях двух перемалывающих друг друга армий.

Они не были солдатами, которые группами пробиваются по покоряемым улицам. Они были воинами, которые обнажают клинки для тех мгновений схватки, когда отвага и стойкость грозят перерасти в безумие.

Тех мгновений, которые никогда не сохранялись в сагах.

Однако он не видел в войне большого искусства. По крайней мере, помимо мимолетного эстетического удовольствия, которое сопровождало столь невероятные зрелища, что от них глохли чувства: возможно, горящий город, или же орбитальные пикты армий такого размера, что от них чернела сама земля, на которой они убивали друг друга.

И все же он любил войну. Любил братство, сражение бок о бок и спиной к спине с воинами, ради которых он бы отдал жизнь, и которые бы умерли за него. Он любил мгновения прилива жизненных

сил, который ощущал всякий раз, когда враг падал под ударом его топора. Он был горделив, как и все, ни разу не запятнав себя пустым тщеславием, и любил войну, поскольку имел к ней талант.

Подлинная сила космодесантников Императора заключалась в их генокоде. Не в физической силе, сколь бы грозной она ни была. Не в дисциплине, поскольку многие были почти полностью лишены этого достоинства. Не в бронированном кулаке многочисленных батальонов бронетехники, которой на самом деле почти с тем же успехом могли бы управлять и низшие люди.

Нет, их сила служила доказательством тонкой прозорливости Императора в отношении конфликтов. Он создал воинов, которые были в силах выдержать больше, чем любой другой смертный. Когда основные сердца и легкие уставали, это компенсировалось работой запасных органов. Раны, которые ошеломили или обездвижили бы человека, почти не замедляли легионера. Они были детьми, которых забрали из естественной

жизни, вырастив в чистом виде существ, способных переносить неимоверную боль и повреждения и продолжать идти дальше.

Несмотря на все мнимые недостатки, Император понимал, что война совершила полный круг. В своей имперской мудрости он вывел солдат, чтобы побеждать в древних войнах, которым предстояло вновь произойти в будущем.

И Кхарн кричал. Он кричал, отсекая голову упрямому, одетому в форму гвардейцу Академии, и кричал, обратным ударом разорвав надвое женщину-офицера. Кричал, когда ощущал усталость, которая бы парализовала человека, и когда преодолевал ее снова и снова. Перед ним вырос Ультрадесантник, державший наготове болтер и гладий. Кхарн снес легионеру руку рубящим ударом, пнул его в нагрудник так сильно, что тот упал, а затем обвил цепь оружия вокруг горла раненого воина. Он душил Ультрадесантника, обхватив его сзади и выдавливая жизненную силу, все это время продолжая реветь, выть и исходить пеной.

И Гвозди пели. Они посылали в голову

импульсы ненависти, обещая прекратить боль, но так и не избавляя от нее.

Тени заслоняли дневной свет, когда мимо проходили вражеские титаны, наводившие свое разрывающее барабанные перепонки оружие на боевые танки Пожирателей Миров. Тяжелый грохот тегаболтеров «Вулкан» был настолько громким, что мог бы сойти за биение сердца самой Арматуры. Струи огня из разряжающихся рук-орудий озаряли пыль, превращая ее в мерцающую дымку, слабый свет которой преображал титанов в громадных существ из железа и теней.

Кхарн видел в пыли силуэт Лоргара, который отшвыривал прочь огромные камни и куски рухнувших строений при помощи телекинетической ярости. Примарх зарывался глубоко, сильно ниже уровня улицы, и воздух сгущался от пелены психического резонанса, который был достаточно резким, чтобы вызвать у окружавших головную и зубную боль. Любой Ультрадесантник, кто спускался в яму, умирал, не удостоившись даже взгляда Лоргара. Призрачные волны кинетического

давления обрушивались на целые отделения, отбрасывая их и убивая о камни. Смертные солдаты, попадавшие под эти небрежные импульсы энергии, улетали еще дальше, и их размазывало о щебень при приземлении. Лоргар продолжал копать.

Сгорбленный титан «Пес войны», жаждущий добычи, с топотом двинулся через пыльное облако, наводя орудия на примарха. Кхарн набрал воздуха для предупреждающего крика, но спустя мгновение выдохнул в безмолвном ошеломлении.

Лоргар, перчатки которого покрылись психической изморозью, поднял кусок разбитой кладки размером с транспортер «Носорог» и швырнул его через проспект. Скорость полета была такой, что за ним расходились волны пыли. Издав величественный колокольный звон, обломок столкнулся с волчьей мордой кабины титана, расплющив отсек для экипажа. От этого титан медленно, очень медленно завалился набок. Те немногие Пожиратели Миров, у кого еще хватало

рассудка наблюдать, разразились хохотом и возобновили натиск.

На Валику прибывали все новые Ультрадесантники, которые вели отделения смертных солдат, еще не изтоманных в схватках. Другие падали с неба на рычащих прыжковых ранцах. Еще часть сыпалась с десантно-штурмовых кораблей, спускаясь через пыль по тросам. По камням со скрежетом приближались кобальтово-синие танки, их орудийные установки полыхали огнем.

— Где подкрепления? — требовательно спросил Кхарн в вокс. — Где эти ублюдки Несущие Слово?

Вместе с ним сражались Каргос, Скане, а также Эска и Джеддек. Библиарий бросился в бой, между его топорами плясали слепящие дуги лиловых молний. Джеддек был одним из старейших живых Пожирателей Миров. Он участвовал в крестовых походах среди звезд с момента основания Легиона, задолго до того, как был обнаружен родной мир примарха, и начался набор рекрутов с планет помимо Терры. Он держал

геральдическое знамя Восьмой роты — огромный тканый флаг, на котором клыкастый череп с отметкой «8» пожирал мертвую красную планету.

Кхарн отступил и встал рядом со знаменосцем.

— Что случилось? — заорал он, перекрикивая звуковую бурю.

Джеддек поднял обрубок другой руки. Та заканчивалась около локтя.

— Ультрадесант случился.

Каргос присел перезарядить болтер.

— Если ты не заметил, он все еще продолжается.

Из пыли с шипением вырвался болтерный заряд, который врезался Джеддеку в грудь и вынудил опуститься на одно колено. Знамя колыхнулось, опускаясь, падая.

Скане открыл ответный огонь из пистолетов, сразив размытый силуэт Ультрадесантника, который поднимался к ним по каменному откосу.

— Ты отомщен, Джеддек, — передал сержант по воксу.

— Я еще не умер, — прорычал ветеран

в ответ. Он рывком встал на ноги, вновь поднимая знамя. Разбитый нагрудник покрывала кровь. Кхарн видел среди мешанины раздробленного керамита и расколотой грудной клетки следы пульсации органов .

— Где проклятый Семнадцатый? — сплюнул Каргос. — Где они?

Скане — не всегда ли это оказывался Скане? — произнес вслух то, что было у них на уме.

— Предательство. Они бросили нас умирать во имя какой-нибудь великой и священной шутки, помяните мое слово.

Кхарн посмотрел на цепной топор, лишившийся зубьев и деформировавшийся от чрезмерного использования. Посмотрел на плазменный пистолет, который ослабел и страдал жаждой от перегрева, протестующе выпуская пар под давлением.

— Они нас не бросят.

Скане ухмыльнулся.

— Вы действительно верите в то, что говорите? Скажите, что тут Лоргар, и они примчатся бегом.

Ответная улыбка Кхарна была по-

настоящему тонкой и трачной.

— Говорит капитан Кхарн из Двенадцатого Легиона. Всем силам Несущим Слово возле Валики. Нас подавляют, и нам немедленно нужно подкрепление. Здесь ваш примарх. Слышите меня, трусы? Здесь ваш примарх.

Немедленно раздался трескучий ответ, искаженный помехами вокса.

— Подтвердите.

Кхарн расхохотался, убрав пистолет в кобуру и подобрав с камней брошенный болтер Ультрадесантника.

— Я прямо сейчас смотрю на Лоргара, шавка. Вы не только нас тут бросили.

— Говорит Торгал из Седьмой Несущих Слово. Запрос подкрепления принят.

Кхарн сделал из похищенного болтера единственный выстрел. Тот разнес на части гвардейца Академии, который пытался вскарабкаться по щебню за укрытие.

— Что значит «принят»? Хочешь сказать, что на сей раз вы действительно

придете?

Вокс опять утонул в помехах.

— Трусы, — Скане продолжал ухмыляться. Он убрал оба опустошенных пистолета, осмотрелся по сторонам в поисках оружия, которое можно было бы взять, и вернулся с легкой лазерной винтовкой, смотревшейся в его бронированных руках почти что комично. За нее все еще держалась половина руки смертного. Выбросив руку, Скане так и не смог просунуть палец в скобу и отшвырнул бесполезное оружие в том же направлении. — И скажите им принести боеприпасов, — проворчал сержант.

Все новые тени превращались в силуэты, а силуэты — во вражеских солдат, которые появлялись из дымки. Арматурские гвардейцы носили респираторы для защиты от пыли. Ультрадесантники вели их с неизменным и упорным достоинством. Из пыли, покачиваясь, на оскверненную площадь выходили новые шагающие машины — «Псы Войны», которые трубили в боевые горны, словно завывающие волки.

— Было честью служить с вами, сэр, — теперь пришла очередь Каргоса ухмыльнуться.

Кхарн сглотнул собственную едкую кислотную слюну. Юмор Пожирателей Миров — неизменный преступный черный смех посреди бури. Он улыбнулся в ответ.

— Заткнись, Каргос.

Титан класса «Пес войны» «Ардентор» опустил руки-орудия, водя ими поверх воронок, вырванных в истерзанной земле. Прожекторы на дуле с потрескиванием ожили, поворачиваясь туда-сюда, пока напоминавший собаку титан вынюхивал добычу среди пыли. Пустотные щиты искрились от случайных выстрелов окрестных Пожирателей Миров из руин, однако энергетический барьер оставался активен, и машина двигалась, не обращая внимания на их бессмысленные жесты. Другой железный зверь окатил соседнее здание струей разрывного огня «вулканов», которая прогрызала камень и резала на куски находившихся внутри легионеров. На дорогу сыпался ливень стреляных гильз

размером с руку человека. Они с лязгом падали сотнями, рассыпаясь по улице.

Горны «Ардентора» издали рев, когда он с хрустом сделал первый шаг по каменному склону. Это был одновременно протестующий вопль и призыв к оружию. Болтеры «Вулкан» гортанно завизжали от голода, их боезапас иссяк после часов сражения без доукомплектовки. С подбородка затрещали второстепенные орудийные установки, которые могли лишь плеваться по легкой пехоте. Трассеры зашлепали по земле, вгрызаясь в воронку.

Принцепс Максамиллиен Делантир наклонился вперед на своем троне, и его позвоночные стыковочные кабели натянулись.

— Я что-то там чувствую. Поддерживать оборонительный огонь.

Модерати секундус издал несогласный бинарный всплеск.

— Ауспик все так же ничего не фиксирует.

— Наводчики подтвердили, что этот кратер создан психическим выбросом противника, что бы это ни было. Там

внизу что-то есть, — Делантир почесал под вызывающей зуд маской респиратора. — Огонь внутрь кратера из основного плазменного орудия.

— Мой принцепс, у нас осталось не больше трех выстрелов до того, как наступит гиповолемия реактора.

— Мы перевооружимся и подзарядимся, когда Валика будет зачищена, Кей. Если наши пушки опустеют, а реактор будет страдать от жажды, я буду крушить этих предателей ногами. А теперь огонь согласно приказу.

— Есть, мой принцепс.

Пока модерати со шлемом на голове трудился, наводя правую руку, кабина погрузилась в полумрак аварийного освещения.

— Угроза гиповолемии ядра, — протрещал лишенный эмоций голос техножреца из камеры плазменного реактора, помещавшегося в бронированном отсеке позади капсулы кабины.

— Я в курсе, — натянуто улыбнулся Делантир. — Просто дайте мне один выстрел.

— Накапливаем поражающий эффект, — воскликнул модерати Кей. Он быстро последовательно повернул семь верньеров и вдавил левый активатор. — Приготовиться к разряду.

— Всем приготовиться, всем приготовиться.

Опоры «Пса войны» крепко зафиксировались, он выстрелил, и на Валике родилось второе солнце.

Имперская плазменная технология соединила одноэлементные газы, чтобы создать пламя, лижущее поверхность звезд. В древние эпохи этот процесс был более известен как термоядерный сплав — ионизация водорода при сотне миллионов градусов — для воссоздания сердцебиения солнца путем человеческого гения. Приготовление плазмы составляло половину ритуала. Остальное являлось «разрядом». В священных залах Легио Лисанда и различных Коллегий Титаника разряд плазменного оружия богомашин сопровождался обилием молитв, воззваний, благословений и воскурением определенных благовоний.

«Пес войны» выстрелил. Заряд свежей плазмы, обладавший кометным хвостом, сдерживался искусственным магнитным полем, чтобы предотвратить рассеивание вследствие разлета ионизированных атомов. Немедленно началось вентилирование, из разгрузочных отверстий по всей длине руки-орудия титана хлестнул призрачный пар охладителя.

Разряд испепелил пыль, выжег воздух дочиста, и на долю секунды залил воронку ядром солнца. Пожиратели Миров, задетые краем взрыва, растворились до костей и обломков брони, которые брызнули в воздухе, истерлись в пыль, а затем исчезли.

Лоргар стоял в углублении кратера, подняв на титана безмятежный взгляд. С доспеха осыпался пепел — последние остатки прикрепленных к керамиту священных пергаментов. Воздух рябил от силы его концентрации и кинетического щита, который он продолжал удерживать простертой рукой. На несколько метров вокруг его сапог тянулся нетронутый

камень. Все остальное выгорело до маслянистого черного стекла.

Все три члена экипажа подались вперед на своих креслах. Кей поднял забрало с целеуказателем.

— Что я вижу? — вопросил он. — Этого не может быть.

Модерати примус, Эллас, прищурился.

— Это?...

— Огонь, проклятие! — закричал Делантир. — Огонь еще раз!

— Приготовиться к...

— Просто огонь!

В кабине отключился свет, энергия покидала реактор. В воксе с нетипичной поспешностью затрещал голос техножреца.

— Угроза гиповолемии ядра, — он почти что визжал. — И мы не гот...

«Ардентор» выстрелил еще раз.

От разряда титан отшатнулся на два шага назад, растопыренные ноги-лапы с хрустом погрузились в проспект, чтобы избежать падения. После выстрела рука-орудие зашипела от выходящего из

охладительных створок пара, словно остужаемый в воде выкованный клинок.

Освещение снова включилось. Мгновением позже вновь ожил целеуказатель Кея, а следом за ним и консоли управления.

— Он должен быть мертв, — прошептал Делантир. — Должен быть мертв. Мы убили примарха. Подведи нас ближе.

«Пес войны» выровнялся, двинувшись обратно, чтобы заглянуть в кратер.

Глаза Кея бегали между опустошением внизу и пульсирующим звоном контактов аусника.

— Приближаются машины, — сказал он. — Легио Аудакс. И десантные корабли. Заявленные обозначения относят их к Семнадцатому.

— Они опоздали, — произнес Делантир сквозь стиснутые зубы.

Примарх Несущих Слово пал. Доспех, некогда бывший красным и покрытым священными текстами, превратился в пепельную оболочку из обугленной брони. На потрескавшейся и сочащейся влагой

коже виднелись лоскуты кровоточащих ожогов. Не осталось ни единого нетронутого куска. Он не вставал с колен. Не поднимал голову. Он вообще ничего не делал.

— Он мертв, — тихо проговорил Эллас.

— Огонь еще раз, — выдохнул Делантир. — Огонь еще раз.

— Вы истощили ядро, — отозвался Кей. — У нас нет плазмы.

— Огонь подавляющими трассерами. Три очереди.

Противопехотные болтеры «Ардентора» выплюнули трассеры в распростертого примарха. Первая очередь размолола стекло, расшвыряв повсюду его осколки. Две следующие попали в опаленную броню, опрокинув павшего сына Императора на спину — беззащитное существо с обваренной и пробитой плотью.

— Мы только что убили примарха, — сглотнул Кей. — Мы только что убили примарха.

Делантир ухмыльнулся, демонстрируя все свои зубы.

— Раздавить его. Пусть им нечего будет хоронить.

«Ардентор» зашагал. Вывернутые назад ноги били по оползающему и испускающему пар стеклу, кроша его, пока машина, пошатываясь, спускалась в кратер. Когда она достигла тела примарха, Эллас поднял правую ступню-лапу и взялся за оба рычага управления, чтобы обрушить конечность вниз.

«Пес войны» вздрогнул. Одна нога находилась в воздухе, и он был неустойчив. Громадные приводы в бедре и колене боевой машины протестовали, издавая грубое механическое чихание.

— Опускай ногу. — приказал Делантир. — Прикончи его.

Эллас еще раз резко толкнул рычаги управления.

— Нам что-то мешает.

Кей снова опустил забрало целеуказателя, выглядывая через лобовое стекло левого глаза «Пса войны». Он медленно вздохнул и вновь бросил взгляд на принцепса.

— Мой принцепс? Пожиратели Миров

в развалинах... Они ликуют.

Истекающий кровью полубог вырвался из земли, сопровождая свое воскресение буквально-таки медвежьим ревом. Его покрывала темная, насыщенная кровавая влага. Он отшвырнул разбитые топоры, которые уже никогда бы не взял, и вдохнул в легкие воздух свободы. Та пахла расплавленным стеклом и по ощущениям напоминала солнечный ожог.

— Лоргар, — произнес он, сплюнув кровь и, наконец, поднимаясь на ноги.

Несущий Слово поднял обожженную руку — не прося помощи, а предостерегая. У Ангрона не оказалось времени, чтобы поднять изуродованного брата, распростертого под ногами. Солнце потемнело, будто мгновенно настала ночь.

Он повернулся, поднял руки и принял на свои плечи вес боготашины.

Каждая мышца в теле напряглась сильнее, чем пытающееся сокрушить его железо. Сквозь металлические зубы просочились нитки слюны, ободранные костяшки побелели, пока он боролся с волей

титана. Нога опустилась еще на полметра, и он издал медвежий рык. Сухожилия плеч издали треск. Разбитые сапоги скользнули на кусок камня, не превратившегося в стекло. Что-то хрустнуло в позвоночнике, еще что-то — в левом колене. Кости сжимались с таким же звуком, как ветки под ногами, и ему не понравился этот живой всплеск воображения.

Но он услышал, как его люди ликуют. Услышал, как они воют, совершая убийства, и выкрикивают его имя. Он моргнул, чтобы прочистить глаза от жгучего маслянистого пота, и вогнал подошвы в землю. Лицо изломанного ангела рассекла улыбка, он перехватил когтистую стопу титана своими соскальзывающими, лоснящимися от крови руками и начал толкать назад.

— Лоргар, — речь Ангрона была чем-то средним между рычанием и смехом. — Вставай. Я не смогу держать его вечно.

6
Медвежий коготь
Передышка
Дитя Крови

«Сиргала», прихрамывая, вышла на Валику. Из поврежденных механизмов с шипением летели искры, броню покрывали рубцы от болтерных зарядов, из разорванных коленных кабелей-жил текло масло. Арматура оказалась неласкова к титанам разведывательного класса, вынужденным сражаться на передовой.

Кида и Тот краем глаза смотрели на свои консоли аустика, пока «Сиргала» обходила полузакопанный остов «Лендрейдера» Пожирателей Миров. На перекрестке было много тепловых сигналов, которые соответствовали громадным силуэтам других титанов в пыльной мгле. Тот засек на краю перекрестка как минимум двух «Налетчиков». Легио Аудакс превосходно умел повергать крупную добычу,

собравшись в стаю, но «Сиргала» прибыла в одиночестве, и подкрепления все еще были на подходе.

— Нас превосходят огневой мощью, — произнес он, — если только остальная часть Легио не появится до конца этой фразы.

— Забавно, — Кида заметила в пыльном облаке десантно-штурмовой корабль Ультрадесанта. — Готова стрелять, — сообщила она Солостину.

Лицо того было окровавлено. Обстрел кабины из ручного оружия зацепил его руку, однако впрыснутые в горло обезболивающие химикаты в достаточной степени ослабляли боль, при этом позволяя сохранять ясность мышления.

— Огонь по готовности, — отозвался принцепс. Он дал себе секундную поблажку, потрогав языком шатающийся зуб. Должно быть, это произошло, когда он ударился головой о боковину кресла. Его позабавила мысль, что с этого начнется деградация, поскольку они находились очень далеко от безопасного пространства и доступного снабжения. Омолаживающая хирургия

заменила все его зубы композитными суррогатами, неотличимыми от настоящих, но если он так и останется на востоке галактики, то придется подумать насчет более простых и дешевых железных протезов, любимых Двенадцатым Легионом. Ему никогда не доводилось встречать Пожирателя Миров, в десны которого не было бы вдавлено хоть одного металлического зуба. У большинства после гладиаторских арен был полный комплект.

Он почувствовал гневную дрожь «Сиргалы», когда Кида сбила охваченный огнем корабль. А затем ощутил менее приятную дрожь, словно ему между позвонков вгоняли мелкие иглы.

— Обстрел сзади, — произнес он. — Поверните нас.

Тот развернулся, ощерившись и накренившись, а Кида описала рукой с «вулканом» брызжущую пламенем дугу.

В поле зрения выкатился вражеский танк «Хищник», изрыгавший в них огонь тяжелого болтера.

Солостин зашипел от эмпатической

боли. Его кожа темнела от стигматических кровоподтеков симпатических ран, даже когда Кида пронзила танк насквозь, оставив от него пустую исходящую паром оболочку.

— Слышите? — прервал Тот шепчущего похвалу Солостина.

— Скажи, что это челнок снабжения, — заметила Кида, стуча по дисплею, утопающему в красных рунах. — Наш «вулкан» пуст.

— Нет, не он, — ответил Тот. Он прижимал руку к наушнику. — Вот что.

Дернув за изогнутый рычаг, он оживил гололитический генератор, установленный между креслами пилотов.

Возникшее в воздухе лицо принадлежало женщине. Оно было развернуто в профиль, бело-синие голочерты двигались не в такт потрескивающему голосу.

— «Угольная королева»? — произнесла она.

— Очаровательный флаг-капитан, — Солостин склонил голову в направлении изображения. — Как идет война в небесах?

Кида занялась носовыми болтерами, одной из небольших модификаций, которую внесли за последние годы их техножрецы. Она долбила трассерами сквозь пыль по пятнам теней гвардейцев Академии, спасающихся от разворачивающейся волны.

— Веди нас, — прошептала она Тоту. Он повиновался, давая Киде возможность преследовать бегущих солдат и срезать их.

Изображение капитана Лотары Саррин колыхнулось.

— Венрик? Контакт плохой. Я тебя едва слышу. Провидение сообщает, что ты на Валике.

— Подтверждаю, — отозвался принцепс. — Приближается двадцать машин.

— И тем не менее, ни черта не видно, — пробормотала Кида.

Саррин повернула голову, обращаясь к офицеру на мостике своего боевого корабля. Когда она вернулась, ее голос трещал от спешки.

— Слушай меня, Венрик. Мы работаем при помощи наблюдателей на

земле, так что я не смогу тебе особо помочь, но ты должен найти «Пса войны» Лисанды «Ардентор». Уничтожь его. Уничтожь немедленно.

Тоту и Киде не было нужды повторять приказ. Они начали трудиться над консолями, переводя «Сиргалу» на ковыляющий бег.

— Есть, — воскликнула Кида.

Солостин ощутил вкус крови из шатающегося зуба. Плохой признак.

— Положись на нас, Лотара.

Та улыбнулась.

— Я всегда так делаю, старина.

С него дождем лил пот.

Ангрон упрямо продолжал стоять, держа на своих плечах вес целого мира. Он боролся с лапой титана на протяжении менее чем тридцати ударов сердца. Казалось, что прошла целая вечность. Две вечности.

— Лоргар, — произнес он сквозь стиснутые до визга зубы. — Выбирайся.

Несущий Слово приподнял сожженную кисть руки. Он не мог говорить, едва мог

двигаться, но добавил к силе брата остатки психического импульса. Поднятая рука дрожала. Там, где она не обварилась до крови, сочились гноящиеся ожоги.

Ангрон был достаточно хорошо знаком с ранами от плазмы. Лоргару повезло, что он еще был жив. Вдыхая пыль и топливные выхлопы, задыхаясь под грузом, Пожиратель Миров все же смог покачать головой.

— Теперь ты решил побыть храбрым? — прорычал он, пуская густые нитки слюны. — Просто вылезай.

Лоргар опустил изуродованную руку и пополз.

— Прикончить его! — закричал Делантир.

Эллас пытался. Сервоприводы колена и щиколотки были зафиксированы и не работали, отказываясь повиноваться рычагам управления. Поднять ногу обратно для второй попытки он тоже не мог.

— Позади нас машина. — предостерег Кей. — Машина Аудакс.

— Опустить ногу!

— Мой принцепс... — возразил было Эллас, но Кей прервал его, пристально глядя на сканер.

— Она вооружена... Я даже не могу сказать, чем. Что-то с магнитным ускорителем, который накапливает заряд. Нужно разворачиваться, быстро.

— Я не могу. Колено...

— Эллас, — с внезапным холодным спокойствием произнес Делантир. Он целился в голову рулевому из табельного лазерного пистолета. — Разворачивай нас.

Эллас почувствовал, как по коже ползут мурашки.

— Есть, мой принцепс.

Кида заметила в кратере «Ардентор» и сюрреалистическую картину двух истекающих кровью примархов, которых отделяли от гибели считанные мгновения. Изуродованный ожогами Лоргар лежал сбоку. Ангрон стоял под ногой-лапой «Пса войны», удерживая ее и не давая, наконец, опуститься.

Она знала, сколько силы — в точных

единицах мощности — в громадной мускулатуре «Пса войны». Она служила Аудакс с самого детства: сперва технорабочим, а затем членом командного экипажа двух титанов. В возрасте пятнадцати лет ее подвергли процессу принудительного взросления, чтобы определить, насколько хорошо она приспособится к интерфейсу кабины и будет реагировать в боевых ситуациях. В девятнадцать она стала оружейницей на борту «Ханумаана». Когда ей исполнилось двадцать четыре, Прицепс Ультима Генрик Солостин выбрал ее в собственный экипаж командного титана «Сиргала».

Ее первая операция в роли стрелка «Сиргалы» описывалась в инструктажах Легио как Выход: CC00428al-0348.Fne. История уже начинала называть это событие Исстванской бойней — четыре Легиона Космического Десанта вычистили собственные ряды на разрушенных улицах Хорала Исствана III.

На Валике она впервые выстрелила без разрешения.

От носовых болтеров не было бы толку, рука с «вулканами» опустела, но в колоде оставался еще один туз. У Киды был гарпун, созданный, чтобы повергать самую крупную добычу.

Пожиратели Миров заявляли, что они воины, а не солдаты. Нечто подобное утверждал и Легио Аудакс, десятилетиями прикрепленный к XII Легиону. Их титаны не были боевыми машинами. Их титаны были охотниками.

Она отвела назад рычаги разблокировки, взялась за ручки управления и выстрелила «медвежьим когтем». Магнитные катушки в руке «Пса войны» запустили гарпун, метнув его в кратер и вогнав в торс «Ардентора» с ужасающим хрустом уничтожаемого металла. Увидев, как машина Лисанды дернулась от удара, Солостин медленно улыбнулся.

— Прекрасный выстрел, модерати Бли.

— Благодарю, мой принцепс. Магнитные захваты включены.

«Ардентор» раскачивался из стороны в сторону. Его плечо и кабина были

пробиты насквозь. Громадное копье активировалось, зафиксировавшись внутри смертельной раны при помощи магнитов.

— Двигайся, Том.

— Есть, сир.

Титан Аудакс отступил от края кратера на три шага, туго натянув трос гарпуна. «Ардентор» опрокинулся назад, рухнув наземь. Его сердце-реактор продолжало работать, но командный экипаж погиб от пронзающего удара.

«Сиргала» продолжила двигаться назад, подтягивая гарпун и волоча тело поверженного титана по склону кратера.

— Отцепить их, — произнес Солостин.

— Отцепляю, сир, — Кида отключила магнитный захват на гарпуне, дав тому выйти из искореженного металла.

Машина-охотник «Сиргала» оставила уничтоженного противника на проспекте и развернулась в поисках другой добычи, а в воксе затрещали ликующие крики воинов Пожирателей Миров.

Он подошел к брату, протягивая ободранную руку. Вокруг и наверху

продолжала бушевать битва, но прибывающие десантные корабли Несущих Слово и титаны Аудакс, наконец, оттесняли Арматурскую гвардию. Примархи обхватили друг друга за запястья, и Ангрон вздернул Лоргара на ноги. К кратеру спешили апотекарии обоих Легионов, которые благоговейным шепотом переговаривались по воксу с сопровождающими отделениями. Ангрон не обращал внимания. После того, как с его плеч исчез груз титана, у него была уйма времени, чтобы взглянуть на Лоргара. Половина лица Несущего Слово облезла почти до кости, в точности как восковые потеки на полусгоревшей свече.

— Ты умираешь?

Лоргар ухмыльнулся, его лицо приобрело жутковатое мертвенное выражение.

— Думаю, что мог бы.

— Выглядишь именно так.

Уцелевший глаз Лоргара уперся взглядом в брата. Примарх продолжал ухмыляться, поскольку изуродованное лицо не оставляло ему выбора.

— Я хотел тебя спасти. Выкопать из могилы.

Ангрон сглотнул. В этот миг он что-то почувствовал — тревожащую возможность родственных взаимоотношений. Отношений с тем, кто не входил в число Первых Братьев. Неожиданно он ощутил, что не уверен, избегать ли их, или принять. Он всегда презирал Лоргара. Даже того, как тот сражался после Исствана и как далеко ушел от многолетней трусости, было недостаточно для подлинной связи.

— Это ложь? — спросил он. — Ты пытался меня откопать?

Ухмылка Лоргара напоминала нелепую улыбку, застывшую на покрытом пятнами крови лице мертвеца с обожженными деснами.

— Ты знаешь, что это правда.

— В тебе не было нужды.

Лоргар отвернулся.

— Даже если и так, благодарю тебя, брат. Спасибо, что остановил титана.

Очередная пауза. Какое-то мгновение казалось, что Ангрон заговорит, но он

промолчал.

Теперь вокруг них садились десантно-штурмовые корабли. До примархов добрался первый апотекарий, но Ангрон отослал его взмахом руки.

— Убирайся, Плюющийся кровью.

— Но сир...

— Я сказал — убирайся.

Пожиратели Миров попятились. Среди них был Кхарн и его ближайшие сородичи.

Ангрон долго и без выражения смотрел Эске в глаза, а затем недовольно приветственно кивнул. Возможно, это была благодарность. Своего рода. Эска ответил тем же, хотя — как обычно — продолжал держаться подальше от примарха.

Лоргар перестал ковылять к ближайшему «Громовому ястребу». Он поднял глаза к задыхающемуся в пыли небу, а затем повернул превратившееся в шлак лицо к Ангрону.

— Пока мы говорим, думаем и дышим, на этой планете прямо сейчас гибнет так много людей. Это меняет песню, брат.

Каждая жизнь, обрывающаяся в муках, меняет мотив. Вот почему мы здесь. Вот почему Ультрамар должен умереть в медленной агонии, а не быстро сгореть в огне. Мелодия должна достичь идеальной высоты.

Ангрон чувствовал себя голым без своих топоров. Он уже отвлекся, озираясь по сторонам в поисках временной замены.

— Ты бредишь, святоша. Возвращайся на корабли. Поговорим, когда Армагура задохнется под пятой наших Легионов.

Лорган не ответил. Вокруг него сгрудились Несущие Слово. Они пели, молились, некоторые благоговейно падали на колени. Примарх не игнорировал их, как Ангрон своих сыновей. Лорган находил время почтить их, благословляя за рвение прикосновением руки к шлемам, или же оставляя на пергаментах с клятвами кровавый отпечаток ладони. Он чествовал их посреди руин, омывая собственной кровью.

— Лорган, — окликнул Ангрон, когда Несущий Слово добрался до корабля. Брат обернулся, и примарх Пожирателей Миров

сплюнул на почерневшую землю. — Постарайся не умереть до моего возвращения.

На лице Лоргара вновь появилась уродливая улыбка, и он поднялся в «Громовой ястреб».

Ангрон обернулся к сыновьям. Их белые доспехи были забрызганы красным, лица и щерящиеся шлемы неотрывно глядели на него в немом ошеломлении.

— Оставьте меня, — прорычал он.

Кхарн не собирался оставлять все как есть.

— Сир...

— Оставь меня, Кхарн. Поболтаешь со мной позже, когда Гвозди перестанут петь.

— Нет.

Пожиратели Миров повернулись к Восьмому капитану, некоторые нервно зашевелились. Над головами десантно-штурмовые корабли Несущих Слово гнали Ультрадесант с Валики, когда XII Легион уже заплатил сотнями своих жизней.

В сущности, Ангрон выглядел

немногим лучше Лоргара. Оба имели жалкий вид из-за почти смертельных ран. Доспех Пожирателя Миров развалился на части, обнажившаяся кожа была разодрана до мяса после вытаскивания собственного тела из каменистой могилы. Даже полумертвый и без оружия он мог убить полдюжины стоящих перед ним воинов, а его сердце даже не забилось бы быстрее.

— Тебе есть, что сказать, капитан?

Кхарн был непоколебим. Лишившийся энергии плазменный пистолет и сломанный цепной топор были убраны. Чтобы чем-то занять руки, он указал на взлетающий «Громовой ястреб», который уносил примарха XVII Легиона.

— Лорд Аврелиан расправился с неисчислимым количеством вражеских воинов и почти полчаса вырывал камни из земли, чтобы добраться до вас.

Ангрон оскалил ряды железных акульих зубов.

— И?

— И вы должны его поблагодарить. Его поступок был благородным, несмотря на постоянную трусость их Легиона.

Чтобы спасти вас, он прошел через кошмар. Мне никогда не доводилось видеть, чтобы воин переносил подобный обстрел и срывал с неба десантные корабли силой одной лишь злобы. Вам не подобает такая неблагодарность, сир. Вы выше этого.

Каргос заметно отступил от Кхарна. То же самое сделали Джеддек и Скане. Кхарн холодно улыбнулся их тревоге.

Они ждали злости. Ждали, что их грубо проигнорируют. Чего они не ждали, так это хохота. Ангрон снял напряжение, низко и печально рассмеявшись.

— Я учту это, Кхарн.

Примарх зашагал прочь, выискивая на опустошенном перекрестке Валика достойное оружие.

Когда он ушел, Кхарн осел на землю. Несколько мгновений он просто дышал, сдавшись перед болью, поселившейся в его теле после многих часов беспощадной схватки. Легионер мог сражаться целыми днями — если необходимо, то и неделями — однако способность переносить невзгоды не

полностью отменяла пределы возможностей смертного.

Это действие тоже повторялось по всему охваченному войной городу. Солдаты пользовались всеми возможностями для отдыха — реалия войны, которая тоже никогда не попадала в саги. Легион никогда не сражался сам по себе. Он двигался с последовательными поставками снабжения и выброской боезапаса, или же останавливался и не шел дальше. Орбитальный штурм проходил по тем же правилам. Как только захватывали существенный плацдарм, его усиливали сверху и использовали в качестве точки немедленного пополнения запасов.

Кхарн слушал вокс-переговоры посадочных модулей Пожирателей Миров, направлявшихся к Валике и другим окрестным перекресткам с грузом боеприпасов, гранат и сменных зубчатых полотен для цепных топоров, в которых Легион нуждался несколько часов назад. Также он слышал командующих Несущих Слово, которые почему-то только сейчас подходили к точкам соединения, после

того как Пожиратели Миров приняли на себя удар на передовой по всему городу.

Руны на ретинальном дисплее надоедливо напоминали о повреждениях доспеха, но это могло подождать. Также они докучали ему тем обстоятельством, что рана вновь открылась, несмотря на кровоостанавливающие способности тела. Она как обычно затягивалась, чтобы предотвратить потерю крови, но снова открывалась при движении. Кровь то текла, то переставала на протяжении более чем двух часов. Смертный умер бы за считанные минуты.

— Твои жизненные показатели весело трезвонят, — передал по воксу Каргос. — Дай взглянуть.

— Нужен просто герметизирующий состав, — ответил Кхарн. — Брось. Заживет.

Каргос грохнулся наземь рядом с капитаном, отстегнув шлем и сняв его.

— Арматура-то, а? Я бы предпочел Калт. У них, по крайней мере, было преимущество внезапности, а его почти достаточно, чтобы компенсировать

минусы от того, что приходится сражаться вместе с этими ублюдками Несущими Слово.

Неожиданно для себя, Кхарн усмехнулся. Каргос так действовал на братьев. Впрочем, апотекарий еще не закончил.

— Я видел, как ты задушил Ультрадесантника-эвоката цепью от оружия. Это было прекрасно.

Даже сидя, Кхарн отвесил насмешливый театральный поклон.

— Не самый благородный из моих поединков.

— Не могу представить себе ни одного боя за всю историю Двенадцатого Легиона, который можно было бы описать как «благородный».

Кхарн опустил голову, вопреки здравому смыслу надеясь, что непрекращающееся давление в затылке ослабнет хотя бы на несколько минут. Но Гвозди хотели, чтобы он встал. Хотели, чтобы он убивал, иначе они очистят его разум от всех прочих чувств.

— Был один, — произнес он. — Один

благородный бой.

— Ха, — ухмыльнулся Каргос, продемонстрировав свои металлические зубы. — Ночь Волка не в счет. Нам обоим известно, что Русс никогда не позволит, чтобы она попала в имперские архивы. Он же не сможет смириться, что в архивах оказалось поражение его драгоценных бойцовых собак, да? Только не от нас. Не от никчемного Легиона с огнем в головах.

Вокруг них кружилась пыль. Кхарн вдохнул ее, ощутив вкус гари на ветру. Запах города, ободранного до костей.

— Что-нибудь слышно про Аргела Тала? — спросил он.

— Ничего. Возможно, это хорошие вести. Возможно, он умер, а не решил нас бросить.

На сей раз Кхарн не рассмеялся. Однако он ощутил себя слегка виноватым из-за улыбки. Гвозди переписывали его чувства, но не могли лишить все веселья. Во всяком случае, пока что. Он сравнительно недолго носил их. Ему доводилось видеть достаточное количество старейших ветеранов вроде

Джеддека, которые ничего не ощущали вне резни. Ни улыбок, ни слез, ничего. Мертвый взгляд и монотонное бормотание, пока их не выпускали на врага. Только тогда они могли чувствовать. Только тогда могли переживать гамму эмоций, а не просто таращиться в никуда с лицами, подергивающимися в болезненном раздражении.

— Никчемный Легион, — проговорил Кхарн. — Хотелось бы знать, продолжают ли они так отзываться о нас.

Это было не вполне вопросом. А если и было, то он не ждал ответа.

Каргос сплюнул на обсидиан, в который превратилась земля после плазменных разрядов.

— Тот Волк-вожак, которого ты убил, — произнес он. — Герой. Забыл, как его звали.

Кхарн почувствовал, что уголки губ снова растягиваются в улыбке. Уже вторая за две минуты. Какая редкость. Когда он заговорил, в его речи появился насыщенный и обрывистый акцент с удлинением

гласных и грубыми созвучиями.

— Аэвалрифф, — почти что прорычал он, подражая голосу мертвого Волка. — Барсарк Тра. Носитель Змеиного Клыка. — Кхарн даже ударил себя кулаком по нагруднику, как делал Волк.

Каргос ухмыльнулся.

— Да, точно. Он был таким гордым! Плохо умер.

— Все умирают плохо. У нас жестокие жизни, и такие же смерти. — Кхарн поднялся на ноги, потянувшись к шлему, который бросил несколько секунд назад. Каргос последовал за ним, надевая свой шлем.

— Почему у тебя совсем нет шрамов? — поинтересовался Каргос. — Твое лицо до сих пор такое же, как при рождении.

Апотекарий провел рукой по собственному лицу, которое — как и большинства Пожирателей Миров — представляло собой панораму толстых швов и накладывающихся друг на друга шрамов.

— Мастерство.

— Ха! Как скажешь, — Каргос двинулся

к ближайшей группе сервиторов, которые, наконец-то, сгружали с десантных кораблей и челноков ящики с припасами и тяжелую технику. — Кхарн? — окликнул он. — Центурион?

Кхарн подошел к лежащему на земле топору. Не своему. К топору, который не принадлежал никому из легионеров. Это была лишившаяся зубьев реликвия, исцарапанная, ободранная и потертая от того, что резала камень, а не плоть.

— Кхарн? — снова позвал по воксу Каргос.

— Секунду, — отозвался он. — Подожди секунду.

Он присел, чтобы подобрать топор, но пальцы сжались в кулак, не дотронувшись до черной рукояти. Святотатство ли это? Точно ли оно разозлит непостоянного примарха?

Кхарн сжал рукоять и поднял оружие одной рукой. Оно было тяжелым, тяжелее, чем он ожидал. Чтобы нанести им красивый удар, потребовались бы обе руки. Впрочем, если бы его волновала красота, он стал бы мечником.

— Я нашел Дитя Крови, — произнес он.

В ответ затрещал голос Скане.

— Не надо, — сказал сержант. — Сэр, не надо. Вы же знаете его обычаи.

К нему присоединились другие голоса, все они говорили о суеверии примарха насчет того, что чужое оружие приносит неудачу. Гладиаторская причуда его родного мира.

— Он не просто так его выбросил, — передал Эска. — Оно уничтожено, капитан. Никогда не заработает снова.

Кхарн не обратил внимания на протесты братьев. Он подошел к ближайшему техножрецу, который надзирал за распределением ящиков со свежим боезапасом по боевым танкам Пожирателей Миров.

— Ты. Как тебя зовут?

Закутанный в мантию жрец издал звук, чем-то похожий на детский визг в двоичном коде. Кхарн удержал руку, когда заметил, что у жреца нет рта. Вместо него был вшитый вокабулятор, который образовывал постоянную букву «О» на том месте, где когда-то находились губы, зубы

и язык человека.

— Довольно. Твое имя не имеет значения, — он протянул лишенное зубьев Дитя Крови, но отодвинул оружие, когда жрец попытался его взять. — У этого топора были зубья из клыков слюдяного дракона. Узнаешь его?

Снова раздался визг кода. Кхарн решил, что это «да» — ни один офицер или священник Аудакс не мог нести службу вместе с Пожирателями Миров и хотя бы раз не увидеть Отца Крови и Дитя Крови.

— Я хочу, чтобы, когда это место сочтут безопасным, тут провели раскопки. Найдите зубья цепного лезвия, чтобы починить этот топор. Как я понимаю, на это уйдет несколько дней. Неважно, работайте, сколько нужно. Это понятно?

Глаза жреца, еще остававшиеся человеческими, беспокойно расширились. Он издал очередной всплеск кода, на сей раз явно протестуя. Кхарн моргнул, активировав мерцающий символ в верхней левой части дисплея линзы, и дождался, пока перед глазами появятся руны с

переводом.

— Если это не твоя юрисдикция, найди кого-то из Аудакс, на кого я смогу положиться.

Еще один всплеск. Снова вздох и ожидание перевода. Казалось, что жрец в ужасе, и широкий раструб динамика на месте рта лишь усиливал это впечатление.

— Если для этого нужно две сотни сервиторов и неделя кропотливой работы, значит понадобится две сотни сервиторов и неделя кропотливой работы.

Очередной всплеск, на сей раз более продолжительный. Еще одна пауза на перевод.

— Кхарн, — произнес Пожиратель Миров. — Капитан Восьмой роты, большая часть которой лежит замертво вокруг нас. Прими этот факт во внимание, когда будешь раскапывать перекресток. Обращайся с телами с необходимым почтением, пока не извлекут их геноселя.

Последний всплеск был самым кратким. Издав его, жрец поклонился.

— После этого делай с трупами, что

пожелаешь, — подтвердил Кхарн. — Сожги их, или оставь птицам-падальщикам, мне без разницы. — Он ухмыльнулся, демонстрируя все еще полностью родные зубы. — Мы не сентиментальный Легион.

7
Никто не убежит
Несанкционированная высадка
Стена щитов

Лотара не собиралась смеяться, однако стойкие враги вызывали у нее восхищение. Военным регентом Арматуры был капитан эвокатов, седовласый воин Ультрадесанта с царственной улыбкой и глазами, в которых было что-то от сокола. Он ей сразу понравился, напомнив отца — полноправного властителя шпиля.

— Это чрезвычайно забавно, — ответила она гололитическому изображению посреди суеты мостика. — Особенно если учесть, что ваши города захвачены, а флот горит.

— Я так понимаю, — с величественной терпеливостью произнес Ультрадесантник, — что вы отказываетесь сдаться?

Лотара снова рассмеялась.

— Вы мне нравитесь, капитан Орфео.

Надеюсь, вас там внизу постигнет быстрая смерть. Я расстроюсь, если узнаю, что вы страдали. Поэтому также надеюсь, что вас схватят Пожиратели Миров, а не Несущие Слово. Те имеют свойство довольно мерзко обходиться с пленными.

На лице солдата появилось пусть сдержанное и вежливое, но недоверчивое выражение.

— Чего вы надеетесь добиться, флаг-капитан Саррин? Армагура — всего лишь один мир среди Пятиста. Возможно, Калт погибнет, и Армагура угаснет, но сколько вреда вы рассчитываете принести? В чем цель вашей войны?

— Моя цель здесь, дорогой эвокат, состоит в том, чтобы убивать, пока мой примарх не велит мне прекратить, — ее интонация была настолько приторной, что несколько офицеров мостика улыбнулись издевке над Ультрадесантником. — Посмотрите на небо, капитан Орфео. Ваш флот уничтожен. Скоро на города посыпется дождь обломков.

Никаких резких реплик. Никакого ожесточенного ответа. Воин кивнул, словно отпуская подчиненного, гололитическое изображение мигнуло и исчезло.

— И все же, — произнесла она, повернув голову к первому помощнику Ивару Тобину, — в его словах есть смысл.

— Сочувствие к врагу, мэм? — тот аристократически приподнял бровь. — Проступок, караемый смертью. Мне следует немедленно выхватить табельный пистолет.

Она бросила на него взгляд. Бросила взгляд.

— Я серьезно, Тобин.

Саррин ввела команду на подлокотниках трона. На основном экране оккулуса сменилось изображение, и появился один из сверхкораблей Несущих Слово, который медленно выходил из атмосферы Арматуры. От одного его вида у нее свело желудок. Такое яростное неизмеримое величие. «Благословенная леди» шла на маневровых двигателях, пробиваясь сквозь обломки уничтоженного

флота Ультрадесанта.

— Взгляните. — произнесла она. — Скажите, зачем нам вообще нужно было производить высадку, когда у Лоргара под командованием есть корабли вроде этого? Один такой залил бы всю поверхность огнем. А у лорда Аврелиана их два. И это не считая «Лекс», «Завоеватель» и нашу армаду.

Тобин молча созерцал громадный корабль. Перед тем как заговорить, он снова перевел внимание на стратегиум и его занятой, суетящийся экипаж. Война в пустоте подходила к концу, но мостик «Завоевателя» все еще гудел в сумятохе. Разные посты пытались свести воедино полный анализ боя с потерями и жертвами. Другие изо всех сил старались координировать творившийся на поверхности кошмар. Лотара, пустотный боец, равных которому Тобину не доводилось встречать, всегда в шутку называла это «мелочами».

— Вам известно мое отношение к политике, мэм.

Теперь она закинула сапоги на один из

подлокотников.

— Политике? — капитан фыркнула. Он сильно сомневался, что эта привычка осталась у нее со времен приемов на родине. — Это не политика. Это тактика, и ты об этом знаешь.

— Как угодно, мэм. Мне кажется, у меня слишком мало квалификации, чтобы комментировать.

Она с улыбкой покачала головой.

— Трус. Тебе повезло, что ты мне нужен.

— Как скажете, мэм.

Лотара повернулась на звук сигнала сближения.

— Подробности? — спросила она.

— Среди обломков включил питание корабль Ультрадесанта «Преторианская истина», мэм, — провидица Лерала была изможденной безногой инвалидкой, аугметически соединенной с центральной консолью аспика. Она обернулась к Лотаре. Кабели, которые тянулись от ее головы к аппаратуре на потолке, образовывали корону из змей, как где-то в старых греканских мифах. — Похоже, они

отключились в обломках и несколько часов прикидывались мертвыми, дрейфуя прочь от сражения, — ее голос был удивительно нежным и совершенно человеческим.

— Уж будьте уверены, что Ультрадесант останется верен классике, — Лотара подалась вперед на троне, глядя на тактический гололит. — И будут уверены, что мы на это купимся.

Тобин поджал губы, наблюдая за тиганием мерцающей красной руны, двигавшейся по трехмерной голокарте.

— Они бегут.

— Сматываются. Никто не убежит от «Завоевателя», — она сделал жест рулевым. — Немедленно в погоню. Прикажите прочим кораблям оставаться на месте, этот наш.

Тобин пригладил форму, продолжая смотреть на карту.

— Они смогут свободно прорваться в варп через семь минут.

— Они неповоротливы и идут на холодной плазме после тихого скрытного бегства, — отозвалась она. — Мы их перехватим еще до того, как у них

нагреются двигатели.

— Четыре минуты, мэм, если они рискнут войти в навигационный поток из поля обломков.

Лотара неотрывно глядела сияющими глазами. «Завоеватель» вздрогнул, вновь начав дышать и резко помчавшись на большой скорости.

— Мы до них доберемся через три минуты, Ивар. Я когда-нибудь ошибаюсь?

Он кашлянул, избегая смотреть ей в глаза.

— Был инцидент у Нового Кершаля.

Лотара вскинула палец.

— А ну-ка тихо. Мы не говорим о Новом Кершале. — она ухмыльнулась и снова перевела взгляд на оккулус. — Три минуты, следи. Магистр вооружения, приготовить «медвежьи когти».

— Есть, мэм, — раздался единственный ответ, который она хотела услышать, и завыли сирены.

Провидица Лералла повернулась в своем гнезде жизнеобеспечения. Она склонилась над столом гололитического проектора, работая с изображением

звездного поля при помощи аугметических пальцев — поворачивая его, увеличивая и усиливая фокус.

— Мэм, сверхкорабль Несущих Слово «Трисагион» тоже идет атакующим курсом.

— Вовремя замечено, провидица. Кеджик?

Вокс-мастер поднял взгляд от своей консоли.

— Мэм?

— Сообщить «Трисагиону», что это наша добыча. Они должны немедленно прекратить преследование. Постарайся сформулировать вежливо.

Пока Кеджик решительно и отчетливо передавал сообщение, Лотара пристально глядела на гололитический дисплей, ожидая каких-либо признаков того, что руна «Трисагиона» отказывается от погони. Та мигнула, и прогнозируемый вектор свернул в сторону.

— «Трисагион» сообщает, что сбавляет тягу и меняет курс.

— Видишь? — сказала Лотара Тобину. — Вот чего можно добиться при помощи

хороших манер. Полный вперед.

«Преторианская истина» спасалась бегством через обломки, и «Завоеватель» последовал за ней. На пустотных щитах обоих кораблей, пробивавшихся сквозь поле космического мусора, плясали вспышки от столкновений. Рискуя сместиться с курса и лишиться энергии, «Преторианская истина» один раз выстрелила из лэнсов, дав залп режущих лучей, чтобы разрубить корпус погибшего крейсера, вращавшийся в космосе перед ними. Они аккуратно, словно хирург плоть, рассекли остов и спокойно прошли между половинок мертвого корабля.

Лотара искренне зааплодировала со своего трона.

— Это было прекрасно, — произнесла она. — Кровь примархов, какой выстрел. Передайте вражескому капитану мою похвалу.

Вокс-мастер Кеджик попытался.

— Никакого ответа, мэм.

— О, ну что ж. Потребуйте капитуляции и дайте предупредительный

выстрел в пространство.

«Завоеватель» относился к типу «Глориана» и был тяжелее «Преторианской истины» на несколько классов. Он, не целясь, выплюнул неуклюжий залп лэнсов вдогонку добыче. Все выстрелы, как и планировалось, ушли мимо.

«Истина» продолжала уходить.

— Никакого ответа, мэм.

— Ну, я даже не знаю, — деланно вздохнула Лотара. — Пытаешься вести себя благородно, и никаких результатов.

— Две минуты, капитан, — произнес Тобин.

— Да заткнись ты, — отозвалась она.

— Могу ли я официально заявить, что это самое неэффективное применение абордажных когтей?

— Ваше возражение отмечено и соответствующим образом проигнорировано, командор. У примарха и Кхарна была возможность повеселиться. Теперь моя очередь.

Ивар Тобин снова стал смотреть вперед. Неудивительно, что ее так любили Пожиратели Миров. Она была

одной из них.

— Рулевой, сколько еще?

— Будем в радиусе досягаемости когтей через двадцать секунд.

Лотара никогда не отличалась самодовольством. Она бросила на Тобина взгляд и слегка приподняла бровь, но это была не та самодовольная улыбка, которой она могла бы обойтись.

— Мэм! — позвали несколько офицеров, и в тот же миг дюжина других закричала: «Госпожа!».

Она и сама это видела. «Преторианская истина» — копье с кобальтово-синей броней и хребтовыми стенами цвета белой кости — разворачивалась. Действительно разворачивалась. У Лотары по коже поползли мурашки от неожиданного восхищения. Погоня кончилась, и добыча лишила ее возможности вцепиться когтями в спину.

— Смело, — тихо произнес Тобин. Атмосфера странным образом потрачнела, когда дичь развернулась и показала зубы. Отважного врага всегда

труднее убивать. Отчаявшихся? Трусов? Гибель тех вызывала на лицах убийц только улыбку.

От «медвежьих когтей» теперь не было толку. Они предназначались для преследования бегущих противников, а не для стрельбы по смелым.

Лотара смотрела, как уступающий по размерам крейсер разворачивается в пустоте, и представляла речь, которую произнесет его капитан, пока тысячи рабов готовят орудия к последнему бою.

— Уничтожить их, — тихо и спокойно проговорила она. — Просто уничтожить.

Он вел остатки трех рот вглубь города. Арматурская гвардия заставляла драться за каждый шаг, но воины Кхарна пополнили боезапас и перезарядили оружие. Нельзя было ожидать, будто какие-либо люди устоят против них. Смертные гибли, а остававшиеся в живых продлевали себе жизнь на несколько часов, спасаясь бегством. Они отходили упорядоченно, до последнего сохраняя дисциплину и защищая каждую улицу города, однако Кхарн

узнавал бегство. Он предпочитал называть его, как есть, даже когда тактика сопровождала его, будто вторая кожа.

На сей раз он противопоставлял снайперам собственные десантно-штурмовые корабли и отвечал тяжелой арматурской технике боевыми танками «Лендрейдер» и «Малкадор» с потертой сине-белой раскраской XII-го. С закатом солнца мало что изменилось. День был отрачен пылью, а ночь озарялась пылающими останками города.

Дитя Крови находилось в охраняемом хранилище на борту его личного «Громового ястреба», и он оставил на перекрестке Валика небольшую армию сервиторов, которые начали кропотливые раскопки при помощи перепрограммированных «Стражей»-погрузчиков. Более тяжелые механизированные подъемники были на пути с орбиты. Периодически чин давал преимущества. От него был толк помимо плюмажа на шлеме, который выдает тебя снайперам и вражеским чемпионам,

желающим что-то доказать.

Течение времени измерялось не минутами или часами, а взятыми баррикадами. На фоне воя стремительных атак раздавался перестук грохочущих танковых орудий и яростный визг двигателей, идущих на малой высоте.

Прерывистый контакт с «Завоевателем» пропал где-то после зачистки пятнадцатой улицы. Другие корабли сообщали, что флагман озаряет пустоту вспышками двигателей и гонится за крейсером Ультрадесанта, который из последних сил пытается улететь. Его это совершенно не удивило, там ведь была Лотара. Ей не дали возможности разбомбить поверхность, и само собой разумеется, что она ухватилась за первый же шанс чем-то заняться, а не просто сидеть и слушать щелканье отсчета хронометра на мостике.

Когда они взяли последнюю преграду, Кхарн обнаружил, что бежит рядом с Эской, и они вместе преследуют людей-солдат. Молодой кодициий бросил на него взгляд и приветственно кивнул, а затем

рассек одним из своих силовых топоров позвоночник солдата и отшвырнул тело в сторону.

Кхарн кивнул в ответ, чувствуя, как Гвозди погружаются вглубь мыслей. От близости другого воина у него даже зудела кожа. Он ощущал, как губы растягиваются в непроизвольном оскале. На краю зрения закружилось что-то серое, но он не стал приказывать снова отделить Эску.

Капитан заметил свободное пространство, который все остальные воины инстинктивно оставляли вокруг библиария. Эска бежал в одиночестве в середине отряда, но далеко от центра. Один из последних членов забытого, нелепого и мелкого библиарума Пожирателей Миров.

Псайкеры. Первые эксперименты Легиона в этой области оказались неприятными. Каргос был одним из первых хирургов, кого обучили имплантировать Гвозди в черепа легионеров, но он никогда не вгонял их в мозг псайкера и не был причастен к вскоре последовавшим катастрофам. То, чего Кхарн не видел

лично, он узнал от своего апотекария.

Первые тревожные признаки появились, когда подвергнутые имплантации библиарии начали вызывать у стоявших поблизости братьев ужасающую головную боль и изнуряющие лицевые кровотечения. Любой библиарий, оказавшийся рядом Ангроном, испытывал то же самое — отражение собственного влияния на братьев.

Но подлинная глубина изъяна стала по-настоящему понятна лишь в бою. Наделенные Гвоздями библиарии лишались способности контролировать свой психический дар. Один из них, прикрепленный к Сотой роте, поддался Гвоздям в первом же сражении после имплантации и испепелил три отделения, будучи не в силах прекратить пускать из глаз колдовские молнии. Несколько других просто... взорвались. Сгорели в пылающей крови.

Гибло все больше и больше — не сразу, но никто не протянул долго. В течение месяца почти все библиарии получили Гвозди. Спустя считанные недели они

начали умирать.

Какое-то время царил хоть и осторожный, но оптимизм. После первых смертей прошедшие психическое обучение легионеры пытались обуздать Гвозди, привести шестое чувство в гармонию с бионикой, которая теперь меняла химические процессы мозга. «Вопрос силы воли», — говорили они, и братья делали вид, что не видят отчаяния в их глазах. Да. Вопрос силы воли. В этом был смысл.

Но они продолжали гибнуть. Гибнуть в бою, в бурях огня и молний, или же — в нескольких случаях — посылая импульсы полной ненависти боли в Гвозди окружающих воинов и вынуждая своих сородичей страдать от цереброваскулярной блокады. Целые отделения умирали у ног кодициев от кровоизлияний в мозг и апоплексических ударов.

Это-то все и решило. Ангрон предоставил психически-одаренным сыновьям выбор: казнь или извлечение Гвоздей.

В первые же годы после обнаружения

примарха легионеры усвоили, что изуродовали себя по образу и подобию беспощадного человека. Гвозди нельзя было вынуть. Об этом знал каждый Пожиратель Миров, ведь даже техномаги самого Императора не смогли удалить имплантаты примарха. И все же большинство библиариев согласилось рискнуть.

Все без исключения умерли. Переделанные мозги давали сбои, подчиняясь измененным импульсам. Никто не встретил легкую или благую смерть.

Довольно скоро последними библиариями Легиона, теперь охваченного Гвоздями, оказались те, кто еще не успел получить их. Они влачили изолированное существование в практически пустых залах библиаруна на борту «Завоевателя».

И они тоже начали умирать, один за другим. Не от плохого обращения или нарушения функций, а из-за того, что были Пожирателями Миров, а у Пожирателей Миров была короткая и жестокая жизнь. Их осталось сто. Потом пятьдесят. Потом двадцать. Их никто не оплакивал.

Легион превыше всего ставил узы фронтового братства, а безмолвные братья умирали в одиночестве. О них никогда не забывали, но всегда игнорировали. Геносемя оставалось гнить в телах, его не извлекали, чтобы генетическое наследие не поразило второе поколение тем же проклятием.

Он смотрел, как Эска бежит впереди. Верный брат. Тихий, по понятным всем причинам. Лишенный подлинных родственных уз, даже несмотря на то, что Легион напрочь отказался подчиниться Никейскому эдикту, или хотя бы признать его. Повиновение этому закону просто прошло мимо внимания Пожирателей Миров. К тому моменту их психически одаренные сородичи уже превратились в память о прошлом, которую едва ли стоило принимать в расчет.

Эску все сторонились. Но он оставался верен. Заслуживали ли последние живые библиарии большего от братьев?

Кхарн знал, что ответ на этот вопрос зависел бы от того, кому он его задал. Ангрон бы фыркнул и

проигнорировал вопрос. Просто находиться рядом с одним из них означало муку, причин которой не смог установить ни один апотекарий.

Аргел Тал втянул бы его в беззлобный спор о том, что сила армии равна прочности слабейшего звена в цепи, и о ценности жертвы.

Каргос бы скривил лицо так, что обычная мешанина швов стала бы еще менее привлекательной, и поинтересовался бы, какое вообще Кхарну дело.

Скане бы рассеянно согласился, занимаясь чисткой оружия во время разговора. По желтизне его глаз было бы понятно, что радиационное заражение не слишком пошло на пользу его внимательности.

Все ответы были бы столь же раздражающими.

Кхарн выбросил это из головы, четко и последовательно отдав по воксу своим людям приказы снизить темп и перегруппироваться. Пыль была такой густой, что в ней можно было бы задохнуться, однако большая часть этого

района устояла. Громадные здания с колоннами взирали на широкие проспекты. На каждом из них находились статуи из зеленисто-темной бронзы. Академии. Университеты. Колизеи. Обсерватории. Залы дискуссий. Арсеналы.

Над головой с содроганием пролетели десантно-штурмовые корабли Пожирателей Миров. Их прожектора шарили по земле, проводя разведку впереди основных сил. У Кхарна были сопровождающие на реактивных мотоциклах, а также разведгруппы, которые ушли вперед. Последние несколько часов они вели атаку, как любой Легион. Сверху волнами хлестал ливень, несомненно, вызванный возмущениями атмосферы из-за тысяч кораблей на низкой орбите, которые заходили для выброса войск. Пыль никуда не делась, только земля превратилась в липкую грязь.

Впрочем, дождь отчасти отмыл заляпанную кровью броню Пожирателей Миров.

Массивный «Грозовой орел», зависший низко над соседней площадью, распался на

части в небе. Кхарн успел уловить искаженное последнее сообщение пилота, а затем десантный корабль взорвался с запоздавшим из-за расстояния грохотом, и на землю огненным дождем полетели двигатели и броня.

— Стало быть, Ультрадесант на следующей площади, — передал по воксу Каргос. Кхарн слышал в его голосе усмешку.

— Всем отделениям, — произнес капитан. — Построиться и приготовиться.

На оккулусе увеличивалась в размерах «Преторианская истина». Она становилась все больше и скалила зубы, сверкая орудийными палубами. «Завоеватель» содрогался вместе с потревоженными пустотными щитами. Невидимое поле кинетической энергии мерцало от попаданий, заливая пространство перламутровым светом. Вдали от Арматуры, от тесного хаоса железного неба из двух сражающихся флотов, атака происходила более традиционным образом — на расстоянии нескольких тысяч

километров. И все же «Завоеватель» быстро приближался, а «Преторианская истина» теперь сокращала дистанцию, двигаясь прямо на преследователя.

Ивар Тобин стоял, скрестив руки на груди, наблюдая за оккулусом.

— Они храбры, мэм. Признаю.

Лотара не стала спорить. Она подала знак магистру вооружения и двум дюжинам его сервиторов и рабочих.

— Открыть огонь.

— Ведем огонь, капитан.

«Завоеватель» снова содрогнулся. От первого залпа по щитам «Истины» разлилось сияние. Второй пробил их, и энергия разрядилась в пустоту космоса, точно так же как брызжущая из нарыва жидкость.

Началась резня, уносившая бесчисленные жизни. Лэнсы флагмана кромсали незащищенные стены с бойницами и хребтовые надстройки. Из ран вырывалось пламя, которое превращалось в дымку во тьме, а затем полностью исчезало.

— Они продолжают приближаться, —

заметил Тобин. — Похоже на таран.

У Лотары не было такой уверенности. «Истина» погибла бы до того, как получила возможность врезаться в них, и у нее были другие подозрения.

— Огонь по готовности, — распорядилась она.

Многие лучи лэнсов уходили мимо цели. «Истина» была тяжелым крейсером, однако капитан и экипаж выжимали из нее максимум. Лотара с восхищенной улыбкой смотрела, как корабль закладывает виражи и вертится со всей быстротой, какую позволяли габариты. Он уходил от дальнобойной, математически рассчитанной злобы «Завоевателя», уверенно сокращая дистанцию.

— Ах, — произнесла Лотара.

— Мэм?

Она не ответила. Она продолжала ждать, пока лэнсы рвали, рассекали и рубили корпус «Истины». Продолжала ждать, пока крейсер «Ультрадесанта» не превратился в разваливающийся пылающий остов с отказывающими двигателями, который силился не

распасться на части. Он продолжал приближаться по инерции.

— Вот оно, — сказала она. — Уже вот-вот.

— Входящий вызов с «Преторианской истины», — воскликнул Кеджик со своего поста.

— Идеальный момент, — она подала знак принять сообщение, словно королева на троне из меди и черного железа. Донесшийся из динамиков мостика голос принадлежал раненому человеку. К нему примешивался шум, издаваемый взрывающимся на заднем плане кораблем.

— За Императора, — произнес он. — Отвага и честь!

Связь отключилась. Лотара сцепила пальцы под подбородком, продолжая наблюдать за агонией «Истины». Она точно знала, что выстатривает, и кивнула сама себе, когда увидела. Выбросы воздуха по краям «Истины», но не выстрелы бортовых батарей. О, нет. В конце концов, это ведь был корабль Легионес Астартес.

— Турелям западной стены,

образовать сплошной огневой расчет. Развернуться для перехвата.

— Повинуюсь, — безжизненным голосом отозвался сервитор от орудийной консоли.

— Командор Тобин? — окликнула она.

— Капитан?

— Перекрыть корабль. Немедленно пришлите ко мне триария Делваруса.

Ему потребовалась пара секунд, чтобы осознать, что она права.

— Есть, мэм.

Он ушел отдать необходимые распоряжения, а она ввела на подлокотниках кресла код быстрого доступа, и поудобнее откинулась назад. Общекорабельный вокс издал тройной сигнал, который предшествовал всем обращениям капитана.

— Говорит капитан Лотара Саррин, — сказала она десяткам тысяч рабов, рабочих, офицеров и солдат. — Всем по местам. Готовьтесь отбивать абордаж.

В качестве меры предосторожности — несомненно, бессмысленной — она вынула пистолет и проверила энергетическую ячейку. Как всегда, заряжен и в

безупречном порядке. На оккулусе защитные турели плевались в пространство между кораблями зажигательными боеприпасами, однако отстрел абордажных капсул всегда в равной мере зависел как от мастерства, так и от везения.

— Капитан? — окликнул ее Тобин. Лотара сомневалась, что ей нравится тревога в его голосе. Ничто и никогда не вызывало у Ивара Тобина тревогу. — Капитан?

Она убрала лазерный пистолет в кобуру.

— Командор.

— Сообщается, что триарий Делварус совершил несанкционированную высадку.

Лотара выпрямилась.

— Простите? — вежливо переспросила она со спокойствием, которого совершенно точно не испытывала.

— Делваруса и триариев нет на борту, мэм. Судя по сообщениям, они совершили высадку вместе с Легионом и явно «не удосужились» проинформировать командование.

Лотара вздохнула. Неужели этот Легион ничего не мог сделать, как положено?

— Вполне возможно, что нас берет на абордаж целая рота Ультрадесанта, — заметила она все с той же чужеродной невозмутимостью.

— Я знаю, мэм.

Триарии. Пять полных рот лучших корабельных бойцов Пожирателей Миров, далеко опережавших традиционную школу Легиона в пустотной войне и абордаже. Пять сотен лучших воинов Ангрона, которых возглавлял неоспоримый чемпион арен Легиона, и все они дали клятву и обязались защищать флагман. Это был их долг. Почетно-обязательный долг.

— Проклятый Легион, — произнесла она.

Две армии стояли друг напротив друга по краям открытой площади. Пыль скрывала детали, однако Кхарн видел, что первый ряд неподвижно стоит с траурным достоинством. Бронзовая окантовка доспехов серебрилась в лунном свете.

Плюмажи на шлемах подрагивали, но не из-за страха, а от дуновений ветра и ударов сильного дождя.

Кхарн пристально глядел на передний ряд, находившийся на расстоянии в несколько сотен метров, и на непонятные силуэты позади него. Проклятая пыль.

Пока он наблюдал, над головами пролетел еще один десантно-штурмовой корабль. Капитан активировал канал вокс-связи, в спешке глотая слова.

— Кхарн кораблю «Тирезий», отменить...

Корабль взорвался. Он разлетелся на плывущие обломки точно над соседним мемориальным некрополем, и рухнул вниз, захватив с собой траморное строение. Несколько Пожирателей Миров уставились в ту сторону, еще несколько усмехнулись. Большинство не обратило внимания, глядя на подернутые дымкой ряды Ультрадесантников.

— Ни черта не вижу. — произнес Скане. — Как по-вашему, сколько их там?

— По всем признакам, это последний бой, — отозвался Кхарн. — Мы не будем

атаковать без титанов.

— Хотите, чтобы я проверил оружие? — спросил Скане.

Кхарн глянул на цепной топор в своих руках. У оружия не хватало нескольких зубьев, но его еще можно было использовать, пока оно не придет в негодность.

— Проверь. Благодарю.

Он слышал, как Скане кружит по неплотным рядам Пожирателей Миров, проверяя состояние клинков, топоров и количество боеприпасов. Еще одна реалия войны, которой никогда не оказывалось в сагах.

Кхарн продолжал смотреть на непоколебимый, неподвижный строй вдали. Теперь подходили еще выжившие из трех его рот, и ряды Пожирателей Миров густели.

— У кого-нибудь еще работает ауспик в этой пыли?

Несколько воинов издали уклончивое ворчание. Некоторым чудились сигнатуры танков среди теплового следа более чем ста Ультрадесантников, однако никто не

мог сказать ничего определенного.

Кхарн выделил два отделения, чтобы те прочесали запад и восток соответственно и доложили о результатах поисков. Подошли еще Пожиратели Миров, за которыми следовало три грохочущих боевых танка «Малкадор». О корпуса машин гремели цепи, на каждой из которых висели десятки шлемов легионеров, добытых в Иссванской резне и бойне на месте высадки.

А потом он почувствовал едва заметную перемену в атмосфере. Она была не вполне материальна, однако несомненна.

Цепные клинки завертелись. Воины начали расхаживать, словно запертые в клетке львы, которым мучительно хочется охотиться.

— Спокойно, — сказал он в вокс. — Всем спокойно.

Но он тоже это ощущал. Гвозди тикали, посылая слабые импульсы боли и т р е б у я действовать, действовать, действовать. Он непроизвольно прибавил обороты собственного цепного топора, губы

разошлись в привычном оскале.

— Спокойно, снова произнес он. — Эска.

Кодиций вышел вперед. Братья инстинктивно расступились, и несколько сплюнуло на землю перед ним, чтобы отогнать неудачу. Суеверная привычка с родного мира Ангрона, разошедшаяся по Легиону.

На Эске не было шлема, на его лице явно читалась неуверенность.

— Капитан?

Кхарн подавил нарастающее ощущение дискомфорта, которое тоже подпитывало злобу.

— Можешь воспользоваться своими силами и сказать мне, что напротив нас на этой площади?

Удивление Эски усилилось. Он моргнул и оглянулся на окружавших его братьев. Кхарн ударил себя кулаком по нагруднику.

— Проклятье, смотри на меня. Отвечай. Можешь это сделать?

Кодиций кивнул. У него были темно-серые глаза — редкость на всех планетах, откуда Пожиратели Миров набирали

новобранцев.

— Да, сэр.

— Остальным стоять на месте, — Кхарн подался ближе к Эске. Возле того движение превращалось в преодоление какого-то незримого сопротивления, как при ходьбе под водой.

— Быстрее, — предупредил Кхарн. — Гвозди поют.

Эска опустился на колени и закрыл глаза.

Кхарн и все остальные попятились, чтобы дать ему место, что бы он там ни делал.

— Мне не стоит думать, будто Несущие Слово захотят к нам здесь присоединиться? — поинтересовался Каргос с отвратительной улыбкой.

Кхарн слушал вокс-переговоры другого Легиона, искаженные помехами.

— У них свои бои, — ответил он. — Они...

— «Поборники», — Эска открыл глаза и поднялся на ноги.

Все взгляды обратились к нему.

— «Поборники», — повторил он, — и

другие осадные танки. Батальон.

Пожиратели Миров переглянулись. Турбины на спине у Скане начали набирать обороты, а Каргос встал перед Эской, лицом к лицу.

— Они собираются стрелять по нам?

Кодиций кивнул.

— Это еще не все. Рядом что-то есть. Что-то огромное и живое. Не человек.

— Где оно? — спросил Скане.

— Не могу сказать.

— Что это? — спросил Каргос.

— Не могу сказать.

Разрушитель и апотекарий обменялись взглядами, как будто это только подтверждало бесполезность кодиция. Собравшиеся вокруг Пожиратели Миров ускорили вращение цепных клинков и начали бить оружием по броне, собираясь в разрозненные стаи и нетерпеливо желая рвануться вперед и сойтись с врагом. Однако у Кхарна застыла кровь. Он неотрывно глядел на неподвижные тени далекой фаланги Ультрадесанта.

— Что-то не так, — произнес он. —

Всем отделениям, отойти назад. Держать дистанцию с танками. Флот может уничтожить эту площадь с орбиты.

Его люди воспротивились, рыча и возражая под гортанный визг работающих цепных топоров.

— Ангрон требовал не проводить бомбардировок, — сказал сержант Гарте, костлявое лицо которого не было скрыто под шлемом. — Враг должен истечь кровью, а не сгореть.

— Надо атаковать, — настаивал Каргос. Кхарн видел, как у брата подергиваются глаза, а на губах апотекария блестит слюна. — Атаковать, пока они нас не обстреляли!

— Это говорят Гвозди, — произнес Кхарн, но его слова утонули в ликующем вопле. Почти все подхватили крик апотекария, воздевая топоры к заслоненной луне.

— Ждите, — скомандовал Кхарн. — Ждите.

Но первый снаряд уже падал. Он упал вдали, на проспекте далеко позади, даже не

зацепив арьергард. Но промах не имел значения. Пожиратели Миров яростно заорали в грязное небо.

Второй снаряд упал на таком же расстоянии. Третий — чуть ближе. Осколки, разлетевшиеся из взметнувшегося в небо фонтана земли и камней, загремели по корпусам танков.

Звук атаки любого Легиона был наземным громом — прикованной к земле бурей, которой не дали носиться на положенном месте. Когда добавлялся рев забрызганных слюной ртов и недовольный шум цепного оружия, перемалывающего воздух, звук атаки Пожирателей Миров был сродни движению тектонических пластов.

Прежде чем Кхарн осознал, что его подхватило атакой, он успел сделать семь шагов. Капитан остановился, оглянулся назад и увидел, что Эска стоит в одиночестве. Даже танки «Малкадор» катились вперед. Их двигатели изрыгали смог, а турели вертелись в состоянии готовности.

— Не атаковать! — скомандовал

Кхарн по воксу своим людям, вопреки всей тщетности этой попытки. — Они ведут нас вперед! Они хотят, чтобы мы нападали!

— Дождитесь Аудакс! — присоединился к голосу капитана Эска. — Ждите титанов!

Он побежал, пыль рассеялась, и Кхарн увидел, что именно они атакуют.

Ничто в долгой истории войн человечества не могло в полной мере сравниться со звуком столкновения двух Легионов. Космодесантников не создавали, чтобы сражаться друг с другом, поэтому предательство имело свой неповторимый оттенок. Не металлический грохот столкновения бронзы из Древнего Мира, не трескучее фырканье автоматического оружия на городских улицах, так отличавшее эпоху, когда человечество сделало первые испуганные шаги в космос. Керамит ударял о керамит с лязгом треснувшего колокола, обладавшим странной глухотой и проникающей раскатистостью, словно сам звук

реагировал на неправильность происходящего.

Кхарн был в переднем ряду, когда Пожиратели Миров сошлись с Ультрадесантниками. Он видел, как сине-золотой авангард эвокатов приготовил щиты, с лязгом сомкнув их края и образовав несокрушимую стену накладывающихся друг на друга кобальтовых слоев. Полноростовые абордажные щиты. Эти воины были экипированы для сплоченного абордажа, в котором защита имела основное значение. Облаченные в устрашающие многослойные доспехи Мк-III, они стояли за разукрашенными павезами, держа в свободных руках пистолеты и мечи.

Воины Кхарна, нарушив строй, напали на фалангу лучших и самых защищенных воинов Империума. И он пошел на это с остатками трех разных рот.

Пробить стену. Все остальное не имело значения. Пробить стену. Обрушить ее. Если они не пробьют стену, то окажутся на милости Ультрадесантников

и погибнут за считанные минуты. Она должна была рухнуть при первом натиске.

Он не был уверен, думает ли все это, или же выкрикивает. Его люди стреляли на бегу. Выстрелы стучали по стене щитов, оставляя на темной покатой поверхности следы подпалин. Он закричал на наглакали, требуя гранат, но большая часть его воинов уже поддалась Гвоздям.

Последнее, что он услышал перед столкновением — финальный приказ капитана Ультрадесанта.

— Ciringite frontem! — крикнул тот на высоком готике. Щиты поднялись выше, и Ультрадесантники приготовились.

Пожиратели Миров взревели так громко, что содрогнулось само небо.

Ряды сошлись с характерным лязгом керамита и хрустом тел при столкновении масс. Пожиратели Миров ударили жужжащими цепными клинками, глухо простучавшими по щитам, или же оказались сбиты с ног натиском вражеских павез, которые разом нанесли ответный удар.

Эвокаты стояли слишком тесно.

Перед каждым Пожирателем Миров находилось по двое Ультрадесантников. Один из противников заблокировал рубящий удар Кхарна поверху, а другой врезал ему щитом в лицо. Он отшатнулся назад и упал, воя и ругаясь. Внутри шлема потекла кровь.

Пожиратели Миров атакуют стену щитов эвокатов

Гвозди наказали его за попытку восстановить контроль, впившись в мягкую плоть мозга.

После столкновения рядов прошло всего несколько секунд, и атака ослабла, нарушилась и рухнула.

- - - Contendite vestra sponte! — прокричал командир Ультрадесантников. Его люди перенесли центр тяжести и ответили пистолетами и клинками. Те Пожиратели Миров, кто еще оставался у стены щитов, начали массово гибнуть, сраженные врагами, до которых не могли дотянуться.

В этот миг время замедлилось для Кхарна. Он обнаружил, что отвлекся на жутковатую мысль — так ли чувствовал себя Ангрон на своей родине? Так ли чувствовала себя его обреченная армия рабов и отступников, когда с ними расправлялись солдаты их господ? Когда толпа изгоев-гладиаторов подняла копья и мечи против целых армий воинов-щитоносцев?

Он встал. По крайней мере, попытался. Заряд болтера с треском ударил в голень, снова заставив пошатнуться. Еще один сорвал с него шлем. Лицо начало жечь от

кровоточащих ожогов, на языке появился привкус оружейного дыма. Он бы никогда не забыл этот аромат — за свою многовековую жизнь он не пробовал ничего другого.

Когда он поднялся во второй раз, очередной болт с треском отскочил от наплечника, хлестнув по лицу огнем и дымом и полностью сорвав броню. Его это не волновало. У него текла слюна от причиняемой Гвоздями боли, ему нужно было убивать, чтобы унять давление внутри черепа.

Выкатив налитые кровью глаза и оскалив зубы, с которых свисали густые нити едкой слюны, Кхарн выдохнул в сторону наступающего строя Ультрадесантников два слова. Это были последние слова, которые он произнес перед тем, как Гвозди вошли так глубоко, что взяли верх. Всякий, кому доводилось сталкиваться со злобой, лишающей здравого смысла, знал, что краснота перед глазами, о которой на протяжении всей истории упоминали поэты и писатели, являлась вовсе не метафорой, а

буквальным окрашиванием зрения.

Он больше не был Кхарном. Личность Кхарна, состоявшая из накопленных за всю жизнь воспоминаний и решений, меркла за приливом красной, красной ярости и бешеной смертоносности берсерка.

Всего два слова.

— Наша очередь.

8
Призыв

На корабле никогда не бывало по-настоящему тихо. Невозможно до конца избавиться от разтеренного гула двигателей или приглушенных отголосков далеких шагов на других палубах. Однако Лоргар молился в тишине, молился, невзирая на причиняемую ранами боль. Он слушал не звуки корабля, а более глубокую, мелодичную песнь.

В его мыслях появилось некое притяжение. Сущность, требовавшая его внимания. Как будто его едва слышно звали из другой комнаты.

Жрец-полубог улыбнулся этому ощущению. Он не стал игнорировать его, а повернулся в поисках его источника. Это было все равно, что гнаться за старым воспоминанием.

Сперва он увидел громадный темный зал, с балок-стропил которого свисали знамена. А потом почувствовал холод на коже, как будто и впрямь стоял там, в

тишине. Его брат — один из тех немногих, кого он любил, и кто отвечал ему тем же — оторвался от книги, которую читал на приподнятом постаменте. Толстая обложка захлопнулась. Никто из братьев не был настолько глуп, чтобы предполагать, будто кожаный переплет персикового цвета сделали из цельного куска.

— Лоргар, — произнес брат в далеких покоях.

Несущий Слово улыбнулся — улыбнулся в зале для медитации на борту «Лекса» над Армагурой и на расстоянии в половину галактики оттуда — в первом месте он присутствовал телесно, а во втором воплотился его дух.

Его брат выглядел, словно бог. Ни одно другое слово не подошло бы. Черно-хромовый доспех был таким темным, что не просто не имел цвета, а как будто прогонял свет, как бывает при солнечном затмении. Его поверхность покрывало множество символов, главным из которых был одинокое широко раскрытое око, изображенное на нагруднике. Когда-то оно

взирало с величественной, но невежественной бдительностью. Теперь же его взгляд стал яростным — оно видело все и покрылось черными прожилками от множества истин.

Выше нагрудника улыбалось неприкрытое лицо, совершенное во всех отношениях и деталях, преисполненное уверенности в себе. Прекрасное. Столь прекрасное. Лицо Лоргара обладало наибольшим среди примархов сходством с устойчивым набором постоянно менявшихся черт отца, но Гор воплощал собой идеализированный образ Императора — безупречный, каноничный и полностью лишенный забот о существовании человечества.

Во всяком случае, так бывало обычно. Теперь же Гор смотрел на брата, и его потемневшее от солнца лицо было насуплено от тяжелейших размышлений.

— Лоргар? — снова произнес он, словно сомневался в стоящем перед ним видении.

— Это я, — отозвался Несущий Слово.

Гор подошел ближе, словно намеревался коснуться изуродованного

лица брата. Он заколебался и опустил руку.

— Что произошло?

— Арматура. Ангрон выглядит немногим лучше. Разница в том, что он предпочел продолжать бой. Я доверяю войну своим людям.

В воздухе повисли невысказанные вопросы. В свое время, — подумал Лоргар. В свое время.

Гор указал на книгу, лежавшую на постаменте.

— Признаюсь, не ожидал, что это сработает. Произносишь имя человека, и он появляется перед тобой? От этого попахивает черной магией. Я еще могу понять варп-склянки, но...

— Черная магия, — улыбнулся Лоргар. Боли не было. Он все еще мог улыбаться.

— Забавное мнение, — Несущий Слово подошел к книге, задержав эфемерную руку над закрытыми страницами. — Ты все прочел?

— Все, — ответил Магистр Войны. — Переплет из содранной кожи. Но чья она?

— Трупы. Трупы с Исствана III.

Чрезвычайно по-декадентски, — признал Лоргар, — однако в таких вещах важен символизм.

Гор слегка пожал плечами, и сочленения его доспеха издали урчание.

— Времена изменились. Сейчас у меня непросто вызвать тошноту, — последовала пауза, словно он подыскивал наиболее уместную тему для разговора. — Ко мне приходил Магнус, как ты сейчас.

— Я знаю. Я вижу его решение в пряже судьбы, пусть даже у него пока не хватает убежденности, чтобы принять его. В свое время он примкнет к нам.

— К нам? — в глазах Гора блеснуло что-то холодное и черное. — Ко мне.

— Очень впечатляет. Очень царственно. Ты так будешь говорить, когда займешь трон отца?

После его слов воцарилось молчание. Лоргар улыбнулся. Прошло полдюжины ударов сердца, и Гор ответил улыбкой.

— Так что на самом деле случилось? — спросил Гор. — Плазма?

Лоргар провел рукой по обугленному лицу.

— Плазма. Плазменный бластер «Пса войны». Дважды.

Гор вздрогнул. С его губ сорвался благоговейный вздох.

— Тебе повезло, что отделался лишь уродством.

Лоргар не ответил.

— Зачем ты позвал меня, брат?

— Посмотреть, получится ли. Не более и не менее. Как идет твой крестовый поход в Ультрамаре?

— Точно по плану. Жиллиман застрял на Калте. Тридцать других миров уже истекают кровью, наши Легионы разделились и ведут осаду. Скоро та же участь постигнет еще тридцать. Мы разносим боль по холсту и творим ею пейзаж.

— Что с Калтом?

Лоргар снова сделал паузу. В признании не было злорадства, вообще никаких эмоций.

— Несомненно, Кор Фаэрон и Эреб празднуют триумф на Калте.

— Стало быть, они победили?

Лоргар пожал плечами.

— Они так думают. Они породили Гибельный Шторм. В нем нет грандиозности Великого Ока, или хотя бы Мальстрима, но это начало.

Гор вновь положил руку на книгу в кожаном переплете.

— Почему же кажется, что ты куда меньше убежден в их триумфе?

— Можно только гадать о степени их подлинного триумфа, если на победном параде они разворачиваются и бегут от Легиона, который, предположительно, сокрушили.

Гор усмехнулся, неохотно соглашаясь с заявлением. После краткого молчания он задал вопрос, которого от него ждал Лоргар. Подлинную причину, по которой он вызвал брата.

— Это сработает, Лоргар? — Гор улыбнулся, но жест вышел меланхоличным, указывая на уязвимость, всегда скрываемую перед другими. — Я не смогу выиграть войну без вас с Ангроном. Без ваших Легионов.

Теперь пришла очередь Лоргара рассмеяться.

— Избавь меня от ложной скромности, Гор. Даже если бы ты лишился всех братьев, всех Легионов, всех кораблей и всех, кто тебе служит, ты бы все равно распахнул двери тронного зала Отца, рассчитывая победить.

Однако Гор не улыбался.

— Это сработает? — снова спросил он. — Ты действительно можешь утопить Ультрамар в волнах варпа, или ты в лучшем случае можешь надеяться на кровь Легиона Жиллимана?

Лоргар прошелся по амфитеатру военного совета «Духа мщения», известного Сынам Гора как Двор Луперкаля. Его не было там на самом деле, но шаги точно так же порождали эхо.

— Ты заставил меня взять с собой Ангрона и обезумевших глупцов, которых он называет своими сыновьями. А теперь задаешь мне вопросы, гадая, потерплю ли я неудачу. Когда ты сменил веру в меня на незаслуженное сомнение?

— Когда ты изменился, — просто ответил Гор. — Когда ты сразился с

Кораксом и покинул Исстван V другим человеком, заявляя, будто воспротивился судьбе. Когда телепортировал своих воинов на корабли Фулгрита и угрожал уничтожить его Легион из-за того, что наш брат перестал быть собой. Я сменил веру на сомнение, когда перестал быть уверен в том, кто же ты, Лоргар Аврелиан.

— Я Первосвященник Изначальной Истины, — голос Несущего Слово чуть дрогнул. — Я Проповедник Абсолютного Хаоса.

— Красивые слова, Лоргар. Но они мало что значат без достижений.

Лоргар повернулся к брату.

— Я — тот, кем был рожден стать. Ты хочешь наказать меня за то, что я больше не слабый, не заблудший, не примарх без цели. Вспомни Исстван III, Гор. Я слышал, как планета умирает, находясь за многие тысяч систем от нее. Несомненно, ты беседовал со своими хорами астропатов или навигаторами флота. Предсмертный крик мира был громче, отчетливее и резче, чем сам

Астрономикон.

Лоргар поднял руку и описал кончиками пальцев круг, создав иллюзорную сферу белого пламени. Та сложилась в призрачный образ Терры. С поверхности самого крупного континента исходило тонкое, абсолютно прямое копье света.

— Клинок Надежды. Благословение Императора. Все имперские корабли в галактике движутся, ведомые этим сиянием. Ничто другое не может пронзить беспокойные волны варпа. Это их единственная путеводная звезда, и всего за три удара сердца ты, Гор, причинил столько боли одному миру, что она затмила психический маяк самого Императора.

Он сделал шаг к Магистру Войны. В его глаза горел огонь.

— Страдание, Гор. Понимаешь? Боль и ужас, отраженные из материальной реальности в варп. Агония миллиардов и миллиардов смертных в миг гибели, которая поражает саму песнь варпа. Ты изменил мотив, лишив всю мелодию одной

ноты.

Он улыбнулся. Улыбка была медленной и безмятежной, но от нее изуродованное лицо исказилось.

— Вся боль проходит сквозь пелену, вызывая беспорядок в преисподней по ту сторону реальности. Твое деяние прозвучало, словно один удар барабана. Я же, брат, создам целую симфонию. Сомневайся во мне, сколько хочешь. Здешние планеты умирают с мучительной неторопливостью, посылая через завесу продолжительные предсмертные вопли.

Лоргар сжал кулак и стиснул зубы.

— Я перенастраиваю варп. Насыщаю его. Я разолью Гибельный Шторм Эреба по всем Пятистам Мирам, разорвав пространство по швам.

Запутанная тирада подошла к концу, и он опустил глаза.

— Прости мне мой пыл, брат. Но прошу тебя, верь мне. Я отсеку Ультрамар от остального Империума. Выведу Жиллимана из игры.

У Гора был талант выглядеть

великодушным в любое время.

--- Я верю тебе. — он оперся на кафедру, словно это признание нелегко ему далось. Один долгий миг Магистр Войны смотрел на брата. — Ты исцелишься? Что твои апоте...

— Исцелюсь, — прервал его Лоргар. — Молитвой и медитацией, а не благодаря неуклюжей возне апотекариев Легиона.

Магистр войны кивнул, но Лоргар видел, что брат пытается скрыть сомнение.

— А что с Ангроном?

Лоргар приподнял покрытое струпьями место, где раньше находилась бровь.

— Я только сейчас понял, что тут творится, брат. Я что — один из твоих лакеев, чтобы стоять навытяжку и отчитываться?

Гор искренне рассмеялся.

— Не будь таким раздражительным, Лоргар. Мы планируем завоевать галактику. Разведка и логистика важны. Расскажи мне про Ангрона.

Ангрон. В этой истории был один,

или два подвоха. На изуродованном лице Несущего Слово появилась нейтральная маска.

— Я расскажу про Ангрона, когда буду уверен, что именно могу сказать.

Магистр войны медленно и тихо выдохнул, подчеркивая, что его обычно бесконечное терпение подходит к концу.

Сколько театральности, подумалось Лоргару.

— Брат, — произнес Гор. — Если ты попытаешься кормить меня отговорками типа «звезды в ненадлежащем положении», я тебя выслежу и лично убью. Тогда вообще не нужно будет тревожиться о мести Жиллимана. Эреб как-то раз меня так убеждал. Ему повезло, что в тот момент я был в благодушном настроении.

В темно-желтых, словно лисий мех, глазах Лоргара замерцало что-то, похожее на веселье. Звезды в ненадлежащем положении. Это было в духе Эреба.

— Тебя что-то забавляет, Лоргар?

— Многое, но Ангрон там не при чем. Сконцентрируйся на своей половине войны, Гор. Я приму меры в отношении Ангрона,

когда их надо будет принять.

— Или когда он тебя вынудит.

Лорган наклонил голову — соглашаясь, но не покоряясь.

— Или тогда.

— Он умрет? — Гор неотрывно смотрел брату в глаза. — Скажи мне хотя бы это.

На сей раз Лорган вздохнул.

— Да. Скорее всего. Я сделаю, что смогу, но его болезнь глубже и реальнее, чем было известно кому-либо из нас. Его Легион в равной мере ненавидит его и подражает ему. Ему становится хуже, и они все это видят. Вкрученные в череп имплантаты убьют его, это ясно. Какой бы археотех ни использовали при их создании, он не предназначался для мозга примарха. Их нельзя вынуть. Нельзя им противодействовать. Однако, вдохновение мне не совсем чуждо.

Гор почувствовал, что большего не добьется.

— Тогда последний вопрос. Что с Сигнусом Прайм?

Образ Несущего Слово уже тускнел.

— Сигнус Прайм — твоя игра, Гор. Я занят более важными вещами.

— Более важными вещами? — на безупречном лице Магистра Войны вновь появилось раздражение. — Но Сангвиний...

— Сангвиний будет стоять у врат Вечности со слезами на глазах и ядом в сердце, чего бы вы с Эребом не надеялись добиться на Сигнусе Прайм. Вспомни об этом, когда ваш гамбит там потерпит неудачу. Вспомни, когда встретишься с Ангелом в последний день. Вспомни, что это я сказал тебе, чем все кончится на самом деле.

— Какое дело может быть «более важным», чем Ангел на этом этапе игры?

— Почти любое, — донесся голос Лоргара из холодного воздуха. — Ультрамар. Фулгрим. Жиллиман. Войны, которые мы действительно можем выиграть. Среди нас есть лишь двое тех, кто выстоит против гнева Ангела, Гор. Только двое сразят его в бою, где ему нечего будет терять. Ты — один из них. Второй — Ангрон.

Перед глазами Магистра Войны

забрезжила правда.

--- Ты это предвидел. Я слышу по голосу. Вот почему ты так отчаянно стараешься сохранить ему жизнь.

Голос Несущего Слово становился все тише, угасая, как телесный облик.

--- Пророчество --- непостоянная госпожа, ей никогда нельзя верить всем сердцем. Я пытаюсь спасти Ангрона потому, что он мой брат, Гор. Было время, когда ты это понял и думал так же. Каким же бездушным ты выглядишь теперь. Следи за собственными мыслями, Магистр Войны, иначе тебя опустошат растущие амбиции.

--- А ты следи за языком, жрец, --- ощерился Гор в пустоту.

На расстоянии в пол-галактики Лоргар открыл глаза, вновь оказавшись в теле из дочерна обугленной плоти.

И улыбнулся.

9
Пробуждение
Ярость
Падение титана

Его первой мыслью было, что система целенаведения не работает.

— У меня не работает система целенаведения, — произнес он. Точнее, не произнес, поскольку ничего не прозвучало. По красному обзорному дисплею побежали данные, выведенные неровным шрифтом наракали. Он прочел их, обработал и — поскольку в них был смысл — стал терпеливо ждать.

Ожидая, он наблюдал за двумя людьми, которые стояли перед ним. Первой была Лотара Саррин. Ему нравилась Лотара. Ее форма была отмечена Кровавой Рукой, и это было славное зрелище. Он сам видел, как Кхарн лично нанес символ после всех убийств в пустоте, совершенных Саррин в тот день

Второй был облачен в красное, его

лицо скрывал нависающий капюшон, и у него было пять вращающихся глазных линз вместо лица. По правде говоря, техножрецов могло быть сколько угодно, но это не имело значения, поскольку он никого из них не любил. Как и всех легионеров, у него была эйдетическая память, так что он не забыл имена жрецов. Он просто так и не удосужился их выучить.

Проснувшись, он ощутил холод. Пронизывающий холод, который, словно сильный ливень, просачивался в поры и размягчал кости. Не то чтобы это имело какое-то значение. Было непохоже, что он от этого умрет. Непохоже, что он хотя бы задрожит. В саркофаге для этого не было места.

Когда он концентрировался, отключаясь от окружающего мира, то практически мог чувствовать самого себя. Настоящего себя — обнаженный связанный труп, свернутый в позу эмбриона и уложенный внутрь адамантиевой скорлупы. Впрочем, это могло быть игрой воображения. Сложно сказать наверняка.

Его зрение дрогнуло, и руны на мгновение стали синими. С грохотом появился слух, и его окутал шум военной мастерской. Трескучее шипение искр и пайки. Ритмичный лязг кузнечных молотов. Бинарное бормотание закутанных полулюдей.

— У меня не работает система целенаведения, — сказал он. Голос напоминал механический оползень.

— О ней позаботятся, — ответил жрец. Он изъяснялся бинарным кантированием — заунывным потоком единиц и нулей — но обзорный дисплей переводил все на награкали и низкий готик.

— Капитан Саррин, — произнес он. У него никогда не было таланта определять телесные сигналы людей. Ее глаза были прищурены. Сердцебиение ускорено. Рот сложился в тонкую жесткую линию, отчего губы побелели. — Вы рассержены или встревожены.

— И то и другое, — отозвалась она. — Лорке, мне нужно, чтобы вы защитили корабль.

Он не стал отказываться, это было совершенно невозможно. Лотара просила встать, идти, сражаться, и он не собирался ни в чем ей отказывать. Как и его братья. Все они жаждали вновь украсить броню кровью. Прошло очень много времени — десятки лет у большинства. Десятилетия, когда соображения милосердия требовали заключить их в сон без сновидений, но стазис был обманчивым словом.

В стазисе можно было видеть сны. Время не замирало для разума, только для тела. Можно было замкнуться лишь в собственных парализующе-сентиментальных воспоминаниях.

Как он мог ходить. Как мог дышать. Как чувствовал отдачу болтера в руке.

Лорке избавился от унылых размышлений, как только освободился от сдерживающей платформы. Палуба содрогнулась у него под ногами. Это было приятно. Техножрецы попятились, когда он со скрежетом суставов раскрыл многосуставчатые кулаки, и вхолостую

выстрелил из встроенных в ладони комбиболтеров. Это тоже было приятно.

— Снарядите меня, — скомандовал он. Они повиновались. И по правде говоря, их повиновение приказам тоже было очень приятно. Жрецы снарядили его, закончив будить братьев.

Братья слушались его в смерти, как слушались при жизни. Они были первыми, но он был Первым. Едва заметный акцент — одна заглавная буква — но совсем иной статус.

А еще они были Раненые. Неудачами. Теми, чьи механики шептали бинарные кодовые слова вроде «неуравновешен», «нестабилен» и «терминальное вырождение».

Вот почему они находились не на поверхности. Вот почему пребывали в стазисе. Они были древнейшими, первыми, еще до времен совершенствования технологии.

У Хеллесека не хватало руки. На момент пробуждения его железное тело проходило ремонт, и он включился с сокрушающим силовым кулаком на левой

руке и странным ощущением временной ампутации на месте правой.

Кридал не мог говорить. Саркофаг прикрутили к телу, однако он все еще был поврежден с прошлой битвы. Его благословили и помазали священными маслами, но собрали без тонкой системы вокабулятора. На это не было времени.

Хуже всех дела обстояли с Нерасом. Он пробудился разъяренным, поддавшимся Гвоздям. Он всегда был таким, даже дремля в стазисе. При первых натужных шагах он порвал цепи, и шум всех машин переполненной мастерской утонул в реве цепных клинков. Более мудрые техножрецы бросились бежать. Более преданные или глупые попытались усмирить его электрошоковыми путами. Один потешно старался вызвать чувство покоя молитвой Богу-Машине.

Лорке привел одержимого брата в чувство. Для этого он дал залп из комбиболтера по саркофагу другого дредноута, чтобы привлечь его внимание, а затем принудил к покорности ударами тяжелых кулаков. Это не составило

никакой трудности. Будучи Первым, Лорке был не просто саркофагом, соединенным с боевым телом. Его железная оболочка являлась воплощением Бога-Машины. Легион почтил его, воскресив в виде «Контемптора».

Нерас все еще пребывал в бешенстве, в ярости, но отступил от края. Теперь он мог работать.

Всего их было тринадцать. Тринадцать первых дредноутов XIII Легиона, модели «Люцифер» и «Дередео», брошенные или намеренно забытые, пребывающие в небывало запущенном состоянии.

Они возглавили оборону как единственные Пожиратели Миров, находящиеся на борту.

Пожиратели Миров. Название все еще казалось Лорке чуждым. Он жил и умер Псом Войны за десятки лет до Ангрона, еще до того как они приняли имя Пожирателей Миров в честь погибшей мятежной армии примарха — Пожирателей Городов. На его железном теле еще сохранились выцарапанные при

старом Легионе метки убийств, а на нагруднике располагалась бронированная волчья голова с цепью на шее.

Псы Войны. Вот это был его Легион. Вовсе не эти бешеные, полулоботомированные безумцы, которые отбрасывали все понятия о чести, впадая в ярость берсерков.

И все же они оставались его братьями. Он не мог их ненавидеть, но мог осуждать. Порча начала просачиваться внутрь, когда они забрали примарха с никчемного мира, который он называл своим домом, но Легион еще мог отказаться от Гвоздей. Они предпочли подражать генетическому отцу, невзирая на очевидную цену этого. Предпочли вскрыть себе череп и дать поместить внутрь отраву.

Таков был приказ Ангрона, но было ли это оправданием? Мог ли примарх заставить сто тысяч воинов склониться перед его волей, если бы те отказались уродовать свое сознание? Лорке пал в бою за тридцать лет до прихода примарха. В ту пору он оставался активен день и ночь,

пока его не начала одолевать вялость разума. Было непросто бодрствовать несколько лет. Сознание, вынужденное напрягаться для управления железным телом, начинало страдать от изоляции и заточения в тесноте.

И вот он начал покоряться покою полусна в стазисе. Поначалу на несколько месяцев. Затем — по году на каждый год бодрствования. Ему требовалось все больше и больше отдыха, чтобы компенсировать усилия по управлению оболочкой.

Впрочем, он так и не испытал поцелуя Гвоздей внутри черепной коробки. Благодаря обстоятельствам. Это оказалось довольно просто. Вбить их в череп его трупа означало существенный риск, а он был реликвией во всех смыслах этого слова. Они не отважились подвергнуть его хирургическому вмешательству, и он остался одним из немногих Псов Войны в растущих рядах Пожирателей Миров.

Но что сделано, то сделано. Старый и новый Легионы были связаны кровными

узами, сколько бы не было миров, откуда десятилетиями набирали воинов. Между ними существовало родство, хотел он того или нет. Как говорили во многих из их родных культур, кровь не вода.

Лотара приказывала закутанным телким жрецам загрузить тактическую сводку по точкам расположения абордажных капсул Ультрадесанта.

— Чьих? — спросил Лорке. Он отвел взгляд от того, как над Нерасом с пением совершают Обряд Повторного Пробуждения, и взглянул сверху вниз на крохотную фигурку капитана Саррин.

— Ультрадесанта, — ответила она. — Тринадцатого... Легиона Астартес? — она выглядела встревоженной, будто он забыл, что такое XIII-й.

Глубоко в его тяжелом металлическом нутре что-то загремело и лязгнуло.

— Вы хотите, чтобы я убивал Ультрадесантников.

— Они взяли нас на абордаж, — настаивала она.

Лорке присел, его суставы издали

механическое рычание. Он опустил головной узел ввода-вывода, выполненный в виде бронированного шлема, вровень с ее лицом. Гигант преклонил колени, чтобы поговорить с ребенком.

— Почему они взяли нас на абордаж?

Теперь она явно выглядела встревоженной.

— Вы не можете сражаться с другими легионерами?

Конечно же, он мог. Он ведь бился с Волками, не так ли? После того, как Ангрон принял командование над Легионом, они явились выть насчет Твоздей и с тявканьем отправились обратно к своим десантным кораблям. Всю жизнь в зловонном и холодном гробу он не мог забыть, как Ангрон и Русс сражались в янтарном свете чужого заката. От поля боя пахло их божественной кровью.

— Какова причина? — ответил он Лотаре. — Почему мы воюем с Ультрадесантом?

— Я... потому что... — она запнулась, повернулась к ближайшему жрецу и

распорядилась загрузить еще данных.

Они воевали не с Ультрадесантом. Они воевали с половиной Империума. Сейчас они находились в состоянии открытой войны с Императором, и это длилось больше года. Похоже, что большую часть этого срока они летали в варпе, обрушивались на ничего не подозревающие миры, которые до сих пор не знали об идущей войне, и полностью вырезали население.

«Ангрон», — подумал он. Имя вызвало в нем незамутненную злобу, от которой его тело задрожало в амниотической жидкости гроба-колыбели. Он почувствовал, как иссохшие руки напрягаются и подергиваются.

В разуме Лорке появилась незаметная доля безумия. Он вновь повел своих раненых и брошенных братьев в бой.

Войны выигрываются дисциплиной. Схватки выигрываются яростью.

Единственным оставшимся оружием, которое можно было противопоставить дисциплине Ультрадесантников, была

ярость. Ярость за рамками здравого смысла. Ярость без пределов. Настолько бездонная ярость, что ей невозможно было противостоять, ведь одержимые ею не заботились о собственных жизнях.

Когда двое воинов сражались, не отступая, даже самые отважные и верные долгу не могли избавиться от осознания своей смертности. Солдаты защищались, чтобы остаться в живых. Их руку направляли выучка и инстинкт — они пригибались, уклонялись, отшатывались, блокировали и парировали. На сознательном уровне это было мастерство. Ловкость. На бессознательном — натренированная реакция и простое, инстинктивное понимание смертности.

В этом также заключался секрет того, как Пожиратели Миров побеждали в войнах без дисциплины, которой блистали другие Легионы. Схватки выигрывались при помощи ярости — победи в достаточном количестве схваток, и это повлечет за собой победу в войне.

Гвозди не являлись имплантатами в

том смысле, как это слово понимали летописцы и археотехники. Они ничего не добавляли мозгу Пожирателя Миров. Наоборот, лишали. Они полностью очищали разум воина от здравого смысла, осторожности, инстинктов смертного. Гвозди вознаграждали за ярость всплесками электрохимического наслаждения, покалывая синапсы и убивая удовольствие от всего остального. Еще не изобрели машину, которая бы лучше подходила для того, чтобы побуждать воинов стремиться к сомнительному покою в абсолютной ярости, лишенной забот и чувства вины.

Когда Кхарн врезался в стену щитов, он едва ли еще был Кхарном. От него осталась лишь оболочка, человечность свелась к лихорадочной ярости, он не думал и не защищался, не реагировал на угрозу боли или опасность. Капитан вырвал абордажный щит из рук первого врага, брызжа пеной в лицевой щиток воина, и топор обрушился вниз. Он не обращал внимания на бьющие по броне клинки и заряды, постоянно продолжая

атаковать, атаковать и атаковать.

Воин, который хочет жить, беззащитен против того, кого не заботит смерть. А жить хотят все воины, Кхарн.

Слова примарха. Ангрон тихо прорычал эту мудрость за час до того, как Кхарн первым получил Гвозди Мясника в мозг.

— Кровь для примарха! — заорал он, расправляясь с Ультрадесантниками. Внутренности мертвецов окрасили его лицо в красный цвет. — Черепа для Двенадцатого Легиона!

По всей линии фронта, где легионеры в запятнанной кровью белой броне сошлись с закованными в кобальтово-синюю, сотни раз происходило одно и то же. Пожиратели Миров, чьи раны были слишком тяжелы для нападения, ползли по земле, воя от ненависти. У них в руках продолжали работать топоры и мечи.

Для поддавшихся Гвоздям время ничего не значило. Кхарн чувствовал обострение вокруг себя,словно акула, которой не нужно особо обращать внимание, чтобы ощутить приливы и

отливы. В просветах среди движущегося красного марева вражеских конечностей он видел, что другие воины в белом крушат ряды Ультрадесанта, и то же самое делают десантно-штурмовые корабли, озаряющие небо обращенными вниз двигателями. Вызывающие головную боль лучи лазпушек пронзали сражающуюся толпу с раскатистым осиным гудением, доводя воздух вокруг разрастающихся воинств до перегрева.

Земля содрогалась от поступи титанов, громадные силуэты которых проступали в пыли. Они вели собственную божественную войну над стадами жалких смертных, собравшихся вокруг их ног. Когда они удостаивали наземную схватку своего внимания, то в вопящих и сталкивающихся ордах образовывались громадные просеки погибших, испепеленных солнечным пламенем или скошенных опустошительными залпами массированного огня болтеров «вулкан». Тут и там раздавался лязгающий треск «медвежьих когтей», выпущенных по более крупному противнику. В какой-то момент

Кхарну показалось, что он видит силуэт титана класса «Владыка войны», почти повергнутого на колени четырьмя «Псами войны» Аудакс, которые тянули его вниз хваткой гарпунов. Мгновение он смотрел, как громадная тень опускается, а затем его вновь поглотила битва.

Теперь он был близко. Так близко, что чуял их дыхание, когда срывал шлемы и крушил лица кулаками. Так близко, что слышал потрескивание их вокс-сети, откуда приказывали всем отступать.

Они не собирались уходить. Ультрадесантники сражались спиной к спине постоянно уменьшающимися кругами, отказываясь бежать. Они бы не показали врагу спину, и у них не было возможности отойти в стройном порядке, чего бы там ни требовали командиры.

— Кхарн! — разнесся над битвой вопль. Пожиратель Миров мог лишь гадать, что его усиливало. Он лихорадочно сражался, обливаясь потом и брызжа пеной, руки онемели от сжимания скользкой от крови рукояти топора. Все превратилось в мелькающий шквал клинков мечей, кромок

щитов, кулаков, сапог и красноглазых бронзовых шлемов.

— Кхарн! — снова раздался голос. — Сразись со мной!

Он ударил топором, клинок выбил искры, скользнув по нагруднику Ультрадесантника. Зубья грызли и скребли, уродуя аквилу, изображенную на груди воина. Не царственную Палатинскую Аквилу — личный символ Императора, которого среди Легионов удостоились лишь сыны Фулгрима. Это был никчемный знак имперского господства, который мог носить любой воин.

Кхарн отвел руку для второго взмаха. На сей раз крутящиеся зубья вгрызлись в горло легионера, перемалывая более мягкую броню и плоть за ней. Когда тело рухнуло, Кхарн рубанул в третий раз, взял шлем за сержантский венец и поднял его вверх, крича в задыхающееся небо.

Жалкие потуги луны на свет закрыла тень. Она появилась позади Пожирателя Миров, врезавшись в землю так сильно, что камень потрескался — существо, состоящее из мрака и клинков.

Он развернулся, нанося удар.

Аргел Тал отбил выпад в сторону своим золотым двуручным мечом. Топор заискрил и раскололся в руках Кхарна, разлетаясь на куски от столкновения с оружием кустодия.

— Ты обезумел, брат? — спросил Аргел Тал. Его второй, более резкий голос доминировал над человеческим. Доспех Несущего Слово был покрыт выростами из плотной выбеленной кости, которые образовывали на багряном керамите подобие экзоскелета. Шлем венчали искривленные рога, серебристый лицевой щиток исказился, став вольчей пастью. Над плечами высился живой плащ покрытых жилами крыльев нетопыря, созданных из какого-то сверхъестественного сплава металлоплоти и опаленного керамита. Нечто божественное, впавшее в грех. Ангел глазами демонов.

Вида существа хватило, чтобы выдернуть Кхарна из-за черты Гвоздей. Лишившись топора, он стал пользоваться цепями, которыми крепилось оружие,

хлеща железными бичами налево и направо.

— Где ты был? — сумел он крикнуть сквозь слипшиеся от крови и густой слюны зубы. Гвозди понуждали мускулы к действию, желая, чтобы он ударил Несущего Слово. Они сулили очередной импульс наслаждения только если он предаст брата.

Аргел Тал ударил крыльями и оторвался от земли на достаточное время, чтобы пнуть Ультрадесантника в горло. Он приземлился, держа клинок в оборонительной позиции, и отбил прилетевший сбоку болт.

— Проблемы были не только у вас, — ответил он. Более низкий и мягкий человеческий голос был наполнен извинением. Раскатистый и змееподобный резкий голос произнес те же слова в то же время, но каким-то образом обозначил веселье.

Кхарн одной рукой поднял с земли упавший гладий, а другой — цепной меч.

— Валика, — выплюнул он, переключая внимание на схватку. Братья столкнулись

спинами, сражаясь с врагами в самом сердце поля боя. — Вы были нужны нам на Валике.

В условиях ближнего боя крылья Аргела Тала должны были быть обузой, однако в пылу они становились таким же оружием, как похищенный им клинок. Они служили ему щитами, которые колыхались, словно паруса на ветру, но при этом обладали твердостью керамита. Клинки с лязгом отскакивали в сторону, удары лишали врагов равновесия, он бил по шлемам и отводил выпады. Все это время меч кустодия поднимался и опускался в багряных кулаках, забирая жизни.

— Сейчас правда время для этого? — напряженно прорычал Несущий Слово.

Кхарн удержался от ответа, когда из вокса донеслись нежеланные слова.

— Говорит Кида Бли. «Сиргала» повержена. Подкре...

— Можешь помочь им? — спросил он Аргела Тала. Они оба ничего не видели за схваткой. Кхарн обрушил подошву на горло павшего воина и повторил вопрос, не заботясь об отчаянии в собственном

голосе. Командный титан Легио Аудакс находился под угрозой. Это было важнее всего. — Можешь им помочь?

— Могу попытаться, — Несущий Слово выдернул меч из живота Ультрадесантника, проворачивая клинок, чтобы разорвать броню. Наружу с хлюпаньем вывалились внутренности, но легионер Арматуры нанес еще три удара, прежде чем упасть на колени. Приходилось поднапрячься, чтобы сразить этих терзавцев. — Нельзя по-настоящему привыкнуть к убийству себе подобных, — выдохнул Аргел Тал и опустил клинок. Голова Ультрадесантника слетела с плеч.

— Не погибай, — сказал он Кхарну и рванулся в небо, закручивая пыль ударами крыльев.

Тот очнулся со стоном, перешедшим в крик, когда на него обрушилась боль. Он забился на троне, вдыхая медный запах заполнявшего кабину дыма, дергая за систему аварийного разъединения и вопя, что ту заклинило.

От его суеты дым расступился, дав

время увидеть, что не так. Разъединение не заклинило, он просто до него не дотягивался. Тянущаяся к рычагу рука кончалась у локтя. На месте единственного органического предплечья и кисти был только воздух и красное месиво возле сустава.

От этого зрелища он перестал кричать, уставившись на остатки руки в оцепенелом изумленном ужасе.

— У меня нет руки, — произнес он сдавленным шепотом. — Моей чертовой руки нет.

Он попытался дотянуться второй рукой, но это было слишком далеко. Пальцы безрезультатно скрючивались в воздухе, не доставая до блестящей железной ручки рычага. Его трясло от шока и кровопотери, голова кружилась до интоксикации.

— Кида. Кида, я застрял на кресле. Кида, — он повернул голову вбок, вглядываясь в дым. — Кида, у меня нет руки.

Перед ним оказался ее зад в повседневном сером комбинезоне. Она

присела на консоли управления, перед сидящим на троне принцепса Солостином. Он ухмыльнулся, будто пьяный, хотя никогда в жизни не испытывал по отношению к ней ни малейшего желания.

Качающаяся голова Тота билась о подголовник, о железные ребра на том месте, где до катастрофы располагались поддерживающие подушки. Вся кабина наполовину накренилась вбок, ему было трудно держать голову прямо.

— Кида, — сказал он ее заду. — Кида, я потерял много крови. Я не могу... Я не... Кида. Кида. Кажется, моя рука на полу. Кида. Найди ее, Кида. Прошу.

Она развернулась в тесной кабине «Пса войны», выругалась гораздо злее, чем когда-либо доводилось слышать Тоту, и оставила Солостина на его кресле. Тот не мог ничего толком разглядеть в дыму. Казалось, что принцепс спит.

Кида — которую даже в этих тяжелой ситуации тошнило от того, как Тот бубнит ее имя — потянула за аварийный рычаг возле кресла рулевого. Раздался лязг, щелчок и

разочаровывающее посвистывание. Ничего не произошло.

— Чудесно, — произнесла она. — Просто прелестно.

Ее помятое лицо покрывали полосы сажи. Тот смотрел, как она достает табельный пистолет, и тупо гадал, почему она хочет его застрелить. Разумеется, этого не случилось. Тихо извинившись перед духом машины «Сиргалы», она дважды выстрелила, разбив оба магнитных соединения, которые фиксировали башенку на крыше.

— Уходим, — сказала она Тоту.

— Мы разбились, — сообщил он.

— Еще как, — она широко расставила ноги на панели управления, осторожно балансируя, пока накладывала на его искалеченную конечность жгут, который сделала из своих рукавов.

В какой-то момент она заметила его руку на полу, рядом с ботинками. Он был прав, она валялась внизу.

— Пошли. — произнесла она и начала поднимать его.

Шок был ей на руку — он вел себя

послушно, хоть и не переставал бормотать.

— Кида, — снова сказал он. — Что со стариком?

— Он мертв, — у нее на глазах не было слез. А если и были, то из-за дыма. Просто дым.

— Кида. Он не умер. Правда же? Кида?

Хороший вопрос. Если нельзя жить с половиной консоли аватарного интерфейса, засевшей в груди, то он наверняка был мертв.

— Его больше нет, Тот. Карабкайся.

Она проталкивала его через башенку, вытаскивая первым.

— Если еще раз назовешь мое имя, спятивший ты ублюдок, я тебя пристрелю.

Внутрь просунулись другие, лихорадочно действующие руки. Они вцепились в полуобмякшее тело Тота и потянули его от нее.

— Нет! — закричала она, таща его назад одной рукой и нащупывая оружие другой.

— Успокойтесь, модерати Бли, — она узнала бесстрастный голос, напоминающий

вокс. — Это я. Всего лишь я.

Она взглянула на тянущиеся бионические руки, которые были выполнены в грубом подражании человеческой мускулатуре, но оттого обладали странной красотой. В открытую башенку свешивались обгоревшие лоскуты красного одеяния.

— Девятый?

— Подтверждение. Это я. Девятый.

— Ты взял Тота?

— Второе и следующее подтверждение.

— Кида, — Тот пускал слюни в респиратор, продолжая лепетать. — Киииида...

— Тихо, — беззлобно велела она. — Поднимай его, Девятый.

— Третье и наиболее уместное подтверждение, — аугметические руки техножреца двинулись вверх. Цилиндры, поршни и малые приводы напряглись, пока он вытаскивал Тота наружу. Она услышала, как модерати еще раз произнес «Кида», а затем Девятый что-то пробормотал насчет потери крови,

радиальной и локтевой артерий. Присев у сгорбленного тела принцепса Солостина, она пальцами закрыла ему глаза .

— Спасибо вам, — сказала она. И спустя секунду уже лезла следом за Тотом.

Девятый поддерживал Тота. Марсианское красное облачение превратилось в лохмотья, он казался голым без кольца сервочерепов, которые обычно усердно кружили вокруг него при помощи антигравитации. Большую часть тела заменяла сегментированная броня, отличавшаяся необыкновенным изяществом и аккуратностью обводов, если сравнивать с толстой обшивкой полевых машинных провидцев. Кида и понятия не имела, что скрытая одеждой аугметика столь искусно сделана.

На Девятом не было капюшона, и была видна выбритая голова с аугметическими узлами и массивным визором на месте глаз. Голосовые связки были заменены на круглого железного скарабея, из крошечного динамика доносился дребезжащий вокс-голос. Все остальное выше уровня шеи выглядело

человеческим.

— Принцепс? — напомнил он.

— Погиб.

— Последует процесс оплакивания, включающий траурные и искренние обряды. Идемте, модерати Бли. Нужно выбираться.

Проще сказать, чем сделать. Обычно Кида находилась выше «наземной работы», где пехота сражалась в тени «Сиргалы». Теперь же «Сиргала» пала, и экипаж застрял в самой гуще. Вокруг рухнувшего титана бились и кричали воины в белом и синем. Несколько безмолвных секунд она вообще не была уверена, что делать, или куда бежать. Пистолет в ее руке был бесполезен — против любого из Легионес Астартес он был все равно что игрушка.

— Модерати Бли, — начал Девятый. Фраза оборвалась сдавленным воплем, и техножреца швырнуло вперед попавшим в спину зарядом болтера. Кида увидела, как он ползет по земле без ног, подтягивая свое тело обратно к ней. На это не было шансов — они с Тотом стояли наверху лежащего черепа «Пса войны». Она подхватила Тота,

пока он не упал, притянув его к себе.

— Изменники, — вокс-голос был низким и очень, очень самоуверенным. Она обернулась и выстрелила в стоящего внизу Ультрадесантника. Заряды отскакивали от доспеха, оставляя крохотные, бессмысленные подпалины в местах, где им удавалось ужалить. Воин и трое его боевых братьев подняли болтеры. В тот же миг вокруг нее закружилась тень.

Оно приземлилось с ужасающим хрустом, заслоняя свет дульных вспышек оружия XIII Легиона, и приняло на себя большую часть огня — бурю треска и ударов по алому керамиту. Силуэт. Существо. Один из Несущих Слово, одно из безумных созданий Гал Ворбак. Оно притянуло двух смертных к опаленной броне, защищая обоих сложенными вокруг кровоточащими крыльями.

— Я — Аргел Тал, — раздались два голоса из одной гортани. Его лицо представляло собой металлическую собачью маску, слова звучали булькающе из-за крови, которая текла из клыкастой пасти. — Кхарн попросил меня сохранить

вам жизнь.

Кида пережила гибель своего титана, которого сходу уничтожил черно-белый «Разбойник» Лисанды. Пережила сокрушающую боль отделения от великодушного духа машины «Сиргалы» — сущности, которую она боготворила и за которую бы охотно умерла. Спасла изуродованного напарника от неминуемой гибели и простилась с мертвым наставником. Даже открыла безнадежный огонь по поклявшимся убить ее солдатам, зная, что никогда не смогла бы чем-то им навредить.

Но она расплакалась лишь тогда, когда демон обнял ее и сказал, что пришел спасти ей жизнь.

10
Геннская чистка
Война окончена
Завершение

Лотара Саррин сказала ему, где охотиться. Она загрузила местоположение девяти разных точек абордажа по всему левому борту «Завоевателя», а остальное сделали сообщения о потерях по воксу. Они имели дело примерно с девятью десятками Ультрадесантников, субанализ уточнял прогнозируемые потери с учетом плотности экипажа и предполагаемого реагирования корабельных солдат в каждой точке контакта.

Лорке остался с Кридалом и Нерасом, поскольку те пребывали в наихудшем состоянии. Им были нужны указания и приказы.

Прочие Раненые рассредоточились, с топотом расходясь по кораблю. Лорке и капитан Саррин поручили им возглавить оборону, хотя в воксе продолжали

раздаваться сообщения, что Ультрадесантники вырезают смертный экипаж и посланных на защиту корабельных бойцов.

Коридоры были устланы телами. Если догадки ветерана имели какое-то значение, Лорке полагал, что прогнозируемые потери экипажа чрезвычайно велики. Вторгшиеся Ультрадесантники знали, что их жизни кончатся на этом корабле, но такое количество воинов запросто могло перед смертью разорвать флагман на части.

Так что они двигались быстро. Невзирая на отвратительность этого, Лорке пришлось отдавать стрелковым группам боевиков приказы стоять и погибать, задерживая отделения эвокатов достаточно долго, чтобы его дредноуты вообще смогли догнать абордажников.

Впрочем, космодесантники не отличались прочностью, как только оказывались в пределах досягаемости когтей.

Он почти не обращал внимание на убийства. Его главным образом заботили

вопросы касательно этой безумной войны против Императора и его царства. Как Легион стерпел чистку собственных рядов? Как они безнаказанно расправились с братьями на Исстване III? Как смогли предать свой род? Псы Войны — и впоследствии Пожиратели Миров — были Легионом, в первую очередь основанным на братстве. Они учили ему на гладиаторских аренах, собирая воинов с разных миров, сковывая их вместе и заставляя драться парами.

Так как же дошло до такого?

Ангрон.

Ангрон и Гвозди.

Во время Великого крестового похода примарха долго искали. Псы Войны становились свидетелями того, как другие Легионы впервые воссоединяются со своими примархами, и их не миновала печальная зависть.

Ходило множество домыслов — от тревожных перешептываний, что примарх может быть уже мертв, до надежды, что он окажется воином и полководцем, способным поспорить с Гором,

Жиллиманом, Дорном или Львом.

А затем они, наконец, нашли его на том мерзком захолустном мире. Его первой и наиболее сомнительной славой стало то, что он оказался единственным примархом, кто отверг доброту Императора и отвернулся от завоевательских притязаний Империума. Ангрона, повелителя обреченной армии рабов, абсолютно не заботили мечты и триумфы всей галактики. Он хотел лишь умереть с мятежниками, которые спаслись вместе с ним из гладиаторских ям. Оборванное войско его братьев и сестер пряталось в горах в компании птиц-падальщиков и снежных медведей, ожидая смерти от голода, или же гибели в бою — смотря что случится раньше.

Легиону сообщили о его отказе. Их примарх отверг Императора.

Псы Войны не питали к Ангрону ненависти за его выбор. Они боготворили его за это. Какой примарх лучше понимает узы братства, чем тот, кто отвернулся от Императора, от Империума, от самой жизни — ради того,

чтобы умереть плечом к плечу с сородичами?

Однако Император не дал ему выбора. Ангрону предстояло вести Легион во имя Империума, хотел он того, или нет.

К моменту, когда они вышли на орбиту никчемной планеты Ангрона, Лорке дремал в первой из необходимых передышек. Впрочем, его разбудили. В последовавшие за приходом Ангрона недели разбудили всех первых. Легион еще не знал столь важных событий.

Тогда Магистром Легиона был Гир. Славный Гир. Один из лучших бойцов на топорах. Надо признать, что он не отличался даром вдохновения у стола планирования, однако смог превратить свою туповатость в добродетель, так же как и жестокость.

Он умер в ту же ночь, когда примарх присоединился к Легиону. Их новый отец убил его в неуправляемой скорбной ярости, которая поначалу овладела Ангроном.

Но в те дни Гвозди считались достоинством. Ни один из новонареченных Пожирателей Миров не признал бы факта,

что их примарх несет проклятие из тех лет, что он провел на родном мире. Они концентрировали внимание на его отваге, силе и скорости, которые давали имплантаты археотеха, и когда примарх потребовал от сыновей лечь под клешни технодесантников и ножи апотекариев, мало кто устоял перед возможностью разделить с благородным отцом славную боль.

После того, как Гвозди были вбиты, все изменилось.

Когда-то известные своим братством Пожиратели Миров теперь стали в первую и главную очередь знамениты своей дикостью. Начали поступать донесения о том, что Легион несет чрезмерные потери, сражаясь без тактики, словно орда, и что силы Имперской Армии просят о помощи другие Легионы, когда на зов откликаются Пожиратели Миров. Планеты предпочитали лучше сдаться, чем встречаться в бою с XII Легионом, однако война обходила стороной не всех сложивших оружие. Гвозди притупляли все прочие удовольствия, пока бурное жжение

адреналина не стало единственным возможным переживанием помимо тусклых отголосков эмоций. Переделанные мозги не позволяли испытывать удовольствие вне битвы.

Миры истекали кровью. Миры пылали. Миры умирали.

Говорили, что Император был... как там это называли? Недоволен. Какое слово. Такое деликатное, если учесть последовавшее безумие.

Имперские записи утверждают, что к Ангрону приходили два примарха, и оба заявляли, будто их послал Владыка Человечества. Первый прибыл вскоре после встречи Ангрона с Легионом. Перед появлением второго прошла почти сотня лет. Но к тому моменту стало уже слишком поздно.

Первым был Русс. Он пришел и привел Волков. Они уже тогда именовали себя палачами Императора. Наделяли ли его этим титулом? Все сомневались, и в особенности — примархи и их Легионы. Почему Космические Волки? Лорке еще помнил аргументы, звучавшие из уст всех.

Волки уступали Ультрадесанту численностью, а Руссу недоставало беспристрастной мудрости Жиллимана. У них не было шестого чувства, широко распространенного среди Тысячи Сынов, а Волчий Король не имел обширных познаний Магнуса Красного. Они были лишены свирепости Пожирателей Миров, стойкости Гвардии Смерти, и из всех двадцати Легионов лишь один обладал величием, репутацией и победами Лунных Волков. Что еще убедительнее, лишь у одного Легиона был Гор, Первый Примарх, о котором даже ходили подозрения, будто однажды его провозгласят Наследником Императора.

Но истина искажалась в зависимости от того, кто вел рассказ. Русс играл эту роль так, словно она принадлежала ему от рождения. Что имело значение после такого выбора? Ничего. Совсем ничего.

Они встретились в Малкойе, на полях за мертвым городом с тем же названием. Пожиратели Миров, потрепанные и истекающие кровью после приведения Генны к согласию, выстроились

нестройными рядами перед собравшимся Легионом Космических Волков. Примархи стояли перед своими воинствами в доспехах и с оружием в руках — Ангрон, залитый кровью и покрытый свежими ранами, и Леман Русс в великолепной броне цвета штормов его бурной родины.

Лорке стоял рядом с Ангроном, так же как и Кхарн с прочими капитанами. Даже находясь в ходячем гробу, он был поражен величием вида Русса. Это было существо, генетически запрограммированное на совершенство: отражение возлюбленного человечеством царственного идеала. Русс излучал властность безо всяких усилий, не нуждаясь в позерстве или притворстве. По всем признакам он должен был бы быть варваром — от растрепанных светлых волос до обветренной на морозе кожи, которая делала его на вид гораздо старше своих лет. И при всем этом, он не вызывал насмешки. Он превратил варварство в контролируемую черту — нечто благородное, что можно понять и обуздать, а вовсе не состояние

примитивного регресса. Леман Русс воплощал динамизм жизни, свободной от оков цивилизованности. Примарх олицетворял силу, целеустремленность и мужество посреди всеобщей серости неизбежного застоя. Он был волком не по тому, как сражался, выл и собирал своих людей в стаи. Он был волком по тому, как жил, вечно напоминая о полной сил и искренней дикости, которая лежит в основе всей жизни. С улыбками шептали, будто генокод VI Легиона был испорчен собачьей кровью. Лорке верил в это. Вид Лемана Русса вызвал у него желание снова дышать и что-то чувствовать помимо неуютной млечно-холодной тесноты его амниотической утробы-гробницы. Он никогда не ощущал себя настолько мертвым — ни до того, ни после.

Волчий Король явился не для того, чтобы дискутировать или обмениваться любезностями. И тем не менее, Лорке помнил, как примарх уважительно кивнул.

— Магистр Легиона, — произнес Русс.

Железное тело Лорке не было приспособлено для почтительности, но он

наклонил корпус в неуклюжем поклоне.

— Великий Волк, — отозвался он. — Я больше не Магистр Легиона.

Русс улыбнулся. Кривая улыбка мельком приоткрыла блеск белоснежных зубов.

— Тем прискорбнее. Будь ты им, мое присутствие, возможно, не потребовалось бы.

Наконец, Ангрон заговорил. В отличие от Русса, его дикость не сдерживал здоровый динамизм. У него не было харизматичной ауры жизни и пыла. Он был богом войны: изломанным, опасным и — хуже всего — ненадежным. Гвозди заставляли его левый глаз рывками открываться и закрываться в безумном торгании.

— Он тебя послал? — спросил Пожиратель Миров.

Русс не ответил. Его молчание вызвало у Ангрона улыбку, хотя в ее уродливом разрезе не было веселья.

— Не посылал, да? Император и Гор вместе странствуют среди звезд, и все это их не заботит. Ты пришел покарать

меня потому, что думаешь, будто это твой долг.

В те былые годы у Ангрона был его первый топор, предшественник всех остальных. Примарх называл его Оставляющим Вдов. Ему было суждено сломаться в тот самый день и больше не быть использованным.

Русс держал Пасть Кракена, свой громадный цепной клинок с зубьями какого-то фенрисийского морского дьявола из многочисленных мифов того мрачного мира. Ветер играл его мокрыми волосами, бросая пряди золотистой гривы на лицо. Глаза цвета тающего льда не отрывались от налитых кровью глазных яблок на покрытом кабелями черепе Ангрона.

— До меня доходят сообщения, Ангрон. Слова командующих и капитанов, которые пострадали, оказавшись рядом с тобой. Солдат, вынужденных сражаться без приказов и теряющих сотни там, где нужно было умереть лишь десяткам. Твои союзники рассказывают о резне, которую собственноручно учинили над ними твои же сыновья. Сообщение за сообщением,

очевидец за очевидцем. Все это доходит до меня, и я гадаю, брат — что же мне делать?

Вокруг примархов кружили два громадных волка. У них была белая шерсть, присыпанная серой пылью. Один щерился, как всегда щерятся волки, которым угрожают: демонстрируя влажные от слюны клыки, прижав уши и пристально вглядываясь. Другой просто прохаживался, наблюдая за беседующими божками, и в его темных глаза отражался свет заходящего солнца. Спокойный зверь оказался возле Русса, и полководец запустил закованные в броню пальцы в густой мех.

— Я не твой лакей, чтобы меня судить, — заявил Ангрон. Он стиснул железные зубы, и кибернетические кабели, образующие технологичные косички, натянулись. — И у тебя нет власти надо мной. Ни над кем из нас.

Русс снова улыбнулся.

— И все же я здесь.

— Чего ради? Устроить войну, которая погубит оба наших Легиона? —

Ангрон провел по лицу израненной рукой, словно этот простой жест мог снять боль.

— Уходи. Уходи, пока не случилось ничего такого, о чем ты пожалеешь.

Ветер усиливался. Лорке чувствовал лишь глухой шепот его контакта с железной оболочкой, но он рвал знамена, поднятые над строем Космических Волков.

Русс снова заговорил, в его светлых глазах не было колебаний.

— Хирургия должна прекратиться, Ангрон. Этого хочет сам Император. Войны закончатся здесь и сейчас. Посмотри, что ты сделал с этим миром.

— Очистил его.

— Вырезал. Опустошил. Генна очищена от всей жизни. Ты хочешь, чтобы это деяние было записано под твоим именем, когда будут возводить статуи в честь Великого крестового похода?

Ангрона совершенно не заботили статуи, о чем он прямо и заявил.

Русс покачал головой.

— Ты не можешь странствовать среди звезд в этом бешенстве только

потому, что слишком испорчен для понимания искусства войны. Имплантирующую хирургию следует обратить вспять. Твои сыновья сдадутся тоим и вернутся на Терру. Когда мы достигнем Дворца, будут приняты все меры, чтобы изъять эти паразитические машины из разумов твоих людей.

Невзирая на спазмы, истерзанные глаза Ангрона широко раскрылись в изумлении.

— Ты думаешь, будто у тебя есть надо мной какая-то власть? Думаешь, что можешь угрожать мне и рассчитывать просто уйти?

— Да, думаю, что это вполне вероятно.

Ангрон ухмыльнулся, пусть и вымученно.

— А если ты умрешь?

Ветер подхватил плащ Русса, сделанный из волчьей шкуры.

— Несколько лет назад Лорган написал одну вещь, которая дает мне пищу для размышлений каждый день и ночь с тех пор, как он поделился ею со мной.

Пожиратель Миров фыркнул, демонстрируя свое мнение относительно измышлений набожного братца-писаки, но это не смутило Русса.

— Недостаточно распознать порчу, — процитировал он. — Ей должно противостоять. Недостаточно осознать невежество. Ему должно бросать вызов. Вне зависимости от победы или поражения, важно биться за ценности, которые мы завещаем человеческой расе. Когда галактика, наконец, станет нашей, то мы останемся с никчемным трофеем, если в последний день водрузим последнюю аквилу на последнем мире, заведя человечество в моральную тьму.

Ангрон слушал, но его это мало заботило. Даже тогда он был упрям и испытывал злобную гордость от собственной изолированности.

— Лоргар воюет пером, — произнес он, — но галактику не приструнить грубой философией. Ваши идеалы бессмысленны.

— Мы сражаемся за идеалы, брат, — интонация Русса стала более холодной. Он принял решение, и его голос застыл.

Ангрон сочно и искренне расхохотался.

— Какое прелестное вранье! Мы сражаемся за то же самое, за что всегда сражались люди: за землю, ресурсы, богатство и тела, которые скармливаем жерновам промышленности. Мы сражаемся, чтобы заставить умолкнуть всякого, кто осмеливается набрать воздуха и прошептать мнение, отличное от нашего. Мы сражаемся потому, что Император хочет заполучить все миры. Ему ведомо лишь рабство, прикрытое безобидным покровом согласия. Сама идея свободы — кошмар для него.

— Изменник, — прошипел Русс.

Ангрон стоял наготове, продолжая ухмыляться.

— Даем ли мы выбор тем, кого вырезаем? Подлинный выбор? Или же мы передаем, что они должны бросить оружие в пламя мира и склониться лицом в грязь, будто нищие, благодаря нас за культуру, которую мы им навязываем? Мы предлагаем им согласие или смерть. Почему же я изменник, волчок? Я дерусь

так же, как ты, и столь же верен. Я исполняю требования тирана.

— Мы предлагаем им свободу, — процедил Русс сквозь стиснутые зубы. В его глазах ярко сияла луна. — Ты уродуешь собственных сыновей и лишаешь их разума, а теперь вещаешь про тиранию Императора? Неужто ты настолько зашел в своих заблуждениях?

Улыбка Ангрона померкла, угасая. Казалось, его лицо обмякло, глаза глядели мимо Русса. На подергивающемся от боли лице читалось поражение.

— Леман Русс с Фенриса, ты свободен потому, что твоя свобода совпадает с волей Императора. На каждый раз, когда я веду войну с мирами, угрожающими продвижению Империума, приходится один раз, когда мне велят покорять мирные планеты, которые хотят лишь того, чтобы их оставили в покое. Мне велят уничтожать целые цивилизации и называть это освобождением. Велят требовать у этих новых миров отдать миллионы мужчин и женщин, чтобы заставить их взяться за оружие в ордах

Императора, и называть это десятиной или набором, потому что ты слишком боишься правды. Мы отказываемся назвать это рабством.

— Ангрон... — зарычал Русс.

— Молчи! Ты уже поугрожал, пес. Послушай хоть раз, как лает другая гончая.

— Ну так говори, — произнес Русс, как будто давая разрешение.

— Я такой же верный, как ты. Мне приказывают омыть свой Легион в крови невинных и грешников, и я это делаю, поскольку в моей жизни не осталось ничего другого. Я это делаю и получаю удовольствие не потому, что ты нравственны или праведны — или полны любви и хотим просветить темную вселенную — а потому, что чувствую только вбитые в мой мозг Гвозди Мясника. Я служу благодаря этому «уродству». А без него? Ну, может я был бы более нравственным человеком, на что претендуешь ты. Добродетельным, а? Быть может, я бы взошел по ступеням дворца нашего отца и снес бы ублюдку-

поработителю голову.

Оба Легиона напряглись. Тысячи и тысячи воинов крепче сжали болтеры и цепное оружие. Лорке даже сделал шаг назад, и его суставы издали громкий шум во внезапной тишине.

Русс так не колебался. Он выхватил клинок и бросился на Ангрона, но его удар был встречен топором Пожирателя Миров. Братья с ненавистью дышали друг другу в лицо.

— Ты забылся, — прорычал Русс. — Ты, холощеный еретик с черным сердцем.

— Я всего лишь честен, брат. Во всем, кроме этого, ты такой же, как я.

— Если ты не видишь пропасти между свирепостью и дикостью, ты безнадежно обезумел, Ангрон.

Пожиратель Миров отшвырнул Русса назад, и Волчий Король пошатнулся.

— Стало быть, я обезумел. Но мы оба знаем, что не наступит тот день, когда ты одолеешь меня в бою.

Несколько секунд примархи неотрывно глядели друг на друга.

Лорке не видел, кто сделал первый

выстрел. В последующие десятилетия Пожиратели Миров утверждали, что он произошел из рядов Волков, Волки же приписывали это XII Легиону. У него были подозрения, однако что значила оценка прошедших событий перед лицом катастрофы? Никто из примархов не давал приказа, но два Легиона вступили в бой.

Ночь Волка, как ее называли с тех пор. В имперских архивах она именовалась Геннской чисткой, и там был обойден момент, когда Пожиратели Миров и Космические Волки пустили друг другу кровь. Предмет гордости обоих Легионов и причина тайного стыда. Оба приписывали себе победу. Оба боялись, что на самом деле проиграли.

В следующие десятилетия Лорке пришлось все чаще впадать в сон, чтобы снять нагрузку на скованный мозг и истощенное тело, но он просыпался достаточно часто, чтобы замечать, как с годами Ангрону становится хуже. Перемены происходили медленно и едва

различимо, но примарх не мог их скрыть. В сущности, он даже не пытался.

Всякий раз, когда Лорке просыпался, ступал на палубы «Завоевателя» и присоединялся к братьям в Великом крестовом походе, он видел, что примарх страдает от укусов ненавистных имплантатов. Вызванные Гвоздями приступы становились тяжелее и чаще, а боль длилась дольше.

Хуже того, это распространялось по Легиону. В сравнении со сверхъестественной физиологией примарха мозги легионеров были почти что человеческими, и утрата самоконтроля происходила быстрее. Лорке наблюдал за ней с любопытной смесью бесстрастности и виноватого сострадания, замечая очередную глубину падения при каждом пробуждении. Казалось, что длительная концентрация стала для них тяжелой задачей. Они меньше смеялись и все больше доверяли обслуживать свои доспехи рабам Легиона. Их внимание сузилось, вечно блуждая в ожидании следующей войны.

И все же братские узы в основе Легиона оставались крепки, и было по-настоящему значимое испытание. Пожирателей Миров все так же сковывали вместе на аренах, и они сражались под ликующие крики братьев. Они выходили туда без доспехов, в одних набедренных повязках, чтобы показать, что не боятся крови, и что все воины будут биться на равных.

XII-й даже открывал свои арены для отпрысков других родов, если речь шла об особенно заслуживающих этого легионерах. Сигизмунд из VII-го объединился с триарием Делварусом, и эти двое выиграли все схватки, в которых участвовали — всегда до первой крови, и никогда не дольше половины минуты. Никто не мог тягаться с ними. Даже близко не стоял.

Амит из Кровавых Ангелов бился в паре с Каргосом, и мало кто хотел выйти против Расчленителя и Плюющегося Кровью. Было известно, что они всегда минуют первую кровь и третью кровь — вплоть до сангвис экстремис. Казалось, им

не чуждры никакие грязные трюки, и каждый их бой был насмерть.

А потом был Аргел Тал. Лорке впервые увидел Несущего Слово на арене в паре с Кхарном. С первой же секунды, когда их сковали, и они шагнули в зал, в кольцо наблюдающих воющих гладиаторов, Лорке знал, что они проиграют больше, чем когда-либо выигрывали.

Кхарн бился равнодушно, и мало кто из Пожирателей Миров хотел встать рядом с ним. Лорке мог сразу сказать, что в лице Аргела Тала он встретил родственную душу, которая беззвучно смеялась над той же шуткой. Несмотря на явно заметное смертоносное изящество и связывающее их непринужденное братство, ни один из них не воспринимал схватку всерьез. Они не находили в аренах ничего почетного — только способ развеяться и повеселиться. Когда они проигрывали — а так случалось почти каждый раз — это всегда происходило без злобы, несмотря на яростное упорство поединков в железном чреве «Завоевателя».

Как-то раз Сигизмунд опрокинул

Кхарна на палубу всего через семь секунд, и в тот же миг Делварус пустил первую кровь из обнаженной груди Аргела Тала. Стерпев насмешки и хохот товарищей, Пожиратель Миров и Несущий Слово стукнулись скованными запястьями в боевом жесте уважения Легионес Астартес, и повторили это с противниками. Традиционный салют для хорошей схватки, выигранной честным путем.

— Ты бесполезен, — сказал Делварус с улыбкой на губах, но не в глазах.

— Это так, — согласился Аргел Тал, — когда от этого не зависит моя жизнь.

Он говорил на гракали, исковерканном наречии Пожирателей Миров. Рожденный на трех дюжинах миров Легион нуждался в новом общем языке. Аргел Тал изъяснялся на нем со странной мягкостью и почти что ученой интонацией.

Делварус ухмыльнулся.

— Кхарн тоже так оправдывается.

— Это верно. Однако Кхарн — советник вашего примарха, и его имя

известно во всех Легионах. Имя же Делварус выкрикивают здесь и только здесь.

— Ты на что-то намекаешь, Несущий Слово?

Темные глаза Аргела Тала блеснули во мгле.

— Мне казалось, что я сказал прямо, но если тебе так больше нравится, то да — можно сказать, что «намекаю».

Делварус был одним из немногих Пожирателей Миров, кто не брил голову. Неудобство от волос в шлеме не имело значения, он бы ни за что не срезал длинные черные пряди. На арене он их распускал, и, заново связывая их после слов Аргела Тала, он поочередно оглядел Несущего Слово и Кхарна.

— Ну, тогда насмерть. Сангвис экстремис.

И Кхарн и Сигизмунд воспротивились. Черный Рыцарь отказался по соображениям чести, из-за греховности убийства брата из другого Легиона. Кхарн же покачал головой и провел пальцами вдоль лезвия лишенного зубьев топора для

поединков.

— Будет неправильно лишить триариев капитана. Лучше выплесни злость в другом месте, Делварус.

От этого зрелища тревога Лорке ослабла, как и всегда, когда он видел, что схватки на арене все еще лежат в основе связующих уз Легиона. Однако на поле боя Пожиратели Миров менялись. Предостережение Русса осталось без внимания. Все чаще и чаще Ангрон уходил с тактических инструктажей до момента принятия решений. Он ни разу не ссылался на головную боль, но в этом не было нужды. Его сыновья не были слепыми. Кроме того, они чувствовали ту же боль, которая постоянно разрасталась у них внутри черепа, словно раковая опухоль. Когда-то XII-й уделял логистике столько же внимания, как любой другой Легион, но вскоре они начали бросать людей на вражеские твердыни, не думая о потерях среди гражданских, не говоря уж о собственных жизнях. Они уходили вперед от намеченных точек пополнения, опережая тяжелую бронетехнику и не

заботясь о горькой цене каждой победы, пока текла кровь.

— Магистр Легиона.

Прежний титул вырвал его из праздных дум. Лорке пришлось пригнуться, чтобы пройти через арку коридора в следующее помещение, где ожидали младшие дредноуты. Нерас с треском произнес его имя по воксу.

— Слышите? — прогремел Нерас через динамики железного тела. У приземистой горделивой оболочки не было саркофага спереди. Лобовой броне Нераса придали форму изукрашенного шлема с Т-образным визором. По обе стороны от него на покатой бронированной обшивке были вытравлены кислотой изображения побед воина.

— Слышу, — ответил Лорке. Шаги в коридоре впереди. Слишком тяжеловесные для смертного.

Он коротко глянул на свои массивные металлические кулаки, как будто все еще был жив, и ему требовалось перезарядить болтер. Громадные перчатки были запятнаны кровью, из-под уцелевших пятен

краски проглядывал серебристо-серый металл. До этого вечера ему еще не доводилось убивать Ультрадесантников. Теперь же он лично сразил четверых, а прочие Раненые преумножили собственный счет.

Кулаки включились от усилия мысли. Единственным изъяном была крохотная задержка между желанием и активацией. Они окутались мерцающим и гудящим энергополем, и кровавые потеки, присохшие к вооруженным рукам, запузырились и исчезли.

— Отправляйся на мостик, — произнес он. — Я разберусь с этим отребьем и направлюсь на основную инженерную палубу. Удерживай стратегиум до моего возвращения. А теперь иди, во имя Императора...

Из корпуса Нераса раздался скрежет движущихся приводов. Своего рода смех.

— Старые привычки, — рыкнул дредноут.

— Ступай, — распорядился Лорке.

Наконец, мертвецы разделились и двинулись по коридорам, которые были знакомы Лорке, как сама его жизнь.

Корабль — в те времена, когда носил имя «Твердая решимость» — находился под его командованием.

— Они в безопасности.

Возле Кхарна снова возникла драконья тень, золотой клинок с гудением жег воздух широкими дугами. Везде, где проходил меч, оставался морской соленый запах озона.

— Где? — спросил Пожиратель Миров. Небо над ними разрывали птичьи крики одноместных истребителей «Кречет». Вокруг Пожиратели Миров и Ультрадесантники продолжали убивать друг друга, устало обмениваясь ударами. Лицо Кхарна покрывал пот, разъедавший глаза, он ощущал боль и неловкость в налитых свинцом конечностях. Земля была обильно устлана телами мертвых и умирающих, что делало работу ног опасной. Все воины беспрестанно поскальзывались на скользком от крови керамите трупов, лежавших под ногами.

— В безопасности, будь ты проклят. В моем «Разящем клинке», — Ангел Тал

свел крылья с треском пойтавших ветер парусов. Кхарн на долю секунды заметил, как они крепко прижимаются к спине Несущего Слово. Обе демонических конечности были изодраны и окровавлены.

--- Кхарн! — услышал он свое имя поверх творящегося хаоса.

Вытерпеть. Выжить. Сражаться. Он бил своим оружием, нанося удары в неприкрытые сочленения и отшибая чужие клинки в сторону, если это требовалось.

--- Кхарн! — снова выкрикнул голос. — Сразись со мной, трус!

Аргел Тал рассмеялся.

— Кто-то знает, что ты здесь.

— Больше дерись и меньше шути, — Пожиратель Миров наотмашь отпихнул одного из противников вбок, но пошатнулся, когда подошва поехала по покатому наплечнику мертвого воина. Потеряв равновесие, он стал легкой добычей — небрежный парирующий удар переломил цепной меч пополам, и зубья с направляющими рассыпались, будто игральные кости. Его оппонент оттолкнул его щитом на Аргела Тала, и они оба

оступились.

Несущий Слово ударил крыльями и превратился в размытое пятно, клинок-реликвия перехватил удар, который должен был оборвать жизнь Кхарна. Ультрадесантник и Гал Ворбак столкнулись, и энергетические клинки заскрежетали, рассыпая дождь радужных искр. Патовая ситуация длилась мгновение, не больше, а затем сила Аргела Тала начала отжимать эвоката назад. Тот пытался не отступать, и его подошвы визжали о камни.

Глазные линзы Аргела Тала вспыхнули нездоровой хрустальной синевой. Его доспех начал пульсировать болезненным жаром предсмертной лихорадки зачумленного, и воин произнес три слова на языке, который влился Кхарну в уши и сложился в огненные буквы по ту сторону глаз.

— Eshek'ra mughkal krikathaa.

Кулаки Ультрадесантника разжались, и меч выпал. Прежде чем воин смог среагировать или хотя бы проявить свои эмоции, его голова в шлеме слетела с

плеч. Аргел Тал ударил обезглавленное тело сапогом в грудь, опрокинув его на землю к братьям, где ему было самое место.

Кхарн почувствовал, как из носа бежит ручеек крови.

— Что это был за язык?

— Я велел ему бросить меч.

— Я не об этом спросил, брат.

Аргел Тал рискнул остаться без защиты, протянув руку, чтобы помочь Кхарну подняться. Пожиратель Миров выстрелил с земли, и плазменный заряд пробил дыру в груди другого Ультрадесантника. Воин рухнул, занесенный для удара в спину Аргелу Талу топор с лязгом упал наземь.

— Детская ошибка, — упрекнул Кхарн брата и самостоятельно встал на ноги, хрипло дыша. — Соберись.

— Кхарн! — снова раздался вопль.

Центурион выругался на наглакали.

— Да кто это кричит? — добавил он на готике.

Ответ дал Аргел Тал. Он указал золотым клинком в гущу схватки, где к

ним прорубался офицер Ультрадесанта в плаще и с плюмажем на шлеме. Воину не требовалось, чтобы его люди рассекали море врагов. Он приближался ровным шагом, наклонив шлем, держа в одной руке силовой меч, а в другой гладий. Кхарн наблюдал, как он выпотрошил одного из разрушителей Скане взмахом меча, в то же время вогнав гладий в горло другому Пожирателю Миров. Оба клинка вырвались из тел умирающих воинов в идеальном порядке, как раз чтобы перехватить удар топора и отвести его в сторону, не блокируя. Пожиратель Миров отвел руку для еще одного замаха, который был вторично парирован. Воин дернулся назад, гладий капитана погрузился ему в живот и вышел обратно, как раз когда меч пронзил грудь.

Хотя Кхарн и находился посреди бури, но все равно благоговейно выдохнул. Идеальное изящество. Идеальная плавность. Идеальная экономия движений, равновесие и приложение силы.

Он должен был сразить его. Что за трофей получится из его шлема.

— Он мой, — произнес Кхарн. — Мой.

Капитан не мог этого услышать, однако он тоже поднял меч и ткнул им в сторону Кхарна, отмечая противника. Снова раздался крик «Кхарн!», усиленный воксом шлема с респиратором Мк-IV.

— Думаю, может оказаться, что это ты — его, — Аргел Тал ухмылялся, и его зубы белели на смуглом лице.

— Займись его почетным караулом, — сказал Кхарн.

Несущий Слово глянул на алебардистов, сопровождавших капитана. Шлем каждого из них был увенчан плюмажем из белого конского волоса.

— Их четверо.

— Несомненно, — Кхарн ногой подбросил с земли упавший цепной меч, забрав окровавленный клинок у одного из мертвых братьев. — Так что удачи тебе.

Он услышал, как крылья Аргела Тала развернулись, снова издав треск парусины, но сам уже бежал вперед. Ультрадесантники расступались, поднимая оружие в оборонительную позицию и пятясь назад, чтобы направить

его к капитану эвокатов. Пожиратели Миров, напротив, продолжали бросаться на мечника только для того, чтобы тот позорной легкостью сразил их и оттолкнул ногой в сторону. На бегу Кхарн представил себе презрение, ясно читаемое на лице офицера под синим шлемом.

Произошел новый прилив адреналина, и Гвозди испустили импульс удовольствия, который казался умиротворяющим, словно приложенный к ожогу лед.

— Кхарн, — на краю ретинального дисплея вспыхнула мутная пикт-трансляция. — Кхарн, «Завоеватель» снова на орбите, но мы еще...

— Не сейчас, Лотара.

— Но...

Чтобы отключить ее образ и блокировать сигнал, хватило одной раздраженной мысли. Проклятье, в Легионе были и другие офицеры. Офицеры, у которых нет дел по горло в лице вражеских героев. Можно же докучать им.

Он знал, что это говорят Гвозди. Это его не заботило.

Эвокат откинул потемневший от

ныли белый плащ и швырнул его наземь. Почетный караул перехватывал Пожирателей Миров, которые продолжали пытаться дотянуться до капитана, и рубили их на куски взмахами алебард. У Кхарна внутри вспыхнула мелочная зависть. Такое единство движений, такая дисциплинированная командная работа. Когда Пожиратели Миров атаковали, то разбивались на едва связанные друг с другом стаи, полагаясь на свирепость и личную силу, а не на тактическую сплоченность. Это зрелище напоминало, какими они могли бы быть — и когда-то были — без Гвоздей.

Аргел Тал приземлился посреди четверки почетных стражей, сжимая алебарду и меч руками, которые должны были бы быть в состоянии держать только одно оружие. Ни один человек не смог бы двигаться так, как он. Не смог бы и не один легионер. Он исчезал из-под каждого рубящего и колющего удара, который оборвал бы его жизнь. Вокруг него колыхалась сама реальность, он двигался быстрее, чем могли бы успеть мышцы

смертного. Текучесть выходила за рамки ловкости, как будто у него почти не было костей.

Кхарн слышал, как сливающиеся воедино голоса брата насмехаются над воинами, но не мог разобрать слов. По звуку это было не похоже на резкий чужеродный язык, которым Несущий Слово пользовался раньше, и Кхарн, к собственной неожиданности, был ему за это благодарен. Эта мысль была последней перед тем, как он добрался до офицера.

Они столкнулись клинок к клинку на достаточное время, чтобы он различил едва заметное выражение глаз капитана по ту сторону цветных линз.

— Орфео, — выдохнул Ультрадесантник. — Легат Арматуры. Теперь ты знаешь имя воина, который закончит твою жалкую легенду.

— Гор, — отозвался Кхарн. — Магистр Войны Империума. Теперь ты знаешь имя следующего Императора.

Они расцепились, приложив всю свою массу, чтобы сомкнутые клинки разошлись. Оба воина были изможены

многочасовым боем и знали, что глаза ближайших сородичей начинают следить за каждым их движением. Задыхаясь и страдая от боли, они снова вскинули оружие, перестав быть частью всего сражения.

Бывший Магистр Легиона пригнулся под аркой, входя на мостик. Он сбивчиво хромал, волоча неподвижное бремя заклиненной конечности. Болтеры продолжали глухо стучать, что не сулило ничего хорошего. Куда бы он ни посмотрел, палубу покрывали разорванные тела и следы осколочных гранат. Если они это пережили — а он в этом уже не был уверен — корабль придется ставить в сухой док на капитальный ремонт.

В перестрелке виднелись знакомые фигуры. Кридал превратился в однорукую развалину. Пробитый огнем болтеров, он сгорбленно осел у подножия трона Лотары Саррин. Нерас пал и умер во второй раз, весь левый бок железного тела расплавился до состояния податливого шлака после ужасного выстрела испаряющего орудия.

Сама Лотара, вопреки желанию ее личной охраны, присела за консолью орудий третьего порядка и палила по Ультрадесантникам, которые удерживали заднюю часть помещения. Бойцы охраны были одеты в полные комплекты матово-красной панцирной брони с респиратором и очками-дальномерами. Они присели вокруг, окружив ее с пылкой преданностью. Лорке видел, как она отпихнула одного из них локтем, когда он попытался втащить ее обратно за укрытие. При этом капитан даже не перестала стрелять.

Из нескольких сотен членов экипажа стратегиума не менее трех четвертей уже были мертвы, или настолько близки к этому, что их можно было сбросить со счетов. Лорке понял это с первого взгляда, даже не учитывая, что прокручивающийся поток данных аустика сообщал ему: «мертв», «мертв», «мертв» подсвечивая мерцанием каждый труп в помещении.

Ультрадесантники отвернулись от обилия легкой добычи, глядя на входящего в зал Лорке поверх стволов. Четверо оставшихся удерживали балкон позади

стратегиума, и двое из этих четырех были изувечены и стреляли из распростертого положения. Даже лежа, они использовали собственные тела в качестве щита для пригнувшихся позади братьев.

Тело еще одного, уже убитого массированным огнем дробовиков и лазеров, лежало около командного трона, возвышавшегося над бойней, заваленной трупами смертных. Лорке подозревал, что воин погиб, устроив в этом гнезде легкого убийства соотношение потерь сто к одному. Такой резней мог бы гордиться любой легионер.

Он оставил без внимания ликующие крики уцелевших членов экипажа мостика, начав ковыляющий и скособоченный подъем. Под его поступью содрогался сам мостик, потолочные светильники бились, осыпая гравированную броню дредноута стеклянным дождем. Сложнее было игнорировать восторг Лотары — он слышал, как она гортанно ругается на наградали: «Вышвырни этих сучьих ублюдков с моего корабля!».

Болты разрывались об атомантический щит. Бурлящий заряд плазмы растекся по энергетическому экрану, на мгновение залив его маслянистым радужным свечением, и растворился в безвредный пар. Лорке принимал натиск в лоб, шагая вверх по ступеням. Несмотря на хромоту, суставы с жужжанием пели скрежещущую песню, и он заставлял железное тело двигаться все быстрее и быстрее.

Щит лопнул, когда он подошел вплотную. Поле отключилось с финальным судорожным всплеском, от которого по наспинной силовой установке расползлись змеящиеся разряды электричества. Это ничего не значило. Абсолютно ничего.

Он раздавил первого ползущего Ультрадесантника массивной ногой, сплющив керамит воина в искореженный металлический блин и размазав по палубе биологические останки. Болты застучали по броне, покрыв его подпалинами, сбив тонкие схемы ретинального дисплея, но не лишив зрения полностью. Царапины. Поверхностные раны, если точнее

выразиться. Лорке потянулся к двум следующим воинам, и встроенные в кулаки комби-болтеры открыли огонь с неприятным дребезжанием, даже когда он рванулся, чтобы отшвырнуть врагов в сторону. Он схватил обоих и начал давить.

Ультрадесантник в левом кулаке умер еще до того, как попал в захват. Его насквозь прошил залп комби-болтера. Тем не менее, дредноут встряхнул свежий труп, переломав конечности и шею, а затем швырнул его на палубу через весь мостик.

Оказавшийся в правой руке умирал несколько секунд, с тщетным упорством продолжая кричать и сопротивляться медленно сжимающимся пальцам. Раздался финальный мясной хруст, воин обмяк, и из растерзанного тела хлынула кровь. Лорке бросил органические останки туда же, куда и предыдущего.

— Ты, — сказал он последнему Ультрадесантнику. На мостике «Завоевателя» еще никогда не звучало столь невозмутимой и звучной угрозы.

Воин полз назад, будучи не в состоянии бежать из-за ран в колене и животе. Сопротивляясь до самого конца, он поднял свою плазменную пушку. Магнитные катушки засветились, стали ярче, а затем начали фосфорецировать.

Лорке вырвал ее из руки воина и сжал железные когти, без колебаний уничтожив бесценное оружие. Накапливаемая мощь вырвалась наружу потоком жидкого бело-синего пламени, которое вгрызлось в руку дредноута. Ретинальные показатели температуры подскочили вверх под аккомпанемент предупреждающих рун. Глядя сквозь них, Лорке потянулся вниз и схватил отползающего Ультрадесантника за ногу.

Рывок, поворот сервоприводов запястья, и позвоночник легионера с хрустом превратился в бесполезные костяные осколки. Лорке отбросил парализованную жертву в направлении толпы членов экипажа, вооруженных табельными пистолетами и обнаженными ножами. Те набросились стаей, заканчивая работу дредноута.

Он слышал, как Ультрадесантник закричал, но всего один раз. Не от страха, а от боли при разрезании на куски. Несомненно, достойно уважения.

Лорке прошел мимо стола центральной системы аусника, где тряслась на аугметических суспензорных кабелях безногая молодая женщина, хирургически встроенная в сканирующую аппаратуру. Ее невидящие глаза были широко раскрыты. Он мог только гадать, как она осталась в живых, находясь в самом центре перестрелки. Ее трясло от шока, соединявшие ее голову с потолком провода и кабели дребезжали. Лорке чуть было не протянул руку, чтобы успокоить ее, но вспомнил, как выглядит. Мертвецы, замурованные в громадных телах из сочащегося маслом железа, как правило, не слишком успокаивают перенесших травму.

Он прошел мимо, подковыляв к Лотаре, которая вставала из-за укрытия в сопровождении чрезмерно бдительных охранников.

— Капитан Саррин.

— Лорке, — она вытерла лоб рукавом и

выгнула шею, глядя на него снизу вверх. Она едва доставала ему до бедра.

— Это были последние.

— Благодарю, Магистр Легиона.

Он уже почти произнес: «Мне нужно отдохнуть», но спохватился, прежде чем фраза раздалась из переговорной решетки.

— Я отправлюсь на ремонт, — сказал он вместо этого, а затем запнулся. — С вашего разрешения.

Она кивнула, видя, что на мостике воцаряется жутковатое опустошенное спокойствие. В чем-то оно было хуже перестрелки.

— У меня тут есть кое-какие дела, — словно только что вспомнив об этом, она прокашлялась и задала вопрос. — Сколько ваших братьев еще гуляют по палубам?

Он произвел вокс-подсчет, опираясь на жизненные показатели, поступающие на ретинальный дисплей.

— Трое, — произнес он. — Включая меня.

Ее кожа побледнела от чего-то вроде чувства вины.

— Спасибо, Лорке. Передайте мою

благодарность и им.

Он поклонился — этот жест не вязался ни с железной оболочкой класса «Контемптор», ни со связанным с нею воином — и оставил мостик в ее распоряжение.

Рассеянность — злейший враг воина. Кхарн не раз бросал взгляд на обилие надписей на доспехе Орфео, непроизвольно читая одну-две подробности. В послужном списке капитана были такие кампании в Восточном Пределе, о существовании которых Кхарн вообще не знал. Ничего удивительного, что XIII-й провозгласил своим царством пять сотен планет.

Нельзя парировать силовой клинок цепным мечом. Сделать так один раз — испытать удачу, сделать два — все равно что просить тебя разоружить. Энергетическая корона первого разнесет второй на куски. Цепные клинки даже в самых лучших случаях плохо годились для парирования: всегда существовал риск, что они лишатся зубьев при ударе под неправильным углом.

Находясь в невыгодном положении с цепным мечом и гладием, Кхарн должен был бы обороняться, но землю плотно устилали трупы и лишившееся хозяев оружие. Едва ли прошло хотя бы двадцать ударов сердца, а он уже сумел забрать силовой меч павшего Ультрадесантника. Пожиратель Миров ухмыльнулся и вдавил активационную руну, моргнув, чтобы прочистить глаза от жгучего пота. На серебристой стали зазмеились молнии, которые волнами расходились от генератора в эфесе и растворяли пыльную кровь, замаравшую клинок.

Двое снова сошлись, оба были вынуждены сражаться, исходя из возможностей оружия. Орфео занимал ведущую позицию, нанося своим длинным мечом серии рубящих ударов по дуге. Он использовал гладий-дагу, чтобы парировать, а не делать выпады. В качестве колющего оружия от нее был бы толк только при смертельном ударе в живот.

Два длинных клинка Кхарна давали ему превосходство в досягаемости, но

преимущество цепного меча было в лучшем случае сомнительным. Оружие было бесполезно против усиленного керамита капитана, и уже теряло зубья, отводя редкие выпады короткого меча. Было почти забавно, что теперь все остальные воины избегали их, освобождая место для схватки двух командиров. Каждое столкновение силовых мечей сопровождалось вспышкой энергии. Кхарн потерял счет времени, полностью сконцентрировавшись на бое.

— Это тебе не топор, — в какой-то момент усмехнулся Орфео. Он парировал очередной режущий удар Кхарна, и Пожиратель Миров услышал по голосу, что другой воин улыбается. — Посмотри, как ты управляешься с этим клинком. Постоянно подставляешь лезвие. Как ты заработал свою репутацию, Кхарн? Кто тебя учил сражаться так, словно все враги — дрова, которые нужно порубить?

Кхарн ответил тремя взмахами со всей скоростью, на которую были способны пылающие мускулы. Все они были с лязгом заблокированы или отведены в сторону.

— Лорке, — сказал он. — Магистр Легиона Псов Войны.

Клинки снова сцепились, и Кхарн обнаружил, что рад секундной передышке. Он попытался восстановить дыхание, но Орфео размашисто крутанулся и вырвался, немедленно обрушив на него очередной шквал ударов.

— Лорке мертв, — произнес Орфео через решетку шлема. — Лорке погиб на Джератау.

Кхарн пятился, нащупывая вал тел под ногами. Сколько он сражался? Могли пройти часы, он бы поверил любому, кто так сказал.

— Ты бежишь от меня, Пожиратель Миров? Великий Кхарн избегает боя?

Прежде чем Кхарн смог ответить, это сделали Гвозди. Они вонзились в череп, дергая нервы мозга и посылая электрическое пламя по кровеносным сосудам. Он закричал, чтобы дать выход боли, и замахнулся на приближающегося Ультрадесантника, нанося верхний удар. Орфео парировал и рубанул понизу.

В боку Кхарна снова вспыхнула боль, и

вдоль уже полученной в этот день раны появился второй порез. Издав ворчание, он нетвердо развернулся и опустил клинки как раз вовремя, чтобы отбить выпад, который должен был пронзить его от позвоночника до желудка.

Удар ногой в живот Орфео заставил мечника пошатнуться, однако Кхарн выругался, поскольку упустил замечательный шанс сломать колено. Впрочем, он воспользовался паузой, отступил назад и отбросил лишившийся зубьев цепной меч. Лишившись второго оружия, он крепче сжал силовой клинок.

— Я никогда не был выдающимся мечником, — он попытался произнести это с улыбкой, но Гвозди превратили ее в гримасу, и край рта быстро задергался.

— Брат, — раздались два говорящих одновременно голоса. Кхарн рискнул отвести взгляд от Орфео.

Аргел Тал приближался, складывая крылья. Покрытая гребнями окостеневшая броня поскрипывала. Какая бы тварь ни обитала у него в сердце, она проявляла себя, искажая шлем с серебристым

лицевым щитком . Тот приобрел вид ободранного черепа, затем лица Кхарна, а потом самого Аргела Тала, наделив воина посмертной маской, отлитой из серебра.

Подходили и шакальи стаи других Пожирателей Миров. Они наклоняли головы или безмолвно наблюдали.

Казалось, Орфео этого не замечает.

— Обернись, капитан, — тихо произнес Кхарн с вежливым уважением.

Орфео послушался, медленно повернулся и оказался лицом к лицу с армией ободранных и окровавленных легионеров XII-го, которые стояли по колено в синих и белых телах. Позади них облаченные в алое Несущие Слово садились возле трупов, размахивая серебряными ножами. Орфео увидел, как они ворошат павших, распевая на колхидском, выкладывая пророчества из внутренностей или связывая останки Ультрадесантников в боевые тотемы. Раненых выживших уже волокли прочь, чтобы распять на танках XVII Легиона.

— Война окончена, — сказал Аргел Тал.

Орфео снова развернулся к командирам Легионов.

— Ты так полагаешь?

Аргел Тал сделал жест рукой в направлении одинокого чемпиона.

— Думаю, картина говорит сама за себя.

Ультрадесантник кивнул.

— В таком случае я принимаю вашу капитуляцию, — сказал он. Пожиратели Миров обменялись низкими смешками.

Орфео еще не закончил.

— Скажите, зачем вы явились на этот мир?

— Чтобы уничтожить его, — отозвался Кхарн.

— Чтобы заставить его страдать, — поправил Аргел Тал. — Чтобы вопли обитателей Арматуры пронзили пелену и насытили варп. Все это — часть великого хора, поющего по всему вашему ультрамарскому царству.

Орфео покачал головой, и его офицерский плюмаж колыхнулся.

— Безумие.

— Для невежественных, — согласился

Аргел Тал. Он говорил мягко и без угрозы, почти с жалостью. — Но скоро ты увидишь, что находится на Другой Стороне. Твои крики вольются в песнь, а дух испарится в Море Душ.

— Безумие, — повторил Орфео.

— Твои братья говорили об отваге, — вмешался Кхарн. — Об отваге и чести.

— А ты толкуешь о бесстрашии, — добавил Аргел Тал, и его речь слилась со словами Кхарна. — Впрочем, макраггская поэзия всегда имела терзкий привкус.

Орфео перевел взгляд с потрепанной фигуры Кхарна на ужасное создание, в которое превратился Аргел Тал. Он стянул с головы шлем, вдохнул удушливую вонь пылающей родины и в последний раз поднял гладий. Оружие зашипело, когда кровь Кхарна начала выгорать на оживщем клинке.

— Хватит болтовни, изменники. Давайте, попробуйте, чего стоит ступить на Пятьсот Миров. Неважно выживу я или погибну, но это избавит меня от ваших проповедей.

Аргел Тал шагнул вперед, однако

Кхарн остановил его.

— Дай мне закончить.

Но тут ближайших легионеров отшвырнула вбок приближающаяся более высокая и громоздкая фигура. Примарх был покрыт сотней ран, которых не чувствовал.

— Нет, — выдохнул Ангрон сквозь липкие зубы. — Дай мне.

11
Конец Арматуры Триарии Возвращение

— Я буду помнить эти крики до самой смерти, — в голосах Аргела Тала не было никакой интонации, что указывало не на отвращение или удовольствие, а просто на дальнейшую перспективу. Если уж на то пошло, он казался утомленным.

Несущий Слово вновь стал самим собой, серебристая посмертная маска исчезла, а крылья влились в керамит доспеха. Только что он шел с Кхарном среди мертвых и умирающих в облике, который его Легион почтительным шепотом именовал «божественным образом», а в следующий миг рядом с Кхарном уже шагал брат, каким он его знал до Исствана.

Кхарн никак не мог отследить, как и когда с Несущим Слово происходило Изменение. Порой оно выглядело

медленным, порой случалось в мгновение ока. Иногда оно было едва заметным, а иногда — настолько явным, что казалось, будто помимо порабощающей твари внутри доспеха Аргела Тала мало что оставалось от воина, которого уважал Кхарн.

Несущий Слово снял шлем, на секунду прикрыл светлые глаза и вдохнул опаленный воздух. В том пахло победой, но эта истина была смехотворной. Победа и поражение пахли одинаково — никогда не имело значения, чьи танки горят и чья кровь течет. Смерть обрушивалась на чувства абсолютно одинаковым образом.

Вопли продолжались. Кхарн первым отвернулся от их источника, и, к его удивлению, вторым оказался Аргел Тал. И теперь они шли вместе, выясняя имена погибших и записывая их для некрологистов.

— Твои люди ведут себя хуже, — заметил Кхарн. Пока они шли через площадь, он указал туда, где два Легиона занимались неприятным делом окончания схватки. Пожиратели Миров добивали

всех выживших врагов. Несущие Слово волокли раненых Ультрадесантников к алым танкам и десантно-штурмовым кораблям, чтобы забрать их на орбиту и заняться ими вдали от любопытных глаз. Среди воинов с белой и красной вспыхивали споры относительно лучших раненых, однако присутствие командиров восстановило подобие дисциплины.

— «Хуже» — это вопрос точки зрения, — ответил Аргел Тал.

Над криками и стонами всех Ультрадесантников, которых сейчас уродовали и резали на части ножи XVII Легиона, разносились вопли капитана Орфео.

Кхарн разглядывал гладий, который подобрал среди мертвых тел.

— Почему тебя смущают страдания одного воина, если твои люди творят тут такое? Почему его участь вызывает у тебя презрительную усмешку?

— Тебе не понравится ответ, брат, — произнес Аргел Тал, записывая имя очередного павшего Несущего Слово. — Не заставляй меня давать его.

— Скажи. Ради следующего раза, когда нас скуют вместе на арене.

— Сперва позаботься о нем, — Ангел Тал указал на павшего Пожирателя Миров, облаченного в доспех сержантской раскраски.

— Кровь Истинных, неужели это Гарте?

Кхарн подошел к трупу, лежавшему на широкой груде из тел трех Ультрадесантников. Проклятье. Это был Гарте.

Кхарн присел возле тела, приподняв сержанту голову и аккуратно поворачивая шлем туда-сюда. Он понятия не имел, куда делся его собственный шлем. Он так долго дышал пыльным воздухом, что, несмотря на все генетические усовершенствования дыхательной системы, в глубине гортани остался едкий дымный привкус Арматуры.

— Капитан, — передал по воксу раненый. — Я не могу пошевелиться.

У Гарте не было ног, начиная от середины бедра. Кхарн не мог даже предположить, где они в этом море искореженных тел. Грудь превратилась в

мешанину истерзанных костей и керамита.

— Терпи, — сказал он, отпустив шлем воина. — Каргос придет.

Сержант вцепился в ворот Кхарна слабыми пальцами.

— Гвозди пылают даже сейчас, — он закашлялся, сплюнув внутрь шлема что-то влажное.— Как такое может быть? Я умираю, а они продолжают петь? Чего им от меня нужно?

— Терпи, — повторил Кхарн, хотя и знал, что это бесполезно.

— Просто дай мне Покой, — воин снова осел на землю. — Семидесяти лет на службе Мяснику и его Гвоздям достаточно.

Кхарн пожалел, что услышал эти слова. У него начало покалывать в позвоночнике от неуютного ощущения.

— Ты славно послужил, Гарте, — Кхарн разомкнул замки на горле воина и снял шлем. От лица сержанта мало что осталось. Должно быть, это отразилось у Кхарна на лице, поскольку изуродованные черты Гарте исказились в чем-то, похожем на ухмылку.

— Что, так плохо? — спросил он. Булькающий смех перешел в очередной приступ кашля.

В ответ Кхарн трачно внял его просьбе. Он занес гладий над левым глазом Гарте, острие находилось в одном пальце от расширенного зрачка.

— Скажешь что-нибудь напоследок?

— Ага. Поточись на могилу Ангрона, когда он наконец умрет.

Кхарн пожалел, что слышал и эти слова.

Он толкнул клинок вниз. Раздался звук ломающегося под ногами хвороста и едва различимый звон, когда острие ударилось о камень под головой Гарте.

Он поднялся и услышал, как Аргел Тал разговаривает с другим павшим.

— Здравствуй, — сказал Несущий Слово, придавив нагрудник Ультрадесантника сапогом. Воин безрезультатно скреб руками по ноге Аргела Тала. — Даже умерев, ты продолжаешь драться. Ты настолько упорен, эвокат? Тебе следовало бы носить желтые цвета Дорна.

Кхарн приблизился.

— Я его прикончу.

— Нет.

Услышав отказ Аргела Тала, Пожиратель Миров покачал головой.

— Как в вас умещается столько ненависти к этому Легиону? Их переломили хребет. Они страдают так же, как страдали Вороны и Саламандры на смертном поле. Разве этого недостаточно? Ваша уязвленная гордость не отомщена?

— Ненависть? — Аргел Тал поднял взгляд. Его замешательство постепенно сменилось шутливостью. — Ты так думаешь? Кхарн, ну с чего бы мне ненавидеть Ультрадесант?

— Монархия. Ваше унижение, преклонение колен перед Жиллиманом.

В глазах Аргела Тала замерцало веселье. С каждым мигом Кхарн был все меньше уверен в собственных словах.

— Вы ненавидите Волков за то, что они набросились на вас? — поинтересовался Аргел Тал.

— Это другое дело, — осклабился

Пожиратель Миров. — Нас не унизили. Волки не победили.

— Нет? А я слыхал другое. Что это Русс торжествующе выл, когда Ночь Волка кончилась рассветом.

— Ложь, — Кхарн разразился неприятным лающим смехом. — Ложь и клевета.

Какую-то секунду они глядели друг на друга, а затем на лице Аргела Тала проступил намек на улыбку.

— В Легионе были тысячи тех, кто ненавидел Ультрадесант. Когда мы уже направлялись к Калту, Лоргар приказал многим из нас собраться. Мне и прочим, кто стал командирами и апостолами Вакра Джал. Ему был нужен наш совет, как поступить с теми в Легионе, кому он более не доверял. Наш Легион постепенно очищал свои ряды на протяжении десятилетий, однако не случалось ничего вроде Исствансной бойни, которой так гордится Ангрон. Лоргару было известно, что верность Несущих Слово никогда не подлежала сомнению. Однако компетентность — это совсем другое дело.

Теперь даже Кхарн не обращал внимания на сопротивляющегося Ультрадесантника. Он молчал, и Аргел Тал продолжил.

— Лорд Аврелиан спросил, что нам следует делать с воинами, которые более не казались ему надежными. С теми, чья ненависть пылала ярче, чем здравый смысл. Таких были десятки тысяч, Кхарн. Целые роты. Целые ордена. Их ярость утратила чистоту.

— Вы их убили?

— Опосредованно. Мы дали им поручение, которого они жаждали. Они отправились с Эребом и Кор Фаэроном, чтобы со славой принять мученичество.

— Ты же не можешь говорить всерьез, — произнес Кхарн.

— Я серьезен, как пустошь, в которую превратился этот мир. Твой Легион прошел очищение на Исстване III, брат. Мой — на Калте.

— Но мы получали сообщения с Калта. Семнадцатый победил. Вы победили.

— Победа — это вопрос точки зрения, — увидев выражение лица Кхарна, он

нахмурился. — Не понимаю, почему тебе так неприятно предательство. У тебя нет чести, которую можно было бы уязвить. Ты участвовал в уничтожении четверти собственных братьев по Легиону, а теперь тебе противно, что мы позволили своим убить себя в священном крестовом походе.

Несущий Слово глянул вниз, на Ультрадесантника, которого прижимал к перепаханной земле.

— Я не питаю ненависти к Тринадцатому Легиону, Кхарн. Нас заставил встать на колени Император, а не Жиллиман. Здесь и сейчас их страдание имеет символическое значение и служит высшей цели. Не больше и не меньше.

Кхарн наблюдал, как павший космодесантник царапает сапоги Аргела Тала.

— Это мучение отдает ребячеством. Что изменит в песне боль одного человека?

— Все, — голос Аргела Тала звучал отстраненно. Он пристально смотрел на

воина в кобальтовом облачении. — Каждый миг агонии — это нота мелодии.

— Хватит проповедовать, брат. Побереги мистику для тех, кто носит красные цвета вашего Легиона. Просто убей несчастного.

Он ждал усталого вздоха и ворчливого отказа. Но вместо этого Аргел Тал достал алебарду. Прикосновения Несущего Слово к рукояти хватило, чтобы клинок ожил, создав ореол смертоносных молний. Воин просто ударил вниз, пронзив алебардой грудь Ультрадесантника.

Воин содрогнулся и затих, последний раз дернувшись, когда убийца вырвал оружие.

— Тебе идет милосердие, — сказал Кхарн. — Одно дело резня, другое — пытка. Оставь это своим капелланам.

— Милосердие — удел слабых, — отозвался Несущий Слово.

— Я же видел, как ты его проявлял. Кто же ты тогда?

Аргел Тал поскреб темную щеку. Там пробивался слабый намек на черную щетину. Так он еще сильнее напоминал

рожденного в пустыне мальчика, ставшего воином.

— Кхарн, я никогда не делал вид, будто не слаб. Мне не нравится война, однако я сражаюсь. Мне неприятны мучения, но я их причиняю. Я не чту богов и все же служу их святым целям. Слабейшие представители человечества всегда будут цепляться за фразу «я просто выполнял приказы». Они прячутся за этими словами, делая собственную слабость добродетелью и возвеличивая жестокость как благородство. Я знаю, что к моменту моей смерти точно такое же оправдание будет сопровождать всю мою жизнь.

Кхарн сглотнул.

— Мою тоже. Как и любого космодесантника.

Аргел Тал посмотрел на него так, словно это доказывало его правоту.

Они двинулись дальше, с будничным раздражением прочесывая землю взглядами. Никому из них не нравилось это дело, но оба отказались полностью возложить его на своих людей. Ни один

офицер не станет отдавать приказов, которые не готов исполнить сам.

Пока они шли и занимались убийством из милосердия, Кхарн наблюдал за работой Несущих Слово. Исторически сложилось, что Легионы редко брали пленных, но это были очередные издержки наступления новой эры. Вопреки своей репутации аскетов, теперь Несущие Слово радостно встречали каждую возможность согнать раненых в грузовые трюмы. Узникам находилась тысяча применений помимо простой службы на рабских палубах.

Воины XVII-го переписывали «Книгу Лоргара» на пергамент кровью плененных врагов. Они украшали доспехи безделушками из резной кости и содранной кожи. Плащи из человеческой кожи были распространены повсеместно, и многие из них также служили в качестве замечательных полотен для просвещенных текстов. Над шлемами легионеров высились рога из меди, бронзы и слоновой кости, которые отбрасывали резкие тени на освещенные свечами стены на борту

пустотных кораблей.

Когда Кхарн набрал воздуха, чтобы снова заговорить, далекие крики Орфео достигли пика. Он заметил, как Аргел Тал поежился.

— Что с тобой?

— Ваш примарх безумен, — ответил Несущий Слово. — Хуже того, он умирает.

Кхарн остановился.

— Что?

Несколько легионеров обернулись, глядя на офицеров. Аргел Тал продолжил идти, зная, что Кхарн последует за ним. Разумеется, он оказался прав.

— Ангрон убивает этого капитана столь ужасным образом потому, что механический паразит замедляет функции его мозга. Мой Легион причиняет страдания, поскольку боль служит метафизической цели. Она доставляет Пантеону удовольствие. Демонстрирует преданность и просит о благосклонности. Страдания для них священны. Боль — это молитва.

Кхарн слушал. Его глаза сузились от неуместности слов.

— Ангрон не умирает, — произнес он.

— Мне нет нужды тебе об этом говорить. Ты же сам утверждал, что ему становится хуже. Скажи же, прошу тебя, каково логическое завершение этого вырождения?

— Тебе Лоргар об этом рассказал?

— Лоргар мне больше почти ничего не рассказывает. Он увлечен великой песнью. Он слышит ее отчетливее, чем наши голоса, даже когда мы стоим рядом с ним.

Пожиратель Миров вновь прищурился.

— А ты ее слышишь?

— Мелодию варпа? Нет. Я слышу Кирену, когда сплю. Каждую ночь она умирает в моих снах, но я ни разу не слышал священного гимна. Это дар одного лишь примарха. Однажды, он поделился им со мной, дав услышать фрагмент того, что слышит сам. Музыку, которая лежит в основе реальности. Звук, который издают все живущие и когда-либо существовавшие души.

На сей раз Кхарн не был склонен уходить от разговора о

сверхъестественном.

— И на что это было похоже?

Аргел Тал медленно вздохнул.

— На звуки, которые сейчас издает Орфео. Только хуже.

Кхарн не стал оглядываться в направлении, откуда они пришли. Вопли Орфео все еще разносились над полем боя.

Несущий Слово снова заговорил. Его голос стал более свистящим, нежели глубоким, в большей степени принадлежа демону, а не человеку. Там, где были глаза, начало пузыриться жидкое серебро.

— Варп вокруг этого мира бурлит, Кхарн. Страдания, которое происходит во всех его городах, достаточно, чтобы привлечь божественный взгляд Четырех. А сколько еще планет Ультрамара разделяют эту участь? Сколько их еще будет до завершения нашего крестового похода? Это не умозаключение и не слепая вера. Скоро мы загоним уцелевшее население в свежевальные ямы, а потом свалим их на погребальные костры, пока они еще будут дышать. Истинный Пантеон будет наблюдать и благословит

нас за верность. За все это страдание, Кхарн. За всю эту боль.

Кхарн остановился, чтобы вогнать свой гладий в шею ползущего Ультрадесантника.

— Ты постоянно так говоришь, но что-то в небесах не пылает варп-шторм.

— Пока нет, — в глазах Аргела Тала продолжала мерцать текучая ртуть.

— Мне надоело, что ваш Легион называет садизм святой добродетелью.

В голосе Кхарна было что-то, что заставило Аргела Тала бросить на него взгляд. Серебро высохло, затвердело и рассыпалось хлопьями. На Пожирателя Миров снова смотрели его истинные глаза.

— Не насмехайся надо мной, — произнес Несущий Слово. — Я не просил, чтобы в основе бытия лежала эта Истина. Мне не доставляет удовольствия нести страдания, поклоняясь богам, которых нельзя игнорировать и которые при этом не заслуживают существования. Однако жизнь — это не то, чего мы хотим. Или ты действительно хочешь этот

нейроимплантат, который, словно паук, сидит над паутиной кровеносных сосудов твоего мозга?

На протяжении долгого мига они глядели друг на друга, а затем оба приглушенно рассмеялись. Напряжение просто исчезло. У них всегда так случалось с того самого момента, когда их сбили на пол в первые же секунды схватки на арене. Их Легионы не могли бы отличаться сильнее. Однако они оба испытывали мрачное удовольствие, когда их подхватывало бурей.

Аргел Тал слегка пихнул ногой поверженного Ультрадесантника и двинулся дальше, когда тело так и осталось лежать замертво.

— Порой я задаюсь вопросом, как мы дошли до этого, — произнес он. — До борьбы с невежеством и рабством путем геноцида. Мы можем либо жить в заблуждении и тьме, либо же стать тем, что ненавидим. По ночам меня терзают крики мертвой девочки, которую мне не удалось спасти, а мои ближайшие братья — воин с механическим паразитом внутри

черепа и демон, свернувшийся вокруг моего сердца.

Он устало улыбнулся.

— Кхарн, мы определенно не на той стороне.

— Как ты можешь так говорить?

— Потому что обе стороны не те.

Капитан Саррин встретила их на палубе. Они бы предпочли подняться вместе с «Сиргалой», погрузившись на эвакуационный корабль вместе с ее израненным телом, а не лететь впереди на личном челноке. Однако вызов есть вызов.

Лотара перехватила их при выгрузке, почти что подбежав к аппарели. Сервиторы и одетые в мантии с капюшонами адепты Механикума отодвигались в сторону, узнавая ее по форме, или по Кровавой Руке на груди. Повсюду вокруг Пожиратели Миров выплескивались из своих десантно-штурмовых кораблей топающей волной грязного керамита. В ангаре пахло фицелином и известью городских

развалин.

— Кида, — произнесла флаг-капитан. — Скажи, что в донесениях ошибка.

На Киде до сих пор был надет форменный комбинезон, шлем с визором был пристегнут к поясу на боку. Она поддерживала Тота, голову которого перевязали чистой тканью.

— Капитан, — неловко отсалютовал Тот. Резкий шум ангара «Завоевателя» уже оказывал на его больную голову разрушительное воздействие. От тепловых потоков отключающихся двигателей легче не становилось.

— Просто говорите, — произнесла Лотара.

— Он мертв, — подтвердила Кида. — «Сиргала» подбита. Старик погиб вместе с ней.

Лотара прикрыла рот обеими руками. Она не имела склонности к драматичным проявлениям чувств, но все равно ей потребовалась секунда, чтобы перевести дыхание.

— Модерати Бли, — раздался голос позади нее. — Модерати Кол. Я

немедленно приму ваш рапорт.

Все трое обернулись к говорящему. Он был низкого роста, растолстевшим от неподвижного образа жизни. Над двумя бионическими глазами возвышался вдовий пучок темных волос. Механические окуляры пощелкивали и стрекотали, меняя фокусировку и перемещаясь между двумя членами экипажа. Он удостоил Лотару чуть более почтительного «капитан», после чего решительно отсалютовал.

— Принцепс пенультима, — поприветствовала Лотара в ответ.

— Уже не пенультима. Не забудьте обновить архивы, капитан. После гибели Генрика Солостина я принцепс ультима Легио Аудакс.

— Аудун, ты назойливое мелкое дерьмо, которое хватается за штифты выслуги старика, даже не дав его костям остыть.

Дородный офицер титана вытянулся.

— Мы все скорбим об утрате принцепса Солостина, флаг-капитан. Я оставлю без внимания ваш всплеск эмоций,

но прошу в будущем обращаться ко мне с уважением к чину.

Лотара уже перестала обращать на него внимание, перведя взгляд на Киду и Тота.

— Я рада, что вы выбрались с этой проклятой скалы. «Сиргала» пойдет снова?

— Думаю, да, — сказала Кида.

— Она в скверном состоянии, — признался Тот.

— Вы тоже, — натужно улыбнулась Лотара. — Удачи Угольной королеве. Я позабочусь, чтобы ее подняли со всеми почестями и обеспечили ремонт в первую очередь.

Аудун Лирак прокашлялся.

— Пойдет она, или нет, зависит от возможности повторного использования.

Кида побледнела. Тот проворчал какое-то ругательство. Лотара развернулась к новому повелителю Легио Аудакс, но ее слова утонули в вое двигателей приближающегося челнока «Грозовой ворон». Его крылья с обратной стреловидностью отбрасывали на палубу хищную тень.

— ... моего корабля, — закончила Лотара, перекрыв стихающий шум двигателей. — Это ясно?

— Эээ, совершенно, мэм. — Аудун побарабанил толстыми пальцами по обтянутому формой животу. Он расслышал примерно одно слово из десяти, но не стоило испытывать терпение флаг-капитана.

Лотара многозначительно посмотрела на двоих членов экипажа титана.

— Мне нужны полные копии ваших рапортов. Если я их не получу, то буду знать причину.

Тот кивнул, а Кида улыбнулась.

— Есть, мэм.

— Хорошо. А теперь ступайте в апотекарион, и пусть Тота заштопают, — она отступила назад, давая им пройти. Повернувшись, чтобы начать долгий путь к мостику, она заметила, кто выходит из «Грозового ворона». Увенчанный гребнем шлем воина выделял его среди братьев, но она бы ясно признала его и по бронзовой символике XII Легиона на обоих

наплечниках.

Она наблюдала, как он уверенной походкой спускается по аппарели в ангар — с неоспоримым изяществом и нескрываемым высокомерием. Воин разговаривал с товарищами, не обращая внимания на людей-рабов и экипаж ангара, которые занимались своими делами вокруг.

Лотара Саррин очень спокойно вынула лазпистолет, прицелилась и выстрелила капитану Пожирателей Миров в лицо. Его голова откинулась назад от попадания лазерного луча, и она ощутила секундный прилив удовольствия от по-настоящему отличного выстрела, а затем Пожиратели Миров окружили своего капитана, вскинули болтеры и прицелились через забитую людьми ангарную палубу.

Лотаре хватило времени, чтобы отчетливо подумать: "они не станут стрелять", прежде, чем те открыли огонь. Она увидела свет дульных вспышек задергавшегося у них в руках оружия. Время не замедлилось, как убеждали в

военных сагах. Она едва успела моргнуть, а болты уже разорвались в воздухе на расстоянии менее шести метров от ее лица, окатив ее горячими и острыми осколками.

Рабы и слуги разбегались, словно тараканы от внезапного света. Это был один из первых раз в жизни Лотары, когда она была ошарашена. Она не понимала, почему еще жива, но куда больше была раздражена тем, что они посмели стрелять в нее на борту ее же собственного корабля.

Еще один Пожиратель Миров подошел и встал рядом с ней, подняв руку, чтобы удержать телохранителей капитана от дальнейшего нападения. Он тихо и низко произнес одно-единственное слово.

— Хватит.

Те не слушали, а капитан не был мертв. Он поднялся на ноги и бросился к ней во главе девяти братьев. На цепи, свисавшей из правого кулака, гремел метеорный молот.

— Ах ты мелкая хнычущая шлюха, —

ощерился он, глядя на нее сверху вниз. — Да как ты смеешь?

Он занес оружие и активировал шипастое навершие, намереваясь смести ее с палубы. Лотара плюнула ему на сапоги, но тут стоявший рядом с ней Пожиратель Миров шагнул вперед, не давая обоим перейти к обмену ударами.

— Я же сказал — хватит, — он не опускал руку, запрещая им приближаться. — Уходи, Делварус.

Капитан триариев повернул зловещий шлем к кодицию, сверкнув глазными линзами.

— У тебя нет власти надо мной, Эска. Эта стерва в меня выстрелила. Убирайся с дороги.

— Этого не будет, — терпеливо ответил Эска. — Уходи.

Остальные триарии обнажили клинки, а к Лотаре подошли еще три Пожирателя Миров. Она глянула на них. Все они были выше нее на полторы головы и закованы в черное облачение разрушителей.

— Проблема, капитан? —

поинтересовался сержант. К его голосу примешивались помехи вокса.

Делварус указал на смертную женщину, стоявшую в центре группы огромных легионеров.

— Она...

— Я не тебя спрашивал, капитан Делварус. Я спрашивал капитана Саррин, — он посмотрел на нее сверху вниз. Пустая перевязь для гранат лязгнула о нагрудник.

— Ничего такого, с чем я не могу справиться, Скане. Впрочем, можешь остаться.

Подходили все новые триарии, и окружавший Делваруса строй разрастался. Плащ капитана был уничтожен войной на поверхности, однако он властным жестом перекинул изодранные остатки через плечо.

— Это не касается никого из вас, — сказал он. — Сержант, кодиций, разойтись.

Они его проигнорировали. Лотара снова плюнула ему на сапоги.

— Ты бросил корабль, Делварус. Это нарушение долга. Кровь всех, кого мы потеряли при этом абордаже, на твоих

руках.

Тот расхохотался.

— Вас взяли на абордаж? Когда я покидал корабль, исход битвы был очевиден. Как ты умудрилась оказаться взятой на абордаж, Лотара?

Она сладко и резко улыбнулась.

— Ты предпочтешь, чтобы я сообщила об этом примарху?

— Да, может и предпочту. Думаешь, ему вообще есть дело? Он теперь вообще едва понимает, кто он такой. Нарушение долга может быть серьезным проступком для Ультрадесантника, но мы несколько ближе к реалиям войны. А теперь убирайся с глаз моих, девчонка. Один раз я оставлю оскорбление без последствий. Но если попробуешь еще раз, я отдам твой череп своим оружейникам под ночной горшок.

С обеих сторон прибывали легионеры.

— Выглядит интересно, — заметил Каргос, вставая возле Скане. — Мы что-то пропустили?

— Она в меня стреляла, — ответил Делварус.

Каргос фыркнул. Звук подозрительно

напоминал хихиканье. Такой же лающий вокс-смешок донесся из аугметической гортани Скане.

— Что ж, уверен, ты это заслужил, — сказал апотекарий.

— Ничего смешного, Каргос.

Каргос продолжал ухмыляться, демонстрируя железные зубы.

— Может и нет, зато смешон ты. Получить выстрел на собственной ангарной палубе. Единственное, о чем я жалею, так это что у нас больше нет летописцев, которые бы внесли это в хроники твоего личного героизма.

Делварус насмешливо фыркнул и отвернулся.

— С меня довольно этого идиотизма.

— Стой на месте, солдат.

Капитан триариев остановился и развернулся с кошачьей неторопливостью, в которой присутствовало некое веселье. Он оглядел обратившуюся к нему женщину.

— В чем дело, Лотара?

— Ты будешь обращаться ко мне «капитан Саррин». И ты будешь находиться под арестом в своем арсенале,

пока я не скажу обратного. Дисциплина продолжает существовать, Делварус, даже если ты считаешь себя выше ее.

— Хватит, девочка. Ты еще жива. Корабль цел.

Лотара вышла из-под защиты Скане, Эски и Каргоса и оказалась прямо перед триарием, глядя прямо на него прищуренными глазами. Она доставала ему головой до нагрудника. Едва-едва.

— Болтеры Тринадцатого Легиона лишили нас двух тысяч членов экипажа, тупой ты сукин сын. Ультрадесантники знали, где высаживаться и куда бить. Две тысячи мужчин и женщин погибли из-за того, что тебе захотелось снискать себе славу в пыли внизу. Не отребье с рабских палуб, не пушечное мясо, Делварус. Обученный, жизненно необходимый экипаж с командной палубы и основного инженариума. Несколько систем получили такие внутренние повреждения, что «Завоеватель» не сможет функционировать в полном объеме, не встав в сухой док на ремонт на месяц, а то и больше. Я ясно выражаюсь, заносчивая

свинья? Ты получил приказ. А теперь прочь с глаз моих.

Какое-то мгновение казалось, что он откажется. В конце концов, Делварус кивнул, отсалютовал, приложив кулак к сердцу, и повел своих людей прочь.

— Я возвращаюсь на мостик, — сказала Лотара Эске. — Спасибо за... ну, что ты там сделал. В смысле, с болтами.

Библиарий поклонился, на его растерзанном и сшитом заново лице было обычное выражение жутковатого спокойствия.

— Доброй охоты, капитан.

Она оглядела потрепанную в бою толпу Пожирателей Миров, стоявших вокруг нее с оружием в руках. Для скольких людей точно такое же зрелище стало последним перед смертью?

— Благодарю вас всех.

Все кивнули и разошлись только после того, как она удалилась.

На одном из переходов над ангарной палубой в задумчивом безмолвии стояла фигура, втрое превосходившая легионера ростом. Она сохраняла такую

неподвижность, на которую способны только трупы и статуи, поскольку отчасти относилась и к тем и к другим. Он наблюдал, учился и — узнавая — начинал строить план.

Возможно, кодиций Эска что-то почувствовал, поскольку обернулся и взглянул на запасную погрузочную платформу, где одиноко стоял Лорке. Он поднял руку, приветствуя бывшего Магистра Легиона. Лорке ответил тем же, вскинув железный кулак.

Какое-то время капеллан лежал во мраке, приходя в себя после вызванного переходом потрясения. Его не покидало воспоминание о гибели солнца, которое с пронзительным воплем разливало радиацию в пустоту, отравляя целый мир.

Несмотря на окутывающую тело прохладу, мысль вызвала ощущение удовлетворения. Славно служить. А хорошо служить — еще лучше.

Он лежал, а биение его сердца, словно метроном, отмечало ход времени. Когда дрожь прекратилась, он поднялся на ноги,

небрежно остатривая неповрежденный доспех. Даже пергаментные свитки не пострадали. Знамение?

Да. Несомненно.

Хорошее знамение.

Решетчатый пол залязгал под ногами, когда он двинулся по сводчатым залам «Фиделитас Лекс». Первыми ему попались двое рабов в мундирах Легиона, которые шептались в алькове, обмениваясь принесенными энергоблоками. Мелочи жизни смертных и сообществ людей на борту боевого корабля не имели для него никакого значения. И все же он был вежлив и сдержан. Насилие следует применять для достижения своих целей, словно скальпель, а не как дубину.

Они услышали издаваемые доспехом звуки, его шаги и попытались убежать. Их остановил его размеренный и серьезный голос. Ему была нужна лишь дата.

— Подождите, — обратился он к ним. — Что показывает хронометрический отсчет флагмана?

Они ответили, и он почувствовал, как напряжение отступает. После Калта

прошло не более недели. Хорошо. Очень хорошо.

Теперь явно настала их очередь говорить, поскольку два съежившихся раба пали ниц, возносяя ему молитву как вестнику богов. Один даже рискнул заслужить побои, прикоснувшись к священному Слову, которое было тушью записано на пергаменте и прикреплено к доспеху Темного Апостола.

Он не причинил им вреда. Даже благословил во имя Четырех, пожелав долгой и праведной жизни.

— Благодарю вас, о великий, — прошептал первый.

— Да благословят вас боги, — разрыдался второй. — Мой господин Эреб.

12
Предводители Легиона
Брат мой, враг мой
Посыпь землю солью

В Базилике Перегрина собрались четверо. Трое прибыли прямиком с Арматуры, присоединившись к тому, кто молился в окружении звезд. Над ними медленно плыл флот, который расходился по высокой орбите после окончания битвы. Пустоту усеивали обломки, все еще представлявшие опасность при навигации, и капитаны армады отводили корабли назад, чтобы избежать столкновений с кладбищем останков Ультрадесанта.

На Лоргаре не было доспеха, он облачился в красную рясу с капюшоном — простое одеяние, сотканное из шелка пустынных червей Колхиды, лишенное украшений или орнаментов. Нечто подобное носили жрецы родного мира Лоргара до бурных религиозных войн. Накинутый капюшон отбрасывал на его

лицо слабую тень.

Ангрон, Кхарн и Аргел Тал оставались в боевой броне. Все доспехи издавали болезненный треск и шипение поврежденных сервоприводов. Коленное сочленение бронзового гладиаторского облачения примарха искрило, когда он на него опирался. Белую броню Кхарна покрывали серые пятна пыли и грязи, а обильные разводы крови придавали керамиту безмятежно-завораживающую пестроту. На доспехе Аргела Тала присутствовали такие же отметины, хотя священный багрянец куда лучше скрывал повреждения. Он все время шевелил рукой, сгибая локоть с неприятным скрежетом проводки из пучков волокон, чтобы не дать сочленению застопориться.

Тут не было официальности, которая столь часто встречалась в других Легионах. Возле черного железного алтаря располагалась золотая табличка с изящно выведенной надписью на колхидском: «Здесь все равны пред взглядом богов».

Лоргар прохаживался среди книжных

полок, поглаживая пальцами корешки тесно стоящих книг в кожаных переплетах.

Аргел Тал и Кхарн переглянулись. На кисти Лоргара вновь была бледная кожа, ставшая золотистой от рунических татуировок. На плоти не осталось никаких следов плазменных ожогов.

— Двадцать шесть миров пали, — обратился Носитель Слова к брату, сыну и племяннику. — Арматура была одной из последних. Похоже, можно будет насчитать и другие, поскольку наши флотилии задерживаются в варпе. Но сейчас до нас начинают доходить цифры, и обстановка такова. Двадцать шесть миров повергнуто, их население вырезано, и их боль молитвой проникает в эмпирей.

Ангрон бросил взгляд наверх. Его налитым кровью глазам не стало легче от темноты и медленного танца двух кораблей Легионов над головой.

— А что с Калтом?

— С Калтом двадцать семь, — поправился Лоргар.

— Нет, — попытки Пожирателя

Миров сконцентрироваться напоминали войну, идущую на всем изуродованном лице. Войну, ведущуюся тиком и спазмами, а также медленным низким рычанием. — Нет, я имел в виду шторм. Ты говорил, что на Калте был варп-шторм. Он не разрастается, как ты обещал.

Лоргар продолжал на ходу читать надписи на корешках книг.

— Песнь еще не достигла пика, однако аналогия явно тебе недоступна. Лучше представь себе, что вся эта бойня — памятник. Пирамида. Она не будет завершена, пока не установят верхний камень. Лишь тогда она укажет на звезды.

Ангрон издал раздраженное ворчание. Кхарн вздохнул.

— Хорошо, хорошо, — усмехнулся Лоргар. — Так, чтобы понял даже ребенок? Все, что мы тут делаем, отдается в варпе, однако наши реальности все еще разделены пеленой. Ритуальная просьба высвободит используемую нами энергию и откроет путь, по которому варп хлынет в материальную вселенную. На Калте Эреб и Кор Фаэрон убили солнце, что

послужило верхним камнем их ритуала. Когда запылает достаточное количество из Пятисот Миров, я сотворю собственный верхний камень. Но это должно быть гораздо величественнее, чем медленная смерть Калта.

Он вскинул исцеленный палец, упреждая еще не успевшие прозвучать вопросы.

— Не спрашивайте, что именно, я сам еще не знаю. Вероятнее всего, смерть, обладающая монументальным символическим значением.

Предположение вызвало у Ангрона ухмылку.

— Как буднично ты теперь говоришь о разрушении. Гор бы гордился.

В ответ Лоргар вежливо улыбнулся.

— Что дальше, мой повелитель? — спросил Аргел. Его двойной голос странно вел себя внутри собора. Низкий и звучный почти-человеческий голос разносился по залу. Урчащее же шипение демона — нет.

— Мы снова разделим флот. Как только мы заберем свои силы и технику с поверхности Арматуры, а остатки

населения будут освящены по образцу Пантеона, то двинемся к следующему миру. Однако нам больше не понадобится эта армада. «Благословенная леди» и «Трисагион» сами по себе флот, а в Ультрамаре нет планет, которые защищены так, как Армагура. Военный мир мертв, и мы можем перемещаться флотилиями меньшего размера.

— А дальше? — настаивал Ангрон.

— А дальше, брат мой, мы просто все повторим.

Пожиратель Миров лязгнул зубами, кусая воздух.

— С твоими сверхкораблями и двумя нашими Легионами мы могли бы просто уничтожить Макрагг.

— Верно, — согласился Лоргар. — Но я бы задался вопросом, какой в этом смысл. XIII-й набирает рекрутов по всем Пятистам Мирам. Гибель Макрагга станет бессмысленным символизмом. Есть ведь еще и сам Жиллиман. Знаешь, он уже движется среди звезд, преследуя нас. Мой хор астропатов поет о возмездии Калта, которое оседлало ветер варпа.

Кхарн, наконец, заговорил.

— Уничтожение Макрагга ничего не даст. Это всего лишь один мир из Пятисот.

— Но это символ, — произнес Аргел Тал. — Я согласен с лордом Ангроном. Следующим мы должны уничтожить Макрагг.

— Это трата времени, — отозвался Кхарн. — Символ чего? Что такого докажет его гибель, чего не доказали Калт и Армatура? Калт был символом надежды на будущее. Армatура была самым укрепленным оплотом обучения и набора. Мы доказали все, что нужно, и сокрушили все значимые символы. Если требуется уничтожать населенные миры, да будет так. У нас есть тридцать флотов, которые опустошают Ультрамар, так давайте же не будем делать из Макрагга что-то большее, чем далекий шар из унылого камня.

Ангрон снова перевел взгляд на Лоргара. В уголке его рта виднелась нитка слюны.

— Просто сотвори свое проклятое

заклинание, — сказал он брату. — Окутай Ультрамар хаосом, который обещал. Расширь шторм и хватит этого дурацкого колдовства.

Лоргар вздрогнул.

— Ангрон, если ты еще раз произнесешь в моем присутствии слова «заклинание» или «колдовство», я буду вынужден убить тебя за непростительное невежество. Мы занимается метафизикой, на которую опирается реальность — самыми основами творения — а не ужимками глупцов, которые достают монетки у детей из-за ушей.

Примарх Пожирателей Миров выдернул книгу с ближайшей полки и перелистнул страницы, не прочитав ни слова.

— Мы занимается дурацкой мистикой, — категорично заявил он.

Было видно, что Лоргар раздраженно улыбнулся под капюшоном.

— Слушай и учись.

Он произнес одно-единственное слово, чуть громче шепота, но оно сбило Ангрона и остальных с ног ураганным порывом

ветра. Три книжных полки взорвались, буквально разлетевшись на куски шквалом расщепленной древесины и измельченного в пыль пергамента. Кхарн сумел прервать скользящее падение, зацепившись кончиками пальцев за щель между двумя траморными плитами пола. Аргел Тал и Ангрон пролетели мимо него, их скребущие о кремовый камень доспехи рассыпали искры.

Ветер из ниоткуда исчез так же внезапно, как и появился. Кхарн первым поднялся на ноги.

— Я... я знаю этот язык, — сказал он Лоргару.

— Сомневаюсь, Кхарн, — с неожиданной вежливостью отозвался примарх.

— На нем говорил Аргел Тал, — произнес Кхарн. — На Арматуре.

— Аа. Тогда тебе кое-что известно о его силе, — Лоргар подождал, пока брат и его сын не вернутся к ним с другого конца помещения. — Вот что я имею в виду, брат мой. Реальность подчиняется определенным законам. Гравитация,

Электромагнитная сила. Ядерные взаимодействия. Причина и следствие. Если я сделаю вдох, мое тело преобразует воздух в жизненную энергию, если только я не буду слишком слаб или болен для продолжения процесса. Существуют миллоны законов, которые ведомы лишь наиболее просвещенным. Магнус знает гораздо больше, чем даже я, однако я изучил достаточно. Это не колдовство, — он буквально насмехался над словом. — Это манипуляция безграничным потенциалом, который является источником всех реальностей. Смешение компонентов из вселенной плоти и крови и божественного царства чистого эфира и чувств.

Ангрон несколько секунд молчал. На его жестоком лице читалась озадаченность.

— Этот шум, который ты издал, — в конце концов, сказал он. — Это «слово». Что это было?

— Лучше будет, если я не стану его повторять, — с сардонической улыбкой произнес Лоргар. — Я только что уничтожил чрезвычайно ценные книги, и

мне не хотелось бы потерять еще больше их.

При виде выражения на лице брата улыбка Лоргара стала более искренней.

— Некоторые слова и звуки сотрясают основы реальности. К примеру, образ и звучание ста одного слепца, которые задыхаются и судорожно хватают воздух, пока одновременно тонут, являются именем конкретного мелкого демонического принца. Если сжать этот шум и его смысл в один звук, то его может оказаться достаточно, чтобы привлечь внимание данной сущности и облегчить ее призыв. Только что произнесенное мной слово... такое же. Я вижу в твоих глазах вопрос, и да — я могу обучить тебя этому языку.

— Так вот как вы исцелились, — непроизвольно вырвалось у Кхарна.

Лоргар кивнул, не откидывая капюшона.

— Да. Однако боль была неописуема. Будь я смертным в обычном понимании этого слова, меня бы убила сама попытка. Срастить кожу и плоть мышц в принципе

несложно, но за все приходится платить.

Лоргар забрал у Ангрона том и поставил его на одну из уцелевших полок.

— Сейчас нас прервут.

Громадные двойные двери раскрылись, и все обернулись. Вошедший носил пепельно-черное облачение капелланов XVII Легиона и держал в руке серебристый крозиус. Шлем покоился на сгибе второй руки, не скрывая сурового и образованного лица. Без шлема воин не смог полностью скрыть удивления, когда увидел, кто стоит рядом с его примархом.

— Мой господин, — произнес новоприбывший, низко поклонившись Лоргару.

— Эреб, — поманил его Лоргар. — Страдания солнца Калта и миллионов погибших на поверхности самой планеты разносятся по варпу. Тайная песнь возвестила о твоих деяниях.

— Я польщен, повелитель, — Эреб почтительно поклонился Ангрону. Кхарн с Аргелом Талом удостоились взгляда и кивка. — Калт превзошел все ожидания.

Лоргар едва заметно улыбнулся,

обнажив узкий полумесяц белых, словно фарфор, зубов.

— Превзошел все ожидания? В самом деле? Позволь же спросить, почему в таком случае мелодия варпа не поет об этом результате?

Строгий взгляд Эреба метнулся на прочих собравшихся у примарха.

— Нам нужно поговорить, повелитель.

— Мы и так говорим, Эреб.

Вновь мимолетный взгляд.

— Наедине, сир. Тема нашего разговора может не предназначаться для... непосвященных.

Лоргар улыбнулся со всей покровительственностью и терпением, на которые когда-либо было способно живое существо.

— Просто говори, Первый капеллан.

Это заметили все. Миг, когда Эреб вытянулся и насторожился, ощутив, что что-то идет не так. Ангрон ухмыльнулся при виде дискомфорта воина-жреца. Кхарн и Аргел Тал хранили непоколебимое молчание.

— Гибельный Шторм рожден, —

заявил Эреб.

— Да, — отозвался Лоргар. — Но расскажи мне о великом успехе, который ты упоминал. И где твой корабль, Эреб? Где «Длань Судьбы»? — Лоргар глянул в небо, где флот отдыхал в черноте. — Странно, что я ее не вижу.

Эреб улыбнулся. Тонкие губы побелели, сжавшись.

— Полагаю, что вместе с Кор Фаэроном и «Инфидус Император».

— Ну разумеется. А Кор Фаэрон, несомненно, победоносно кружит вокруг Калта, не так ли? Он принес моего брата Жиллимана в жертву Пантеону, да?

— Сир...

— Успокойся, Эреб. Я всего лишь хочу разделить с тобой этот миг триумфа. Итак, Калт пал, с Ультрадесантом покончено, а Жиллиман мертв. В конце концов, именно таков был ожидаемый результат, о превышении которого ты заявил. В таком случае, ты заслужил похвалу. Я опасался, что ты не смог убить моего брата, потерял половину отданного тебе мной флота при контратаке

Ультрадесантников и бросил десятки тысяч моих сыновей и смертных слуг на облученной поверхности Калта, сбежав в Мальстрим.

Эреб сглотнул и промолчал.

— Но это означало бы оставить их на смерть, — продолжал Лоргар. — Без подкреплений. Без эвакуации. Все Гал Ворбак, проведшие многие месяцы жизни в постах и молитвах, которые резали собственную плоть, готовясь к возможности вкусить Божественной Крови... Они бы сгинули, не правда ли?

Ангрон посмеивался, со злобной улыбкой наслаждаясь сценой.

— Сир... — начал было Эреб.

Лоргар вскинул руку.

— Я тебя не виню, Эреб. Не бойся. Ты добился базового успеха, который от тебя требовался.

— Мой повелитель, Кор Фаэрон просит подкрепления.

Примарх отвернулся, и шелк капюшона мягко зашуршал. Кхарну потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что Лоргар смеется.

— Подкрепление, — фыркнул он. — Подумать только.

— Ультрадесантники преследуют наших выживших.

Лоргар снова посмотрел на застывшее лицо сына.

— Не сомневаюсь, что так и есть. Так случается, когда убегаешь: враги пускаются в погоню. Он фантазер, если верит, будто я стану гробить корабли и жизни, чтобы спасти его от участи, которую он так старался заслужить. Когда будешь в следующий раз с ним общаться, передай мои соболезнования и сообщи, что мое бессердечие — расплата за неудачу. Ты свободен, Эреб.

— Сир, — в третий раз произнес Эреб, собираясь с духом. — Нам еще многое нужно обсудить. Что с Сигнусом Прайм?

— Опять это название, — пестро-золотистые глаза Лоргара сузились. — Меня не волнует Сигнус Прайм. Это пустая затея.

На лице Эреба снова появилась спокойная и уверенная полуулыбка.

— Мы с Магистром Войны уверены...

— Эреб, — со вздохом прервал Лоргар. — Ты не убьешь Ангела. Не просветишь его Легион. Ты думаешь, будто знаешь моего брата лучше, чем я?

Первый капеллан не проявил никаких эмоций, его суровая маска осталась непоколебима.

— Повелитель, я ходил путями Десяти Тысяч Будущих. Я видел такие варианты развития событий, где Ангел падет, и такие, где он сражается на нашей стороне. Если мы сумеем спланировать события в соответствии с этими путями...

Лоргар покачал головой, и его капюшон пошевелился.

— Ты не слушаешь, Эреб.

— Я только и делаю, что слушаю. Я слышу богов так же ясно, как и ты, Аврелиан. Или ты забыл об этом?

Он произнес эти слова мягко и даже дружелюбно, но они разнеслись по всей базилике, словно удар молота.

Аргел Тал напрягся, почувствовав, как губы растягиваются, обнажая удлиняющиеся зубы. Керамит искорежился

и заскрипел, когда сквозь поверхность доспеха начали пробиваться ребристые кости с вырезанными на них рунами. Из лопаток взметнулись два громадных крыла летучей мыши, созданные из алой металлоплоти с синими прожилками вен. Кровавый пот начал капать с них на белокаменный пол.

— Ты, — зарычал он двумя голосами, главным из которых явно было шипение демона. — Ты смеешь?

Лоргар вздохнул и поднял руку.

— Нет. Аргел Тал, Раум, оба умерьте гнев. Прошу вас.

Бесшумно сложив крылья, повелитель Тал Ворбак несколько мгновений яростно смотрел на Эреба. Напряжение спало после очередного неприятного смешка Ангрона.

— Как прикажете, сир, — наконец, ответил Аргел Тал. Его голоса пребывали в неустойчивом равновесии. Изменение обратилось вспять все с тем же сопротивлением холодного металла, форма которого менялась против его воли.

— Я не стану спорить с тобой, Эреб. Мне известно, что ты, Кор Фаэрон и ваш

старый друг Калас Тифон цепляетесь за веру, будто были просвещены первыми, а потому обладаете уникальным правом вертеть самой Судьбой. Однако я дам тебе последний совет. Тебе решать, послушаться его, или нет. Ты не просветишь Сангвиния.

Лоргар сделал пасс в воздухе перед собой. Там замерцал образ увенчанного ореолом воина, облаченного в доспех цвета яркой крови и окруженного величественными, первозданно-белыми крыльями.

— Взгляни на него. Что ты видишь? Ангела. Ангела. Во вселенной, где, по утверждению Императора, нет богов — в Империуме, где величайшие и мудрейшие представители нашей цивилизации избавились от пут религии — Сангвиний являет собой нечто славное и сверхъестественное, которое не должно существовать. Моему брату известно об этом. Он это чувствует. Он слишком умен, слишком эмоционален, чтобы оно прошло мимо него.

Лоргар опустил голову. Тень

капюшона накрывала его лицо до самого подбородка.

— Император, при всех его многочисленных изъянах, хорошо знает своих сыновей. Гор был избран стать Магистром Войны, поскольку он лучший из нас. В Горе все пребывает в гармонии, однако при этом каждая грань доведена до совершенства. Сангвиний такой же. Он затмевает своими добродетелями остальных из нас, ибо кто может сравниться с ним изяществом, милосердием, пониманием людей? И все же наш брат неуравновешен. Неуравновешен в самой сути. Он воплощает собой самое лучшее и худшее из того, что означает быть примархом. Он самый благородный из нас, но и самый напуганный — великолепное создание, порабощенное неуверенностью в себе.

Лоргар снова сделал жест, и сияющий образ Сангвиния исчез.

— О да, Ангел праведен, силен и прекрасен практически во всех отношениях. Однако в его сердце есть злокачественная слабость — слабость, о

которой известно лишь немногим из нас. Сангвиний хранит верность отцу из-за безупречной любви и безупречного благородства, и будь это все, его еще можно было бы обратить или убить, как ты того хочешь, сын мой. Но ты не задумываешься о том, что он также верен из-за абсолютного страха. Он боится причины, по которой обладает крыльями. Боится того, что они могут олицетворять. Боится, что при его создании что-то пошло ужасно не так, и боится эффекта, который это могло оказать на его генетических сыновей.

Ангрон глядел на Лоргара с неприкрытым вниманием, на мгновение позабыв о вызванном Гвоздями огне внутри черепа. Эреб хранил твердое молчание.

— Неуверенность, которая, быть может, привязывает Сангвиния к Императору сильнее, чем всех прочих сыновей, состоит в том, что он думает, будто должен доказать больше всего.

Лоргар посмотрел на гладкую кожу своих рук, покрытую золотой тушью, и тягко выдохнул.

— И все же, если сравнивать с прочими из нас, это не так.

Владыка Несущих Слово снова перевел взгляд на Эреба. Из-под капюшона блеснули его глаза.

— Послушай меня хотя бы сейчас. Вы с Кор Фаэроном слишком много вкладываете в дурацкие гамбиты. Я знаю, что Кор Фаэрон пытался просветить Жиллимана, а не убивать его, как было приказано. Его неудача разнеслась в варпе как неблагозвучная нота в уже несовершенном произведении. И мне известно, что из-за своей неуклюжей попытки обращения он лишился возможности нанести смертельный удар. История повторится. Если ты бросишь все на Сигнус Прайм, то выиграешь не больше, чем Кор Фаэрон на Калте. Теперь этого уже не изменишь, однако я ведь предупреждал вас раньше. А теперь иди.

Капеллан стоял в ошеломлении. На его лице читалось сдержанное потрясение. Наконец он низко поклонился и испросил соизволения удалиться.

— Ну разумеется, — мягко произнес

Поргар.

Эреб развернулся, чтобы уйти, но его остановил насмешливый грохот голоса Ангрона.

— Ты удачно прибыл, жрец, — Пожиратель Миров буквально выплюнул последнее слово. — Как раз вовремя, чтобы пропустить драку. Скажи-ка мне, не стал ли ты после всех молитв и мелких предательств больше проповедником, чем воином?

Эреб вышел из помещения, ничего не ответив. Ангрон наблюдал за ним, металлические зубы поблескивали в злобной улыбке. Когда двери закрылись, Поргар обернулся к Аргелу Талу, посмотрев тому в глаза.

— Сын мой. Истинный сын.

— Отец?

— Скоро Эреб что-то тебе предложит. Я вижу это в его глазах и чувствую в сердце, хотя подробности остаются для меня недоступны. Откажись. Сколь бы велик ни был соблазн, какое бы искупление ни сулило его предложение — ты должен отказаться.

— Я так и сделаю, повелитель.

Лоргар доброжелательно улыбнулся, сияя золотом.

— Я знаю. А теперь возвращайтесь к своим делам, друзья мои. Нужно готовиться сжечь этот мир и двигаться к следующему.

Кхарн пробирался через сумятоху, творящуюся на мостике «Завоевателя». Тела убрали, а пятна отчистили, но он еще чуял запах разорванной плоти, пролитой крови и вонь отходов из опорожненных кишок. Смерть оставалась на борту, невзирая на все усилия системы очистки воздуха. Под потолком болтались и искрили кабели. Целые блоки экранов и консолей превратились в дымящиеся куски металла. Пол и стены были испещрены лазерными ожогами и дырками от пуль, которые перемежались более глубокими воронками от огня болтеров. Последних было меньше, поскольку у Ультрадесантников был богатый выбор целей.

Лотара сидела на своем троне над

этим безумием. Кхарну никогда не доводилось видеть ее настолько злой. В том, как она переводила свой гнев в холодное кипение, было что-то почти хищное. Ей не было нужды что-либо говорить. Даже не было нужды хмуриться. Ее настроение становилось очевидно по льду во взгляде и тому, как она сидела на троне, продолжая наблюдать, наблюдать и наблюдать.

Кхарн остановил свое аккуратное продвижение, когда увидел, что возле трона стоит на страже Лорке. Он поднялся по ступеням, в первую очередь отдавая дань уважения дредноуту, а не капитану.

— Магистр Легиона, — произнес он, ощутив странный позыв преклонить колени. Слишком много времени с Несущими Слово, подумалось ему. — Вы с нами.

— Капитан пробудила меня.

— Я слышал про Делвариса и триариев, — он бросил взгляд на наблюдающую за ним Лотару. — Многое изменилось с тех времен, когда вы в

последний раз ходили среди нас, сэр.

«Контемптор» издал звучный лязг фиксирующихся сервоприводов. Это показалось Кхарну проявлением неудовольствия, хотя он не знал, почему.

— Я вижу. Ты был занят, Кхарн.

Это было вовсе не то добросердечное воссоединение братьев-офицеров, которого ожидал Кхарн. Он посмотрел на Лотару.

— Ангрон идет. Он просит вас приготовиться к бомбардировке планеты через двенадцать часов.

Она подалась вперед на троне, широко раскрыв глаза.

— Это шутка? После всего этого вы хотите, чтобы я сделала то, что следовало сделать с самого начала?

Он был не расположен вдаваться в метафизические подробности насчет резонанса боли и духовного отражения эмоциональных мучений. Не то, чтобы он этого не понимал, однако не был уверен, верит ли.

— Приказ Лоргара, — он слишком устал, чтобы улыбаться. — Мир истекает кровью, и все оставшиеся в живых забились

в норы. Он хочет сжечь их за грех трусости.

«И выжать последние струйки страдания», — подумал он.

— Кхарн... — она глядела на него с беспомощной яростью в глазах. — Что мы тут делаем? Что это за война?

Ему было нечего ответить. Во всяком случае, ничего практического.

— Новая, — сказал он.

Она не успокаивалась.

— Безумная. Все пошло не так после Исствана III. После того, как мы приткнули к Гору.

Кхарн перевел взгляд с капитана на «Контемптора», однако промолчал.

Левобортовые двери мостика больше не скрежетали по мощным направляющим при открытии, поскольку их сняли со стены и забрали на ремонт. Ангрон вошел в сопровождении следующего за ним запыленного техножреца. Закутанный в рясу адепт держал руки сцепленными в рукавах, шагая за примархом и почти что шарахаясь от мускулистой громады тела Пожирателя Миров.

— Кхарн, — рыкнул Ангрон на весь заваленный обломками зал. — Этот в красной рясе тебя искал.

Примарх оставил кланяющегося жреца у разрушенных дверей, а сам двинулся сквозь хаос, в который превратился его мостик. Он коротко лающе хохотнул при виде опустошения.

— Как это случилось?

Лотара встала с трона, глядя на Ангрона с центрального возвышения.

— Делварус и триарии совершили несанкционированную высадку, присоединившись к атаке на поверхности. Пока их не было, нас взяли на абордаж.

Ангрон подошел к висящей на кабелях Пералле, прикованной к консоли ауспика. Он положил тяжеловесную руку ей на плечо с мягкостью, в наличие которой у него не поверил бы никто из братьев.

— Ты не ранена?

Искалеченная девушка, хирургически встроенная в стол, откинула грязные волосы с лица.

— Нет, сир, — ответила она, совершенно не испугавшись стоящего перед

ней полубога.

Ангрон неприятно ухмыльнулся и оглядел мостик.

— И где сейчас Делварус?

— Я посадила его под арест в каюте.

Примарх издал короткий лающий смешок, явно развеселившись.

— Мне это нравится, — он начал подниматься на возвышение, оказавшись перед Лорке. «Контемптор» возвышался над примархом, однако ничто живое или мертвое никогда не заставляло Ангрона казаться меньше. — Лорке из Псов Войны.

— Ангрон из Пожирателей Миров.

— Славно выглядишь, старый воин. Но все так же в устаревших цветах, да? — Ангрон постучал костяшками пальцев по горделивому волку в ошейнике на железном теле дредноута. Инстинктивно среагировав на дискомфорт от прикосновения, комби-болтеры Лорке перезарядились с двухголосым металлическим грохотом.

— Я должен тебя поблагодарить за защиту моего корабля? — поинтересовался примарх.

— Я мало что сделал. Твоя благодарность должна предназначаться остальным первым дредноутам и двум тысячам семидесяти одному человеку, которые лишились жизни, отбивая нападение.

Ангрон поднял кисть с покрытыми коркой суставами к виску, чувствуя возвращение тупой боли.

— Ммм. Ты все такой же жалкий ублюдок, Лорке.

— Я умер. Теперь уже немного поздно меняться, — дредноут заставил свое железное тело со скрежетом поклониться, на сей раз Лотаре, и двинулся вниз по широким ступеням. — Я должен идти. Мне нужен ремонт.

Ангрон ощутил, как палуба содрогается от поступи «Контемптора». Ему остро вспомнилось, каково было сражаться с подобным созданием. Исствanская кампания оказалась столь поучительным опытом.

— Капитан, — произнес он. — Через двенадцать часов наша бомбардировка оставит от Армatуры лишь

воспоминание. Посыпь землю солью,
Лотара.

Она откинулась на троне, со стуком пристроив ноги на один из подлокотников, и посмотрела на него.

— Как пожелаете.

Часть 2
Спустя три дня после Осады Артатуры
Нуцерия, родной мир

13
Кости

Аргел Тал всегда посещал ее гробницу в одиночестве. Его шаги эхом разносились по сводчатому залу, отражаясь от готических стен с каменными ребрами. Выполненные в натуральную величину изваяния прославленных павших наблюдали, как он проходит мимо. Железные лица вглядывались в освещенный свечами полумрак. Он знал их всех по именам. Некоторые были его друзьями и братьями, погибшими случайно, или же принесшими себя в жертву. Он прошел мимо одного из таких памятников, возведенного в память о «Ксафене из Гал Ворбак, капеллане ордена Зазубренного Солнца». Воин-жрец стоял, опираясь ногой на треснувший нагрудник статуи Гвардейца Ворона и воздев крозиус к небу. Голова капеллана была опущена. Он не смотрел на убитого им легионера, отвернувшись с некоторой задумчивостью. Искусно воссозданный в темном металле

Ксафен выглядел почти что сожалеющим, что не переставало веселить Аргела Тала всякий раз, когда он это видел. При жизни брат обладал множеством особенностей, но склонность к сожалению не входила в их число. Среди носящих алые цвета Легиона еще не бывало более фанатичного создания. Ксафен получил удовольствие даже на Исстване, рассматривая его как испытание веры. Он насладился этим испытанием и прошел его по собственным строгим меркам.

Под именем располагалась табличка с неровной колхидской клинописью: «Он ступал в местах, где боги встречаются со смертными».

Проходя мимо, Аргел Тал протянул руку и мягко коснулся костяшками нагрудника мертвого брата. Он еще несколько раз повторял это движение, минуя статуи Гал Ворбак, погибших на Исстване. Первых Гал Ворбак — воинов с демонами в сердце, изуродовавших собственные души первыми опасными шагами в Преисподнюю. Не те оболочки для демонов с разбавленной кровью,

которых он выращивал для Лоргара в последующие годы. Они были Гал Ворбак по крови и названию, но не по духу. Они не совершали Паломничества и обрели силу, не понимая, чего она стоит.

Дойдя до ее гробницы, он присел перед резным изображением. Многие из прочих статуй были выполнены из позеленевшей от патины меди, или же блестящего кованого железа, но ее изобразили в чистом мраморе. Глаза были скрыты повязкой, которую она редко надевала, приспособившись к жизни без зрения, предпочитая просто держать глаза закрытыми. Никаких вычурных или пылких поз, в которых стояли сотни павших Несущих Слово, увековеченных в громадном зале. Напротив, она оставалась хрупкой, изящной и белоснежной во мраке, протягивая руку, чтобы успокоить всякого, кто искал перед ней покоя.

«Кирена Валантион, — сообщала табличка, — Исповедник Слова. Приняла мученическую смерть от рук личных стражей Императора за прегрешение, состоявшее в видении истины».

Даже находясь на пьедестале, она была ниже стоящего в полный рост Аргела Тала. Кончики пальцев прошлись по траморным волосам, и керамит мягко погладил камень. В прикосновении не было любви или тоски. Если уж на то пошло, оно было извиняющимся.

Как всегда, когда навещал ее, он вынул меч, оборвавший ее жизнь — меч, который теперь стал его собственным. И так же, как и всегда, он ощутил горячий прилив желания просто переломить оружие об колено и бросить. Он устоял, поскольку боль от обладания клинком сама по себе была уроком.

В расположенном глубоко в недрах «Фиделитас Лекс» Зале Памяти — который непочтительные рабы именовали Залом Заднего Ума, когда рядом не было Несущих Слово, которые могли бы услышать — находились кости почти тысячи героев Легиона. Лишь одна статуя стояла над осквернённой каменной гробницей, принадлежавшей единственной смертной, которую похоронили среди девятисот легионеров.

Ее кости унесли. Культисты, фанатики — можно называть как угодно. Они пробрались в зал, забрали кости и провозгласили ее святой Пантеона. «Первой мученицей», как они говорили. Ее священное имя шепотом повторялось среди огромного смертного населения флота Несущих Слово, поскольку ей принадлежала сомнительная честь участи первого человека, которого подручные Императора убили за вознесение молитв Пантеону.

Как будто все было так просто. Он поднялся на ноги, не отводя взгляда от изваяния убитой девушки.

Аргел Тал никогда бы не забыл ее последних слов. Он часто о них думал. Не о том незавершенном письме, которое он обнаружил только через три дня после ее гибели, а о самых последних словах, сорвавшихся с ее окровавленных губ. Что они с тобой сделали?

Она произнесла их с улыбкой, со слабой улыбкой девушки, знающей, что умирает. Ее руки оторвались от лицевого щитка шлема, оставив кровавые пятна там, где она прикасалась к демонической маске, в

которую превратилось его лицо.

Что они с тобой сделали?

Кого она имела в виду? Богов? Примархов с их отчаянной гражданской войной? Его собственных братьев?

Что они с тобой сделали?

Мысли о Кирене расшевелили зверя внутри. Раум, вторая душа в его теле, пробудился рывком, будто животное.

Охота?

Существо говорило трепещущим змеиным шепотом, поглаживая словами разум Аргела Тала.

Нет. Я в ее гробнице. Мы целыми днями охотились на Армагуре. Твой голод никогда не утихает?

Раум вел себя скорее раздраженно, чем настешливо. Ты так сентиментален, брат. Разбуди меня, когда снова польется кровь.

Он ощутил, как сущность сворачивается в клубок, снова уменьшаясь в размерах. Однако, несмотря на свои слова, демон не спал. Раум намеревался безмолвно лежать, наблюдая глазами Аргела Тала.

Так продолжалось еще несколько минут. Когда Аргел Тал услышал шаги, Раум вновь развернулся, неожиданно придя в раздражение.

Кто-то идет. Несущий Слово почувствовал, как демон тянется за пределы черепа, словно принюхивающаяся гончая. Аа. Это Обманщик.

— Здравствуй, Эреб, — не оборачиваясь, произнес Аргел Тал.

— Мальчик мой, — раздался голос позади. — Рад тебя видеть.

Он лжет..

Я знаю.

Он боится, что ты отвергнешь его, как сделал Отец-Лоргар.

Я знаю, Раум, я знаю

Эреб встал рядом с ним, присоединившись к бдению возле статуи девушки-мученицы.

— Что произошло на Армагуре? — голос Первого капеллана был сдержан, каким-то образом сочетая холодность с отсутствием враждебности. — Пожиратели Миров сообщают об ужасающих потерях, и я слышал, что

многие из них требуют крови нашего Легиона. Что пошло не так?

Аргел Тал помассировал утомленные глаза большими пальцами.

— А что постоянно не так с Пожирателями Миров? Они пошли вперед слишком далеко и слишком быстро. Ультрадесант и силы Арматурской гвардии, которые пытались обойтись нас с фланга, вместо этого хлынули в брешь между двумя нашими Легионами, воспользовавшись возможностью разделить и властвовать. Пожиратели Миров угодили в сотню ловушек, пока мы были заняты медленным продвижением, сражаясь с армией другой половины города. К моменту, когда мы пробились... скажем так, возобладал нрав Двенадцатого Легиона.

— Рапорт Кхарна скверно характеризует наш Легион.

— Разумеется, ведь мы не смогли поддержать союзников. А мой рапорт будет скверно характеризовать Пожирателей Миров, поскольку те ударили вперед без нас. Вряд ли мы

станем хвалить друг друга за идеальное проведение крестового похода, — Аргел Тал, наконец, повернулся к Эребу. На стуглом лице играла легкая улыбка. — Что произошло на Калте, учитель? Как вы потерпели столь катастрофическую неудачу?

Эреб повернулся к статуе капитана Несущих Слово, который пал на Исстване V.

— Мы породили варп-шторм, который отделит Ультрамар от остального Империума. Это деяние имеет такой эфирный масштаб, что для начала ритуала пришлось умертвить солнце. Где здесь неудача?

Демон внутри тела Аргела Тала пополз по кровеносной системе, обжигая вены.

Он знает, что не справился. От него исходит стыд, как будто пар от теплой кожи на морозе.

— Жиллиман жив, — ответил Эребу Аргел Тал. — Сколько тысяч ты бросил на Калте? И ваш флот раздроблен. Можно простить лорду Аврелиану, что он видит

обе стороны медали.

Эреб обошел вокруг статуи Кирены, сохраняя свое вечное спокойствие.

— Почти что в каждом варианте будущего ты умираешь на Терре.

В ответ Аргел Тал только ухмыльнулся.

— Я знаю. В последний день не будет более славного места.

Эреб приподнял тонкую бровь.

— Ты принимаешь эту судьбу?

— Примарх видел ее в волнах варпа. Он утверждает, что это всего лишь один из возможных итогов, но то же самое говорит и Раум. Мне суждено умереть в тени громадных крыльев.

Это правда, брат. Мы умрем в тени громадных крыльев.

Знаю. Я тебе верю.

Аргел Тал указал на статую.

— Зачем ты пришел? Чтобы увидеть Исповедника?

— Чтобы увидеть тебя, мальчик мой, — на Эребе была монашеская ряса, а не боевой доспех. Красный шелк ниспадал длинным царственным потоком, словно

кардинальское облачение из многих эпох ложной веры Древней Терры.

— Хватит этого «мальчик мой», учитель. Те дни прошли.

— Ты в броне, — заметил Эреб. — Даже здесь.

Повелитель Гал Ворбак кивнул.

— Я больше не могу ее снять. Она стала частью меня, словно шкура или чешуя.

Он скорее почувствовал, чем увидел, что Эреб улыбается.

— Восхитительно, — произнес капеллан.

— Это произошло после Армагеддона. Не знаю, почему.

Мы должны его убить, — выдохнул Раум.

Как жаль, что это действительно заманчиво.

К поясу Аргела Тала был пристегнут бронзовой цепью огромный том в переплете из кожи.

— Тебе следует это прочесть, — Аргел Тал отцепил книгу и протянул ее бывшему наставнику.

— «Книга Лоргара», — Эреб не сделал попытки взять ее. — Я ее читал. Многие из страниц переписаны мною лично.

— Нет, — Аргел Тал не убирал книгу. — Это та редакция, которой он поделился с другими примархами. Его почерк, его философия, записанная чернилами. Не твоя, не Кор Фаэрона, не просто то, что диктуют боги. Подлинная Книга Лоргара, священный текст, который будет служить Легиону средством толкования в грядущие тысячелетия. Он называет его «Тестаментум Веритас».

Эреб принял книгу обеими руками, но не стал ее открывать.

— Ты так в него веришь.

— А ты говоришь так, словно ты — нет.

— С каждым разом, когда я встречаюсь с сыновьями Императора, я все меньше в них верю. Хоть они и заявляют, что олицетворяют собой воплощения совершенства, но они также и увеличенные изъяны человечества. Взгляни на Гора. Галактика пылает из-за его амбиций, а не потому, что я устроил так, что его

ранили отравленным клинком. Второе просто ускорило первое. А посмотри на Русса. Чистота и дикость волка, но при этом он преклыкается у ног Императора, умоляя, чтобы ему дали вожака.

Аргел Тал не имел желания спорить о достоинствах и недостатках Восемнадцати Отцов, особенно в этом святом месте. Он продемонстрировал свое неодобрение молчанием.

— Очень хорошо, — уступил Эреб. — Я хотел с тобой поговорить, поскольку мне нужна твоя помощь.

Аргел Тал не отводил глаз от статуи.

— Ну так говори.

— Как я уже сказал при Лоргаре, я бродил по Десяти Тысячам Будущих. Во многих из них, если события пойдут по такому пути, мы потерпим поражение на Терре. Гор падет, а верные ему Легионы разобьются об имперскую наковальню. Нас не просто изгонят, Аргел Тал. Нас целиком вырвут из анналов Империума. Наши имена станут легендой, потом мифом, а затем полностью забудутся.

Воин Гал Ворбак слушал, как и демон внутри него. Эреб продолжал говорить, разглядывая своими мудрыми глазами копию Кирены, выполненную из чистого мрамора.

— С самого начала мы направляли Лоргара, Мортариона, Фулгрима, Гора и прочих. Группа искушенных и понимающих стояла подле примархов, руководя их поступками и решениями. Калас Тифон в Гвардии Смерти, пусть и без их Библиариума. Созданный Фабием замысел совершенства пленил воображение Фулгрима, и захватил Детей Императора. Мы сыграли на их гордыне, равно как и на их страхах. Но теперь, когда нам следует действовать совместно, Лоргар отделяется.

Аргел Тал покачал головой.

— И ты хочешь, чтобы я вернул его обратно? Примарх самостоятелен, Эреб. Он стал сильнее после Исстваны. Избавься от своей трусливой потребности контролировать его, и просто гордись, что он стал тем, кем был рожден стать.

Эреб ощутил замкнутость бывшего

ученика и изменил доводы.

— Не так грубо, — произнес капеллан. — Однако мы должны... направлять его. Только и всего. Во всех вариантах будущего, где мы проигрываем, Лоргару позволяли манипулировать событиями по собственной прихоти. Вот почему мы должны повергнуть Сангвиния на колени на Сигнусе Прайм, во что бы там ни верил наш отец. Мы проиграем войну во многих из тех будущих, где Ангел доберется до Терры.

Аргел Тал впервые на своей памяти проявил предельную и жесткую искренность по отношению к человеку, который обучал его на протяжении многих лет.

— Мне это безразлично. Я не планировщик, и доверяю замыслу Лоргара гораздо больше, чем твоему.

— Но мы должны формировать события в соответствии с...

— Мы же сказали, что нам все равно, — в глазах Аргела Тала полыхнуло расплавленное серебро. Это были глаза Раума. — Мы пришли сюда помолиться,

Обманщик. Ты оскверняешь святость этого места своим змеиным языком.

— Обманщик?

Серебро померкло.

— Так тебя называет Раум, — подтвердил Аргел Тал.

— Ясно. В таком случае, я более тебя не побеспокою, мальчик мой, — Эреб начал уходить, однако в последний момент замешкался. Он рискнул коснуться плеча Аргела Тала. Воин и обитающий внутри офицера демон позволили ему это. — Я буду делать то, что должен, чтобы организовать события по своему разумению, поскольку не собираюсь проиграть войну за дух человечества из-за того, что другие слишком слепы, чтобы узреть свет. Я всего лишь хотел, чтобы ты был на моей стороне, Аргел Тал.

Глазные линзы Аргела Тала, обладавшие синевой колхидского неба, встретились с глазами бывшего учителя.

— Тебя всегда сопровождает смерть. Кто должен умереть на сей раз? Чья гибель направит судьбу по избранному тобой пути?

— Многим жизням придется оборваться, пока мы не поднимем флаг Гора над стенами Терры. Почти все они сражаются на той стороне.

— Почти. Не все.

Эреб вздохнул, как будто не желая отягощать брата по Легиону неприятной истиной.

— Нет, не все.

Губы Аргела Тала скривились.

— Кхарн, — это был не вопрос. — Вот зачем ты ко мне пришел. Где-то на тропах судьбы Кхарн испортит твои планы, и ты хочешь, чтобы он умер.

Эреб не ответил. Молчание само было ответом.

Тишину нарушил скрипучий визг протестующего керамита и влажный хруст костей, раздирающих плоть. Узловатые пальцы со множеством суставов удлинились, обнажив длинные черные когти. Лицевой щиток Аргела Тала исказился, став собачьей пастью, известной как лицо Раума, а затем перетек в посмертную маску самого Несущего Слово, напоминавшую о

погребенных королях-фаэронах из мифов древнейших империй.

Эреб имел репутацию одного из самых сдержанных и спокойных воинов во всех Восемнадцати Легионах. Ему были известны тайны, которых, как он полагал, не знал больше никто. Он руководил просвещением генетических полубогов. Но даже он попятился от одержимого тела Аргела Тала. От покрытых черными прожилками перепончатых крыльев воина исходил тетный туман с пряным смрадом разлагающейся плоти.

— Аргел Тал, — начал Эреб.

— Умолкни! Твои пророчества — яд. Нас тошнит от чужих нашептываний насчет будущего. По крайней мере, Лоргар не требует от нас плясать под дудку судьбы.

— Но я пришел с предостережением.

— Ты пришел с ложью, интригами и предательством!

Аргел Тал заревел и взмахнул лапой. Эребу еле удалось парировать крозиусом, отступив назад и отведя удар в сторону. Когти демонического существа врезались

в другую статую Несущего Слово, снеся ее с пьедестала и разбив о каменный пол.

Эреб крепче сжал крозиус.

— Мальчик, — произнес он. — Довольно.

— Похоже, будто мы хотим предать Кхарна? Он последний брат из плоти и крови, кому мы верим. Он последний, кто никогда не подведет нас, и последний, кого мы ни разу не подвели. Ксафен мертв, ты стал змеей, Аквилон убит. Остался только Кхарн. С нами он удержит оба Легиона вместе. С нами он не даст примархам убить друг друга.

Существо, ранее бывшее Аргелом Талом, шагнуло вперед.

— Убирайся от нас. Мы голодны, а нет вина слаще, чем кровь Легионов, и нет пищи вкуснее, чем соленая плоть Легионов.

Эреб сделал еще один шаг назад, однако на его лице не было страха, только благоговение.

— Ты стал живым памятником божественному величию Пантеона. Как же далеко ты продвинулся с того дня, когда я забрал тебя из семьи.

— Мы стали Истиной. Мы велели тебе уходить. Теперь уходи.

Эреб не стал снова поднимать крозиус. Он просто вытянул руку, чтобы демон не приближался.

— Я не собираюсь просить тебя пролить кровь Кхарна. Я знаю, что ты никогда этого не сделаешь. Вы слишком долго были братьями, совместно пройдя множество приведений к согласию. Я пришел не за этим.

Аргел Тал стоял на месте. Бронированные плечи поднимались и опускались в такт тяжелому нечеловеческому дыханию.

— Мы слушаем.

— Кхарн падет до конца войны. Я видел это много раз. Аргел Тал, ты будешь сражаться рядом с ним. Ты — единственный, кто может сохранить ему жизнь.

Чудовищное создание издало ворчание, сплюнув на пол сгусток слюны-ихора.

— Кхарна невозможно убить.

— Это говорит братская преданность, — Эреб рискнул закрепить

крозиус за спиной, делая это медленно, чтобы не вызвать гнев существа. — Я говорю правду, сын мой.

Серебристая посмертная маска исказилась, колеблющаяся ртуть изобразила страдальческое выражение.

— Мы больше не твой сын.

— Нет. Прости меня, сработала старая привычка, — Эреб вновь поднял руку. — Я расскажу тебе, как спасти брата. Разве я когда-либо обходился с тобой несправедливо? Откуда эта злоба?

Ее причины были внутри и вовне. Демон в сердце, который наполнял кровеносную систему злобой. Ярость от того, как Кор Фаэрон и Эреб ведут себя с примархом. Раздражение от того, как они оба настешливо и многозначительно улыбаются, заявляя, будто знают все и обо всем.

Аргел Тал подавил ярость, с трудом загнав ее внутрь. Раум болезненно царапал кости, желая убивать, убивать, убивать, но в этом не было ничего нового. Демон ненавидел Первого капеллана на каком-то инстинктивном, неземном уровне. Он

всегда испытывал к Эребу отвращение, как ночные существа не выносят солнца.

— Это злоба Рауна, — произнес Аргел Тал, хотя она принадлежала и ему самому. — Говори, что хотел.

— Ты в силах спасти Кхарна. Видение сложно истолковать, ведь будущее — это не дорога, а паутина. Каждое решение расходится на миллион других вероятностей. Но вот что я могу сказать точно: Кхарн умрет на восходе на планете с серыми небесами. Во всех будущих, что я видел, он умирает, когда небо озаряется рассветом. И умирает с клинком в спине.

— Чей это клинок?

— Кого-то, кто его ненавидит. Я чувствую лишь эмоции убийцы, но не его лицо.

Аргел Тал успокоился, мягко забрав у Рауна контроль над их общим телом. Это был ментальный эквивалент разминки мышц после долгого сна. Уже заскучавший демон, не ощущавший никакой добычи, с которой можно было бы поиграть, уступил, издав лишь брюзгливое бормотание.

Это то предложение, о котором тебя предупреждал твой отец-божок?

Похоже на то. Все, что он дает, имеет цену.

Тебе следовало позволить мне убить его.

Аргел Тал улыбнулся. Возможно.

— Что тебя забавляет? — спросил Эреб. — Я слышу твой тихий смех.

— Последнее время меня все забавляет. Я учту твое предостережение, учитель. Благодарю.

— Ты все еще зовешь меня «учителем». Те дни явно также давно прошли.

— Дурная привычка, в точности как у тебя, — жжение в венах начало стихать, и Аргел Тал отвернулся от изваяния Кирены. Он поднял с пола свой меч, не зная точно, когда тот выскользнул из руки. Скорее всего, во время Изменения.

— Позволь рассказать тебе о Калте, — сказал Эреб. — Послушай меня и сам реши, потерпел ли я неудачу.

Аргел Тал молча выслушал всю

историю Эреба. Внезапное нападение на верфи. Дождь из обломков пылающих кораблей, падающий на мир внизу. Отравление солнца Калта. Рождение калейдоскопического Гибельного Шторма — раковой опухоли, которая только и ждет, чтобы разлиться по здоровому пространству.

Аргел Тал дождался окончания, хотя на самом деле почти не слушал после первой половины. В его сознании пылала важная возможность, которую он даже не осмеливался назвать надеждой. Наконец, Эреб остановился, завершив свое объяснение.

— Так потерпели ли мы неудачу? — спросил он. Судя по уверенности в голосе, он полагал, что исполнил все идеально.

— Торгаддон, — отозвался Аргел Тал. — Ты воспользовался его плотью в ходе ритуала. Призвал душу мертвеца.

Эреб кивнул.

— Первым об этом обряде узнал Кор Фаэрон в ходе молитв. Мы...

— Неважно, каким образом, — в глазных линзах Аргела Тала появилось

внутреннее сияние. — Ты его вернул.

Капеллан кивнул. Похоже было, что, обладая безграничным терпением, он знал, к чему все идет.

— Это так.

Он лжет, Аргел Тал. Лжет нам обоим.

Нет. Не сейчас.

Думаешь, дух смертного может вернуться из Моря Душ, не получив шрамов?

Раут, важно, что они вообще могут возвращаться.

Аргел Тал оставил без внимания протестующее рычание зверя внутри. Он указал на статую клинком, который сразил саму девушку.

— Верни ее.

Эреб медленно вздохнул, избегая смотреть в глаза.

— Ради тебя, сын мой, я это сделаю.

14
Перевод
Нет доступа
Пламя кузницы

Киде было не стыдно за свои слезы, когда она впервые увидела остов «Сиргалы». Изломанного и все еще дымящегося от повреждений «Пса войны» вынимали из эвакуационного саркофага при помощи потолочных кранов. Одна рука отсутствовала, титан не мог стоять на искалеченных ногах, каждый метр его брони изъела ржавчина. Голова «Сиргалы» безвольно болталась на шее, которая была слишком повреждена, чтобы удержать вес кабины.

Нет, на это было непросто смотреть. Теперь все стало лучше, но не сильно. По крайней мере, машина стояла. Угольную Королеву поддерживали по бокам массивные опоры, что позволяло ей стоять, невзирая на раны. Это было частью верований Культа Машины —

воинственную душу титана восстанавливали в равной мере технологическими работами и достойным обращением. Так что он стоял в окружении сородичей — один из девяноста уцелевших «Псов войны» в темной раскраске Угольных Волков. И все же машина была далека, очень далека от целостного состояния.

Над ее суставами трудились восемь техножрецов, которым помогали бригады сгрудившихся позади сервиторов. По металлической коже «Сиргалы» ползали люди, киборги и лоботомированные рабы, а также некоторое количество сервочерепов, обследовавших те механизмы, которые им было велено обследовать в текущий момент.

Тот был рядом. Его новую руку еще не покрыли синтетической кожей, и ниже локтя торчали голые железные кости. Конечность не слишком хорошо приживалась. Вдоль бицепса тянулись воспаленные красные прожилки, возможно, первые признаки инфекции. Он непрерывно проверял ее, сжимая новообретенные

пальцы в кулак каждые несколько секунд. Судя по гримасам, было все еще больно.

К ним приблизился один из жрецов в красных рясах, лицо которого было полностью скрыто капюшоном. Тонкие второстепенные руки прижались к плечам, когда он подошел вплотную.

— Модерати Бли. Модерати Кол, — в монотонном вокс-голосе не было эмоций, он легко мог принадлежать любому из знакомых им техножрецов.

— Девятый? — спросила Кида.

В ответ тот откинул капюшон, продемонстрировав обритую голову, узловые имплантаты на висках и визор на глазах.

— Подтверждаю. Это я, Девятый.

— Как идет ремонт? — поинтересовался Тот.

Горловой динамик Девятого издал жужжание.

— Он идет так, как вы видите. Не происходит никакого визуального искажения.

Кида улыбнулась впервые с того момента, когда проклятый «Разбойник»

сбил их своим удачным выстрелом.

— Модерати Кол имеет в виду — когда «Сиргала» будет снова готова выступить?

Девятый повернул замененные визором глаза к Тоту.

— В таком случае, почему он просто не выразил свой запрос при помощи точных слов?

Новая рука Тота напряглась. Он сжал кулак.

— Просто ответь ей, Девятый. У меня и так болит голова.

— Очень хорошо. L-ADX-cd-MAPC-Квинтэссенция-[Модификация Некаре]-J-XII-002a-2/98: VS/TK/K будет готова выступить в следующей операции, если исходить из того, что во флотских слухах нет неточностей. Прогноз высадки через двадцать семь дней дает нашим техникам значительное время для завершения ремонта.

Тот глянул на титана. Над суставами плясали искры от режущих и сварочных инструментов в однозадачных руках сервиторов.

— Месяц?

— Это «Сиргала», — произнес Девятый. — Разумеется, ей присвоили высший приоритет. Над ней работает лично архимагос венератус.

Словно услышав зов, смотритель Механикума вплыл в поле зрения. Из круглого генератора, вживленного у него между лопаток, выступали тонкие многосуставчатые конечности. Он не нуждался в поддержке мостиков или платформ: тонкие насекомоподобные ноги притягничивались к броне «Сиргалы», позволяя как угодно карабкаться по титану. Они щелкали и лязгали, пока Вел-Хередар спускался по левому боку «Пса войны». Даже оказавшись на палубе, он подошел к маленькой группе, не пользуясь собственными ногами и предоставив транспортировку изможденного тела паучьим лапам.

Из темноты под капюшоном глядели три зеленые линзы, ни одна из которых не соответствовала обычным размерам и точному расположению человеческих глаз.

— Модерати Бли и модерати Кол.

— Архимагос, — отозвались оба, поклонившись. Девятый буквально распростерся ниц. Это привлекло внимание архимагоса, который зашелестел капюшоном и застрекотал глазными линзами.

— Эраласкезиан Филе Маралди, Девятый носитель имени.

Девятый встал.

— Мой господин?

— За работу.

— Сию минуту, мой господин, — Девятый поклонился и, бросив последний взгляд на товарищей по экипажу, направился обратно к месту работы над сочленениями искореженных когтей на ногах «Сиргалы». Они услышали, как он бормочет и перенаправляет лазерные резаки своих парящих сервочерепов.

Тот неловко наблюдал за уходом товарища. Кида казалась обеспокоенной.

— Девятый вызвал ваше неудовольствие, архимагос?

Паучьи лапы сбросили давление из многочисленных коленей, заполненных механизмами, и марсианский владыка

стал на полметра ниже. Он все еще превосходил ростом любого легионера, однако не обладал их громоздкой шириной. Кида почувствовала, как тройные глазные линзы фокусируются на ней, вращаясь и жужжа, и делают пикты для дальнейшей обработки.

— Из доступного контекста очевидно, что вы подразумеваете Эраласкезиана филе Маралди, Девятого носителя имени. Вы описываете его отстранение как предположительное следствие моего неудовольствия. Возможно, вы полагаете, что я считаю, будто ему требуется немедленно продолжить работу, чтобы выполнить определенную норму усилий и результатов при восстановлении титана, которого вы называете «Сиргала». Тот и Кида переглянулись. В его взгляде было осуждение за то, что она все это заварила. В ее — извинение за то же самое.

— Забудьте о моих словах, архимагос.

— Невозможно. Моя нейроструктура предотвращает стирание записанных данных, — глазные линзы снова сменили фокусировку. — Чтобы дать ответ и,

разумеется, успокоить то, что я воспринимаю, как ваши опасения, я скажу: нет. Девятый не вызвал моего неудовольствия. Он получил распоряжение вернуться к работе, поскольку руководит своей бригадой рабочих более квалифицированно, чем многие другие в ремонтной группе, и его присутствие необходимо для наиболее сложных процедур, которые сейчас проводятся.

Архимагос издал из вокса всплеск шума, словно кто-то пнул пчелиный улей.

— Рискну добавить, что он работает с большим мастерством не только благодаря опыту, но и в силу досадного эмоционального вклада в саму богомашину. Пользуясь вашей манерой выражаться, ему не все равно.

Кида нахмурилась.

— Если он работает усерднее, досадно ли это?

— Эмоция неизбежно ведет к угрозе интеллекту и, как следствие, к слабости. Однако сейчас неподходящий момент для участия в обмене тонкостями позитивисткой философии Марса.

Скажите мне: пришли ли вы к окончательному решению, обсудив с принцепсом ультима Аудуном Лираком ваш перевод? Необходимо обновить записи, и мы ждем выбора, который должны сделать вы оба.

— Что? — одновременно спросили Кида и Тот.

— Перевод? — пробормотал Тот. — Быть этого не может.

— Ах, — техножрец снова приподнялся на насекомоподобных ногах. — Неожиданное происшествие требует моего немедленного внимания в другом месте. Будьте здоровы, модерати, — он развернулся и устремился прочь.

— Прошу вас, подождите! — крикнула Кида. Как ни странно, но закутанная фигура действительно остановилась. — Нет никакого неожиданного происшествия, господин. Вы совершенно не умеете лгать.

— Я более искушен в дезинформировании на бинарном канте, — согласился архимагос. — Тем не менее, вы оба должны обсудить данный вопрос с принцепсом ультима. Я сделал неверное

предположение, и приношу извинения за допущенные в ходе диалогового взаимодействия ошибки.

Тот не слушал его.

— Перевод? Вот ведь жирный сукин сын.

— Где принцепс? — спросила Кида.

— На борту «Сиргалы». Я позову его.

Она кивнула.

— Благодарю, архимагос венератус.

— В вашей благодарности нет необходимости. Моя основная подпрограмма состоит в облегчении взаимодействия между мириадом элементов Механикума. Секунду, будьте добры.

Тот и Кида ждали, обмениваясь проклятиями. Менее чем через минуту из недр титана появился Аудун Лирак, который слез по лестнице вниз на палубу и провел масляной рукой по редеющим волосам.

— Приветствую вас обоих, — произнес принцепс, отсалютовав.

Кида и Тот ответили тем же. По правде говоря, ее поразило, что он работал

на борту «Сиргалы». Лицо покрывали бусинки пота, а рукава были закатаны, открывая вымазанные в грязи руки.

— Перевод? — зарычал Тот вышестоящему офицеру. — Давай-ка прямо к делу. Ты вышвыриваешь нас из командного экипажа?

Кида увидела, что Аудун удивленно моргнул, и почувствовала, что ее злость слегка уменьшилась. Он не выглядел сварливым или самодовольным, просто пораженным. Принцепс ощетинился, встал ровнее и разгладил складки на форме.

— Я не стану вам отвечать, модерати Кол.

— На этот раз станешь, — только так Тот мог не выхватить пистолет и не изрешетить человека жженым дырами. — Я отдал семь лет жизни «Сиргале», и шестнадцать Аудакс. Я лучший рулевой Легио, а Кида лучший стрелок. Почему ты так поступаешь? Из-за моей руки? Из-за того, что стараешься обгадить все наследие старика и прославиться самому?

— Хватит, — Аудун прищурил

круглые глаза, добавив в интонацию как можно больше холодной угрозы. Киде это показалось неожиданно эффективным. — Если вы хотели отказаться от чести, — тихо произнес принцепс, — вам достаточно было просто об этом сказать.

Кида внезапно почувствовала слабость. Что-то было не так.

— Честь? — буквально выплюнул Тот. — Ты пьян?

Аудун опустил рукава и застегнул их на запястьях.

— Ну, хорошо. Я предложу звания другим офицерам, — он покачал головой, словно конфликт его не просто нервировал, но и вызывал некоторое отвращение. — Это было необходимо? Хватило бы обычного отказа.

Продолжавшая молчать Кида ощутила, что слабость внезапно отпустила.

— Какие звания? — спросила она.

Аудун снова моргнул.

— Вы вообще читали предложения? Я переслал их на коммуникационные окклусы ваших кают сегодня утром с

просьбой разыскать меня, как только примете решение.

— Мы слышали... — Тот запнулся.

— Стало быть, «нет». Вы не читали предложения.

Кида тихо выругалась.

— Вы нас не отстраняли. Вы давали нам собственных титанов.

Аудун Лирак поглядел на нее, как на абсолютную идиотку.

— Разумеется, я вас не отстранял. Ваши послужные списки выше всяких похвал, а после боев в городах Арматуры у нас одиннадцать титанов без командиров. Над вашим повышением даже думать не потребовалось.

Тот прокашлялся.

— Мы думали...

— Я знаю, о чем вы думали, модерати Кол. Вас, возможно, удивит, что я не обладаю впечатляющими боевыми достижениями Солостина, однако при этом все же не самодовольный дурак, неспособный принимать хорошие решения. Я двадцать лет занимался повышениями и переводами, пока старик полностью

посвящал себя сражениям. Как вы думаете, кто позаботился о том, чтобы на «Сиргалу» в первую очередь назначили именно вас? Когда Венрик попросил нового рулевого, я посоветовал ему выбрать тебя, Тот. Когда ему понадобился новый стрелок, я предложил тебя, Кида.

Оба офицера хранили неловкое молчание, принимая выговор.

— Вы полагали, будто я настолько мелочен, что вышвырну вас обратно в рабочие из-за того, что мы не сошлись при первой встрече?

— Эээ... — произнесла Кида.

— Ну... — начал Тот.

Аудун вздохнул.

— Идите и прочтите чертовы приглашения, оба. Если хотите принять командование «Дарахтой» и «Седдой», титаны ваши. Если откажетесь, то, несмотря на явное недоверие ко мне, я буду рад увидеть вас в командном экипаже «Сиргалы», когда она снова пойдет. А она пойдет, обещаю. Ее честь — это честь Аудакс.

Он дождался их салюта и отвернулся

к титану.

Кида и Тот, наблюдали, как их принцепс возвращается в гущу деятельности, кипящей на черно-красной коже «Сиргалы».

— Мы повели себя не самым похвальным образом, — признался Тот, снова сжимая новую руку в кулак.

Кида кивнула.

— И не самым умным.

Корабль подрагивал, совершая переход. Двигатели работали с перегревом. Пока что он не разваливался в варпе, однако Ультрадесантники хорошо поработали. Через неравные промежутки времени, безо всякого предупреждения, флагман с воем вываливался обратно в реальное пространство, оставляя за собой след из эфирного пламени и безумный хохот. Каждый раз через секунду в реальность врывался «Фиделитас Лекс», который охранял «Завоеватель», пока тот возвращал свои варп-двигатели к жизни.

Не было ни малейшего следа их флотилий. Примархи вновь разделили свои

Легионы и боевые корабли, отправив новые силы вглубь Ультрамара, чтобы терзать имперские миры, пока XIII Легион обездвижен на Калте. Флагманы отказались от всего, кроме самых малых эскадрилий сопровождения, предпочтя двигаться вместе с «Трисагионом».

Лотара направлялась в Аудаксику по широкому центральному коридору хребта «Завоевателя». Чахлая крыса с черной шерстью метнулась под ногами и скрылась под железной решеткой пола. Капитан издала досадливое восклицание.

— Откуда на всех имперских кораблях колонии крыс? «Завоеватель» строили на орбите, он никогда не садился на планеты. Мы что — берем на борт ящики с грызунами, когда встаем в док на доукомплектовку?

Лорке шумно топал позади, храня молчание. Он не спал уже несколько дней, и, хотя еще и не чувствовал характерной усталости, вызванной продолжительной активностью, но уже начал страдать от головной боли. Сколько бы истерзанных останков ни сохранилось внутри

бронированной оболочки, они мучились от нехватки отдыха.

Они подошли к массивным и толстым двойным дверям, которые вели в Аудаксику. На страже запертого проема стояли скитарии Механикума, подвергнутые обширной аугментации. Впрочем, они расступились перед ней. Или пропустили Лорке? Сложно сказать наверняка. Очевидно было, что они не могут отвести глаз от «Контемптора».

Двери Аудаксики начали с грохотом открываться, и Лотара приготовилась. Она знала, что сейчас произойдет, но жар все равно обрушился на нее, словно дыхание дракона, заставив отшатнуться. Давящая угольная вонь расплавленного металла плотно забивала горло, будто патока. Воздух буквально загустевал от запахов кузницы.

Аудаксика представляла собой колоссальный зал, ширина которого позволяла пройти плечом к плечу группе титанов, имевший такую высоту, что сводчатый потолок терялся в темной синеве, и миллионы вырезанных и

вытравленных надписей было невозможно разглядеть невооруженным глазом. Громадные наземные подъемники перемещали титанов из Аудаксики в расположенный ниже ангар высадки Легио.

Все титаны Аудакс представляли собой вариации модели «Пес войны», более громоздкие из-за дополнительной брони и украшенные стилизованными головами скалящих зубы шакалов или волков, выполненными из темного металла. Лотара наблюдала, как один из них с грохотом проходит мимо сгорбленной и угрожающе неизящной походкой, обрушивая на палубу расставленные когти лап.

Титан вышел из поля зрения, и ее взгляд остановился на неподвижной фигуре «Сиргалы». Капитан отметила ливень искр, извергающийся из сочленений. Ремонт явно был в разгаре. Она даже заметила энергично работающих Киду и Тота, которые находились наверху лестниц для экипажа, трудясь над содержимым кабины.

При ее приближении Вел-Хередар спустился вниз, щелкая второстепенными

конечностями по броне «Пса войны», а затем по палубе. Он проскользнул мимо Лотары, даже не удостоив ее взгляда, и остановился перед Лорке.

— Такое железное тело, — произнес он через вокс, обходя дредноут по кругу. — Подумать только.

Не спрашивая разрешения, техножрец прижал аугментированные ладони к нагруднику «Контемптора», где все еще горделиво располагалась эмблема Псов Войны.

— Я почти что чувствую жизнь внутри.

Лорке молча терпел. Лотара точно не знала, как боевая машина может выглядеть раздраженной, однако свидетельство этого было прямо перед ней.

Отполированные руки Вел-Хередара огладили голову дредноута, баюкая громадный металлический шлем с бесценной начинкой из сенсорных узлов, визуального аспика и пикт-детекторов, подключенных к скрюченному глубоко внутри трупу-эмбриону.

— Мы оснащаем их головами, — приговаривал Вел-Хередар, — чтобы направить внимание вперед. Это помогает создать в нейроустройстве ввода-вывода трупа впечатление, что он все еще жив, поскольку он видит точно так же, как при жизни: с человеческой точки зрения. Однако с большей высоты. О да. Гораздо большей.

Лишь после этого он посмотрел вниз, на Лотару.

— Как работает возрожденный пилот, капитан Саррин? Эта единица функционирует с приемлемыми параметрами, да?

Ответ пришел от самой «единицы». Лорке сделал шаг назад, и его суставы издали громкое скрежещущее рычание.

— Отойди от меня, жрец.

Вел-Хередар издал протяжный вокс-смешок, который прозвучал поразительно по-человечески, если учитывать его обширную кибернетическую перестройку.

— Все тот же характер, Магистр Легиона.

В ответ Лорке перезарядил свои

комби-болтеры с удвоенным медленным и резким звуком. Тройные глазные линзы Вел-Хердара завертелись от какой-то безымянной и, несомненно, притупленной эмоции. Он развернулся к Лотаре, снизившись при помощи сброса давления из пяти ног-стержней. Теперь он был ростом с легионера, а не с огромного «Контемптора».

— Я предполагаю, что вы прибыли в качестве ответа на мой запрос диалогового взаимодействия.

Лотара кивнула архимагосу, сдерживая улыбку при виде раздражения Лорке. От жара работающей Аудаксики у нее на лице уже проступил пот.

— Есть ли место, где мы можем поговорить подальше от жара?

— Разумеется. Идемте.

Он подвел их к обширному участку пола, выделенному предупреждающими черно-желтыми полосами, и откинул крышку ячейки на тыльной стороне своего механического предплечья. Там обнаружились многочисленные верньеры дистанционного управления. Вел-Хередар

нажал на активационную руну, и повернул один из дисков на три деления. Пол тут же содрогнулся, и платформа, вибрируя, начала опускаться сквозь пол в пахнущий сталью мрак межпалубного пространства.

Вниз.

Вниз, вниз. Без жара кузницы внезапно стало так легко, что Лотара вздохнула.

Наплечный прожектор Лорке с треском ожил, пронзив черноту. Когда луч коснулся лица Лотары, та дернулась. Вел-Хередар просто перефокусировал свои глазные линзы. Платформа продолжала дрожать под ногами.

— Если можно так выразиться, — произнесла она, — моему кораблю задали трепку. Какой ремонт вы можете произвести во время перелета?

— Все, что нужно сделать, капитан Саррин. Это и мой корабль тоже.

Она почувствовала, что улыбается. На Марсе этот человек — или то, что от него осталось среди аугметики — был богатым Владыкой Машин, которому принадлежал подземный город-кузница с

населением в несколько миллионов душ, подчинявшихся его воле и трудившихся во имя его экспериментальных замыслов. Здесь же, в глубоком траке сегментума Ультима, он оказался куда более дружелюбен, чем можно было бы предположить, исходя из его высокого положения в культе Машины.

— Это та неуместная симпатия, за которую вы всегда критикуете подчиненных?

Он вперил в нее взгляд своих строенных глазных линз.

— Не знаю. Я критикую их за очень многое.

— Вы только что пошутили, архимагос?

— Я попытался. Аудиоанализ показывает, что с момента входа в Аудаксику интонационный резонанс вашего голоса имеет негативную окраску. Я хотел снять ваш дискомфорт посредством применения юмора.

— Чрезвычайно забавно, — солгала она. — Есть ли вести с Марса?

— Никаких, — отозвался жрец. В

спектре его эмоций отсутствовал страх, однако он тревожился о Священном Марсе, который, несомненно, оказался блокирован Рогалом Дорном после восстания Гора. Его город под святыми красными песками мог выдержать орбитальную бомбардировку, однако с междоусобной смутой приходилось считаться. Скорее всего, теперь весь мир был охвачен войной. — Совсем никаких.

Они оказались под резким светом осветительных полос, опускаясь через потолок основного сборного ангара к расположенной далеко внизу палубе. Вдоль стен уже стояли титаны в разных степенях готовности, удерживаемые на месте магнитными захватами и пребывающие на страже, пока их не призовут на погрузку в огромные планетарные челноки из красного железа, стоявшие в дальнем конце громадного ангара. Посадочные модули представляли собой округлые луковицеобразные машины, безыскусно спроектированные с максимальной эффективностью брони.

Лотара изобразила будничную скуку, не заботясь об ее достоверности.

— Я слышала, что примарх заказал у вас новый клинок.

— Подтверждаю.

Платформа, наконец, вошла в нижнюю палубу и зафиксировалась на месте.

— И что Кхарн воспользовался вашими услугами для такого же дела.

— Восстановление клинка Дитя Крови. Также подтверждаю.

Вел-Хередар повел их по палубе. Ноги-стержни щелкали три раза на каждый глухой удар бронированных подошв Лорке.

— Его бригада сервиторов нашла все недостающие зубья топора?

Последовал очередной всплеск веселья в бинарном коде.

— Не все. Он поручил эту задачу одному из моих привилегированных адептов, однако до завершения раскопок поступил приказ лорда Аврелиана об уничтожении планеты. Я склонен полагать, что центурион Кхарн импровизировал.

Она легко могла вообразить, как

именно импровизировал Кхарн. Вне всякого сомнения, он поработал молотом над черепами слюдяных драконов в Музее Завоеваний Легиона и забрал зубы, чтобы воскресить оружие. Она готова была поставить годовое жалованье на то, что именно так он и поступил.

Разумеется, это навело ее на более мрачную мысль. Она и ее офицеры много раз горевали на этот счет над стопкой какого-то алкоголя, подававшегося на ночь в офицерском рационе. Их былое жалованье поступало с Терры. У восстания имелись и свои недостатки.

Вел-Хередар двинулся дальше, развернувшись лицом к ним и шагая спиной вперед без какого-либо беспокойства или затруднений.

— Вы хотели поговорить о вопросах ремонта корабля и создания оружия? — три глаза пощелкивали, закрываясь и открываясь в подражание нечастому моргению. — Это нехарактерно скучно для вас, капитан Саррин.

Она одарила его лучшей из своих улыбок, используя ту в качестве оружия.

— Вы были с примархом с самого начала.

— Подтверждаю. Для абсолютной ясности — я был разочарован назначением на флагман Двенадцатого Легиона. Я боролся за прикрепление к Седьмому или Десятому Легиону, но Келбор-Хал — да будет благословенна его святая мудрость — решил иначе.

Следовавший позади Лорке что-то проворчал. Возможно, своеобразный отголосок соперничества между Легионами. Лотара не отводила взгляда от шагающего спиной вперед архимагоса венератус. В сборном ангаре стояла могильная тишина, нарушаемая лишь шагами троицы.

— Вы сопровождали первую хирургическую бригаду, которая изучала имплантаты Ангрона десятки лет назад.

— Подтверждаю.

— Что вы выяснили?

Вел-Хередар непринужденно обогнул штабель ящиков, даже не взглянув в ту сторону.

— Мои выводы легко найти в архивах

флота.

— Я их читала, — кивнула Лотара. — Однако там не упоминается о возможных дегенеративных последствиях, вызванных имплантатами.

Техновластитель молча глядел на нее на протяжении нескольких щелчков аугметического метронома, работавшего на месте человеческого сердца. Наконец, он неохотно заговорил.

— У вас нет допуска.

Она вздрогнула, как будто ее ударили.

— У меня что?

Вел-Хередар не ответил. Он переключил свое внимание на Лорке.

— Вы присутствовали в тот момент, Магистр Легиона. Вам известно, что я обнаружил.

«Контемптор» с грохотом прошелся по палубе, его плечи раскачивались из стороны в сторону.

— В архивах ничего не сообщается о вырождении. Что мне известно, архимагос — так это что при каждом моем пробуждении примарху все хуже.

Жрец склонил голову, но это не

выглядело согласием.

— «Хуже» — это оценочное суждение, искаженное относительной эмоциональной перспективой.

Они прошли под пристальным взглядом армии «Псов войны». Головы всех титанов были опущены, словно те вынюхивали их след, или собирались стереть с лица земли взмахом механизированных рук.

Лотара не собиралась позволить Вел-Хередару отмахнуться от нее.

— Пожиратели Миров шепчутся об этом. За последние десять лет Кхарн сказал это не меньше дюжины раз. Записи о приведениях к согласию за последний век указывают на постоянный рост потерь как у нас, так и среди гражданских. Со скольких тактических инструктажей Ангрон уходил еще до их завершения из-за головной боли, в которой никогда не признается? Сколько раз он не следовал плану сражения, бросая Легион в лобовую атаку на самое плотное сопротивление и не заботясь о потерях?

Она глядела на худощавого жреца

почти что с яростью.

— Скажите мне, учитывая последние двадцать лет, что ему не становится хуже. Я пробыла с флотом гораздо меньше вас, а вижу это отчетливо.

Вел-Хередар издал раздраженный всплеск кода.

— Я могу признать, что наблюдаю в действиях лорда Ангрона определенную степень нежелательно-ошибочного поведения.

— Проклятье, прекратите быть таким неопределенным, — нахмурилась она. — Вы нашли в Гвоздях что-то, указывавшее на подобное... вырождение?

— У вас нет допуска.

Она насупилась еще сильнее.

— Гвозди убьют его?

— У вас нет допуска.

Из вокса Лорке тоже раздалось рычание.

— Ангрон умирает?

— У вас нет допуска.

— Я — флаг-капитан флота Пожирателей Миров, а Лорке — бывший повелитель Легиона. Как у нас может не

быть допуска? У нас высший уровень.

— При всем уважении, капитан, это не так. Никто из вас им не обладает.

Она выдохнула сквозь зубы.

— Как мы можем получить допуск?

На сей раз он замешкался.

— У вас нет допуска.

— Кто приказал вам хранить молчание?

Ответ последовал моментально.

— Омниссия.

Лотара торжествующе прошипела: «Есть!». Дело пошло. Дело было не в том, чтобы получать нужные ответы, а в том, чтобы задавать нужные вопросы. Полученные Вел-Хередаром приказы, несомненно, были чрезвычайно и неопределенно специфичны. Он хотел рассказать, но было необходимо... кружить около тонкой линии прямого подчинения.

— Император... — начала она.

— Поправка, — произнес Вел-Хередар. — Омниссия, воплощение Бога-Машины.

— Хорошо, хорошо. Но Имп... прошу прощения, Омниссия потребовал от вас скрыть часть находок?

— У вас нет допуска.

— Можно представить, — прогремел Лорке.

— Чего я не могу представить, — задумчиво сказала Лотара, — так это причины этого.

— Это довольно просто. Мораль Двенадцатого. Тогда мы были сломленным Легионом и нашли своего повелителя одними из последних. Хватало и гнета факта, что лишь наш примарх не смог покорить свой родной мир. Если бы мы вдобавок выяснили, что он обречен умереть еще до конца крестового похода, это бы прикончило остатки боевого духа.

Лотара глянула на Вел-Хередара.

— Дело в этом?

— У вас нет допуска, — отозвался тот.

— Вы были абсолютно уверены, что Гвозди приведут к вырождению?

— У вас нет допуска.

— Хорошо... было ли это просто гипотезой, утечки которой вы не желали?

Тройные глаза Вел-Хередара застрекотали, меняя фокусировку.

— Несущественно, утечки чего я желал или не желал. Мои личные предпочтения не участвуют в балансировке.

— А Император? Когда вы докладывали ему, вырождение было для вас очевидно, или же просто вероятно?

— У вас нет допуска.

— И Император приказал вам молчать.

Очередная пауза.

— Да. Я подчиняюсь мудрости Бога-Машины.

Лотара бросила взгляд на стоящего рядом Лорке.

— Теперь мы знаем.

Дредноут посмотрел на нее сверху вниз.

— Ничего такого, о чем мы не могли бы догадаться.

— Лорке, не все из нас ходили и разговаривали сто лет назад. Наличие секретности — достаточное для меня доказательство. По этой причине Русс и явился за вами в Ночь Волка.

— Одна из многих причин.

Она оставила это без ответа.

— Архимагос. Убьют ли Пожирателей Миров их имплантаты? — она облизнула губы, ощутив, что те внезапно пересохли. — Убьют ли они Кхарна?

Закутанный в мантию жрец выглядел рассеянным. Его глазные линзы остатривали одного из неподвижных титанов, готового снова выступать.

— Их имплантаты — примитивные копии пагубного оригинала, — произнес он. — Они подтачивают стабильность, вредя способности субъекта мыслить здраво. Они нарушают высшую мозговую деятельность, переписывая эмоциональные реакции. Впрочем, это не критично — нет вырождения в смертельном смысле. Наиболее важным аспектом их имплантации, как и у исходных Гвоздей, является то, что их нельзя вынуть, не убив носителя, или — в лучшем случае — не нанеся мозгу тяжелых и не подлежащих восстановлению повреждений. Однако они, как вы выразились, не убьют Кхарна. И, разумеется, всякого другого Пожирателя Миров.

Капитан Лотара Саррин ударила кулаком по ладони.

— Вот что узнаешь, проявив немного любопытства, — улыбнулась она.

Вел-Хередар издал щелкающее тиканье, выражая веселое несогласие.

— Флаг-капитан, существует древняя терранская пословица, касающаяся любопытства. Там также фигурируют животные семейства кошачьих и убийство, хотя должен признаться, что для меня в этом мало смысла.

— Я знаю лучше: «Единственным благом является знание, а единственным злом — невежество».

— Интригующе, — кивнул жрец. — Это суждение близко мне по духу. Кто это сказал?

— Явно кто-то из Тысячи Сынов. Кхарн мне однажды его процитировал, и мне понравилось.

Вел-Хередар вернулся в свои покои, желая отдохнуть в одиночестве. Железные горгульи злобно косились с высоких стен. Рабочие разбегались перед ним, разжигая

кузнечное пламя на случай, если он пожелает поработать.

Разумеется, он пожелал. Ему всегда хотелось работать. Его покои были в первую очередь фабрикой, а уж потом всем остальным. Лязгая ногами-стержнями по палубе, он двинулся к рабочему столу, расположенному перед панорамным окном.

— Убрать щиты, — распорядился жрец. Повинуясь его голосу, прикрывающая окна трехметровая броня начала с натугой отодвигаться. Возникла ярко пылающая щель, которая расширялась по мере движения брони. Довольно скоро тени комнаты пришли в сумятоху от бурлящего и буйного свечения варпа. По стенам заплясали ангелы и дьяволы, по большей части создаваемые вырезанными на стенах зловеще ухмыляющимися горгульями. По большей части, но не полностью.

Вел-Хередар уставился в хаотичные бездны имматериума, периодически делая своими тремя глазами пикты для дальнейшей обработки. Обычного человека подобное зрелище, скорее всего, свело бы с

ума, но он делал так часто, находя результаты тревожно-странными. Ему казалось, что на многих неподвижных изображениях он может различить во тьме лица людей. Они кричали, постоянно кричали.

Вел-Хередар приступил к работе. Он протянул одну руку к клинку Дитя Крови, а другой пододвинул к себе инструменты.

Однако им владела рассеянность. Вопросы смертной-капитана блуждали у него в сознании, повторяясь, словно в испорченном воспроизведении.

На самом деле он никогда не встречался с Владыкой Человечества, однако Малкадор Сигиллит вручил ему свиток, запечатанный Палатинской Аквилой. Послание, собственноручно написанное Императором. Он все еще держал его в шифрованном сейфе. Кто бы отказался от подобной реликвии?

Он верил в тайны, которые ему велели хранить, хотя никогда не понимал, какой от них может быть вред. В любом случае, это ведь было только предположение. В то время все указания на

церебральную дегенерацию коры мозга были лишь непроверенной гипотезой.

Впрочем, он провел квалифицированную оценку. Он осуществил ее, пока примарх еще спал после прикосновения Малкадора, когда технодесантникам и апотекариям XII Легиона велели удалиться. Тогда настала очередь Вел-Хередара, и он занимался осмотром на протяжении семи часов под пристальным взглядом Сигиллита.

— Не могу сказать наверняка, — в конце концов, признался он человеку, который каким-то образом одновременно казался древним и не имеющим возраста. — Однако могу сделать оценку на основании немногочисленных имеющихся данных.

Ангрон заворчал, ворочаясь во сне на хирургическом столе. Вел-Хередар отпрянул назад, непроизвольно проявив тревогу.

И все же время показало, что он был прав. Если воспользоваться грубым и эффективным термином Лотары Саррин, примарху становилось хуже. Он становился менее человечным — если его

вообще когда-либо можно было так назвать — в своих поступках, и все больше подчинялся Гвоздям в эмоциональном и физическом отношении. Вырождение было медленным, достаточно медленным, чтобы первые несколько десятков лет на нарушения не обращали внимания. Было нетрудно не поверить Волкам, отказать им и сражаться с ними. Тогда все было не так заметно, как впоследствии. В следующие десятилетия ухудшение ускорилось, но удаленность флотов крестового похода делала нелепой саму идею распределения ресурсов и наказания сбившихся с пути. Донесения не всегда доходили до Терры. Количество экспедиционных флотов исчислялось тысячами, и это мало что значило.

А теперь они все воевали. Медленный износ превратился в катастрофический распад. Примарх по-настоящему освободился от привязи Императора, и его припадки ярости стали жарче и дольше.

Вел-Хередар не питал вражды к тому, кого именовал Омниссией. В конечном итоге, было не столь важно,

являлся ли тот подлинным воплощением Бога-Машины, или же необыкновенно сведущим лжепророком. Гор и Келбор-Хал провозгласили его ложным мессией, и — как это всегда бывает при строительстве империи — вопросы политики и военной мощи главенствовали над истиной. Они не были могущественны благодаря своей правоте, они были правы благодаря своему могуществу. Как всегда, историю предстояло писать победителям. В данном случае на кону была не просто история, а метафизическая истина: победа определяла, кто рожден божественным образом, а кто — ложный идол.

Архимагос выпростал из-под одеяния второстепенные руки, которые образовывали его ребра, позволив им отцепиться и развернуться. На каждой из новых конечностей располагались тонкие и цепкие волоски-усики, куда более приспособленные к тонкой механической работе, чем его чрезмерно человеческие пальцы.

Дитя Крови. Каждое оружие обладало

душой, и в лишенном зубьев клинке была заперта гневная, пронзительно вопящая сущность.

Его не огорчало нарушение традиции XIII Легиона, касавшейся неудачи, которую приносит брошенное оружие, и на то было две причины. Во-первых, в горячке боя они часто сами нарушали собственные обычаи. Необходимость всегда губила традиции.

Во-вторых, он ни на секунду не верил их глупым предрассудкам. Впрочем, ему нравился Кхарн. Восьмого капитана было сложно не любить.

Купаясь в дьявольском сиянии Моря Душ, архимагос венератус — повелитель города-государства на далеком священном Марсе — в одиночестве трудился над топором, который был выброшен генетическим полубогом. Периодически он бросал взгляды на край стола, где лежали наброски нового оружия. Громадного черного клинка, который предстояло выковать для рук примарха.

Вскоре они достигнут Нуцерии. Какие бы боги ни были истинными, пусть

будут милосердны к тем, кто окажется
там к прибытию флота.

15
Предостережения Братство

В девятый раз, когда «Завоеватель» без предупреждения вышел из варпа, Кхарн получил сообщение от Аргела Тала, находившегося на борту «Лекса». Межкорабельный вокс-импульс малого радиуса просил его немедленно прибыть на флагман Несущих Слово.

Заинтересовавшись, он так и сделал. С ним хотели пойти Каргос и Скане, но Кхарн не дал обоим разрешения. Ит и в лучшие времена было достаточно трудно уживаться с Несущими Слово, а при той напряженности, которая сложилась после окончательного падения городов Арматуры, наступило что угодно, но только не лучшие времена.

По-настоящему Кхарна поразило то, что Эска тоже вызвался сопровождать его. Кодиций выглядел колеблющимся и встревоженным, но в случае с Эской в этом

не было ничего нового.

— Я чувствую на борту «Лекса» что-то отвратительное, — признался он.

— Не следует так говорить о братском Легионе, — произнес Кхарн с усталой улыбкой. Гвозди испустили вялый импульс, словно наказывая его за попытку насладиться моментом без топора в руке. Он знал, что на самом деле они действуют иначе, и на самом деле имплантаты раздражало присутствие кодиция. И все же было трудно отрицать совпадение.

— Я знаю, что мы далеко не близки, — сказал Эска, — но вы все еще мой командующий офицер. Будьте осторожны, капитан.

Кхарн не ответил. Он не знал, что сказать.

Итак, он отправился в одиночестве. Он шел один и слушал, как Аргел Тал приводит доводы в пользу безумия.

Кхарн остался на борту «Лекса», когда оба флагмана снова ворвались в варп. Впрочем, они направлялись в одно и то же

место, так что это мало что значило.

Братья беседовали посреди отвратительного покоя извилистых коридоров «Лекса», где постоянно звучали поющие голоса, разносившиеся по металлическим костям корабля. Порой Кхарн слышал плач, который доносился из-за угла впереди, но когда они добирались до коридора, то обнаруживали, что там пусто. Иногда слышались вопли или же хоровые гимны на непонятном ему языке. Казалось, что Аргел Тал не замечает ничего из этого, а если и замечает, то оно его не тревожит.

Кхарн слегка пихнул носком сапога брошенный лазган, ржавеющий на палубе. Половина коридоров, где они проходили, была густо усеяна обломками и грязью, производимой отвратительнейшей жизнью. В нескольких им уже доводилось перешагивать через трупы. На большинстве из них виднелись следы ножевых ударов, которые оборвали их жизнь, однако Кхарн также замечал признаки удушения и раны от пуль.

— Почему «Лекс» превратился в

такую мерзкую дыру? — спросил он.

— Так теперь выглядит большинство наших кораблей. На борту появляется слишком много новых исполненных веры обитателей. От них все больше грязи и отходов, а также болезней на нижних палубах, где культисты живут стадом, словно животные.

Кхарн расслышал в голосе боевого брата усмешку, хотя лицо Аргела Тала оставалось скрыто шлемом. Пожиратель Миров покачал головой.

— Это унизительно.

Аргел Тал кивнул.

— Может и так, но с этим трудно справиться. Трюмы нашего флота ломятся от исполненных веры смертных. Когда мы доберемся до Нуцерии, то переведем оставшийся экипаж и касты рабов на «Трисагион». Лоргар Аврелиан желает сделать его своим новым флагманом.

Кхарн выругался на наггракали. Нуцерия. Целая куча новых проблем, только и ждущих своего череда.

— А что с «Лексом», — спросил он.

— Думаю, Лоргар собирается его подарить, — отозвался Несущий Слово.

— Кому?

— Мне.

Они некоторое время шли молча, вслушиваясь в звуки корабля.

— Он либо проклят, либо населен призраками, — произнес Кхарн, пытаясь улыбнуться.

— И то и другое, — подтвердил Аргел Тал. — Спасибо, что остался на борту. Для этого дела мне понадобится помощь твоего клинка.

Пожиратель Миров постарался не дать озабоченности проявиться на лице. Больше всего Аргел Тал ненавидел сочувствие.

— Ты же не собираешься сделать это всерьез, — сказал Кхарн. — Это невозможно, да и дело в другом. Сама мысль граничит с безнравственностью.

Несущий Слово издал ворчание, которое одновременно могло означать все и ничего.

Кхарн аккуратно отпихнул ногой с дороги очередного мертвеца. Одетое в

лохмотья тело глухо ударилось о стену. От всего корабля разило свежими трупами и больными живыми. Это не было насыщенным запахом смерти или болезни, однако имело примеси и того, и другого.

Порча. Слово пришло непроизвольно. Кхарн чуял ее. Порча.

— Еще несколько палуб, — произнес Аргел Тал сквозь плотно сжатые зубы.

— У тебя же даже нет ее костей, — сказал Кхарн. — Ты ведь рассказывал мне, что их похитили поклонники.

Аргел Тал снова издал ворчание, на сей раз сопроводив этот звук словами.

— Брат, а куда мы, по-твоему, идем? Что мы, по-твоему, будем делать?

Они уже больше часа углублялись в грязное нутро корабля. Вонь продолжала усиливаться, так что у Кхарна заныли зубы.

— Аргел Тал, — мягко произнес он, пока они шли в поющем мраке. — Я за тебя тревожусь. За весь ваш Легион.

— Избавь меня от этого, — отозвался Несущий Слово. Словно прочитав мысли

Кхарна — чего Пожиратель Миров не стал бы исключать — Аргел Тал повернул шлем к брату. — Я не нуждаюсь в сочувствии. Я сам выбрал этот путь и добровольно по нему иду.

Кхарн вдохнул гнилостный воздух корабля.

— Я когда-то сомневался в мудрости решения пустить ксенопаразита в свое тело?

— — Демона, Кхарн. Это не просто чужой.

— Называй, как хочешь. Я это позволил, не так ли?

Во мраке глубоких коридоров глазные линзы Аргела Тала светились ледяной синевой.

— Позволил? Любопытный выбор слова.

— Я мог бы тебя убить. Убить, чтобы избавить от твари, которую ты называешь Раутом, однако не сделал этого. Во благо или во зло, но я тебе поверил. Дал возможность не отступить от веры.

Воздух разорвал отрывистый визг

выворачиваемого керамита, и Аргел Тал запнулся. На мгновение в его глазных линзах полыхнуло серебристое сияние.

— Не угрожай нам.

— Нам? — переспросил Кхарн.

— Мне, — поправился Аргел Тал. — Не угрожай мне.

— Я тебе не угрожаю. Остановись на секунду. Стой, — Кхарн схватил брата за наплечник. — Сними шлем.

Он услышал, как Аргел Тал снова издал ворчание.

— Не могу. Так стало после Арматуры. Изменение не... обращается вспять, как было раньше.

Кхарн непреклонно стоял на месте и не двигался.

— Лоргар знает?

— А это имеет значение? — парировал Аргел Тал. — Пошли. Нам нужно забрать кости Благословенной Леди.

Кхарн какое-то мгновение наблюдал, как товарищ идет дальше, а затем снова зашагал рядом с ним.

— Откуда ты знаешь, где искать ее останки? Ты искал месяцами?

Аргел Тал что-то пробормотал.

— Что? — переспросил Кхарн.

— Я говорю, что Эреб сказал мне, где искать кости.

У Пожирателя Миров отвисла челюсть.

— Да что с тобой? Это же примитивнейшая манипуляция.

— Мы знаем, что это ловушка, — ощерился Аргел Тал, резко остановившись. — Это ничего не меняет. Мы должны ее вернуть.

Несущий Слово медленно вздохнул, успокаиваясь.

— Я должен ее вернуть.

Он отвернулся, чтобы двинуться дальше, но Кхарн крепче сжал руку, удержав его на месте.

— Ты столько раз заявлял, что Гвозди убивают Ангрона, а имплантаты губят наш Легион, — сказал Пожиратель Миров, — а теперь сам меняешься у меня на глазах. Я тревожусь на твой счет, насчет всего Семнадцатого. От вашего корабля разит какой-то невыразимой тревожностью. Ты планируешь воскресить

тертвую, отдав тело друга человеку, которого ненавидишь, чтобы тот смог совершить какой-то невероятный ритуал некромантии, и ты оказался бы ему за это обязан. Скажи мне, брат, исполню ли я свой долг перед тобой, если позволю подобное? Если помогу в этом?

Аргел Тал встряхнул плечами, освободившись от хватки другого воина.

— Времена меняются, Кхарн. Хотим ты того или нет, но теперь ты все идем по Восьмеричному Пути, неважно, с открытыми глазами, или же в неведении.

Восьмеричный Путь. Очередное религиозное безумие.

Кхарн мысленно запнулся. Если это была всего лишь суеверная чушь, то почему слова казались такими знакомыми, словно сон на протяжении нескольких драгоценных мгновений после пробуждения? Он услышал, как вдалеке закричала женщина. Судя по голосу, она была молодой.

— Ненавижу этот корабль, — произнес Кхарн и добавил ругательство на наркали. — Я пойду с тобой, однако я не верю Эребу. Не могу понять, почему ты

вдруг поверил.

Аргела Тала ничего не держало, однако он не двигался дальше. Похоже, лихорадочная потребность идти вперед отступила.

— Я ему не верю, — сказал Несущий Слово двумя голосами, — но тебе придется простить мне немного отчаянной надежды. Если он сможет ее вернуть...

— Но какой ценой? — вздохнул Кхарн. — Чем тебе придется заплатить?

Аргел Тал зашагал дальше, на сей раз не так быстро. Спустя долгую секунду Кхарн двинулся следом.

— Я не ввязываюсь в это, очертя голову, — в конце концов, произнес Несущий Слово. — Эреб не лишен слабостей. Его можно перехитрить и переиграть. Стоит рискнуть, брат.

Кхарн не ответил, предоставив тишине выразить несогласие за него.

— И я должен сказать тебе кое-что еще, — продолжил Аргел Тал. — Эреб, как обычно, вел себя, словно змея, предпочитая намекать и подсказывать, а не изъясняться прямо, однако он желает

твоей смерти.

Кхарн вскинул голову. Он был не уверен, что расслышал правильно.

— Моей? За последние десять лет мы встречались один-два раза. С чего бы ему считать меня угрозой?

Перед тем, как снова заговорить, Аргел Тал все тщательно обдумал.

— Я его ненавижу, однако не могу отрицать его гениальности. Его разум одновременно работает на сотне уровней, он видит тысячу разных будущих последствий каждого своего действия. Каким-то образом где-то в одном из множества возможных будущих твои действия будут стоить нам успеха в войне. Если ты умрешь сейчас, то не сможешь повлиять на осаду Терры.

Кхарн ощутил внезапную потребность проверить оружие: плазменный пистолет и взятый из личного арсенала запасной цепной меч.

— Он тебе так сказал?

— Он мне так сказал, — Аргел Тал двинулся по витой лестнице, которая была слишком разукрашенной и готической для

страдных нижних палуб капитального корабля Несущих Слово. — Думаю, он надеялся, что я убью тебя из симпатии к нему и уважения к его замыслу. Однако Калт лишил меня последних остатков восхищения бывшим учителем.

Аргел Тал оглянулся на Кхарна. Их шаги разносились во мраке.

— Просто будь осторожен.

Ты уже второй из братьев, кто меня так предостерегает сегодня, — сказал Кхарн. — Первым был Эска.

Аргел Тал кивнул.

— Знаешь, вы постыдно обходитесь с вашими библиариями. Эска заслуживает лучшего.

Впервые за несколько дней Кхарн рассмеялся.

— Лекции о морали от...

— От человека с демоном в сердце, — закончил Аргел Тал, улыбнувшись по ту сторону лицевого щитка. — Знаю, знаю.

Двое воинов подошли к запертой переборке напротив левой стены. Несущий Слово провел рукой по ее поверхности.

— Жди здесь. Убивай всех, кто

попытается сбежать.

Кхарн глянул на него, словно желая убедиться, что брат говорит серьезно, а затем кивнул.

— Ты будешь передо мной в долгу.

— Ты мне должен за спасение жизни на Теракане. Так мы поквитаемся.

— Теракан был тридцать лет назад. И ты мне еще должен за Джураду.

Аргел Тал ухмыльнулся и повернул затворный штурвал переборки одной рукой.

— Это ненадолго.

Он оказался прав. Потребовалось меньше семи минут.

Кхарн стоял за пределами помещения и слушал, как людей — иначе и не скажешь — забивают. Каждый удар, обрушиваемый Аргелом Талом на культистов внутри, сопровождался глухими мясистыми звуками и треском рвущейся ткани. Он ни разу не услышал, чтобы Несущий Слово потребовал ответа или объяснения. И ни разу — чтобы те сопротивлялись. Он мысленно представил ряды оборванных людей, которые стоят на коленях в

концентрических кругах вокруг центральной кафедры или алтаря и вопят, молятся, задыхаются и плачут, пока над ними вершат расправу.

Возможно, они смирились со своей участью и радостно встретили переход в загробную жизнь. Возможно, их держал ужас.

Через щель в переборке, которую Аргел Тал оставил приоткрытой, слабо сочился свет свечей. Среди криков и бормотания на колхидском он несколько раз расслышал повторяющееся: «Великий господин, великий господин». Воздух заполнился резким кислым запахом крови и мочи.

Прошло шесть минут, и все затихло.

Перед началом седьмой минуты из комнаты появился залитый кровью Аргел Тал, несущий тело. То, что осталось от женщины после года гниения и многих месяцев почтительного обращения культистов, было завернуто в черный шелковый саван. Запах могилы был настолько грубым, насыщенным и резким, что буквально ощущался на вкус. Когда он

захлестнул чувства Кхарна, тот отшатнулся назад и потянулся за пристегнутым к поясу шлемом. Оказавшись в знакомом окружении целеуказателей и вдохнув безвкусный воздух очистной системы доспеха, воин заговорил.

— Сколько их там было?

— Сто три, — Аргел Тал уже уходил, баюкая закутанный труп, словно спящего ребенка. — Пошли.

Вориас и Эска ожидали там, где им были не рады, однако сохраняли почтительную дистанцию. В транспортном ангаре внизу находилось несколько кругов Пожирателей Миров, которые подбадривали сородичей, сражавшихся голыми по пояс или в облегающих костюмах. Вдоль стен тянулись ряды отключенных «Разящих клинков» и «Лендрейдеров», наставивших разверстые жерла турелей на воинов, носивших такие же цвета.

Двое библиариев держались особняком, наблюдая с нависающей над

ангаром палубы-балкона — как раз с такого расстояния, чтобы никто из воинов внизу не смог почувствовать их присутствия по периодическим сбоям имплантатов.

Вориас, старейший в группе уцелевших библиариев, работал совместно с Каргосом, Вел-Хередаром и прочими, пытаясь выяснить, почему Гвозди так прискорбно реагировали на присутствие психически одаренных разумов. Однако они забросили изыскания, когда осознали отношение к своему труду: всем было наплевать. Всем, кроме проклятых даром шестого чувства. Кроме того, усилия всегда тратились впустую и стоили жизни слишком многим «верным» Пожирателям Миров, которым не повезло оказаться рядом с неуравновешенными библиариями.

Примарх привнес в Легион мало традиций своей родины, однако недоверие ко всему «неестественному» было одной из них. Довольно скоро все легионеры, наделенные Гвоздями, плевали на пол перед своими же библиариями, чтобы отогнать вызванную соседством «неудачу».

Как же быстро суеверия превратились в факт. Примитивно, — подумалось Вориасу. Примитивно и очень прискорбно.

За последующие десятилетия его точка зрения не изменилась. В сущности, совсем наоборот. Дальше началось постепенное разрушение ощущения братства. С уничтожением родства часто гибла и верность, но Вориас был генетически рожден в XII Легионе и собирался принадлежать к нему до последнего дня своей жизни.

Он не питал к ним ненависти за то, как они презирали его, и не обижался, что они пренебрегают его талантами, полагая те опасными и никчемными. Он великолепно все понимал. Его присутствие причиняло им боль, а Легион не нуждался в его психическом даре. Даже до Никеи подобные силы никогда не учитывались в боевых планах Ангрона, отличавшихся прямотой и незамысловатостью.

Вориас сохранял оптимизм, но в глубине души смирился с правдой: он не являлся одним из них. Они были Пожирателями Миров. Он же был Псом

Войны. Легион ушел вперед, бросив его позади вместе с неуклонно уменьшающимся кругом одаренных братьев.

Он наблюдал, как Эска следит за идущими внизу схватками, и ощутил, как губы раздвигаются в меланхоличной улыбке. Кодиций вздрагивал при сильных попаданиях и подергивался во время лучших ударов, словно сам их наносил.

— Хочешь к ним присоединиться? — поинтересовался старший воин.

— А ты нет? — спросил в ответ Эска.

У Вориаса было худощавое орлиное лицо с зелеными глазами цвета погибших лесов Терры. Оно во всех отношениях подобало ученому, человеку, которого трудно привести в ярость, что действительно соответствовало характеру библиария. Он был одним из немногих — людей,легионеров и всех прочих — кто желал демонстрировать лишь абсолютно искренние чувства и мысли. У тех, с кем он водил дружбу, это вызывало восхищение. Недоброжелатели считали это одним из его многочисленных

недостатков.

— Хотел когда-то, — признался он, облокотившись на перила и глядя на воинов внизу. — Я жаждал товарищества, горячки бега вместе со стаей. Однако мне достаточно тебя и остальных, Эска. Нам нужно ценить то, чем мы обладаем, и бороться за достижимые цели, а не стремиться к тому, что для нас закрыто.

Эска ухмыльнулся, хотя выражение изуродованного и покрытого шрамами лица больше напоминало гримасу.

— Звучит очень пассивно, лекцио примус.

— Пассивность предполагает безразличие или трусость, — поправил худощавый воин. — Я просто реалист.

Они еще несколько минут наблюдали за происходящим внизу. Одна из схваток завершилась первой кровью и буйным ликованием. После этого в круг, уже раскручивая готовый к бою отключенный торгенштерн, вышел Делварус со своим метеорным молотом.

Эска кивнул вниз, указывая на капитана триариев.

— Судя по всему, Лотара выпустила его из каюты.

Тонкие губы Вориаса разошлись в улыбке.

— Флаг-капитан знает свое дело. Она посрамила его наилучшим образом: выставила воином, которому не могут доверять братья. Чрезвычайно искусно исполнено. А теперь мы имеем сомнительное удовольствие наблюдать, как он пытается снова себя проявить единственным известным ему способом.

Внизу Делварус ревел в толпу воинов, подначивая их. Предшествующие схватке восторженные крики становились все громче. Как и многих Пожирателей Миров, Делваруса забрали не с определенного родного мира, а с одной из планет, покоренных в первые десятилетия существования Легиона. Ни один другой Легион, за исключением Ультрадесанта, не обладал такой пестротой оттенков кожи уроженцев множества миров. Несущие Слово поголовно имели смуглую кожу пустынь Колхиды, а все Повелители Ночи были бледны после лет, проведенных

на лишенном солнца Нострамо, но Пожиратели Миров воплощали собой торжество братских уз над различием плоти.

Для боя на арене Делварус снял шлем и доспех. Темная кожа выдавала его происхождение из джунглей какой-то планеты, которую он некогда называл домом. Он скалил железные зубы на сородичей, требуя, чтобы кто-нибудь из них вышел и сразился с ним.

— Похоже, его популярность не пострадала, — заметил Эска.

— Сейчас увидишь, — отозвался Вориас.

Первым вперед шагнул Скане. На бледной коже разрушителя виднелось нездоровое, напоминающее грозу, переплетение вен и кровоподтеков, вызванных соседством со смертоносным ядовитым оружием. Шею окружал ошейник из темного металла, прикрывающий аугметическую гортань. Агрессивная раковая опухоль лишила воина голосовых связок, но Каргос дал ему новые.

— До первой крови? — рыкнул

Делварус, обращаясь к брату. Уже многие годы, за исключением самых редких случаев, никто не просил его о большем.

— До третьей, — отозвался Скане и поднял отключенный цепной меч.

Бой оказался хоть и не позорно, но мучительно коротким. Через две минуты у Скане пошла третья кровь, и он проиграл Делварусу, а капитан триариев даже не вспотел.

Разрушитель еще не успел подняться, а на его место уже вышел другой Пожиратель Миров.

Делварус продолжал смеяться.

— До первой крови? — снова спросил он.

— До третьей.

Схватка кончилась так же. Равно как и следующая, и следующая, и следующая. А затем и еще одна. К седьмому бою Делварус уже тяжело дышал, и на его коже от напряжения выступили бусинки пота.

— Кто следующий? — выкрикнул он, стоя над распростертым у него под ногами искалеченным братом. — Кто следующий?

— До третьей крови, — произнес

очередной Пожиратель Миров, вскидывая неподвижный цепной топор.

Поединок длился четыре минуты и закончился презрительной улыбкой Делваруса на фоне ликующих криков. Обычай гласил, что ни один воин не должен участвовать более чем в восьми боях за ночь, иначе он бы навлек на себя обвинения в высокомерии и тщеславии, сочтя себя выше братьев. Триарий бросил метеорный молот на палубу и триумфально вскинул кулаки. Однако вопли смолкли.

Делварус развернулся, чтобы выйти из круга и занять место в толпе, но Пожиратели Миров не расступились перед ним. Один из них — воин, чье лицо было покрыто почти таким же количеством швов, как у Эски — столкнулся грудью с триарием.

— До третьей крови, — сказал он Делварусу. У него в руке был цепной меч.

— У меня уже восемь, — ухмыльнулся воин.

— До третьей крови, — повторил Пожиратель Миров и толкнул Делваруса

обратно в круг.

Триарий подобрал кистень и на мгновение замешкался перед тем, как снова начать его крутить. В его глазах совершенно не было того веселья, которое читалось на темном лице.

Наверху Эска начал улыбаться.

Еще три схватки кончились так же, как и первые восемь. Делварус больше не веселился и не пытался выйти из круга. Он знал, к чему все идет.

Еще бой. И еще. И еще. В этом поединке — четырнадцатом по счету — противник Делваруса чиркнул неподвижными зубьями цепного топора по бицепсу триария, пролив первую кровь. Разъяренный Делварус ответил тремя ударами и столько же раз пустил кровь.

— Следующий, — выдохнул он сквозь сжатые зубы, оглядывая кольцо братьев, которые молча и пристально смотрели на него. Он задыхался, совсем как на передовой. Легионеры были генетически сконструированы, чтобы целыми днями сражаться с врагами из числа людей и нелюдей, однако при равных условиях...

Когда брат бился с братом в таком жестоком месте, как арены XII Легиона, правила менялись по ходу игры.

Он победил следующего соперника, и следующего, и еще девять за ним. Мышцы сводило судорогой. Он поверг двадцать пятого противника на палубу и тяжело перевел дух.

Двадцать шестой опасно долго держался на второй крови. После получаса схватки соперник удачно попал ногой в грудь, и Делварус отшатнулся к стене Пожирателей Миров. Обычно сражающихся отпихивали обратно со смехом и добродушными подколками, но его бесцеремонно швырнули вперед в зловещей тишине, и он чуть не упал на четвереньки. Триарий вовремя выровнялся и заблокировал падающий удар. Цепь кистеня обвилась вокруг приближающегося меча и вырвала оружие из рук оппонента. Делварус впечатал кулак в лицо воина, сломав тому нос и, наконец, пустив победную третью кровь.

Он снова сделал вдох.

— Следующий, — вызов прозвучал

почти как хрип.

Каргос шагнул вперед.

— Сангвис экстремис, — произнес он. — Насмерть.

Делварус прищурился и издал рычание, которое вполне подошло бы глотке тигра с древней Терры или фенрисийского волка.

— Так не терпится умереть, апотекарий? — выдохнул он.

Каргос ответил кривой неприятной ухмылкой и протянул руку в сторону Скане. Не говоря ни слова, сержант дал ему силовой меч.

В тот же миг оружие ожило. На позаимствованном клинке Каргоса и шипастом бойке кистеня затрещали противостоящие друг другу силовые поля. Никто из воинов не парировал. Они оба лишь раз за разом пытались нанести финальный удар, уклоняясь в сторону, когда смерть оказывалась в неуютной близости от них.

Отчаяние придавало силы изможденным мускулам Делваруса, однако оно не могло наделить его ловкостью,

которой он обладал, будучи свежим. По прошествии минуты первый удар Каргоса попал в цель, прочертив на щеке триария неглубокую полосу опаленной плоти. Гвозди Делваруса запульсировали, его лицо дернулось, и он бросился на апотекария.

Следующий удачный удар принадлежал ему. Боек кистеня зацепил челюсть Каргоса. Это было едва заметное касание, от которого силовое поле даже не засветилось, но по бледной коже Каргоса разлилась кровь, текущая с десен. Этого оказалось достаточно, чтобы на лице Делваруса вновь появилась улыбка.

Он хорошо знал уловки Каргоса и дернулся вбок, когда апотекарий ответил плевком кровавой слюны. Триарий был готов к старому трюку, за который Каргос и заслужил свою кличку на аренах.

— Мерзкая привычка, — ухмыльнулся Делварус. Прежде, чем оружие успело ударить в пол и увязнуть в железе, он рассек воздух обратным ударом с визгом наэлектризованного металла.

Ответ Каргоса сопровождался очередной ухмылкой,

продемонстрировавшей покрасневшие от крови зубы.

— Выглядишь уставшим, — произнес он.

В ответ Делварус заревел, брызжа слюной.

Наверху Вориас задумчиво прищурил глаза.

— Ты почувствовал? — спросил он.

Эска кивнул. Он ощутил некую перемену в воздухе, напряжение атмосферы возле круга, когда имплантаты Делваруса активизировались. Удары триария стали более размашистыми и тяжеловесными, они сопровождались фырканьем и рычанием.

— Шесть секунд, — все тем же тихим голосом произнес Вориас. — Возможно, восемь.

Их оказалось шесть. Каргос первый раз парировал, одним ударом перерубив цепь метеорного молота. Отключенный боек врезался в ближайшего из наблюдающих Пожирателей Миров, проборозди в тому грудь.

Повинуясь имплантатам, Делварус

потянулся к Каргосу голыми руками и обнаружил у своего горла острие клинка апотекария. Гвозди отчасти лишали его здравого смысла, однако угроза неминуемой смерти дошла до инстинктов заднего мозга и заставила остановиться. Тишина казалась громче, чем предшествовавшие ей ликующие крики.

— Заканчивай, Плюющийся кровью, — по щеке триария побежал ручеек густой слюны. — Ты свое доказал. Вы все доказали. Так что заканчивай.

Каргос не убирал клинок от горла Делвауса.

— У других Легионов есть примархи, которые ведут их к славе. Есть родные миры, которые можно чтить, и культурное наследие, которого можно придерживаться. У нас же только обрывки чужих традиций и доверие между братьями. Больше ничего. Братство, капитан. Братство, которое ты предал, когда забыл о долге и солгал названным сородичам.

Делварус явно сопротивлялся Гвоздям, сжимая подергивающиеся пальцы в кулаки,

чтобы сохранить подобие самоконтроля. Кожа на горле почернела в месте прикосновения опаляющего плоть острия.

— Я сознаю свое упущение, — прорычал он, — и приложу все усилия, чтобы его исправить.

Традиционная форма извинения VI Легиона вызвала волну гортанных смешков. Улыбнулся даже Каргос, на сей раз уже без тени злобы, которая до того примешивалась ко всем выражениям его лица. Апотекарий жестко посмотрел триарию в глаза.

— Делварус, ты брат мне?

Триарий выдохнул и запрокинул голову назад, подставляя горло под последний удар.

— Да. И умру как твой брат. Заканчивай.

Каргос отключил клинок. Он опустил оружие и бросил его стоявшему на краю круга Скане.

Делварус уставился на него широко открытыми глазами. В его мозгу искрили гвозди.

— Сангвис экстремис, — сказал он. —

До смерти. До смерти.

— Мы все в свое время нарушали традиции, — произнес Каргос. — Ты один из лучших среди нас, Делварус. Не забывай об этом. Напомни нам, почему мы так думали много лет.

Темнокожий воин встретился взглядом со стоявшими вокруг братьями.

— Вы все согласны с его словами? Любой, кто готов выставить Каргоса лжецом, пусть выходит сейчас, — он широко развел руки. — Всадите клинок мне в грудь. Я не стану сопротивляться.

Никто не вышел. Несколько воинов улыбнулись, а остальные уважительно кивнули, что можно было счесть прощением.

— Я чувствую, что к этому приложил руку Кхарн, — сказал Делварус Каргосу. — Пахнет его мудростью, приведенной в исполнение чужими руками.

Раздалось еще больше тихих смешков. В них больше не было насмешливости.

— Ничего не могу сказать, — ответил апотекарий.

Собрание начало расходиться, и наверху Эска, наконец, обернулся к Вориасу.

— В них еще осталось благородство. Гвозди их не иссушили.

Лекцио примус кивнул.

— Пока что.

Оба библиария отвернулись, оставив братьев в покое товарищества, и Вориас заговорил, не глядя своему протеже в глаза.

— Сегодня ко мне приходил Магистр Легиона Лорке. Он полагает, что примарх балансирует на краю, и уже давно должна была наступить расплата.

Эска ответил не сразу.

— Это звучит почти как угроза, — в конце концов, произнес он.

— Да, — согласился Вориас. Освещение ангарной палубы придавало его умному лицу мертвенный вид, превращая в маску с бледными гранями и стертыми очертаниями. — Так и есть, не правда ли?

16
Перерождение Благословенная Леди Вакра Джал

Кхарн ожидал песнопений, свечей и всех отвратительных атрибутов суеверия. Его не разочаровали на этот счет.

Хотя Эреб и командовал собственным боевым кораблем «Длань Судьбы», у него были личные покои на борту «Фиделитас Лекс». Именно туда он и привел Аргела Тала с Кхарном, и именно там он готовился совершить святотатство против естественного порядка вещей.

Кхарн мало что знал об Эребе помимо рассказов Аргела Тала, а его брат из Несущих Слово относился к людям, которые не любят скверно о ком-либо отзываться, не имея на то веских и твердых оснований.

Аргел Тал наводил страх на тех, кого ненавидел, и угрожал разорвать их на

части, однако неизменно отказывался разносить дурные слухи о другом воине за его спиной. «Клевета — удел трусов и неуверенных в себе детей», — всегда утверждал он.

И тем не менее, неприязнь Аргела Тала к Эребу не раз всплывала в разговоре за год, прошедший после Исствана V, где Кхарн и воин Гал Ворбак вновь сошлись вместе в роли младших командиров сил Легионов, готовых к Теневому крестовому походу.

По мнению Кхарна, имя, которое Эреб выбрал для своей боевой баржи, идеально обобщало отношение Первого капеллана к судьбе и своей роли в ее творении. Длань Судьбы. Какое высокомерие. Какая пылкая, кипящая спесь.

Подобная точка зрения вела к... что ж, она вела именно к этому.

Эреб собрал в своих покоях группу рабов общим числом в семнадцать человек, приковав каждого из них за шею к центральному алтарю. Старейшей из них была старуха, которой уже не суждено было отметить восьмидесятилетие.

Младшим — мальчик, который явно недавно разменял второй десяток. Кхарн не понимал, как им удавалось петь записанный на пергаменте текст, вдыхая страд костей Благословенной Леди. Ему доводилось видеть, как неусовершенствованных смертных тошнило по куда менее весомым поводам, однако эти борющиеся герои безжизненно таращились в пергаменты, нетвердо сжатые перемазанными грязью руками. Они пели, но он не был уверен, что они вообще читают.

Вдоль железных стен помещения стояли свечи, на красном воске каждой из которых была тщательно вырезана колхидская руна. Вопящие ангелы и горгульи, сделанные из того же материала, что и стены, глядели вниз со своих насестов на потолке. Несколько статуй с неподвижной жадностью тянули искореженные руки к находящимся к зале. Возможно, чтобы благословить их, а возможно — чтобы изуродовать в угоду злобной прихоти.

Оружейные комнаты большинства

легионеров служили им местом медитации и тренировки, заполненным памятными трофеями и личным вооружением. Эреб превратил свое прибежище в языческий храм. В роли алтаря выступал стоявший по центру стол из тонко обработанной черной стали, снабженный оковами. Кхарна не заботило их предназначение, однако он без труда мог его представить. На поверхности стола были вырезаны канавки для крови: глубокие прорези, по которым любая жидкость стекала в пустой бронзовый котел под алтарем.

— Для чего этот котел? — поинтересовался он, войдя.

— Провидение, — отозвался Эреб. — А теперь умолкни и прояви уважение.

Кхарн выполнил первое. Он сомневался, что сможет убедительно изобразить второе.

Аргел Тал стоял рядом с Кхарном, скрестив руки поверх нагрудника. Возможно, его лицо и было озарено надеждой или отмечено недоверием, но шлем это скрывал. Хрустальные синие

линзы неотрывно смотрели на Эреба и гниющие рассыпанные кости, лежащие на погребальном саване. Несущий Слово следил за всем, но никак не реагировал.

— Брат, — тихо произнес Кхарн, чтобы не прерывать творящуюся перед ним мерзость. Он слышал, как на верхней палубе стучит барабан, а из близлежащего помещения доносится плач. Чума на этот гнусный корабль проклятых верующих.

Аргел Тал повернулся с низким гудением сочленений работающего доспеха. Два голоса говорили приглушенно, человеческий звучал почти так же мягко, как шепот демона.

— Что?

Кхарн наклонил увенчанный плюмажем шлем в направлении поющих оборванцев.

— Они переживут ритуал? — резко спросил он.

Несущий Слово снова перевел взгляд на борющийся хор.

— Не знаю.

— Не знаешь, или тебе все равно?

— Мне все равно, — согласился Аргел

Тал.

— Ты убьешь их, чтобы спасти ее душу? — хотя Кхарн и знал, что уже слишком поздно, но не собирался отступать. — Так ты поступишь?

Аргел Тал печально вздохнул.

— Возможно. Еще не знаю. Я хочу так поступить, чтобы вернуть ее.

Пожиратель Миров указал на поющих смертных. Он обвел их всех рукой, и на его наручах загремели цепи.

— Вот так оно и начинается, — произнес Кхарн. — Так в тебе пускает первые корни та холодность, которую ты так ненавидишь в Эребе.

Аргел Тал покачал головой.

— Не веди себя так, будто это что-то новое и никто из нас собственноручно не убил сотни невинных, старых и молодых. Кхарн, это не игра в избирательную моральность. Мы расправлялись с виновными и невинными независимо от того, держали ли они лазганы с болтерами, или же забивались в дома, держась лишь друг за друга.

— Я был одержим всегда, когда убивал

гражданских, — скрежетнул зубами Кхарн. — Одержим Гвоздями.

— Можешь лгать себе и своему Легиону, но не мне, брат. Даже если ты был «одержим», разве это оправдывает содеянное? Делает все лучше? Когда ты рвал на куски мужчин, женщин и детей, сменялись ли их вопли хоть раз понимающей улыбкой? Пока шла резня, тянули ли они руки вверх, чтобы благословить тебя, прощая за то, что ты неспособен контролировать свою ярость?

Аргел Тал снова перевел взгляд на приготовления и продолжил.

— Мы — Легионес Астартес. Это мы выбираем, кто в галактике выживет, а кто умрет. Таков порядок вещей.

— Это убийство, — произнес Кхарн. — Не война. Убийство.

— Если ты вырезаешь безоружных гражданских, будучи солдатами в зоне боевых действий, это такое же убийство. Контекст неважен. Впрочем, я не стану с тобой спорить, — он кивнул в сторону останков на алтаре. — Ее жизнь равноценна тысяче других. Это... отбросы

человечества, однако они здесь не полностью против воли. Взгляни на них. Ты бы не стал задумываться перед тем, как раскроить им черепа, окажись они у тебя на дороге. Единственная причина твоего отвращения состоит в том, что от этого дикого обряда у тебя мурашки по коже.

Кхарн не нашелся, что ответить. Брат слишком хорошо его знал.

— У меня тоже, — признался Аргел Тал. — Сколько раз я тебе говорил, что хотел бы, чтобы эта Истина оказалась ложной? Однако это не так, Кхарн. Это правда — Истина — и мы стоим лицом к лицу с ней. Мы не будем жить во лжи.

Несмотря на происходящее вокруг, Кхарн почувствовал, что вот-вот улыбнется.

— Ты хорошо проповедуешь, брат. Тебе следует чаще обращаться к Семнадцатому с речами.

Аргел Тал вздрогнул, так и не отводя глаз от рассыпающихся костей.

— Я не проповедник.

Кхарн умолк. Сперва он мог

поклясться самому себе, что прервет обряд, вытащив цепной клинок и угрожая убить Эреба. А в следующую минуту готов был признаться в неудержимом любопытстве, даже несмотря на далекий барабанный бой и пение, которое давило на его чувства, словно неприятный запах.

Что же до самой Благословенной Леди, она уже год как находилась по ту сторону гробовой доски. Кхарн не знал, как религиозные культуры сохраняют своих «святых» в виде реликвий, и ожидал выбеленных и отполированных костей, или же израненного тела, законсервированного в стазисе в момент смерти.

Реальность оказалась в целом более пугающей. Женщина еще не полностью лишилась плоти из-за разложения — первоначальное помещение в герметично запечатанный саркофаг мавзолея хотя бы немного ее уберегло — однако было ясно, что похитившие тело поклонники почти год молились гниющему трупу. От Исповедника Слова XVII Легиона остался лишь ободранный скелет с некоторым количеством кожи, напоминавшей рваный

пергамент, и прилипшими к костям серо-зелеными гнилыми жгутами жил. Безглазый и лишенный челюсти череп незряче пялился на горгулий, вырезанных на левой стене. От бескожих рук остались только куски костей, разбросанные по черному савану. Последние сохранившиеся фрагменты органической материи источали приторную вонь плесени, поддаваясь медленной, очень медленной неизбежности. Грязный саван распространял больше страда, чем жалкие останки.

Кхарн знал Аргела Тала так же хорошо, как Несущий Слово знал его. Этому способствовало несколько долгих приведений к согласию и совместных кампаний в ходе Великого крестового похода, и они быстро прониклись уважением друг к другу. Кхарну было очень хорошо известно о покаянном символизме, необходимость в котором так часто ощущал брат, и он мог с легкостью представить, что Аргел Тал наденет этот саван вместо церемониального плаща вне зависимости от того,

сработает ли это безумие. Кхарн собирался так или иначе положить этому конец. Одно дело символизм, и совсем иное — жутковатая одержимость. Часто казалось, что у Несущих Слово — даже наиболее трезво мыслящих — проблемы с отделением одного от другого.

— А что с полем Геллера? — спросил он. «Лекс» находился в варпе, и его защитный покров берег корпус от прикосновений Нерожденных, бьющихся в Море Душ.

— Поля Геллера оберегают металл и плоть, — ответил Аргел Тал. — Ничто не в силах полностью защитить человеческую душу.

Из ниоткуда начал дуть ветер. Сперва мягко, подергивая пергаменты, прикрепленные к доспехам Эребa и Аргела Тала, и загибая края свитков в руках у рабов. Датчик температуры на ретинальном дисплее Кхарна затерцал, показывая, что температура в помещении слишком низка для поддержания человеческой жизнедеятельности, затем второй раз пробился через помехи и

сообщил, что вокруг жарче, чем на поверхности слабого солнца.

— Что они поют? — спросил Кхарн. Он практически свободно изъяснялся на колхидском, однако не мог разобрать ни единого слова, срывающегося с губ рабов.

Перед ответом Аргела Тала прошло несколько секунд.

— Имена, — произнес он скользящим голосом Раума. — Тысячи имен.

Гвозди Кхарна затикали, посылая вдоль позвоночника пляшущие болевые импульсы.

— Какие имена?

— Имена Нерожденных, — отозвался Раум. Его бархатистый голос балансировал между осторожностью и тревогой. — Имена демонов, примитивно переданные человеческим языком. Эреб привлекает к себе взгляды обитателей варпа, спрашивая их, не видели ли они дух Кирены.

— Видели?

— Ловили. Испепеляли. Свежевали. Распарывали. Пожирали.

Кхарн издал ворчание, наблюдая, как

дующий из ниоткуда ветер треплет лохмотья рабов. Свечи отбрасывали скачущие тени существ с длинными конечностями, отсутствующих в помещении. Барабанный бой стал громче, словно сердце самого корабля колотилось о стены.

Пожиратель Миров уже тянулся к оружию, независимо от тщетности такого действия, когда первый из борточущего хора умер.

Женщина в нищенской одежде разорвала пергамент, который держала в руках, и с воплем побежала к Кхарну. Ее глаза болезненно озарились откровением.

--- Предатель! — выкрикнула она. — Кхарн-предатель! Кхарн-предатель!

Цепь у нее на горле туго натянулась, выбрав свободную длину. Сквозь бой барабанов раздался звук раскалывающегося древесного ствола, и женщина рухнула на пол, сломав себе шею.

У Кхарна закололо кожу под доспехом. Аргел Тал — или это был Раум? — повернулся и оглядел его. В глазных линзах Несущего Слово сталкивалась и сливалась

воедино жидкая ртуть. Оба воина не произнесли ни слова. Барабанный бой усилился, став яростным и подражая дюжине сердец, бьющихся в противофазе.

На другом конце зала Эреб глядел на кости и только на кости. Кхарн видел, что губы капеллана двигаются, однако тот не читал с пергамента или страниц тома. Что бы это ни было, он действовал по наитию или по памяти.

Следующим стал неопрятный мужчина. Он издал серию омерзительных отрывистых воплей, раз за разом колотясь лицом об алтарь и забрызгивая бедренные кости Благословенной Леди темной внутричерепной кровью и мозговой тканью. Чтобы убить себя, ему понадобилось одиннадцать ударов. Нанеся последний, он задергался и осел на палубу.

Кхарн ощутил, как по его доспеху слабо скребут и царапают пальцы. Целеуказатели неуверенно пытались отследить полусформированные очертания существ, которых на самом деле здесь не было.

Он обнажил клинок и положил руку на

наплечник Аргела Тала.

— Брат, ничто не стоит такой терзости.

Аргел Тал не успел ответить. Как только Кхарн завершил фразу, Эреб произнес одно-единственное слово: непостижимый приказ на рваном чужеродном наречии. Скелет на алтаре задребезжал и затрясся.

А затем начал кричать без легких и голосовых связок.

В последующие томительные годы, в те редкие дни, когда Кхарну хватало самообладания, чтобы разговаривать — не говоря уж о том, чтобы рассказать о событиях той ночи — одной из немногих вещей, которые он помнил отчетливо, была смерть хора.

Пятнадцать мужчин и женщин, раздиравших собственную плоть грязными ногтями и ритуальными ножами, распались на части прямо на месте. Они взорвались, как будто их разметали невидимые руки богов. Часть растерзанной плоти осталась внутри одежды, остальное расплескалось

по комнате. В звуке их священной гибели было что-то свиноподобное — панический поросячий визг, сопровождаемый сальными шлепками сырого мяса об пол. Алтарь окатило дождем требухи, покрывшим корчащийся скелет внутренностями, которых ему явно недоставало.

Словно уловив это, железные барабаны перестали нещадно стучать в подражание множеству сердец, снизив темп и слившись в одно гигантское биение.

Покрытые пятнами крови Кхарн и Аргел Тал отступили от гротескной картины. Пожиратель Миров тер по лицевому щитку пальцами перчатки, чтобы прочистить глазные линзы. Несущий Слово неотрывно глядел на возрождающийся труп сквозь застилающие обзор кровавые полосы.

Эреб не обращал внимания на завывающий эфирный ветер и плач подхваченных им душ. Он возвысил голос, направив крозиус на восставшего мертвеца на алтаре и повелевая тому вновь занять свое место в мире плоти, крови, костей и

стали.

Кхарн увидел, как продолжающий вопить труп поднял руку — кости которой были соединены свежим окровавленным мясом — а затем зал погрузился в абсолютную тьму. Чернота сама по себе являлась сущностью, она была слишком глубокой и реальной для обычного отсутствия света. Тепловое зрение ожило, но ничего не показало. Со щелчком включился эхолокационный режим, который дал тот же эффект. Как бы ретинальный дисплей ни пытался компенсировать внезапную слепоту, Кхарн продолжал пребывать во мраке.

Клинок поднялся в оборонительную позицию, раскручиваясь и переталывая воздух. Что-то вышибло оружие у него из рук. Он надеялся, что это был Аргел Тал.

Крики стали более человечными, они разносились по залу, а не у Кхарна в сознании. К счастью, они перестали терзать Гвозди у него в голове.

Он услышал шаги босых ног по твердому полу, и хриплый крик молодой женщины наконец-то перешел в

хлюпающее сбивчивое дыхание. На заднем плане раздавался влажный капающий звук, который наводил на мысли о тушах, подвешенных на скотобойне.

Зрение вернулось почти что неохотно, это больше напоминало выход из чернильного облака, чем просто открытие глаз. В свете свечей расплетались и растворялись тени, которые создавали рябь на кровавых лужах. Ветер и последовавшая за ним чернота не затушили ни одной свечи.

Эреб стоял возле алтаря, на его лице было выражение бесконечного терпения. Пожалуй, даже снисхождения.

Сжавшаяся в углу Кирена Валантион, обнаженное тело которой прикрывал лишь погребальный саван и всклокоченные орехово-коричневые волосы, теперь дочерна потемневшие от крови, тряслась и неотрывно глядела на Кхарна и Аргела Тала широко раскрытыми глазами цвета жженого каштана.

Она смотрела на них. Она их видела.

— Ты не слепа, — ошеломленно прошептал Аргел Тал.

Не «Ты жива» или «С тобой все в порядке?». Он был поражен, и поражен сильно.

— Ты не слепа, — снова произнес он.

Кирена продолжала дрожать, пристально смотреть и молчать.

Известие о ее возвращении распространилось по флагману Несущих Слово, словно пожар. После того, как они покинули покои Эреба, прошло всего несколько минут, а залы уже заполнились толпами смертных членов экипажа. Они выкрикивали ее имя, отчаянно стремясь прикоснуться к ее коже на удачу, или же украсть кусок погребального савана в качестве прочного знака благоволения Пантеона.

Кирена смотрела на все это с нарастающим ужасом. До своей смерти в небесах над Иссваном V она более сорока лет путешествовала на борту боевого корабля Несущих Слово «De Профундис». Все это время ее славили как живой символ прошлого Легиона, одну из последних выживших из Совершенного

Города, который был уничтожен по приказу Императора, чтобы покарать XVII Легион за неуместные верования.

Встретившись с ней, даже сам примарх заплакал, проронив одинокую неторопливую слезу полубога, и попросил о прощении. Эта история также разнеслась, будто оставленный без присмотра огонь. Жару добавляло то, что это была правда.

Ее жизнь была памятным уроком для Легиона и признанием его вины. Кроме того, она была оберегаемым сокровищем, и ей нашлось место в XVII-м, которое с позабытых времен неизменно находилось в святых армиях для людей, исполненных веры и отваги.

На протяжении четырех десятилетий она слушала признания Несущих Слово, солдат Имперской Армии и тысяч членов экипажа боевого корабля Аргела Тала. Когда 301-й экспедиционный флот объединился с другими армадами, ведущими Великий крестовый поход, офицеры Несущих Слово из других флотов постоянно стремились побыть с ней, чтобы снять с сердца и разума бремя

былых грехов и грядущих предательств. Она слушала почти полвека, принимая и прощая проступки единственного Легиона, который когда-либо подводил Владыку Человечества, и первого Легиона, который узнал об истине по ту сторону реальности.

Она познала эту истину вместе с ними. Она была столь же верующей, как и любой Несущий Слово, и явно более благочестивой, чем большинство из них.

Благодаря омолаживающей хирургии она оставалась юной, полной сил и частым объектом для увековечивания в статуях и витражах, которыми были украшены соборы и монастыри многих кораблей Несущих Слово.

Однако все эти годы она ни разу не видела никого из воинов и рабочих, приходивших к ней за благословением. Огненное оружие Ультрадесанта лишило ее зрения, стирая Совершенный Город с лица земли. Кирена наблюдала, как город гибнет от орбитальной бомбардировки, яркость которой многократно превосходила светило планеты, и ожоги роговицы и зрительных нервов так и не

зажили. Она отказалась от аугметической замены из соображений веры и надежды, что ее собственные глаза исцелятся.

Ей ни разу не доводилось видеть внутреннего убранства кораблей, где она читала проповеди и принимала бессчетные исповеди. Она никогда не видела Аргела Тала, Кхарна и даже Лоргара. Единственными космодесантниками, кого она лицезрела во плоти, были сыновья Жиллимана, которые казнили мятежников и выгоняли обитателей Совершенного Города из домов, чтобы снизить потери после начала обстрела с небес.

Теперь, оказавшись в коридорах «Лекса», Кхарн был рад, что остался на ритуал и после него. Он прокладывал дорогу обратно в оружейную комнату Аргела Тала, отбиваясь от толп фанатиков, которые тянулись через все залы. Аргел Тал прижимал ее к себе, защищая выставленным поперек обнаженным клинком. Он дал волю Изменению, и прикрывал ее громадными

красно-черными крыльями, которые у него появились за год, прошедший после Исствана. Было очевидно, что они пугают Кирену. Ее подавляли размеры всего вокруг.

— Назад, — предупредил Кхарн накатывающийся на него живой вал. Грязные руки рьяно пытались отпихнуть его в сторону. В толпе присутствовали даже Несущие Слово, которые пели имя Благословенной Леди, славя ее как Перерожденную Святую.

— Назад, — прорычал он, подкрепив слова пинком в живот одного из людей. Грудные кости человека сломались, и удар опрокинул его на палубу, навстречу верной смерти под ногами товарищей. Кхарн почувствовал, что на его лице появляется слабая неприятная улыбка. Аргел Тал был прав. Это не игра в избирательную моральность.

Среди криков «Кирена! Кирена!» и «Благословенная Леди!» он услышал донесшийся сзади тихий голос, дрожащий женский шепот.

— Кто ты?

Он рискнул бросить взгляд назад, в то

же самое время впечатав локоть в лицевой щиток Несущего Слово и заставив воина пошатнуться. Кирена была анемично бледна, хотя Кхарн не был уверен, не следствие ли это сильного страда погребального савана, или же выпавших на ее долю безумных испытаний.

— Это я, — сказал он. Сколько раз они встречались? Сколько раз он слушал, как они с Аргелом Талом спорят о вере, философии или сущности души? Тогда он не верил ни единому слову, но события этой ночи заставили его провести неприятный пересмотр собственного скептицизма. Он позволял ей прикасаться к своему лицу, чтобы изучить его черты, даже дал провести пальцами по шраму на затылке — единственной незаживающей ране на том месте, где много лет назад вживили Гвозди. Он рассказывал ей о Гвоздях и о том, что те сделали с его мозгом.

Но здесь и сейчас она не знала, кто он. Вместо того, чтобы ощупывать лицо или опознавать по голосу, она смотрела на него и не узнавала.

— Кхарн, — произнес он. — Я Кхарн.

Она уставилась на него, на скрывающую лицо маску.

— Ты Кхарн?

Ему не дали ответить. Толпа навалилась так сильно, что едва не вдавила его в нее. Кхарн ударил цепным мечом, разорвав ближайшего смертного надвое. Он ощущал тошноту от того, что сражается так спокойно. Гвозди посылали импульсы — не боль, а дразнящее тепло, от которого ускорялось сердцебиение — предлагая напитать эмоциональный центр мозга удовольствием, если только он расслабится и начнет безнаказанно убивать.

— Назад, — прорычал он. — Назад.

Он подавил желание, отшвырнул еще двоих людей в сторону, размозжил третьему голову эфесом цепного меча и полностью погрузил кулак в лицо очередного поклонника, от чего голова мужчины запрокинулась назад, и тот рухнул на пол.

Этого было недостаточно. Вал продолжал напирать, люди

протискивались мимо, даже проскальзывали у него между ног. Его банально захлестывали числом, невольно наводя на мысли о том, как крестьяне-фермеры с вилами стаскивают закованного в броню рыцаря с седла. Он как-то раз видел такое на зернистой гололитической пикт-трансляции и хохотал до слез. Теперь это казалось несколько менее забавным.

Кхарн стряхнул секундную рассеянность и поддался соблазну. Он поддался Гвоздям, совсем как изможденный путник уступает сну. Просто перестал сопротивляться.

Немедленно появился слабый приток удовольствия, которое набирало обороты, совсем как цепной меч в руках. Убийство бодрило как ничто другое, именно такой была цель нейрохимической игры Гвоздей. В моменты тусклого серого покоя он знал, что поющие Гвозди блокируют серотонин в мозгу, чтобы подстегнуть инстинктивную агрессивность, а также что они убивают электрическую активность и эмоциональную реакцию на

все, кроме притока адреналина. Эти археотехнологические причуды Гвоздей Мясника Легион наиболее подробно изучил в ходе давно брошенных изысканий.

Это холодное и рассудительное знание мало что значило. Машина боли внутри черепа в первую очередь вынуждала его наслаждаться убийством, и все спокойное теоретизирование относительно причин этого совершенно ничего не меняло. Меркло даже уютное ощущение братства — одно из немногих удовольствий в жизни, доступных вне боя. Так что Кхарн убивал, как всегда убивали его братья — потому, что убийство означало какие-то чувства помимо заторможенной и бесцельной злобы.

И как всегда, обещание удовольствие сопровождалось жжением в перегруженных мышцах. Благодаря Гвоздям и текущим в кровеносной системе боевым стимуляторам, он сражался ожесточеннее, двигался быстрее и наносил удары с большей яростью. Каждый взмах клинка вознаграждался удовольствием.

Теперь к поклонникам присоединялись

и Несущие Слово, внешние приличия которых не устояли перед фанатичной верой. Один из них бросился на него с собственным цепным мечом. Кхарн всадил локоть воину в горло и резанул клинком по неприкрытым силовым кабелям на бедре противника, а затем вытянул руку и схватил смертную женщину, которая пыталась пробежать мимо. Он сжал ее волосы в кулаке и одним резким рывком сломал шею.

Но все его действия не могли сдержать поток. Тела напирали, и на каждого отброшенного назад или забитого насмерть приходилось все больше тех, кто проползал и протискивался мимо. Громадное количество исступленных людей почти лишало его свободного пространства, необходимого, чтобы взмахнуть клинком или ударить кулаком.

Первый признак передышки появился в задних рядах, когда раздался вой агонии, за которым последовал неприятный запах горящей свинины. Коридор затянуло таким грязным дымом, что от него чернел язык. Его сопровождало бурное шипение,

издаваемое огнеметами в замкнутом пространстве.

Кхарн едва мог разглядеть огненные шквалы, но его губы растянулись в оскале, который в равной мере означал смех и ярость. Пламя было зеленым: пляшущие фосфоресцирующие языки насыщенного цвета нефрита. Как и все, кто сражался за или против ордена Освященного Железа Аргела Тала за прошедший после их почетного основания год, он знал источник этого огня.

Уголки рта Кхарна пощипывало от пены. По подбородку текла болезненно-едкая слюна. Он оторвал одному из людей руку возле плеча и прикончил несчастного ударом тыльной стороной ладони в лицо, прежде чем тот успел хотя бы закричать. Позади слышалось гудение движущегося влево-вправо энергетического клинка Аргела Тала, который жужжал, поджаривая кровь, пытающуюся прилипнуть к священной стали. Аргел Тал убивал, держа и защищая Кирену одной рукой. Его оружие не нуждалось в перемалывающих цепных зубьях. Силовое

поле клинка кустодия рвало органическую материю на части, рассекая кости так же легко, как и плоть.

Двое воинов, не сговариваясь, развернулись так, что перепуганная женщина оказалась между ними, и встали спиной к спине, противостоя орде. Оба работали клинками, сапогами и кулаками. Аргел Тал обладал преимуществом крыльев, которыми колотил смертных, сшибая тех с ног.

— Вижу нефритовое пламя, — крикнул Кхарн через плечо. «Как раз вовремя», — добавил он про себя.

— А теперь держись, пока они до нас не доберутся, — проскрежетал в ответ Несущий Слово.

Цепной меч Кхарна застрял посередине тела человека, предательски выскользнув из окровавленной руки. Зубья клинка щелкнули, наткнувшись на кость. Кхарн бросил оружие на палубе, оставив его в мясе, и начал убивать закованными в броню руками.

Не в первый и не в последний раз.

Было бы справедливо сказать, что мало кто из Несущих Слово когда-либо производил на Кхарна впечатление. Они воевали с фанатизмом — нездоровым родственником пыла — и их наступлением с песнями под жутковатыми знаменами и божественными символами было сложно восхищаться. В некоторых сражениях можно было рассчитывать, что Несущие Слово зачистят всех врагов до последнего и посыплют солью саму землю, на которой те обитали. В других же они разбивались на молящиеся и борточущие группы, самозабвенно предающиеся пыткам или каким-либо другим унизительным обрядам, чтобы ублажить каких-то богов, которые, по их мнению, наблюдали за происходящим. Если и существовал способ предугадать их настрой до начала сражения, то Кхарн его еще не нашел.

Даже Гал Ворбак, братья Аргела Тала с кровью демонов, были в равной мере людьми и животными. Мало кто из так называемых «Благословенных Сынов» сохранял уровень сдержанности бывшего командира, и большинство из них стало

незначительными предводителями своих отделений и воинств. Они проводили в демоническом облике большую часть времени, и получали приказы не от Легиона, а от Пантеона.

Кхарн делал исключение в своем сомневающемся отвращении к XVII Легиону для Вакра Джал. Орден Освященного Железа возвысился из пепла рот, истребленных на смертных полях Исствана V. Аргел Тал собрал сотни оставшихся без предводителя воинов, и объединил после краха. Отбросив клятвы, данные уничтоженному ордену Зазубренного Солнца, он получил разрешение лорда Аврелиана создать собственный новый орден.

Многие из них базировались на «Завоевателе», удостоившись чести участия в поединках на аренах. На борту «Фиделитас Лекс» осталось лишь несколько сотен, и они наконец-то заявили о себе.

Это были носители нефритового пламени, которые отправлялись на войну, прикрыв лица щитками из полированного

серебра.

Воины, которые прожигали себе дорогу по переполненным коридорам.

Его подошвы шлепали по лужам липких останков. В отверстия заменявшей пол железной решетки капали растопленная плоть и металл, которые стекали в безымянный трак между палуб. Кхарн боролся с привычным ощущением дезориентации, которым сопровождалось освобождение от власти Гвоздей, однако ему хватило внимательности, чтобы заметить осторожность движений приближавшихся к нему Вакра Джал. Несколько прошли мимо, к Аргелу Талу и Кирене, но некоторые задержались, не имея уверенности относительно его темперамента.

Один из них рискнул дотронуться до Кхарна, положив тому руку на спинную силовую установку.

— Капитан? — спросил воин. — Вам нужен апотекарий?

Кхарн отодвинулся от прикосновения воина.

— Нет. Впрочем, благодарю.

Его глаза были горячими и отяжелевшими, грозя закрыться. Ему казалось, что он мог бы проспать целую неделю. Будь проклят этот чертов корабль — здесь даже Гвозди сильнее давили на мозг, делая его слабее после их головокружительной песни.

Воин отступил назад, глухо стуча сапогами по органической жиже, отключил и убрал в ножны свой кривой колхидский клинок. Спустя мгновение Кхарн услышал характерное шипение, с которым закрывались дула огнеметов, установленных на запястьях Вакра Джал. Дежурные огоньки погасли, выбросив пару искр. От этого зрелища Пожиратель Миров едва не ухмыльнулся. Только самое лучшее и драгоценное от Механикума для элиты XVII-го.

— Эшрамар, — обратился он к сержанту Вакра Джал.

— Сэр? — воин снова повернул серебристый лицевой щиток к Кхарну.

— Вы расплавили половину коридора, — указал центурион, и это не было

преувеличением. Алхимическое липкое пламя Вакра Джал растворило длинные полосы пола и превратило стены в оплывшую остывающую грязь. Вентиляторы боролись с вонью испорченной свинины и облаками дыма, однако система фильтрации воздуха не могла добиться в этом беспорядке большего, не поработав несколько часов.

— А еще мы спасли твою жизнь, — заметил Эшрамар. В его протяжном вокс-голосе слышалось нескрываемое веселье. — Неблагодарный ублюдок из Двенадцатого Легиона.

После укуса Гвоздей прошло немного времени, и Кхарн счел это забавным. Имплантаты позволили ему улыбнуться, продолжая приятно жечь от текущего в крови адреналина.

— Брат, — обернулся он к Аргелу Талу. — Надо двигаться. Придут еще.

17
Голоса в ночи
Урок Русса
Варп

Лоргар слушал, как умирают миры. По бокам и сверху от него бились и плескались пляшущие невозможные цвета варпа, сдерживаемого куполом из заговоренного стекла. Как и все остальные, он что-то видел в бурлящих волнах, однако терзаемые мукой лица и беспомощные руки было несложно игнорировать. Значение имела лишь мелодия.

Оставшаяся часть песни продолжала свое тайное течение, все приближаясь и приближаясь к кульминации, которая ему требовалась. Осталось уже недолго. Скоро мотив достигнет такого эфирного изящества, что его можно будет направить в материальную реальность и сделать слышимым. У каждого из миров, привязанных к своим солнцам, была своя партия, и именно поэтому они должны

были гибнуть в идеальной гармонии друг с другом. Лоргару недоставало лишь проводника, чтобы выпустить на волю накопленную мощь, и это должно было произойти в свое время.

Роль дирижера астрологического оркестра оказалась утомительнее, чем он видел во снах, хотя менее понятливые и более воинственные братья не смогли бы постичь тонкости прилагаемых им усилий. От изнеможения он задумался, пусть даже на краткий миг, нельзя ли было породить столь божественно вдохновленную звездную песнь посредством абсолютного мира, а не абсолютной войны. Судьба раскрыла карты, и Хаосу было предначертано поглотить бытие вне зависимости от яростной борьбы Гора и Лоргара против имперской военной машины, однако что было бы, сохрани они верность Императору? Что тогда? Сотворил бы Великий крестовый поход безмятежную погребальную песнь, которая бы играла по ту сторону пелены, пока беззащитное человечество погибало в муках?

В этом и заключался критический изъян. Образом действий Императора было согласие, а не мир. Эти две вещи отрицали друг друга, словно отталкивающиеся магниты. Не имело значения, какое знание Империум затаптывал в покорительном крестовом походе, поскольку его повелителям требовалось лишь подчинение. Не имело значения, какие войны велись от нынешних времен и до бесконечности. Легионес Астартес предстояло вечно маршировать, поскольку для этого они и были рождены.

Война была бы всегда. Даже если бы Великому крестовому походу позволили достичь всех границ галактики, мир бы так и не наступил. Недовольство бы бурлило. Народы бы бунтовали. Миры бы восставали. Сущность людей время от времени отправляла их на поиски истины, а истина всегда повергала тиранов.

Никакого мира. Только война.

Лоргар почувствовал, как у него холодеет кровь. Только война. Эти слова разносились в вечности.

Он не верил в Десять Тысяч Будущих,

как заявлял Эреб. Любой выбор, сделанный каждым живым существом, порождал слишком много вероятностей. Какой толк от пророчества, если оно преподносит лишь возможное происшествие? Лоргар был не настолько лишен фантазии, чтобы нуждаться в переплетающихся догадках варпа для подобной демонстрации. Всякий, обладающий хотя бы толикой провидения, мог представить себе грядущее. Гениальность состояла в том, чтобы организовывать события в соответствии со своими целями, а не просто внимать хохоту безумных богов.

Помимо этого, Лоргар старался в первую очередь не забывать еще об одном. Несомненно, боги были могущественны, однако переменчивы. Каждый из них куда чаще действовал против собственных сородичей, вливая в сознание пророков противоречивые предсказания. Возможно, они даже не обладали разумом в доступном для человеческого понимания смысле этого слова. Они в равной мере казались воплощениями первичных эмоций и отдельными сущностями.

Но нет — между тем, чтобы слышать их и внимать им, простиралась широкая бездна. Боги лгали, совсем как люди. Боги обманывали, конфликтовали и стремились увеличить свои владения за счет соперников. Лоргар не верил ни единому из их пророчеств.

Ему даже доводилось мельком видеть возможные варианты будущего, где Империум поклонялся Императору как богу. Что должно было произойти в бесчестных триллионах людских сердец, чтобы ими овладела такая вера? Та самая вера, за распространение которой был наказан Лоргар, те самые убеждения, за которые его покарали — как могла империя человечества принять своего владыку за божество после того, как XVII Легион унизили за то, что он осмелился заявить, будто это истина?

От этой мысли он покачал головой и тихо вздохнул.

— Повелитель? — спросил один из хора, приняв вздох за признак неудовольствия.

Лоргар смягчил паузу лучащейся

золотом улыбкой.

— Простите мне миг рассеянности, — произнес он. — Прошу вас, продолжайте.

В хор входил пятьдесят один человек, и все они говорили одновременно. На каждом было соответствующее их занятию белое одеяние, мрачные регалии придавали им почти что жреческий вид. Они стояли в разрозненном беспорядке. Построение было лишено организованности, если не считать той случайной художественности, что все они были обращены лицом к Лоргару и как будто на самом деле обращались к нему.

Несколько из них бормотало. Другие кричали. Большая часть говорила спокойно и монотонно, полностью очистив речь от эмоций.

— Мои ноги, — совершенно без выражения произнес один из хора, стоявший абсолютно прямо. — Микайас, помоги мне, я не чувствую ног.

— Район Западной Адельфии уже потерян, — протянул другой, тараща широко раскрытые безжизненные глаза. — Вы меня вообще слушаете? Пожиратели

Миров захватили его час назад. Мне нужно больше людей, губернатор. Нужно больше людей.

Третья покачивалась на месте, невыразительное лицо покрывали полосы непроизвольно текущей из носа крови.

— Мой сын, — прошептала она. — Мой сын там в ловушке. Не стреляйте. Прошу вас. Не стре...

Она умолкла так внезапно и резко, что Лоргар вздрогнул.

По краям хора несколько слуг-писцов фиксировали каждое слово, которому, несомненно, предстояло дальнейшее обдумывание в поисках упущенного смысла. Они прохаживались по полу собора, петляя среди астропатов и следя за тем, чтобы не коснуться никого из них.

В базилику вошел Ангрон, закованный в свое обычное стилизованное облачение из бронзы и керамита. К его спине были пристегнуты два громадных цепных меча. Он даже потратил свое время на приветствие, вскинув руку. На памяти Лоргара сломленный брат впервые делал такой жест. Несущий Слово попытался

скрыть удивление новоявленной братской уважительностью.

— Лотара говорит, что ты украл ее астропатический хор, — безгубая улыбка Ангрона была по-настоящему жутковатой. — Как я погляжу, она, возможно, была права.

— «Украл» — сильно сказано. «Позаимствовал» звучит куда менее постыдно, — Лоргар бросил взгляд вверх, в небеса над собором. «Лекс» продолжал мчаться к Нуцерии.

— Зачем они тебе? — поинтересовался Ангрон. От ран после погребения заживо уже осталась только потрескавшаяся рубцовая ткань, очередное множество шрамов поверх предыдущих.

Позади него скрывались Поглотители, которые вошли в собор, не удостоившись даже взгляда примарха. В должности телохранителя Ангрона не было ничего почетного, несмотря на ту ярость, с которой чемпионы Пожирателей Миров дрались за нее в первые, полные оптимизма годы. Куда бы они ни шли, Ангрон не обращал на них внимания и

никогда не сражался бок о бок с ними. Закованные в терминаторскую броню, они не могли поспеть за сеньором, и так же легко теряли самоконтроль, как и все прочие Пожиратели Миров, и это означало, что сражение организованной группой было для них в лучшем случае безнадежной затеей.

Лоргар наблюдал, как Поглотители — воины, которые сто лет учились проглатывать собственную гордость и делать вид, что их не игнорируют — переговариваются при входе в базилику.

— Приветствую, — обратился он к ним. Казалось, это вызвало у них тревогу, и они молча и нерешительно поклонились.

Ангрон фыркнул в ответ на оказываемые братом знаки внимания.

— Телохранители, — сказал он. — Меня раздражает даже их название. «Поглотители». Можно подумать, это я их так назвал. Можно подумать, они лучшие воины Легиона.

— Их намерения чисты, — заметил Лоргар. — Они хотят воздать тебе почести и не виноваты, что ты их

бросаешь в каждом бою.

— Они уже даже не самые свирепые бойцы Легиона. Этот плут Делварус отказывается бороться за место в их рядах. Когда я спросил Кхарна, не думал ли он об этом, тот рассмеялся. А знаешь Плюющегося кровью?

— Знаю, — отозвался Лоргар. Плюющегося кровью знали все.

— Он победил одного из них на арене и вырезал боевым ножом свое имя на доспехе несчастного ублюдка.

Лоргар натужно улыбнулся.

— Да. Очаровательно.

Лицо Ангрона снова дернулось, повинуясь сбоящим мускулам.

— Кому из примархов когда-либо требовалась защита низших смертных?

— Феррусу, — мягко произнес Лоргар. — Вулкану.

Ангрон сочно и искренне расхохотался, хотя звук все равно звучал резко, словно злой ветер.

— Приятно слышать, как ты шутишь насчет этих слабаков. Меня начинало утомлять, что ты их оплакиваешь.

Это была не шутка, однако Лоргар не хотел нарушать хрупкого хорошего настроения брата.

— Я оплакиваю только мертвых, — уступил он. — Я не скорблю по Вулкану.

— Он все равно что мертв, — вновь улыбнулся Пожиратель Миров. — Уверен, он жалеет, что так не произошло. Так что ты делаешь с хором Лотары?

— Слушаю, как они поют об иных мирах и войнах.

Ангрон безразлично уставился на него.

— Конкретнее, — сказал он, — пока у меня хватает терпения на такие мелочи.

— Просто послушай, — ответил Лоргар.

Ангрон выполнил просьбу. Через минуту, или чуть больше, он кивнул.

— Ты слушаешь, как горят Пятьсот Миров.

— Что-то в этом роде. Это голоса недавно умерших и тех, кто скоро к ним присоединится. Мгновения смерти случайно выбранных душ где-то в Ультрамаре, пока наши флоты разоряют

их планеты.

— Отвратительно, святоша. Даже для тебя.

— Это мы несем им эту гибель. Нельзя считать, будто мы где-то в стороне. Возможно, болтеры и клинки находятся не в наших руках, однако мы все еще творцы этого разрушения. Наш долг слушать, запоминать принявших мученическую смерть и размышлять обо всем содеянном.

— Удачи тебе с этим, — произнес Ангрон. — Но зачем забирать хор Лотары? Что случилось с твоим?

— Они умерли.

Теперь настала очередь Ангрона удивляться.

— Как?

— С воплями, — Лорган был абсолютно бесстрастен. — Что привело тебя сюда, брат?

— Любопытство. Я последовал за тобой так далеко. Мы губили миры, смерти которых ты хотел, и теперь ты задолжал мне пару ответов.

Лорган рассмеялся.

— За прошлый год ты уничтожил несколько планет, которые я хотел обойти стороной. Брат, не делай вид, будто был послушным бойцовым псом. Армагура стала первым сражением, которого я от тебя действительно хотел.

Ответ не до конца вывел Ангрона из равновесия.

— У меня вопрос, на который ты ответишь, Лоргар.

Пожиратель Миров, наконец, обернулся к своим элитным терминаторам.

— Побудьте где-нибудь в другом месте, — велел он.

Те отсалютовали и повиновались. У громадных дверей базилики стояло несколько Вакра Джал, которые наблюдали, как Поглотители топают мимо. Они обернулись к Лоргару, ожидая приказа следовать за кузенами из XII Легиона. Примарх кивнул, разрешая идти. Затем он перевел взгляд на астропатический хор, медленно приходящий в себя.

— Можете вернуться на

«Завоеватель», когда корабль в следующий раз выпадет из варпа. Прошу вас, оставьте нас.

Они поклонились и потянулись из зала медленной и заторможенной процессией.

Когда братья остались наедине, Лоргар поднял руку, словно желая сдержать слова Ангрона. Между ними возникло призрачное свечение, которое кружилось, распадаясь на сферы и копируя образование вселенной много миллионов лет тому назад. Первыми сложились солнца, а затем привязанные к ним планеты. Все это медленно двигалось в неторопливом звездном танце, гравитационном балете созидания. В воздухе вращалась сотня звезд, вокруг каждой из которых кружили миры.

При виде устроенной братом игры теней Ангрон оскалил железные зубы.

— Ультрамар?

— Ультрамар, — подтвердил Лоргар. — Всего лишь пятая часть могучего Ультрамара.

Он подошел к одной из звезд, обняв ту

согнутыми пальцами. Светило померкло, став мутно-серым, и из пульсирующего ядра потянулся белый туман.

— Солнце Калта, — произнес он. — Звезда Веридия.

Губы Ангрона вновь растянулись в насмешливой ухмылке.

— Лоргар, я не идиот.

Несущий Слово вполне искренне улыбнулся.

— Дай мне еще секунду. Смотри.

Несколько звезд точно так же поблекло, а миры остальных стали темнеть и гибнуть в клубящихся облаках едва заметного пламени. И действительно, щупальца белого тумана потянулись от источника на Калте, жадно скользя в небесах. Они начали разрастаться, но вели себя, будто медленные и лишенные цели существа, так и не достигнув ни одной из сфер.

— Однажды я отправился к грани реальности, — тихо произнес Лоргар, — и вместо бесконечности, лишенной богов и надежды, обнаружил остатки империи, которая была уничтожена при рождении

божества. Эльдар породили высшую сущность, погубившую их за невежество, Ангрон. Великое Око — это послед Слаа Неф, который объединяет реальность и нереальность в единое священное царство. Империум описывал подобные события как варп-штормы, однако — к сожалению — мои сведения точнее.

Наконец, он приблизился к неприметной звезде на краю иллюзии. Вокруг этого светила обращалась одинокая планета, которая была ничем не примечательнее прочих сфер и уступала в этом отношении многим из них. Синели океаны и огромные озера. Разнообразные массивы суши выделялись зеленым, серым и желтым, а на обоих полюсах белел лед.

— Вот, — сказал Лоргар. — Ответ на незаданный тобой вопрос.

Ангрон не отличался нерешительностью или терпением. И все же в этот миг казалось, что он не хочет говорить, на сей раз никак не проявляя раздражения длинными и поэтичными речами брата. Даже Гвозди были спокойны и не заставляли его лицо подергиваться.

— Нуцерия, — наконец, проговорил он надломившимся голосом. Железные зубы сжались так сильно, что раздался визг металла. — У меня нет желания туда возвращаться, Лоргар. Ни желания, ни нужды.

Лоргар кивнул, в его глазах читалось родственное понимание.

— Знаю. Все мы уже не те, кем были раньше, когда Император впервые отправил нас к звездам. Все его сыновья выросли, извлекая уроки из прошлого, или же отбрасывая его оковы. Но взгляни.

Пока мир проплывал мимо, Лоргар протянул руку и едва заметно коснулся его кончикам пальцев. Сферу окутали огненные черви, и все детали скрылись под покровом пылающих облаков.

— Проводник, — произнес Лоргар. — Он завершает схему и делает ее цельной. Смотри.

Тянущиеся возле Калта щупальца света внезапно начали перепрыгивать от мира к миру, охватывая и обвивая пространство. Распространяясь по границам Ультрамара, они с явным

нетерпением — казалось, голодом — тянулись к пылающему шару Нуцерии. Когда они добрались до него, то уже образовали туманную преграду между Пятьюстами Мирами и остальной частью Империума.

Лоргар стоял почти в двадцати метрах от Ангрона, но то все равно услышал, как брат мягко выдохнул.

— Ничто с Терры не попадет внутрь, — сказал Несущий Слово, шагая вдоль границы тумана, — и ничто не выйдет наружу. Сквозь эту бурю не пробьется даже астропатический шепот. Мы зажжем Жиллиманов уголь галактики, и только ты с тобой будем знать обратный путь через пламя.

Голос Ангрона напоминал ржавый металл, который пережевали и с рычанием выплюнули.

— Почему Нуцерия? Ты мог выбрать любой другой мир возле границы Ультрамара, чтобы создать край этой... преграды. Но ты выбрал Нуцерию.

Пожиратель Миров медленно и хищно моргнул, почти как крокодил.

— Ты мне ответишь, жрец. Почему Нуцерия? Что такого ждет нас на этой планете, отчего она становится столь заманчивой целью?

Несущий Слово склонил голову, и иллюзорная звездная карта пропала.

— Это должна быть Нуцерия, — произнес он.

— Недостаточно.

— Почему ты так не хочешь возвращаться? — тихо спросил Лоргар. Нежелание. Он просто не ожидал такого от воинственного брата, даже в случае сложнейшего решения.

— Сколько раз я тебе говорил? — проворчал Пожиратель Миров, и его гортань издала протяжный звук «ммм». — Я умер там. Все, что было после, не имеет значения. Не представляй меня рычащим нелюдем, который постоянно ослеплен собственной злобой. Я все еще человек, что бы они со мной ни сделали. Я решил сохранить миру жизнь. Теперь там для меня больше ничего нет.

Лоргар кивнул, ощущая, что ему придется пойти на небольшие допущения,

чтобы обуздать нрав брата.

— Там отмщение, Ангрон. Неужели это настолько бессмысленно?

— Ммм. Отмщение за что? Оно вернет моих братьев и сестер из несправедливо доставшихся им могил? Кости моего прошлого давно остыли, Лорган.

Несущий Слово прищурился и усилил натиск.

— Говорили, что Император скрыл планету от тебя. Я всегда думал...

— Ты думал неправильно, — Ангрон сплюнул на мозаичный пол. Слюна была красного цвета. Что-то внутри его черепа кровоточило.

— Ты играл в игры Императора, — уступил Лорган. — Носил его ошейник до восстания. Пытался быть сыном, который был ему нужен. И являлся таковым, если не считать моменты потери самоконтроля. Но теперь мне нужна гибель Нуцерии, хочешь ты того, или нет. И ты, брат, идеальный архитектор для нее.

Ангрон заколебался. Что бы он ни говорил, в его глазах явно медленно

разрасталось пламя.

— Почему Нуцерия?

Лоргар казался печальным. Как правило, Несущий Слово не скрывал своих чувств, однако если он того хотел, его было сложно понять, а Ангрон не был мастером распознавания тонкостей выражения лица.

— Метафизика сложна, — произнес Лоргар.

Ангрон издал рычание.

— Может, я и не тратил целые дни на споры с тобой и Магнусом в отцовском Дворце, однако Гвозди не сделали из меня полного глупца. Я задал вопрос, Лоргар. Ты на него ответишь. И сделай это без обмана, если вообще на такое способен.

Несущий Слово посмотрел в глаза брата, на редкую палитру эмоций в глубине. Там в изобилии присутствовала боль, но еще и отчаяние от жизни с отказывающим разумом, а также свирепость, которая выходила за пределы злобы. Ангрон был созданием, которое научилось делать из собственной ненависти клинок, чтобы использовать в

бою. Большинство живых существ пребывали в рабстве у эмоций, но он превратил свои в оружие. Лоргар не мог не восхищаться скрытой в этом силой.

— Мы направляемся к Нуцерии из-за тебя, — произнес он. — Из-за Гвоздей.

Ангрон продолжал смотреть на брата, молчанием вынудив того продолжить.

— Они тебя убивают, — признался Лоргар. — Быстрее, чем я думал. Быстрее, чем кто-либо понимал. Темп дегенерации ускорился даже в последние несколько месяцев. Твои имплантаты не предназначались для мозговой ткани примарха. Гвозди вгрызаются все глубже, а твоя физиология пытается залечить повреждения, однако это игра в перетягивание каната, где стороны равны.

В ответ Ангрон безразлично пожал плечами.

— Догадки.

— Я способен видеть души и слышать музыку созидания, — улыбнулся Лоргар. — После такого подобное проще простого. Знаешь, архивы Двенадцатого Легиона

достаточно объемны. Остальное понятно по твоему поведению, а также по излучаемой тобой боли, которую я чувствую при каждой нашей встрече. Весь твой мозг перекроен и перемонтирован, чтобы повиноваться импульсам имплантатов. Скажи, когда ты в последний раз видел сны?

— Я не вижу снов, — последовал немедленный, практически яростный в своей стремительности ответ. — Я никогда не видел снов.

Лоргар наклонил голову, и в его участливых глазах отразилось калейдоскопическое свечение варпа.

— А сейчас ты лжешь, брат.

— Это не ложь, — толстые пальцы Ангрона подергивались и скрючивались, стискивая призрачное оружие. — Гвозди редко позволяют мне спать. Как я могу видеть сны?

От внимания Лоргара не укрылось нарастающее напряжение тела брата: на покрытой шрамами коже висков вздухли вены, плечи по-звериному ссутулились — совсем как дикий кот приседает перед

броском.

— Ты как-то говорил мне, что Гвозди лишили тебя сна, — согласился Лоргар, — но также сказал, что они позволяют тебе видеть сны.

Ангрон сделал шаг вперед. Он произнес было: «Я имел в виду...», но замер от прямого взгляда Лоргара.

— Они дают тебе покой и мир, которых ты больше нигде не можешь найти. Люди, легионеры, примархи... все живое должно спать, отдыхать, давая мозгу время на передышку. Твой перекроенный разум лишает тебя этой возможности. Ты не видишь снов, когда закрываешь глаза. Ты видишь их наяву, стремясь к тому суматошному покою, который тебе могут дать Гвозди, — Лоргар снова встретился глазами с Ангроном. — Не оскорбляй нас обоих, отрицая это. Когда ты убиваешь, то пускаешь слюни и борточешь о погоне за покоем и о том, каким близким он кажется. Я слышал. Я заглядывал в твое сердце и душу, пока ты был одержим Гвоздями. Сознание твоих сыновей,

обладающих грубыми подобиями твоих имплантатов, переделано так, что они наслаждаются лишь поцелуем адреналина. Их низшие имплантаты причиняют боль, раздирая нервы, и твои Пожиратели Миров убивают, поскольку это радует их переделанные сердца и смягчает впивающуюся в мышцы боль. Твои же Гвозди Мясника — куда более хищное и коварное приспособление, которое разрушает восприятие и полностью лишает покоя. Они убивают тебя, гладиатор. И ты еще спрашиваешь, зачем я веду тебя назад к Нуцерии? Разве это не очевидно?

Ангрон попятился. Его взгляд был разгорячен, в противоположность холодным глазам брата.

— Их нельзя вынуть. И я буду драться со всяким, кто попытается это сделать. Если они и убивают меня, то это достаточно медленная смерть, чтобы не испытывать ни страха, ни сожаления.

Теперь взгляд Лоргара запылал.

— Я спасу тебя, Ангрон. Сражайся со мной, ненавидь меня, верь мне — это

неважно. Я затащу тебя в бессмертие, которого ты заслуживаешь.

— Их нельзя вынуть! — Ангрон потянулся к цепным мечам и чуть было их не выхватил. Он мучительно пытался обуздать эмоции, словно поддаться ярости здесь и сейчас означало доказать правоту Лоргара.

— Я не стану их вынимать, — Лоргар шагнул к брату, примирительно разводя руки. — Однако у владык, которые вбили их тебе в череп, окажется больше знаний об их функционировании. Я выясню все, что им известно об этих подлых устройствах, а затем буду жечь их отвратительный мир, пока от поверхности не останется только стекло. И ты будешь рядом со мной, неся возмездие, которого якобы больше не хочешь. Если существует способ как-то спасти тебя, я это сделаю. Клянусь.

Ангрон сглотнул. Причиной было не волнение, поскольку ничего не знал о таком проявлении тревоги, однако что-то в настойчивых, влажных от слюны нашептываниях Лоргара заставило Пожирателя Миров снова заскрежетать

зубами.

— Если то, что ты говоришь, правда, то зачем меня спасать?

На безмятежном лице Лоргара явно проступило разочарование.

— Почему в нашем роду все обязательно задают этот вопрос, недоверчиво скалясь? — он вздохнул. — Ты мой брат. Я избавлю тебя от боли, насколько смогу, и уберегу от вреда, если окажусь в силах.

Ангрон молчал на протяжении нескольких тяжеловесных, очень тяжеловесных ударов своего медвежьего сердца.

— Кровь не всегда гуще воды, Лоргар. Есть множество тех, кого я чту превыше братьев, — он начал расхаживать из стороны в сторону, словно запертое животное, раздраженный самим фактом того, что брат пытался проявить заботу. Непривычность момента была ему неприятна. — Ты слаб, — наконец, произнес Ангрон.

Взгляд золотого примарха стал рассеянным, однако помимо этой легкой

отстраненности он никак не проявил обиды.

— Я слаб? — мягко переспросил он. — Я верно расслышал?

— Ты слышал, что я сказал, — отозвался Ангрон. — Пусть история как следует запомнит мои слова, поскольку мне безразлично, кто будет гордо восседать на Троне Терры, когда забрезжит рассвет последнего дня. Гор хороший командир, но на этом и заканчивается мое уважение к высокомерному самодовольному ублюдку. Я присоединился к восстанию, поскольку мне проще терпеть его, чем ту мерзость, что именует себя Владыкой Человечества. Хочешь правды о моей жизни и смерти? Я Ангрон, Пожиратель Миров, и я уже мертв. Я умер больше ста лет назад, в горах к северу от поработившего меня города. Я умер после Деш'ea.

Лоргар сцепил руки. Его губы скривились в улыбке, в которой было одно лишь веселое понимание.

— Я слаб, — снова произнес он. — Я. Это правда так, братец? Разве это я тот

единственный примарх, кто так и не покорил свой родной мир? Или им был великий и могучий Ангрон? Разве я тот первый примарх, кто ощутил у своего горла дыхание Волков, или это Ангрону и его грозным сынам досталось в Ночь Волка, когда Русс в кровь разбил их под дождем?

Ангрон с ревом рванулся вперед, хотя не обнажил клинков и не нанес удара.

— Я его победил! Русс был в моем распоряжении! Его прогнали обратно к кораблю, а ты смеешь говорить иное?

Лорган не испугался.

— Так все было, брат? В самом деле?

— Я... Да, — Ангрон прекратил наступать, внезапно занервничав. — Мы сражались. Наши Легионы сражались. Волки отступили. Мы... мы их преследовали.

— Если ты говоришь правду, — Лорган внимательно наблюдал за братом, — то... расскажи мне.

Он чуть было не попросил показать, соприкоснуться разумами и дать увидеть воспоминание, каким его ощущал Ангрон,

однако в последний момент замешкался. Несмотря на свою неодушевленную безжизненность, Гвозди ощущали вторжения шестого чувства и обычно огрызались в ответ. Лоргар достаточно прощупывал и провидел, чтобы знать правду. Лучше было выслушать историю в изложении брата, чем продолжать взвинчивать Ангрона.

— Ты неправ, — грубо прорычал Ангрон. Его голос был хриплым не от злобы, а от бремени эмоций. — Ты неправ, это было не под дождем. Все произошло на закате дня, который уже был отмечен пылавшим позади нас городом . Мой клинок сломался, но это не имело значения. Я вырвал у него цепной меч и переломил собственными руками. Мы упали в грязь, продолжая бороться. Мы оба знали, что эта схватка кончится на земле. Я его победил, Лоргар. В конце мой сапог был у него на горле. Я стоял над ним, а Русс...

... а Руссу приходилось отползать. Он стиснул клыки, выдыхая в равной мере

воздух и слюну. С каждым скрежещущим выдохом ее нитки летели с треснувших губ. Волчий Король нетвердо поднялся на ноги, и Ангрон бросился к нему, но Русс широко развел руки, не нападая.

— Ты видишь? — спросил он. Нет, пролаял. Пролаял не просто по-звериному, а с человеческой пылкостью, подкрепленной свирепостью пса. В его глазах пылала убежденность, точно такая же инстинктивная злоба, как у собаки, которая защищает свое семейство. — Смотри, будь ты проклят. Обернись. Видишь, что ты сделал со своими сыновьями?

Посреди битвы здравый смысл прояснил больные глаза Ангрона на достаточное время, чтобы тот умолк. Топор в его руке опустился, и примарх посмотрел на ряды Волков, которые стояли перед ним с поднятыми болтерами. Они собирались потрепанными группами, бросая бой, чтобы образовать кольцо вокруг примархов. Волк за Волком подходил и вставал рядом с братьями неровными рядами. Они были так близко

от Ангрона, что тот мог разглядеть личные тотемы и талисманы, гремевшие о доспехи грозового серого цвета.

Один из них, какой-то вожак племени, выделялся замысловатыми синими обозначениями стаи на лицевом щитке.

— Все кончено, лорд Ангрон. — произнес он.

— Русс, — Ангрон обернулся к брату и направил окровавленную руку за окружающие волчьи стаи, где Легионы продолжали сражаться на остальной части поля боя. — Твой Легион истекает кровью.

Русс не стал спорить, это было так. По другую сторону от стоящих в круге примархов Пожиратели Миров прорывались сквозь серые порядки своих кузенов, сражаясь без намеков на строй, равно как и без внимания к примарху. Даже в те былые дни они уже успели привыкнуть, что Ангрон бьется в одиночку, а новоприобретенные имплантаты лишали их возможности связно планировать ход боя. Заторможенные мозги не позволяли

упорядочить хаос.

Те немногие Пожиратели Миров, кто владел собственными чувствами — Ангрон, прищурившись, отметил среди них громадное железное тело Лорке — бросались на Волков, которые закрепились вокруг сражающихся примархов, однако им не хватало численности, чтобы пробиться через оборонительные порядки Русса.

— Мои люди гибнут, — согласился Русс. — И все же мы стоим в самом сердце битвы, и только один Легион вот-вот лишится примарха. Видишь, почему я пришел? Видишь, как ты сломал своих сыновей? — он обвел поле боя широким жестом вытянутой руки. — Волки — это солдаты, которые стремятся к цели. Они сражаются ради победы, а твои Пожиратели Миров — только чтобы убивать.

— Победа достается последнему, кто остается на ногах, — улыбнулся Ангрон, продемонстрировав полумесяц окровавленных зубов.

Русс бросил взгляд на схватку, вздрогнув при виде потерь, которые несли

оба Легиона.

— Это так на гладиаторской арене, Ангрон. Однако нашему отцу нужны солдаты и генералы. Не гладиаторы. Смерть — это необходимая мера. Она приходит к нашим врагам и приходит к нашим солдатам, когда мы не можем уберечь их от нее. Ты разбрасываешься жизнями своего Легиона, словно аристократ мелочью. Так не может продолжаться.

Ангрон проследил за взглядом Русса, однако Волчий Король уделял битве лишь проблеск внимания, а Пожиратель Миров полностью погружался в нее и веселился.

— Война выиграна только когда все враги мертвы. Умиротворенный враг — все еще враг.

— Очередная гладиаторская мудрость, Ангрон. Посмотри, на моих людей, стоящих вокруг тебя. Ты и впрямь ничего не понял?

— Твои люди проигрывают, Леман, — ухмыльнулся тот брату. — Давай до последнего вздоха, а? Пусть кровь прольется в танце разящих клинков.

Поглядим, чей Легион выстоит.

— Никто не выстоит. Но ты умрешь в тот же миг, как мои люди откроют огонь.

— Для меня нет в смерти какой-то священной тайны, Русс. Нет повода для страха, — после этого он рассмеялся вопреки причиняемой Гвоздями боли, рассмеялся так сильно, что на глазах выступили слезы. — Быть может, я ей буду даже рад! Наш «возлюбленный» отец дал тебе полномочия, пес? Ты действительно можешь меня убить, или твое позерство уже зашло слишком далеко? Прибежишь на Терру и доложишь, что потерял контроль над своими ублюдочными дворнягами так же, как приписываешь мне?

Глаза Ангрона, сузившиеся от боли в щелки, вперились в глаза брата, и он расхохотался еще сильнее.

— Битвы не должно было случиться! Я вижу это в твоих глазах. Ты зашел слишком далеко, маленький палач, и теперь боишься того, чем все кончится, — он шагнул ближе, и его веселье стало болезненным и свирепым. — Казнь — это

убийство беспомощной добычи, Русс. А здесь, «брат», ты вынужден участвовать в честной схватке.

Он снова кивнул в сторону поля боя.

— И я повторю — твои люди проигрывают. Знаешь, почему? Потому что у твоих есть то, за что стоит жить. Им не все равно. А мои бьются ради удовольствия, зная, что им недоступна жизнь вне войны. Собственные жизни не заботят их так же, как и меня, таков дар Гвоздей Мясника. Воины, а не солдаты. Воины, которые не боятся смерти и не пытаются от нее уберечься. Они не защищаются, они убивают. Они отбрасывают прочь все мысли о своих жизнях, жадно желая оборвать чужие. Запомни это, Русс. Запомни как следует.

— Это еще не конец, — посулил Русс.

— Тешь свою помятую гордость как угодно, шавка.

Леман Русс, примарх Волка Фенрика, сделал долгий и глубокий вдох и взвыл к небесам.

— Он выл? — переспросил Лоргар. Его

широко раскрытые глаза были перламутровыми от мягкого изумления.

— Сигнал к отступлению, — отозвался Ангрон. — Отступлению с боем! Пожирателям Миров потребовалось больше времени, чем ты можешь представить, чтобы понять, что сражение окончено. Пока Легион Русса бежал к своим десантным кораблям, у меня целые роты еще пытались драться с Волками, — он усмехнулся. — Они набрали много трофеев на свой счет. Многие до сих пор их носят.

Лоргару пришлось несколько секунд смотреть на изуродованное лицо брата, чтобы убедиться, что это была не какая-то затейливая шутка.

— Ты не ответил на вопрос Русса, — произнес он. — Ты действительно ничего не уяснил из того боя?

Ангрон моргнул, в его взгляде появилась доля вялого удивления.

— А что за откровение должно было меня посетить? Я уяснил, что ему не давали разрешения убить меня. Уяснил, что он блефовал в надежде вернуть меня

на Терру на привязи, покорного его прихотям.

— Нет, — Лоргар едва дышал от ошеломления. — Нет, нет, нет. Ангрон, ты упертый глупец. Это все неважно.

— На том поле было больше мертвых Волков, чем Пожирателей Миров. Это важно.

С этим тоже можно поспорить, — подумалось Лоргару, однако он оставил все как есть.

— Русс вчистую тебя победил. Ты говорил, что он был в твоем распоряжении, однако он свободно отполз.

— Отполз, — снова усмехнулся Ангрон, смакуя слово.

— А когда поднялся, ты был окружен. Он мог тебя убить.

— Он попытался и не смог.

— Его люди, Ангрон. Тебя мог убить его Легион. Приказывал того Император, или нет, но Русс сохранил тебе жизнь. Он не отступал с позором, гордец... — Лоргар вздохнул. — Вероятно, он всю дорогу обратно к Терре горевал, что у тебя такой медный лоб, и надеялся, что ты

учтешь непревзойденный урок о братстве и верности. Посмотри, что произошло. Да, ты победил его в поединке. Да, твои люди сразили больше его воинов. И все же, кто выиграл битву?

— Пожиратели Миров, — без колебаний ответил Ангрон.

Несколько секунд Лоргар просто смотрел на него.

— Я ценю, что каждое живое существо по-своему понимает и оценивает жизнь в силу сути восприятия. Но даже для тебя это невероятно глупо, брат.

— Ты утверждаешь, что Волки победили, — казалось, Ангрон скорее позабавлен, чем смущен.

— Как ты не видишь? — Лоргар сцепил пальцы, пытаясь обуздать собственный темперамент. — Они одержали победу, которая достойна быть навеки вычеканенной на их доспехах. Пока ты упивался своей силой, сыновьям Русса хватило верности, чтобы придти к нему, окружить вас обоих и угрожать твоей жизни, когда ты стоял во главе своего Легиона. Возможно, это самое полное

тактическое превосходство в истории Легионес Астартес. Оно почти поэтично в своей элегантности и эмоциональном значении. Он доказывает верность своих сыновей, а твои бросают тебя на смерть. Он доказывает, как Гвозди вредят твоему Легиону. Он доказывает тактическое преимущество следования цели над дракой просто ради убийства. Он сохраняет тебе жизнь в надежде, что ты увидишь это все, и преподает тебе дорогостоящий урок, а ты в ответ ухмыляешься и объявляешь себя победителем.

На сей раз Ангрон не засмеялся. Лорган видел по напрягшимся мускулам брата, что где-то у него в сознании щелкнул какой-то когнитивный переключатель, и ярость Ангрона вновь нарастала.

— В ту ночь сбежал лишь один из нас. Он слаб.

— Кровь Богов, — Лоргару еще удавалось говорить спокойно, пусть и с трудом. — Примархи это мостик между Императором и видом, который он ведет за собой. Мы все слабы, поскольку равны.

Все. Мы — это преувеличенное человечество с его достоинствами и недостатками.

— Я не слаб. Я никогда не был слаб.

— Если ты не в состоянии понять урок Русса, то ты не просто слаб, но еще и глуп.

Лоргар видел по глазам Ангрона, как сложно Пожирателю Миров не позволять себе сомкнуть руки на горле брата. Он уже набирал воздуха, чтобы прокомментировать самообладание Ангрона, когда корабль задрожал у них под ногами, и они снова выпали из варпа. Металл издавал стоны, сам корабль корчился в муке от того, что его выбросило обратно в холодные не-волны реального пространства. Благородный машинный дух «Лекса» начинал любить путешествия по Морю Душ.

Ангрон медленно выдохнул, издав медвежье фырканье. Его налитые кровью глаза перестали болезненно блестеть, а дрожь в руках унялась.

— Забудь про Ночь Волка. Я пришел из-за Нуцерии.

— И я тебе ответил, — парировал Лоргар, продолжая наблюдать, как гнев брата угасает после выхода корабля из варпа.

Покрытый шрамами примарх посмотрел на золотого. Ангрон впервые осознал, что единственные раны, которые Лоргар не смог — или, возможно, не захотел — залечить, были порезы на щеках, оставленные когтями Коракса на Смертных Полях.

Он уже устал попадаться на изящные словесные гамбиты Лоргара, и на сей раз не собирался поддаваться на провоцирующую реплику брата.

— Я тебя уважаю, — признал он. — Однако никогда не полюблю.

Проявив редкое внимание и участие, Ангрон встретился с братом глазами.

— Впрочем, ты мне действительно должен, ведь я спас твою жизнь. Поэтому я дам тебе спасти мою.

Лоргар улыбнулся и поклонился, словно жрец.

— В таком случае, готовься, — произнес он. — Мы доберемся до Нуцерии

через месяц. Ты возвращаешься домой, Ангрон.

Ангрон вновь издал низкое гортанное рычание «Ммм». Его изуродованное лицо медленно озарилось железнозубой улыбкой.

— Интересно, помнят ли они меня.

Ход времени в варпе не был похож ни на что другое. Даже на защищенных кораблях касание нереальности просачивалось внутрь и искажало восприятие часов в мышцах и разумах находящихся на борту смертных. Минутные задачи могли вызывать изнеможение, как будто ими занимались несколько часов. Все с трудом засыпали, и многих терзали мрачные сны. Когда у членов экипажа подходил цикл отдыха, нередко случалось так, что к началу следующей смены они покидали каюты раздражительными и почти не отдохнувшими.

Лотаре Саррин снился ее брат — его смерть в юности, когда тот заболел и умер, несмотря на бесконечные богатства отца. Тогда она впервые за свою детскую

жизнь осознала, что нельзя решить все проблемы, просто забросав их деньгами. Вплоть до самого конца ей было противно вообще смотреть на брата, и с годами жжение стыда не смягчалось. Он бился и кричал, выглядя так, словно уже умер, и глядел на них впалыми желтыми глазами, содрогаясь от отказа множества органов.

За этот месяц она много раз видела во сне корчащегося мальчика. Когда же бессонница оказывалась милосердна и не давала уснуть целыми днями, она слышала, как он кричит в воздуховодах.

Ангрон не утруждал себя командованием «Завоевателем», доверив это специально обученным офицерам. Точно так же его не заботили тренировки воинов, и он возложил занятие рутинными аспектами жизни Легиона на центурионов. Несколько раз его замечали в компании Вел-Хередара, когда он входил или выходил из кузнечных покоев архимагоса. В остальное время он бродил по просторным залам военного музея «Завоевателя», останавливаясь для долгих бесед с архивариусами, когда боль внутри

черепа оставляла ему терпеливости для них. Когда он проводил время со своими людьми, то не выделял какой-то орден или роту, всегда распределяя внимание между ними. На борту «Завоевателя» находилась очень малая доля Легиона, остальные участвовали в усмирении Ультрамара, и присутствующие за этот месяц видели примарха чаще, чем за несколько прошлых лет. Он пил с ними, наблюдал за гладиаторскими поединками, смеялся совсем как они, и разделял теплоту братских уз, как мало кто из примархов со своими людьми.

Лоргар уединился скорее не из отвращения к соседству с остальными, а ради работы и концентрации. Он занялся записью мелодии по ту сторону пелены, при помощи пера и чернил покрывая пол и стены базилики надписями на языке, который одновременно и был и не был неровными колхидскими рунами. Однажды его вновь навестил Магнус, чтобы поговорить о звездах и сути реальности в царстве, где встречаются боги и

смертные. Лоргар ни разу не поднял взгляда от записей, даже не заметив появления брата. Для него имела значение только песнь. Теперь он ее в равной мере слышал и чувствовал — она стала обдувающим кожу ветром и барабанным боем внутри костей. Можно было взять тысячу оркестров с тысячи разных миров, которые бы использовали инструменты и мелодии, известные только их цивилизациям, и все равно так и не приблизиться к масштабам концерта в сознании Лоргара. Это была не одна песня, а миллиард накладывающихся друг на друга, и он был должен слушать и убеждаться, что каждая нота попадает в такт. Он слышал, как триллионы мужчин, женщин и детей умирают всеми возможными способами. Слышал предсмертные крики целых миров, когда их поверхность пылала, а сердцевина стонала от напряжения. Он слышал это, чувствовал и записывал, записывал, записывал.

К тому времени, когда «Лекс», наконец, выпал из варпа в системе

Нуцерии, примарх гадал, не так ли ощущается безумие. Было ли это безумие? Знал ли бы он? Знают ли вообще безумцы, что зашли так далеко?

Впрочем, он не перестал писать. Собор представлял собой холст, покрытый руническим текстом, и не имело значения, сколько раз его переписывать. Он стал царапать медленнее, но не остановился полностью.

Еще нет.

Скане видел сны о доме и много часов разглядывал медицинские диагностические гололиты, которые отражали точную степень дегенерации, которая произошла с его телом с годами из-за радиации. Ему предлагали возможность выйти из состава разрушителей. Он отказался.

Делварусу снилось недоступное спасение, и он вдвое яростнее бился на тренировках, чтобы опровергнуть саму возможность этого.

Каргос изучал хранилища геносемени, позволяя себе секунды меланхолии при виде имен, выгравированных на блоках криохранения. Когда он спал, то видел былые победы. Похоже было, что касание варпа никогда не играет с ним, как с остальными.

Кирена Валантион, Дважды Живущая, видела во сне, как плывет через пламя, а следом гонятся воющие демоны, которые хватают ее за щиколотки. Каждую ночь она просыпалась от собственных криков и вскакивала на кровати в своих новых покоях, вся в холодном поту. В некоторые ночи она слышала, как стражи из Вакра Джал за дверью приказывают поклонникам расходиться. В другие — просыпалась и видела Аргела Тала, который сгорбившись сидел спиной к дверям, держа в руках убивший ее меч. Он наблюдал за ней, и глазные линзы горели во мраке холодной синевой. Последующие часы они проводили в тихой беседе. Он рассказывал о путешествиях в варпе за год после

Исствана, а она клялась, будто ничего не помнит о годе, что была мертва.

Ради нее он говорил, что верит.

Сам Аргел Тал большую часть времени тренировался с Вакра Джал или ежедневно терпел неудачу при попытке поговорить со своим примархом. «Завоеватель» отремонтировали, и стало меньше возможностей пересекаться с Кхарном.

Что же касается Кхарна, то он никогда никому не рассказывал о своих снах, разумеется, если те вообще у него были. Он гонял своих людей еще жестче, чем раньше, сплавляя несколько разбитых рот воедино, чтобы воссоздать собственную. Он был сконцентрирован на Нуцерии. Точнее, на том, чтобы пережить Нуцерию. Несмотря на неоспоримую слабость обороны мира, он не мог отделаться от неуютного ощущения угрозы, которое было настолько сильным, что казалось предчувствием.

Предостережение Аргела Тала оставалось с ним до момента, когда он

задумался, не убить ли Эреба и перестать размышлять на этот счет. Каргос счел это ерундой: «Поверить не могу, что вы вообще о таком думаете, капитан», а Скане счел нелепым. Его аугметическая гортань издавала смех, напоминающий звук переключения передач «Носорога».

Спустя двадцать семь дней после того, как «Завоеватель» и «Фиделитас Лекс» превратили Армагуру в пепел, они вырвались из варпа на краю системы Нуцерии. «Трисагион» их ждал.

Лоргар поднял взгляд от неразборчивых записей, увидел, как в ночи вращается далекий мир, и содрогнулся. Здесь находился его канал, чтобы выпустить энергию, накопленную расправой над сотней миров, и погрузить Ультрамар в святой огонь. Здесь, на планете, где Ангрон вырос, брат Лоргара окажется перед самым важным выбором в своей жизни.

И, как всегда, все сведется к крови.

18
Поле костей
Предатель
Простой приказ

Когда небо запылало, Ошалай Эврел `Коршай из Родственной Стражи совершала обход. Она шла по городским стенам на закате, беседуя с артиллерийскими расчетами и линейными капитанами — без сердечности, но и без пристрастности. Она всегда предпочитала взаимной симпатии профессиональную дистанцию. Лучше быть уважаемой, а не любимой. Искусственная рука мягко урчала и стрекотала, повинуясь ее воле. Она лишилась конечности из плоти и крови девять лет назад, сражаясь в траншеях во время Последней Войны. За прошедшее с тех пор время это название стало чем-то вроде кислой шутки. Война, Которой Кончатся Все Войны, в конечном итоге оказалась не последней. Города-государства

так часто переходили с одной стороны на другую, что она искреннее сомневалась, участвуют ли они в другом конфликте, или же Последняя Война просто растянулась на годы, каждый сезон меняя свои рамки и степень ожесточенности.

Когда в небе показался огненный дождь, падающий среди первых вечерних звезд, она сперва решила, будто враги совершили невозможное. Великий Береговой Союз каким-то образом атаковал Деш'еа с воздуха, несмотря на полное отсутствие ресурсов и боеприпасов для этого. Какой политический маневр позволил подобное? Они нашли один из склепов-арсеналов Первого Царства глубоко в прибрежных волнах или под горами? Невозможно. Таких уже не осталось, все были вскрыты или раскопаны сотни лет назад.

И все же, в первую очередь она активировала телеметрическое устройство, встроенное в металлический эполет формы. Тут же замигала одинокая лампочка, панически обмениваясь электронными сигналами с основным

когитатором где-то в городе.

— Генерал, — произнес один из стоявших рядом с ней стенных стрелков. — Это имперцы?

Имперцы. Как будто проклятие.

— Это мы имперцы, — заметила она, продолжая наблюдать за огненным спуском комет.

Тот пожал плечами. Нуцерия пребывала в согласии с дедовских времен, однако Империум был в лучшем случае отдаленным господином. С момента, когда Император — хвала ему, Владыке Старой Земли! — покончил с восстанием Короля-Гладиатора больше ста лет назад, не прибывало никаких кораблей. Как и многие из миров нарождающегося Империума, Нуцерию не трогали, пока она платила десятину верностью, деньгами, железом и плотью.

— Может быть, они вернулись, — сказал он, и надежда в его глазах вызвала у нее жалость. — Вернулись, чтобы закончить Последнюю Войну.

— Нам не нужна их помощь, чтобы закончить Последнюю Войну, — не

раздумывая, инстинктивно ответила она заученной фразой. Сколько раз праксуарий, а до того его отец говорили военному совету, что никогда не обратятся к Империуму за помощью? На подмогу не станут звать даже силы Ультрамара, которые, по слухам, находились так близко.

— Это должны быть имперцы. У Альянса нет оружия, способного на... что бы это ни было.

По всему городу завыли сирены, предупреждающие о скором нападении с воздуха. Это звучало настолько чужеродно, что она едва не рассмеялась, хотя улыбка вышла натянутой и неприятно трачной.

— Дай мне свои магнокуляры, — распорядилась она. Он повиновался, и она навела устройство вверх, вперив взгляд в каплевидные капсулы, которые мчались по небу, оставляя за собой огненные инверсионные следы.

— Это они? — спросил стрелок. — Имперцы?

— Складывай желания в одну руку, — отозвалась она, возвращая ему

видоискатель, — а дерьмо в другую. Увидишь, какая наполнится первой.

Генерал направлялась в зал совета, не жалея хмурых взглядов, чтобы убирать с дороги младших офицеров. Дворец Праксика был избыточно большим сооружением, в нем присутствовало так много металла рескиута и черного мрамора, что с момента входа в первый приемный зал от них уже пестрило в глазах. Ошамай бы не вынесла большего количества статуй танцующих грациозных девушек, или еще одной фрески с изображением прежних праксуариев, триумфально стоящих на полях сражений, где они даже не вынимали клинка или пистолета.

Когда она пробралась по переполненным коридорам дворца и вошла в зал совета, ее встретило море салютов и широко раскрытых глаз. Воспользовавшись своей роботизированной рукой, она ответила на единственный значимый салют.

— Наш единственный владыка, —

поприветствовала она праксуария Тибарала Фаль`кра из Первого Дома, Защитника Деш`еа, Имперского Магната Нуцерии.

Тот поманил ее ближе, его глаза были раскрыты так же широко, как и у слуг с солдатами. Синие глаза, как у отца. Темные волосы, как у матери. Он утопал в церемониальном пурпурном облачении и сжимал выполненный из рескиума скипетр, увенчанный аквилой, словно это было оружие, способное спасти ему жизнь. Возможно, так бы и произошло, будь это действительно возвращение имперцев.

В следующем месяце ему должно было исполниться тринадцать лет. Если считать, что мы все доживем до следующего месяца, — подумала Ошамай. Или до следующего часа.

— Генерал Эврел `Коршай, — приветствовал ее праксуарий. — Небо льет огненные слезы. Это знак.

— Да, наш единственный владыка. Как вы и сказали, это знак, — при его виде у нее упало сердце. Что уж точно было не нужно на грани катастрофы — так это чтобы

безумный маленький монарх-таракан мешал им своим идиотизмом.

— С вашего разрешения, я бы мобилизовала Родственную Стражу и...

— Нет, — напуганный мальчик идеально владел своей речью, что было неудивительно, если учесть бесконечное обучение ораторскому искусству. Если бы она не видела страха в его глазах, то ни за что бы не поняла по твердому голосу, что он на грани ужаса.

— Наш единственный владыка, — произнесла она, стараясь не бросать на придворных и других офицеров взгляды в поисках поддержки. — Город вот-вот атакуют.

— Вы не знаете этого наверняка, — заметил тот. Он подковылял к заваленному свитками картографическому столу, морщась от подагры, которую заработал несколько лет назад и так и не сумел победить. — Я полагаю, что имперцы возвращаются, чтобы завершить Последнюю Войну.

Ошамай не знала, что на самом деле представляли из себя сыплющиеся с

орбиты огненные капсулы — подобные технологические чудеса выходили далеко за сферу ее компетенции, и о них не упоминалось в архивах города-государства. И тем не менее, когда они озарили небо, она без посторонней помощи поняла, что происходит.

— Перемещение людей или техники при помощи транспортных капсул предполагает наступление, наш единственный владыка. Если бы они пришли с миром, то, несомненно, совершили бы высадку несколько менее энергично.

Она заметила в его взгляде сомнение. Оно продержалось мгновение и почти сразу же сменилось твердой уверенностью. По воле неба, безумный юный властитель никогда не сомневался в себе.

— Нет, — сказал он. — Нет, они просто приходят с величием, которого и следовало ожидать.

— В таком случае я мобилизую Родственную Стражу в качестве церемониальной меры для их встречи, наш единственный владыка.

Он кивнул, не зная, что солдаты Деш'ea уже десять минут как мобилизуются.

— Очень хорошо.

— Есть донесения, что несколько кораблей опустились в горах Деш'елика, вдали от основной армии. С вашего разрешения, я вышлю скиммеры сопровождения на разведку.

Мальчик сделал одобрительный жест.

— Как скажете. Я приму имперских посланников в тронном зале. Идемте со мной, генерал.

Ошамай поклонилась и повиновалась.

Кхарн шагал по полю костей, слушая призраков на ветру. На такой высоте в горах звучание ветра приобретало воющий оттенок. В его дыхании несложно было услышать голоса давно сгинувших древних мертвецов. Они не добрались до мест, где круглый год идет снег, однако Кхарн поднял взгляд вверх и на мгновение вновь стал мальчиком, который карабкался по зубчатым пикам своей родины и

чувствовал, что может дотянуться до звезд. Мир, бывший его колыбелью, находился на удалении в половину охваченной войной галактики, но даже гвозди не смогли помешать краткой улыбке от чистого и отчетливого воспоминания.

Примархи шли впереди объединенной группы, не обращая внимания на смешанный отряд из Восьмой роты Кхарна и испепелителей Аргела Тала. Позади все еще светились «Громовые ястребы», раскалившиеся от резкого ныряка в атмосферу. В холодной горной атмосфере от них исходил пар.

Горная тундра была покрыта костями. Разрозненными костями, форма и функция которых уже слабо угадывались. После ста лет выветривания от них остались только куски и осколки, однако посреди открытого могильника глаз то и дело цеплялся за что-то, явно напоминающее скелеты.

Кхарн потянулся вниз к останкам черепа. Бронированные кончики пальцев с тихим шорохом поскребли по изъеденной

временем поверхности. Судя по уцелевшей части — той, которую не отполировали ветер и дождь — он принадлежал мужчине.

— Не надо, — предостерегающе произнес остановившийся рядом Аргел Тал.

— Что не надо?

— Ничего не трогай. Череп. Эти кости, — шлем брата кивнул в направлении Ангрона, а затем снова повернулся к черепу в руках Кхарна. — Это кладбище — сердце вашего примарха, извлеченное наружу и обнаженное. Посмотри на него.

Кхарн повиновался. Ангрон стоял спиной к остальным. Он покачивался, толстые пальцы подергивались. Сквозь стиснутые зубы раздавался горестный жалобный вой — звук уязвимости в отсутствие слабости, звук неописуемой боли, выраженной со звериной простотой.

— Ступай осторожно, — добавил Аргел Тал, — и ничего не трогай.

Кхарн присел и положил череп на то же место, где нашел. Тот укоризненно уставился вверх одной глазницей. Кхарн перевернул его носком сапога, установив в

точно такое же положение, как до вмешательства. Следующие слова он произнес, понизив голос, хотя и говорил по персональному каналу вокса.

— Ангрон должен был умереть здесь. Это как вспоминать несбывшееся.

Аргел Тал обошел камень, у подножия которого лежала груда костей.

— Я все еще чую запах крови, которая пропитала эту бесплодную почву.

— Это твое воображение, — сказал Кхарн.

Аргел Тал не ответил.

За все годы своей жизни Ангрон плакал один и только один раз. Он хорошо об этом помнил, поскольку это было его первое воспоминание за пределами тесной утробной камеры. Он выбрался из тепла расколотой родильной капсулы на леденящий горный воздух. Он видел только красное и чувствовал лишь вкус собственной крови. Как только он выполз на свободу, раны по всему телу замерзли, их в какой-то мере прижгло льдом. Он был мальчиком, просто мальчиком, и все его

тело истекало кровью.

А затем пришли они. Тощие тени, быстрые как ветер. Они завывали, смеялись и проклинали на языке, которого он не понимал.

Он их убил. Конечно же, он их убил. Едва он ощутил их приближение, как сразу учуял металл оружия и бросился на них, зная лишь то, что металлический запах означает опасность и смерть.

Он забил нескольких насмерть куском камня размером с кулак. Остальные пытались бежать, но окровавленный мальчик преследовал их по тундре, валя наземь и разрывая глотки пальцами и зубами.

Но в тот день он плакал. Причиной этого стали не нападавшие, кем бы они ни были. И не боль, хотя он был всего лишь мальчиком, и никто бы не стал судить его строго за детские слезы от полученных ран.

Нет. Он заплакал, когда только выбрался из капсулы, от прикосновения ветра к коже. Стужа вгрызалась в его раны ледяными зубами, но чувство свободы

вызвало у него слезы на глазах. За все прошедшие с тех пор десятилетия он не проронил ни единой слезы. До этого момента. Две соленые капли побежали по изуродованному лицу, примерзая к нему.

Ангрон оплакивает павших братьев и сестер

— Все мертвы, — тихо проговорил он. — Мои братья. Мои сестры.

Лоргар подошел к нему, осторожно ступая и изо всех сил стараясь не потревожить святую землю.

— Как вы называли своих врагов? — спросил он.

— Верховыми, — отозвался Ангрон. — Мы звали их верховыми, за то, что они стояли над нами и смотрели, как мы умираем в грязи арены.

— Верховые забрали тела своих, — произнес Несущий Слово. — Тут слишком мало костей для останков двух армий.

— Мои братья и сестры, — повторил Ангрон. — Я поклялся, что останусь с ними. Мы бы умерли вместе. Лоргар, в мире никогда не было таких бойцов. Клестер с ее визжащим копьем. Йохура и его удушающие цепи. Асти, Малыш Асти, который воровал ножи, чтобы метать, резать и колоть. От его усмешки холодные ночи становились теплее. Парбедон, лишившийся руки из-за гангрены. Он кричал, чтобы верховые приблизились, если посмеют. Мы с ним прикрывали друг другу спину. Мы скользили по крови, давя павших сапогами.

Ангрон покачал головой и продолжил.

— Слова не воздают им должного. Мы были родом с красных песков, росли в грязи и питались дерьмом, которое нам скармливали верховые. Но мы вырвались. Тысячи, Лоргар. Нас были тысячи. Мы были свободны, мы жили, смеялись и заставили ублюдков заплатить. От гвоздей было больно — ах, как больно, даже тогда. Но мы заставили верховых и их Родственную Стражу с бумажной кожей заплатить.

Лоргар молча слушал. Ангрон опустил голову.

— Я должен был умереть здесь. Я умер здесь. Примарх Пожирателей Миров — это всего лишь тень. Эхо. Здесь мое место. Величайшая битва моей жизни, и меня ее лишили.

— Будет и более великая битва, брат. Терра. И обещаю, никто тебя ее не лишит, — с легкой улыбкой произнес Лоргар.

— Терра. Терра! — горько расхохотался Ангрон. — Мне плевать на Терру. Плевать на Терру, на Гора, на... на

Него. На Императора.

— Тогда почему я слышу в твоем голосе столько ненависти? — тихо спросил Лоргар.

Ангрон выхватил цепные мечи из заплечных ножен и вдавил активаторы на рукоятях. Оружие взревело.

— — Ммм. Хррғх. Он меня забрал! Уволок в небо! Император. Проклятый богами Император.

— Ты отомстишь, Ангрон. Уже скоро мы вновь ступим на Терру, обещаю тебе.

— Мои братья, — продолжал тихо бормотать Ангрон, не слушая клятву брата. — Мои сестры. Все рабы. Рабы-гладиаторы с арен. Для верховых, которые держали нас на цепи, наши жизни были как грязь. Но хозяева заплатили, о, как они заплатили. Когда мы вырвались, этот мир запылал. Он горел. Клянусь тебе в этом.

Второй примарх медленно и понимающе кивнул.

— Я тебе верю.

Ангрон все еще слышал только призраков в своем разуме.

— Война все тянулась и тянулась. Сезон за сезоном. Город за городом. Реки покраснели от крови верховых! Мы дрались. Дрались повсюду, клянусь. Верховые атаковали нашу стену щитов у Фалькхи. Они на нас напали! Так приказали их аристократишки, и они попались на приманку. Я до сих пор слышу гром, с которым сошлись наши ряды. Слышишь? — он перевел бешеные глаза на Лоргара. — Ты слышишь гром?

Лоргар улыбнулся. На его расписанном рунами лице было выражение безжалостной доброты.

— Слышу, брат.

— Но время года сменилось, и мы отступили. Нам пришлось бежать в горы, к хребтам, чтобы пережить зиму. За нами шло слишком много армий верховых, у них были лазеры, гранаты и пулеметы, которые трещали днем и ночью. Я поклялся, что умру в горах вместе с братьями и сестрами. Мы были свободны. Это была наша смерть. Смерть, которую мы заслужили, смерть, которой мы хотели. Мы смеялись и подзывали их

ближе. Верховые ублюдки!

Ангрон развернулся, второй раз переживая тот миг, вскочил на валун и широко раскинул руки. Он закричал — нет, завопил — с хохотом бросая вызов небу.

— Идите и умрите, псы из Деш'ea! Я Ангрон с арен, рожденный в крови, выросший во мраке, и я умру свободным! Давайте, поглядите, как я бьюсь в последний раз! Разве не этого вам надо? Разве не этого вы всегда хотели? Подходите ближе, сучьи трусы!

Кхарн смотрел, как его примарх стоит на усиливающемся ветру, и наблюдал, как история повторяется в такт безумному воспоминанию. Ангрон вскинул цепные мечи, имитируя первые удары той последней схватки. Каждый взмах сопровождался ревом зубьев. Собравшиеся легионеры застыли на месте, молча следя за происходящим.

— А потом. Потом. Хрргх. Император. Ммммм. Император. Он похитил меня, запер, бросил в темное брюхо «Завоевателя». Телепортировал на орбиту, хотя в то время я ничего не знал о

подобной технологии. Я был один, один во траке. А мои братья и сестры умирали здесь. Умирали без меня. Я поклялся. Мы все поклялись. Поклялись стоять, драться и умереть. Вместе. Вместе.

Ангрон раскачивался вперед и назад. Его клинки опустились, а взгляд утратил осмысленность.

— Император. Верховая тразь. Когда Гор позвал, я дал слово. Дал слово потому, что жил, хотя должен был умереть. Это не дар. Он сделал меня предателем! Заставил меня нарушить единственную важную клятву! Я выжил, а мои братья и сестры умерли здесь, а их кости достались грызунам, ветру и снегу.

Братья не обращали на окружающих воинов внимания, как будто были одни. Лорган снова подошел к Ангрону, стараясь не касаться его, но Кхарну показалось, что в голосе Несущего Слово появилась коварная заботливость.

— Нет эмоции чище, чем ярость, — произнес Лорган. — Нет цели праведнее, чем месть.

Во взгляде Ангрона забрезжило

узнавание.

— Да, месть. Расплата. Пища для души, брат.

— Чем ты отличался? — спросил Лоргар. — Почему наш отец так с тобой обошелся?

Ангрон пожал плечами, отмахиваясь от безрадостного сочувствия в голосе брата.

— Ты сохранил этого осла Кор Фаэрона. Русс — своих побратимов. У Льва остался Лютер. Люди — братья и приемные отцы — спасенные и вознесенные в ряды Легиона. Но не я. Не Ангрон, нет. Император телепортировал своих позолоченных кустодиев вниз, чтобы помочь мне и моей армии? Нет. Выпустил Псов Войны и приказал им сражаться, биться рядом со мной? Нет. Спас моих братьев и сестер так, как уберег и возвысил ближайшего сородича Льва? Как почтил Кор Фаэрона? Нет, нет и нет. Никакой жалости к Ангрону. Ангрону Клятвопреступнику. Ангрону Предателю.

Пожиратель Миров спрыгнул с камня, глядя на кости, но продолжая обращаться

к Лоргару.

— Он провел на моем родном мире недели, как с тобой на Колхиде, Вулканом на Ноктюрне и Руссом на Фенрисе? Нет. Император не устраивал состязаний в силе и твердости духа с Ангроном Рабом. Не было недель смеха, веселья и залечивания ран, нанесенных планете. Вместо этого он лишил меня прожитой жизни и заслуженной смерти. Заставил нарушить клятву, которую я дал нуждавшимся во мне.

Во взгляде Лоргара появилась ярость.

— Но почему? Почему он дал твоей армии умереть? Почему он похитил тебя во вспышке телепортации, хотя мог задержаться, как он это делал на многих других планетах? На орбите был Легион — твой Легион, Ангрон. Один-единственный приказ, и они бы обагрили клинки рядом с тобой, спасая твою армию мятежников и славя тебя как генетического предка. Но он удержал их, как держал тебя.

По подбородку Ангрона потекла густая влажная слюна.

— Я уже не узнаю, почему. Он мне так

и не ответил. Но он заплатит, как заплатили верховые. И когда я окажусь перед ним на Терре, я спрошу снова. И тогда, Лоргар, наш отец даст ответ.

Несущий Слово вздохнул, поддавшись какому-то своему возвышенному переживанию.

— Ты заслуживаешь ответа.

— Деш'ea, — произнес Ангрон. — Я должен там побывать. Должен взглянуть, кто правит в городе, который заявлял свои права на меня. В городе, который убил моих братьев и сестер.

— Как пожелаешь, — согласился Лоргар. — Как пожелаешь.

Ее уязвило, что праксуарий оказался прав. Несмотря на поспешное прибытие, они выглядели мирно. В донесениях сообщалось, что тысячи и тысячи их высаживались на равнине за пределами города, несомненно выгружая армию, однако не атаковали сам Деш'ea. Оставшись у королевского трона, она руководила процессией офицеров, которые снабжали ее свежими данными и

рапортами наблюдателей, нашептывая в ухо и передавая информационные распечатки.

Праксуарий прямо сидел на троне. Он был вдвое ниже отца и вдвое нелепее того напыщенного глупца. Символом его власти был амулет из полированного серебра в форме сжатого кулака. Юный Тибарал носил его на шее, хотя тот свисал почти до самого живота. Он постоянно вздыхал, словно на его плечах лежал груз целого мира.

— Сколько домов мобилизовано? — спросила Ошамай у одного из младших командиров. Тот нервничал, это было видно по глазам, однако гладко справлялся с волнением, маскируя его расторопностью занятого делом солдата.

— Примерно половина уже на стенах, генерал. Большинство оставшихся предпочитают защищать собственные поместья, а не присоединяться к общим силам обороны.

Она отпустила его, нимало не удивившись тому, что так много домов решило укрепляться свои особняки. В

сущности, ее поразило, что нашлось так много желающих отправить солдат на стены. Подобный альтруизм был непохож на поведение благородных родов — ей было хорошо об этом известно после тридцати лет офицерской службы при дворе праксуария.

Когда к ней приблизился следующий офицер, она наклонилась к нему и сказала на ухо: «Если они нападут на город, готовьтесь освобождать рабов».

Надо отдать ему должное, он не стал спрашивать, уверена ли она, или же указывать на безумие идеи. Если на город нападут, несколько тысяч воинов из касты рабов с арен смогут хотя бы упрочить количество защитников. А если бы те восстали и подняли бунт? Это едва ли имело значение, город в любом случае был бы обречен.

— Я за этим прослежу, — пообещал офицер.

— Удачи, — произнесла она.

Он опешил. Никто не привык слышать теплые слова, слетающие с тонких губ генерала. Ошалай

порадовалось, что он предпочел не заметить ее секундную оплошность. От того, что творилось на равнине, ее нервы были так же расстроены, как и у всех остальных.

Ждать пришлось недолго. В громадные каменные двери на южном входе в тронный зал ворвались герольды, которых сопровождали бегущие и оглядывающиеся через плечо солдаты.

Ошамай сглотнула. Это выглядело плохо.

— О наш единственный владыка! — завопили герольды, лопоча и перекрикивая друг друга. Мальчик-король стерпел происходящее с отрепетированным царственным терпением. Однако он не успел заговорить.

Первый прошедший в черную траморную арку был настолько высок, что ему пришлось пригнуть голову. Ошамай буквально почувствовала, как сотни придворных разом вдохнули. Они, как один, судорожно глотнули воздуха, и многие попятились к стенам от вошедшего гиганта. Тот превосходил ростом любого

человека и был закован в броню холодного красного цвета и блестящую начищенную бронзу. С задней части выбритой татуированной головы тянулись косички-кабели, которые уходили в работающий доспех. Все, кто благоговейно смотрел на военачальника, узнали эти имплантаты — Гвозди Мясника, кибернетическая грива раба.

К его спине были пристегнуты два зубчатых моторизованных меча, хотя сама мысль, будто этому созданию, этому воплощению жестокости требуется оружие, чтобы повергать врагов, была смехотворной. Он двинулся по красному ковру, который вел к Трону Рескиута, сотрясая пол своими шагами. В полированной поверхности трона отражались верхние полосы искусственного освещения и съежившиеся фигуры почти двух сотен придворных. Несколько солдат Родственной Стражи протянули дрожащие руки к оружию. Остальные осознали полную тщетность этого действия. Ошатай была в числе последних.

Новоприбывший остановился, повернулся и оглядел окружающую обстановку. Безгубое лицо являло собой лик сломленного ангела. Оно было изуродовано и покрыто шрамами, лишившись даже намека на былую красоту.

— Ну, — произнес он резким голосом, напоминавшим скрежет каменной кладки. — Кто нынче у власти?

Сидящий на троне мальчик-король расплакался. Родственная Стража, поклявшаяся жизнью защищать его до последнего вздоха, начала отступать от трона. Бог-воитель увидел их медленный отход и улыбнулся.

— Это ты, мальчишка? Ты праксуарий Деш`ea?

Мальчик сжался на троне, зарыдав еще громче. Бог начал приближаться, неторопливо перешагивая по четыре ступени за раз.

— Мальчик, — сказал он, и на сей раз его голос был сухим шепотом. — Из какой ты семьи? Чья кровь пульсирует в твоих грязных жилах, верховой?

Вместо плачущего ребенка ответила

Ошамай. Она единственная не отошла от Трона Рескиума.

— Ты стоишь перед Тибаралом из Дома Фаль`кр, — ей почти удалось произнести это ровным голосом.

При звуке имени лицо бога напряглось, растянувшись в гримасе, которая не была ни оскалом, ни улыбкой.

— Фаль`кр, — проговорил он. — Этот род еще правит? Спустя столько времени...

— Они еще правят, — Ошамай вытянулась, в ее глазах стояли слезы страха. Сердце колотилось так, словно вот-вот разорвется.

— Фаль`кр держали меня на привязи, — произнес воин. — Они мной владели.

Теперь появились другие захватчики. Первый из них не уступал ростом богу с прической из косичек. Его кожа была бледно-золотой в противоположность загорелому и покрытому рубцами теченосцу. На одном плече покоилась ребристая и шипастая булава, плащ цвета кровавого заката был откинут назад, демонстрируя броню такого же васкулярно-

кровяного оттенка. Его лицо обладало монументальной мужественностью, оно каким-то образом одновременно было покровительственным, безмятежным и уверенным. Когда он приблизился, Ошамай разглядела сквозь слезы, что золото на его коже — это вытатуированные рунические надписи. Единственным изъяном были шрамы от когтей на одной щеке, которые тянулись от подбородка до виска, но от них его внешность скорее выигрывала. Только увидев его, десятки придворных упали на колени. Остальные заплакали, это было не позорное трусливое рыдание, а безмолвные слезы чистого благоговения.

За золотым божеством следовали рыцари, закованные в белоснежную и кроваво-красную броню. В общей сложности их было тринадцать. Воители в белом расслабленно держали в руках топоры. К боевым доспехам красных рыцарей были прикреплены полоски пергамента, а сами они были вооружены кривыми клинками. На их ранцах булькали снаряженные баки с горючим. Похоже было, что все они охраняют единственную женщину —

красивую хрупкую девушку двадцати пяти лет от роду в красном шелковом одеянии. Она была стройной, но совершенно не выказывала страха в окружении защитников. Темные волосы обрамляли смуглое лицо и темные глаза, которые перескакивали с лица на лицо, с оружия на оружие, с картины на картину.

— Лорган, — сказал стоящий возле трона бог с косичками. Он произнес всего одно слово, его плечи содрогались.

А затем он запрокинул голову и расхохотался громко, словно призрачный ветер в горах.

Когда смех Ангрона разорвал серое безмолвие, Кхарн и Аргел Тал опешили, как и все Пожиратели Миров и Несущие Слово. Это был не просто хохот, а доля жизни в трагичной и заторможенной пустоте зала. Те, кто отступил, попятились еще дальше. Оставшиеся на месте почувствовали, как по коже ползут мурашки.

— Лорган, — Ангрон продолжал смеяться, его налитые кровью глаза

увлажнились от веселья. — Взгляни, брат! Взгляни на последнего отпрыска семейства, которое когда-то мною владело. Как же пали могучие!

Кхарн наблюдал, как Лоргар поднялся по ступенькам к трону и встал рядом с Ангроном, от чего несчастный плачущий ребенок оказался в тени двух примархов. Впервые на памяти Кхарна примарх XVII Легиона выглядел неуверенным. На его лице сомнение боролось с весельем.

Два военачальника поняли друг друга, и Ангрон хлопнул брата по плечу. Его смех утих, но так и не покинул глаз.

— Я с этим разберусь, — сказал он Лоргару. — Ты. Женщина. Подойди сюда.

Ошамай, с которой никогда так не разговаривали, потребовались все силы, чтобы проглотить комок в горле.

— Ты не он, — сбивчиво проговорила она. — Ты не можешь быть им.

Ангрон лязгнул зубами, словно зверь, резко укусив воздух.

— Правда?

— Ангрон Фаль'кр умер сто лет назад, — прошептала Ошамай. — Он сбежал

из битвы на хребте Деш`елика.

— Он... он... — теперь смеха не было. Жизнь в его глазах померкла, и они приобрели жемчужный блеск от ошеломляющей боли. Ангрон рванулся всем телом и оказался перед ней, глядя сверху вниз. — Он сбежал. Ты мне так сказала. Сказала, что Ангрон Фаль`кр сбежал.

Генерал Ошамай Эврел`Коршай, стуча зубами, попыталась заговорить, но вместо этого издала слабый стон, а по ее бедрам потекло содержимое опорожнившегося мочевого пузыря.

— Говори, — почти что промурлыкал Ангрон, его дыхание было кислым от ненависти.

— Он возглавлял мятеж рабов. Он бросил их умирать в горах. Он...

— Ты, — Ангрон полностью обхватил ее голову покрытым шрамами кулаком. — Ты лжешь, женщина. Ты... хрргх... сейчас ты скажешь правду.

Но она всхлипнула, и это ее погубило. Ангрон сжал кулак, оборвав ее выдающуюся карьеру и раздавив череп на окровавленные обломки, которые даже не удосужился

стряхнуть с руки. Тело упало. Ангрон посмотрел на пол, казалось, он раздражен ее смертью, как будто не имел к этому никакого отношения.

— Ты, — он ткнул мокрой от крови рукой в ближайшего офицера. Поверх черной формы человек носил нагрудник, указывавший на капитанский чин. Ангрон это знал, за сто лет его отсутствия мало что изменилось.

— Пожалуйста, — произнес человек. — Пожалуйста. Пожалуйста.

Примарх низко и тяжело дышал, словно карнозавр.

— Ты, — снова сказал он, и теперь его огромные руки задрожали. Кхарн узнал все симптомы боли от Гвоздей.

— Ты скажешь, — произнес Ангрон. — Расскажи мне о той битве. О битве на хребте Деш`елика.

— Это ты, — прошептал офицер. — Это ты.

- - - Говори, — от рева человек отшатнулся назад, ударившись спиной о колонну.

Кхарн рискнул бросить взгляд на

Аргела Тала. Несущий Слово стоял рядом с Киреной — настоявшей на том, чтобы высадиться с ними — наклонив лицевой щиток и глядя на примархов. Позади виднелись одинаково бесстрастные забрала типа «Сарум» Вориаса и Каргоса.

— Капитан, — раздался в воксе голос Эски. Кодиций стоял далеко позади, рядом с дверями, вместе с несколькими из Вакра Джал. — Уровень страха в помещении приближается к точке прорыва. Стадный инстинкт людей заставит их бежать.

Кхарну не нужно было быть псайкером, чтобы понимать, что библиарий прав. Он все видел по неровным движениям и медному запаху дыхания.

— Убейте всех, кто рванется к дверям.

— Есть, капитан.

Лоргар стоял на тронном возвышении, словно статуя, олицетворяющая терпение. Ангрон навис над скулящим нуцерийским офицером, сжав рукой бронированный торс человека и оторвав того от пола.

— Ты скажешь, — выдохнул примарх, —

или утрешь.

— Сто лет назад, — взвизгнул мужчина. — Легенда. Старая история. Ангрон Фаль`кр и армия мятежников, которую вырезали в горах. Он... Ты...

— Скажи это, — Ангрон встряхнул человека и бросил его на пол. Раздался лязг нагрудника о камень и хруст ноги. Офицер продолжал кричать, пока Ангрон злобно не уставился на него, оскалив железные зубы, увлажненные нитками слюны. — Говори.

— Армия погибла вся до единого. Ангрон Фаль`кр бросил их на смерть...

— Нет! Нет! Меня никогда так не звали. Никогда! Я отказываюсь от этого рабского имени! — Ангрон раздавил череп человека сапогом, размазав останки по камню. — Никто не может сказать правду? Все помнят только ложь?

Он развернулся к толпе, продолжая бесноваться, и ударил цепными мечами друг о друга.

— Я не убегал! Грязные верховые псы. Для вас нет ничего святого? Ваша трезость не щадит ничего? Вы убийцы и

дети убийц. Рабовладельцы и дети рабовладельцев. Мы жгли ваши города! В лучший день моей жизни я стоял и вдыхал дым гибели Уль-Чайма. Я вырвал маленькому принцу глаза. Треск, хруст и крики, крики, крики.

Его голос стал выше, маниакально подражая человеку, который умирает в ужасных муках.

— Нет, Ангрон, нет! Прошу! Пощады!

Лоргар молча наблюдал. Кхарн едва мог поверить, что второй примарх настолько бесстрастен.

— Сир... — начал было Кхарн, но Ангрон отшвырнул его, плашмя ударив цепным клинком. Пожиратель Миров спиной вперед отлетел к Аргелу Талу и Эшрамару, которые неловко подхватили и удержали его.

— Я никогда не убегал. Никогда. Император... Хррргх, — титаническим усилием Ангрон остановил мечи, перестав активировать их моторы, и надолго умолк.

— Кхарн, — наконец, произнес он скрежещуще-шипящим голосом. — Аргел

Тал.

Восьмой капитан и командир Вакра Джал шагнули вперед.

— Сир? — спросили они в унисон.

Ангрон поднял глаза. В них читалась старая боль и приглушенная тлеющая ярость. Он не смотрел на воинов, вместо этого мазнув взглядом по собравшимся придворным и уже не видя в них людей.

— Я хочу, чтобы все Пожиратели Миров и Несущие Слово выполнили простой приказ.

— Все что угодно, сир, — сказал Кхарн.

— Только скажите, и он будет исполнен, — сказал Аргел Тал.

Ангрон оглянулся на съежившегося на троне ребенка — последнего живого представителя рода, который когда-то завладел им, изуродовал и погубил.

— Убить всех в этом городе, — Ангрон закрыл глаза. — А потом убейте всех на этой планете.

19
Мертвые глаза
Вечный
Война, где надо думать

Нуцерию не ожидала великая война. К постыдному разочарованию Лотары, планету не ожидала бомбардировка. Капитан проводила дни на мостике «Завоевателя», разглядывая орбитальные карты и наблюдая, как города сгорают под накатывающейся волной двух Легионов и сил Аудакс. Внизу находилось всего двадцать тысяч легионеров, но в случае с такими воинами «всего» — относительное понятие. Несколько сотен захватили бы мир за пару месяцев. Нескольким тысячам едва ли понадобилась бы неделя.

Лорке высадился с ними, вызвав у Лотары странное ощущение изоляции. За последний месяц она успела привыкнуть, что бывший Магистр Легиона стоит возле ее трона и со скрежетом делает свои ветеранские комментарии по поводу

всего происходящего. Она гадала, был ли он столь же внимателен в годы, когда возглавлял Псов Войны, стоял ли у тронов ее предшественников, громогласно советуя и критикуя без спроса.

Как-то раз она попыталась сыграть с ним в карты, чтобы скоротать время в ходе месячного перехода. Как она выяснила, Лорке совершенно не умел проигрывать, а его массивным перчаткам не хватало ловкости картежника. В конечном итоге, им пришлось воспользоваться сервитором, который держал за него карты. Он сыграл всего один раз, и это длилось не более двух минут.

— Это нелепо, — заявил он, и на том все кончилось.

Когда он сообщил, что собирается высадиться, она вопросительно приподняла бровь.

— Война зовет, — ответил он.

— И это никак не связано с тем, что вы не доверяете Ангрону?

— Война зовет, — повторил он. И на этом снова все кончилось.

Первым пал Деш'ea. Она наблюдала,

как он гибнет. Сгорающая цивилизация всегда выглядела с орбиты постыдно красиво. Два Легиона шагали по улицам, расправляясь с населением и неся смерть всем рабовладельцам, каждому мужчине, женщине и ребенку, которые терпели рабство в своем обществе. Единственное сообщение от Ангрона поступило, когда Деш'ea затянуло дымом его предсмертного вздоха. Примарх выглядел таким оживленным, каким она его еще не помнила, но его глаза были еще более мертвыми, чем обычно.

— Правосудие, — с яростным пылом произнес гололитический образ. — Месть. Все рабовладельцы мертвы. Все негодяи, кто когда-либо ликовал во время гладиаторских игр. Каждый. Все, Лотара.

Она увидела позади примарха Лорке, который протопал мимо, пересекая поле зрения. Следом проехал «Разящий клинок», и картинка затряслась.

— И каждый город повстречается с Легионами? — спросила она.

— Каждый.

Лотара изобразила равнодушие,

притворившись, будто поигрывает инфопланшетом. Ей не нравилось смотреть в его расфокусированные глаза. Несмотря на жизненную силу и пылкий голос, Ангрон глядел, словно труп, напрягая мускулы от вызванной гвоздями боли. Она опасалась, что произошедшее в тронном зале праксуария еще сильнее повредило остатки его разума.

— А что с планом лорда Аврелиана?

— Скоро. Ммм. Когда города умрут. Они сгорят. Станут погребальными кострами для моих братьев и сестер, которые сгинули сто лет назад. Тогда можно будет разобраться с безумием Лоргара.

Звук его голоса заставил ее вздрогнуть и порадоваться, что она в двухстах километрах наверху.

— Удачи, Ангрон.

Он ухмыльнулся, довольный тем, что она хоть раз не назвала его «мой повелитель», даже в шутку. Спустя секунду изображение исчезло. Это было в первую ночь.

И теперь, спустя шесть дней после

прибытия, она расхаживала по мостику в надежде чем-нибудь — хоть чем-нибудь — заняться. На поверхности ожидался штурм города Михора на рассвете, и какая-то ее часть хотела быть там и увидеть все собственными глазами. Другая часть — более мудрая и трезвомыслящая — хотела находиться подальше.

Она установилась у консольного стола Пераллы. Искалеченная девушка с улыбкой посмотрела вниз чудными водянистыми глазами.

— Мой капитан, — мягко поприветствовала она Лотару.

— Провидица, — отозвалась Лотара. — Ты когда-нибудь скучаешь?

— Нет, капитан, — чудо, но казалось, что рассеченная надвое девушка говорит искренне. — Никогда.

Лотара тихо усмехнулась и двинулась дальше. Она находилась возле системы переключателей частот и передатчиков вокс-магистра Кеджика, когда южные двери мостика шумно разъехались по направляющим. Несколько человек повернули головы: основной коридор

шел с востока на запад, и мало кто пользовался южным входом.

В проеме стоял Тарн, магистр астропатов. Как и все астропаты, он был слеп, лишившись зрения для усиления своих возможностей. Молочно-белые глаза под белоснежным капюшоном было широко раскрыты.

— Капитан, — произнес он. — Я что-то слышу.

Лотара замаскировала вздох фальшивой улыбкой, надеясь, что так в ее голосе не будет резкости.

— Тарн, если ты пришел прочесть мне очередную лекцию насчет великой песни лорда Аврелиана, разрешаю развернуться и оставить меня в покое.

Тот стиснул обозначающий статус медальон костлявыми руками, пальцы которых были узловатыми от подагры.

— Нет, капитан. Я слышу, как что-то приближается.

На другом конце мостика Лералла повернулась на своей опоре, и кабели, которые связывали ее с потолком, задергались, словно змеи.

— Варп-канал, — воскликнула девушка. — Варп-канал на пятом меридиане. Активирую гололиты.

Лотара помчалась к центральному гололитическому столу, который с мерцанием ожил.

— Что входит? Всем смотреть на канал, — она уставилась на мерцающую в воздухе гололитическую руну, мучительно ожидая, пока та расшифруется. Она знала лишь, что это прореха в варп. Корабль, который врывается обратно в реальность.

— Захвачено системами провидения, — отстраненно проговорила Лералла. — Я его вижу.

Спустя мгновение увидела и Лотара. Руна развернулась, продемонстрировав опознавательный код, затем несколько кодов, а затем еще несколько.

— Подготовить орудия и щиты, — спокойно произнесла она. — Весь экипаж по боевым постам.

Ее призрачный образ возник на краю ретинального дисплея Кхарна. Как обычно, в профиль, переданный видоискателем,

установленным на боковине трона.

— Капитан Саррин всем наземным силам. Боевой корабль Тринадцатого Легиона «Отвага превыше всего» вышел из варпа на краю системы, возглавляя пустотную армаду. Их авангард окажется в зоне досягаемости через девять минут. Всем силам Легиона, возвращайтесь к десантным кораблям и челнокам для немедленного отхода.

На горизонте непокорно высился город Михор. Два Легиона построились осадным порядком, готовясь к трачному наступлению к стенам. Их сопровождали титаны Аудакс — над толпой пехоты и их подразделений бронетехники ряд за рядом стояли «Псы войны». «Поборники», «Лендрейдеры», «Разящие клинки», «Мастодонты» — целые танковые дивизии, ожидающие приказа двигаться на рассвет. Города Нуцерии не ждала быстрая и чистая атака. Все они наблюдали, как гибель накатывается на них волной, и умирали, когда Пожиратели Миров и Несущие Слово обрушивали стены. Михору предстояло стать последним. И теперь

было похоже, что за считанные минуты до приказа о наступлении он избежит такой участи.

— Лотара, — произнес Кхарн в вокс, зная, что его слышат все легионеры, члены экипажа титанов и скитарии.

— Центурион, — отозвалась та. Она казалась нетерпеливой и прищуривалась, словно охотница, готовая ко всем фокусам, которые может выкинуть добыча.

— Эвакуация невозможна. Вы сможете их сдержать?

— Кхарн, — со вздохом начала она, а затем, похоже, вспомнила, что их слышит каждая живая душа на поверхности. — Капитан, вы не представляете масштабы воинства, которое входит в радиус досягаемости лэнсов. Мы тяжелее и лучше вооружены, но все равно погибнем от тысячи мелких ран. Если не можете отступить, занимайте город. Ищите укрытие, поскольку они прорвутся мимо нас, что бы я тут ни делала.

— Принято, — Кхарн глянул на несколько тысяч космодесантников, стоявших неровным строем. Он поднял

топор, готовясь подать сигнал к наступлению.

— Подожди, — произнес голос, похожий на булькающий скрежет камней.

— Сир? — отозвалась Лотара. Она отвернулась к мостику, и ее голос на несколько секунд исказился.

— Фейд, истребители в небе? — она повернулась обратно. — Ангрон, при всем уважении, поторопитесь.

— Им нужны мы, — сказал примарх. Кхарн видел, что его генетический отец стоит в задних рядах на крыше сверхтяжелого транспортера «Кровавый молот», держа в руках оба цепных меча. — Они хотят нашей смерти. Для этого нужно доказательство. Нужна высадка. Мы займем город и вынудим их выбивать нас. Любой ценой не допускай бомбардировки. Ты поняла? Не допусти бомбардировки, пусть даже ценой корабля.

— Принято, — ответила Лотара, и ее изображение исчезло с ретинальных дисплеев всех легионеров на поверхности.

В общий вокс ворвался мягкий голос Лоргара.

— Там наверху Жиллиман.

— — — Хррргх. Знаю. Наконец-то возмездие за Калт. Воины Двенадцатого и Семнадцатого Легиона! Занять город! В атаку!

Над равнинами Джезр взошло солнце, и Легионы рванулись вперед, чтобы обрушить стены последнего города Нуцерии и использовать его руины в качестве укрытия.

На борту «Фиделитас Лекс» стройная юная женщина шла по мавзолею. Приближаясь к собственной гробнице. У нее была смуглая бежевая кожа уроженки пустынных племен, а длинные волосы ниспадали тягкими коричневыми локонами, которые были не темными или светлыми, а здорового почвенного оттенка где-то посередине. На ней было красное одеяние Несущих Слово — характерного кроваво-винного цвета — которое обладало текучим покроем, прилегая к талии и расширяясь снизу. Девушка слегка напоминала невесту, а слегка — жрицу.

Корабль содрогнулся у нее под ногами.

Очередное сражение. Сколько битв она пережила на «Де Профундис», сидя в тишине своих покоев, пока стены тряслись, а палубы вибрировали от огня пушек? Можно привыкнуть к чему угодно. Это было печальной истиной.

За пределами зала ожидал караул из четверых Вакра Джал, готовых испепелить всякого смертного или Несущего Слово, который попытается ее коснуться или преградить путь. Пока Аргел Тал находился на поверхности, она решила, что пора взглянуть на себя... прежнюю.

Проходя мимо изваяния Ксафена, она осмелилась протянуть руку и прикоснуться к его нагруднику, неосознанно копируя постоянный жест Аргела Тала. Тот рассказывал ей, как погиб Ксафен. Даже показывал оружие, ставшее причиной этого, и признался, как именно ему удалось взломать генетическое кодирование, чтобы активировать похищенные реликвии.

Кровь. Не всегда ли все сводилось к крови?

Она краешком глаза заметила собственную статую, и у нее по коже поползли мурашки. Даже без подробностей самого присутствия этого предмета хватило, чтобы на языке появился привкус желчи.

Собравшись с силами, она подошла к монументу. У пьедестала стоял облаченный в рясу слуга, занятый тремя курильницами возле босых ног каменной женщины. Зал Памяти часто был заполнен рабочими и слугами, которые ухаживали за памятниками, если не было иного приказа от высокопоставленного Несущего Слово.

Увидеть собственное каменное воплощение оказалось гораздо хуже, чем она думала. Ей не хотелось смотреть, не говоря уж о том, чтобы прикасаться. Скульптор, бесспорно, обладал мастерством, но в этом-то и заключалась проблема. Было слишком реально.

Это была не стилизованная статуя, воздвигнутая во славу ее деяний, а могильный знак, памятник ее смерти. И она была слепа — глаза каменной девушки

закрывала резная повязка. От этого становилось вдвойне неуютно, хотя она не была уверена в причине. Она пробыла слепой большую часть жизни, и на протяжении месяца после перерождения — которое Кирена нерешительно называла «пробуждением» — много часов провела в уединении своих покоев, приглушив освещение, закрыв глаза и слушая корабль вокруг себя. Это казалось более естественным, чем зрелище миллиона предметов, среди которых она жила, но никогда раньше не видела.

Неожиданно для себя, она коснулась вытянутых рук изваяния, пальцы к пальцам. Камень идеально повторял плоть. Какое-то мгновение она не могла сказать точно, кто настоящий: перерожденная девушка, или же статуя покойницы. Возможно, и та, и другая. Или же никто.

— Чрезвычайно похоже, — произнес слуга в рясе. Она уставилась на источник неожиданного голоса — Ангел Тал рассказывал, что рабы мавзолея дают обет молчания под страхом смерти. Лицо

человека скрывал капюшон, но она разглядела в тени краешек улыбки. — Впрочем, уверен, что ты не скучаешь по провязке.

У нее похолодела кровь. Он говорил не на готике или колхидском. Это был утурланский, диалект города-государства Монархия, в котором она родилась на далеком Хуре.

— Покажись.

Он повиновался. Не слишком красив и не слишком молод. Казалось, он на середине третьего десятка, близко к среднему возрасту. Как и все, кто проводит жизнь на борту боевых кораблей, он выглядел так, словно эти десятилетия нелегко ему дались.

А еще, без тени сомнения, он был не тем, за кого себя выдавал. Его глаза сияли жизнью и были полны веселой лжи.

— Не надо, — предостерег он. — Не зови стражу. Я видел, что ты собираешься это сделать, — добавил он через мгновение.

Она собиралась обернуться в поисках других рабов неподалеку, но не была

настолько пуглива, чтобы звать Вакра Джал только из-за лживого плута, решившего испытать судьбу. Кроме того, под ниспадающим облачением к ее бедру был пристегнут ритуальный нож кваттари.

— Как ты можешь говорить на языке мертвого города? — спросила она, сложив руки под грудью и обняв себя, словно от холода. Услышать это наречие, увидеть статую... все это было настолько невероятно, что вызывало тревогу.

— Я говорю на всех языках, с которыми соприкасаюсь разумом, — он встретился с ней взглядом с выражением искренности, но без угрозы. — Прости мне эти слова, но во плоти от тебя просто дух захватывает. Должен признаться, я питаю слабость к смуглым женщинам.

Он ее не успокоил, однако что-то в его голосе было более приятным, чем торжественно-почтительная интонация почти всех Несущих Слово. Даже Лоргар, вновь увидев ее, был проникнут благоговением и напоминал жреца — он молился за ее душу и называл воскрешение

чудом. Примарх никак не прокомментировал роль Эреба в ее возрождении, и ни разу не пытался задавать вопросы, с которыми приходили столь многие. Лоргар не спрашивал, помнит ли она, как была мертвой, или каково на той стороне пелены. Она подозревала, что он и так знал.

Единственное, что сделал Лоргар — опустился перед ней на колени, почти сравнявшись по росту, и коснулся губами ее закрытых глаз.

— Когда-то я просил прощения за мои грехи, которые навлекли ослепивший тебя огонь, — прошептал он. — Теперь же прошу прощения за то, что они навлекли поразивший тебя клинок. Мое сердце поет, узнав, что ты снова дышишь.

Ей хотелось ответить, однако в присутствии примарха она вела себя так же, как множество людей до и после нее. Она глядела на него, дрожала и старалась не разрыдаться от его величественного невероятного обаяния.

Поняв ее напряженную нерешительность — как, казалось, он

всегда понимал нижестоящих — Лоргар с извиняющейся улыбкой отпустил ее.

— Ступай с миром, Благословенная Леди. Ты всегда была даром для моего Легиона, и моим сынам тебя недоставало. Проси у меня чего пожелаешь, и оно станет твоим.

Теперь, в мавзолее, Кирена моргнула, чтобы избавиться от воспоминания.

— Что бы ты ни пытался сделать, — сказала она лже-слуге, — тебе придется постараться получше.

— Уверяю тебя, это только пробный заход. Нам надо поговорить, Кирена.

Она наморщила нос от его произношения. Ки-рин. Хотя он и говорил на ее родном языке, но в нем оставались следы неуклюжести готика, а готик был неласков к ее имени.

— Ки-ренни, — ответила она.

— Извини. Джону всегда лучше давались языки.

— Кто такой Джон?

— Друг. Идиот, но все же друг. Неважно, он занят. Меня послали сюда, за тобой. Нам нужно поговорить.

Она уже половину столетия не общалась на языке родины, но тот еще был сладок, словно мед.

— Мы уже говорим. Будь добр, назови свое имя.

— Хотел бы я знать, почему на простейшие вопросы труднее всего отвечать? Последнее время меня звали Дамон, — он протянул ей руку. Она была незнакома с терранским обычаем, и потому просто глянула на нее, а затем снова уставилась ему в глаза.

— Просто Дамон, — из-за недовольства это прозвучало как вопрос.

— Дамон Пританис, — отозвался тот.

— Это не твое настоящее имя.

— Не то, которое мне дали при рождении, — с улыбкой согласился он, — однако от этого оно не становится менее настоящим или менее моим.

— Я ухожу, — солгала она. Нож кваттари начинал манить к себе.

— Это не так. И не тянись за клинком. Я здесь не для того, чтобы навредить тебе. Я здесь, чтобы спасти тебя.

— Думаешь, меня нужно спасать?

— Я это знаю. Время от времени спасать нужно всех. Ты хоть представляешь, как сложно мне было проникнуть на флагман Несущих Слово просто ради этой беседы?

Проникнуть. Он сказал «проникнуть».

Он был не на их стороне.

— Я ни на чьей стороне, — сказал он, хотя она не произнесла ни слова. — Знаю. Я могу читать твои мысли.

Она развернулась, чтобы броситься прочь, но Дамон схватил ее за запястье и крепко сжал.

— Ты умерла и вернулась назад, — мягко произнес он. — В этом мы похожи. Тобой заинтересовалась Кабала, а для людей это почти всегда скверно. Но теперь ты такая же, как мы. Семнадцатый Легион сделал тебя одной из нас. Не могу сказать, входило ли это в их намерения. Не хочу даже гадать.

— Одной из кого? О чем ты?

— Неумирающих. Вечных, — на сей раз Дамон Пританис не улыбнулся, а явно ухмыльнулся. — Идем со мной, Кирена.

— Эшрамар! — закричала она. — Эшрамар!

На другом конце зала появился воин Вакра Джал, которому потребовалось меньше мгновения, чтобы увидеть и ее и грозящую ей опасность. Он перешел на бег, турбины на спине с визгом ожили, и через три шага он оторвался от пола под вой прыжкового ранца.

Даже оказавшись перед Несущим Слово, который мчался сквозь лабиринт статуй, оставляя за собой полосы дымного пламени, Дамон не выпустил запястье Кирены. Он выругался на нескольких незнакомых Кирене языках, один из которых напоминал чрезвычайно изящный эльдарский диалект.

Сержант Вакра Джал приземлился с хрустом керамита об пол, и направил оба наручных огнемета на фальшивого слугу. В соединительных кабелях, тянувшихся вдоль его рук, булькал алхимический огонь, который бурлил и жаждал с ревом вырваться в воздух, обратившись из жидкости в подлинное пламя.

— Отойди от нее, — потребовал

Эшрамар. На серебристом лицевом щитке Мк-III было неожиданное выражение бешенства . Вокруг всех троих клубился дым, струящийся из выхлопных отверстий турбинного ранца Несущего Слово.

— Послушай... — начал было Дамон.

— Отойди от нее.

— Послушай меня.

— Отойди от нее.

— Кирена, я могу все объяснить, — произнес он.

— Отойди от нее.

Дамон поднял руки и шагнул вперед. В тот же миг Кирена всадила ему в плечо свой ритуальный нож. Она целилась в шею, однако он уклонился, даже стоя к ней спиной. Его движения были слишком плавными для человека.

Он не закричал и даже не выругался, но разжал хватку. Кирена метнулась в сторону.

— Подожди, — произнес он. — Кирена, подожди!

Эшрамар сжал обе руки, вдавив пластины на ладонях перчаток. Из наручных огнеметов рванулось болезненно-

нефритовое пламя, которое окатило человека плотным полужидким потоком. Пока Кирена поднималась и оборачивалась, оно успело растопить мясо на костях.

Дамон Пританис умер у них на глаза одной из самых мучительных смертей.

Он впервые погибал в огне, но не в первый раз — со смехом.

Лотаре нравилось спокойствие, которое ей овладевало в такие моменты. Она была лучшей в этом деле, и ей требовалась лишь свобода действий, чтобы играть по-своему. Со стороны казалось, что она расслабленно сидит на троне, однако ее взгляд одновременно охватывал все: локационные и векторные гололиты, дисплеи целенаведения, многосекционный экран оккулуса, и даже собственных офицеров, чтобы убедиться, что те оправдывают ожидания.

В их распоряжении находилось два флагмана типа «Глориана» и «Трисагион», который относился черт знает к чему. Лотара Саррин не собиралась сдаваться без боя, каким бы чудовищным и

безнадежным ни было численное соотношение сил. В сущности, она постоянно обнаруживала, что ей хочется рассмеяться.

Вражеская армада приближалась. Все ее соединения выстраивались в атакующий порядок и держались с достойным восхищения единством. Все линкоры и транспорты находились под защитой эсминцев и фрегатов, а во главе каждого соединения двигались крейсеры, обладавшие собственным эскортом меньшего размера.

— Сорок один, — произнесла Лералла. Ее голос был отстраненным, как всегда, когда она смотрела не собственными глазами, а сканерами флагмана. — Сорок один вражеский корабль.

Лотара услышала, как стоявший возле трона Ивар Тобин тихо выругался. Бесспорно, было безумием сражаться с такими силами практически в одиночку. Немногочисленные корабли сопровождения, которые они оставили при себе, окажутся всего лишь жертвенными ягнятами в пасти вражеского флота. Однако Ангрону

и Лоргару требовалось рассредоточить свои Легионы за вражескими рядами, и капитан Саррин намеревалась действовать тем, что у нее осталось. Она заслужила Кровавую Руку не тем, что ныла про соотношение сил.

И все же, по ее оценке это соотношение выходило почти что равным. Один только «Трисагион» мог справиться с двадцатью кораблями меньшего размера, а линкоры типа «Глориана» использовались в качестве флагманов Легионов по многим, очень многим причинам. Большая часть армады Ультрадесанта выглядела уже поврежденной или собранной из разных флотилий. Это явно был не специализированный карательный флот, а разнородная ударная группировка — удар копьем в сердце врага. Кто-то — возможно, даже сам лорд Жиллиман — сделал все, что мог, с ограниченными ресурсами.

Она знала, как разыграла бы ход сражения, если бы возглавляла вражеский флот. Для победы Ультрадесанту требовались две вещи. Во-первых, разделить «Завоевателя», «Лекса» и

«Трисагиона» при помощи массированного огня малых кораблей. Крейсеры и линкоры XIII Легиона встают на траверзе, чтобы раз за разом обмениваться бортовыми залпами и предоставить цель, размеры и мощь которой не позволят ее игнорировать, а в это время остальная часть флота наносит точные удары лэнсами с безопасного расстояния. Лотара подозревала, что армада распределит свой атакующий потенциал, изо всех сил стараясь уничтожить «Лекс» или «Завоеватель» и захватить второй корабль при помощи абордажных команд. «Трисагион» был слишком огромным и смертоносным, чтобы с ним справились абордажники или часть флота, а ни один здравомыслящий пустотный командир не стал бы полностью концентрировать силы, чтобы атаковать его в первую очередь. За то время, которое потребуется для обездвиживания сверхкорабля, два флагмана Легионов смогут нанести невероятный ущерб.

Вторым фактором была высадка. Легионес Астартес превосходно умели

сражаться одновременно в пустоте на поверхности, а от этого нападения веяло чем-то личным. Ультрадесантники прибыли сюда мстить, так же, как наверняка преследовали Кор Фаэрона до самого Мальстрима на другом краю Ультрамара.

Несколько кораблей устремится к Нуцерии, извергая из себя десантные капсулы, челноки и штурмовые транспорты, проводя высадку всеми необходимыми средствами. Им придется подойти близко — достаточно близко для свалки, которая так нравилась Лотаре — однако они справятся с задачей, и совсем скоро Михор уже будет кишеть врагами. Вот за это она и любила сражения в пустоте. В холодном космосе ты несешь смерть с немыслимых расстояний, а в следующую минуту боевые корабли размером с город маневрируют так близко друг от друга, что обдирают краску с корпусов. Тут вовсе не отсутствовали адреналин и лихорадочная концентрация наземного боя, просто они преобразовывались в нечто гораздо более

цивилизованное.

В пустотной войне было нужно думать.

Покрытая кабелями голова Лераллы снова повернулась.

— Капитан, у четырнадцати вражеских кораблей, идущих продольным построением, которые сейчас отмечены на гололите, опознавательные коды марсианского Механикума. Похоже, что несколько из них — титаноносцы.

Лотара подавила желание длинно и витиевато выругаться. Кто бы ни прорвался сквозь блокаду — а таких, безусловно, будет много — они испортят жизнь находящимся на поверхности. Ультрадесант — это уже плохо. Ультрадесант и титаны — одна из наихудших возможных новостей.

— Сообщить примархам и капитанам Легиона, что им, скорее всего, придется иметь дело еще и с титанами, — приказала она Кеджику. — Магистр вооружения, когда мы окажемся в зоне максимальной досягаемости?

— Авангард противника войдет в зону

максимальной досягаемости лэнсов через одну минуту и пятьдесят секунд.

— Славно, славно. Фейд, состояние эскадрилий истребителей?

— Все выпущены, мэм, — молодой лейтенант не отводил глаз от своей консоли. — Капитан, у меня есть идея насчет второй фазы сражения.

— Если она не касается передвижений капитального корабля, я жду, затаив дыхание. Давай послушаем.

Вместо объяснения он показал. Фейд запустил десятисекундную симуляцию, и на гололитическом дисплее отобразился тактический вариант. К его концу флаг-капитан улыбнулась.

— Так и сделай, — сказала она. Ее вера в него строилась не на праздных допущениях. Никто не умел распоряжаться силами истребительных эскадрилий так, как Фейд, из-за чего Лотара и забрала его с линкора «Междуцарствие» в собственный командный экипаж.

Она ждала, барабаня пальцами по подлокотнику трона.

— Держать открытым канал связи с

«Лексом» и «Трисагионом».

— Есть, мэм, — отозвался Кеджик.

— Они на позиции?

— Да, капитан, — ответила Лералла.

Лотара поглядела на неизменно верного Тобина, который неотлучно находился рядом с троном.

— Ты думал, что умрешь в Ультрамаре, Ивар?

— Я стараюсь вообще не думать о смерти, мэм. Орудия готовы и ждут указаний.

— Благодарю, Ивар. Учитывая их явную злость на Легион лорда Аврелиана, подозреваю, что они решат уничтожить «Лекс» и взять «Завоеватель» на абордаж. Но на случай, если выйдет наоборот, скажу сейчас — было приятно служить вместе с тобой.

— Ваши слова честь для меня, мэм.

Члены командного экипажа переглянулись и заулыбались, слушая вышестоящих офицеров.

— Ну что ж, — Лотара прокашлялась. — Начнем убивать.

20
Кровь в пустоте
Вызов триариев
Он умрет здесь

Уже скоро она полностью перестала следить за войной на поверхности. Флот Ультрадесанта налетел на них, словно стая насекомых, полностью забрав на себя все внимание, которое ей хотелось бы обратить на то, как идут дела у Легиона. Мир взорвался калейдоскопом полыхания орудий, вспышек щитов и упорного терцания тревожных сигналов. Все офицеры докладывали одновременно, продолжая при этом орать на своих подчиненных. Подхваченный бурей корабль содрогался, на мостике стоял запах немытой кожи, кислого дыхания, а также слабый пряный аромат дыма горящих внутренних систем.

Лотара металась, словно дервиш, непрерывно раздавая приказы и отслеживая постоянно обновляющиеся гололитические

проекции. Больше всего ее тревожило не то, что их кораблям задают трепку, а обстоятельство, что попытка помешать врагам проскочить мимо напоминала борьбу с приливом океана при помощи сложенных ладоней и ругательств.

— «Церера», — воскликнула Лералла, извернувшись в своей люльке. Безногой девушке приходилось кричать через все сотрясающееся помещение. — «Церера» проходит мимо нас.

Лотара потратила три драгоценных секунды, разглядывая персональный гололитический дисплей, созданный лучами микропроекторов в подлокотниках. «Церера», «Церера»... Вот оно. Крупный крейсер. Боевая баржа типа «Доминус». Это означало солдат, тысячи солдат. Проклятье, проклятье, проклятье.

Руна «Цереры» мигала, двигаясь мимо символа, обозначавшего «Завоеватель» Между флагманом Пожирателей Миров и кораблем, который ему требовалось остановить, находилось еще два звездолета Ультрадесанта, и еще семь кружили сверху и снизу, с трудом

заходя на атаку с бреющего полета.

Если бы Лотара сменила курс, то бросила бы нападение на «Нерушимое бдение» и оказалась перед риском целую минуту получать бортовой обстрел от... Нет, неважно. «Церера» должна была умереть.

— Сменить курс, — сказала она, готовая пристрелить первого помощника, если тот вздумает возражать.

— Сменить курс! — проревел Тобин.

Корабль застонал у них под ногами, подчиняясь инерции, тормозным двигателям и протестующим ускорителям поворота, крена и вращения.

— Все на «Цереру», — распорядилась Лотара. — Бортовые, когда повернем, затем лэнсы переднего блока на ста восьмидесяти градусах. Отправьте эту сучку на землю в огне.

— «Легендарный сын» и «Слава пламени»...

— Я их вижу, — прервала она Фейда. — Я не дам им встать у нас дороге. Двигатели на полную тягу.

— От этого наш радиус поворота

изменится на...

— Я знаю, куда нас выведет дуга. Мне нужно, чтобы двигатели ревели. Прекратить огонь правого борта и немедленно перезарядиться. Я хочу, чтобы они были наготове, когда мы сменим курс. На «Цереру» будет всего одна попытка.

«Завоеватель» загрохотал, отдаляясь от окружающих его кораблей Ультрадесанта и пожертвовав атакой, подготовкой которой Лотара занималась большую часть пяти яростных минут под плотным вражеским огнем. Она наблюдала, как «Нерушимое бдение» уходит в сторону целым и невредимым, хотя должно было развалиться на пылающие обломки.

— «Церера» маневрирует для орбитального десанта, — крикнула Пералла. Она смотрела на гололит широко раскрытыми оленьими глазами, оскалив хрупкие зубы перед лицом сражения.

Звезды покатились по окулусу. «Завоеватель» все разворачивался и разворачивался, медленно, медленно,

медленно. У Лотары под ногами содрогалась палуба — ее палуба. Они получали кошмарные повреждения. В поле зрения вплыла «Церера», которая уже касалась атмосферы.

— Лазерные батареи гото...

— Бортовым! — заорала Лотара.

«Завоеватель» ответил своему капитану, и его пушки с грохотом ударили в ночное безмолвие. Палуба снова качнулась, но на сей раз это была куда более приятная тряска. Пространство вокруг «Цереры» залило сияние щитов, сопротивляющихся шквалу, который обрушился на корпус корабля. Спустя три секунды прекрасного защитного салюта пустотные щиты крейсера разлетелись с такой силой, что по броне побежала рябь молний. «Завоеватель» не просто пробил оборону добычи, он перегрузил ее количеством приложенной энергии. От этого зрелища в стратегиуме началось ликование.

— Мы переиграли ее щиты, — Лотара почти смеялась от пьянящей опасной смеси облегчения и хищного наслаждения. —

Прикончить ее.

«Завоеватель» снова выстрелил, дав еще один бортовой залп, а затем навел передние орудия, закончив менять курс. «Церера» распалась на части на высокой орбите, и малейшего прикосновения атмосферы Нуцерии хватило, чтобы обломки вспыхнули. Лотара потратила еще несколько секунд просто чтобы впитать это зрелище: десятки тысяч жизней обрываются в огне.

— Состояние «Трисагиона»? — спросила она, вновь оборачиваясь к мостику.

— Сражается так, как мне никогда не доводилось видеть, — отозвался Тобин, немало впечатленный цифрами, которые бежали по его информационному монитору. — Без него мы бы продержались меньше трех минут. Возможно, он бы даже смог победить без нас.

— И каковы шансы на это?

— Отвратительные, мэм. Но вероятность все же есть.

— А «Лекс»?

В ответ Тобин покачал головой.

— «Лекс» гибнет.

«Фиделитас Лекс» прошел сквозь остов уступающего ему по размеру крейсера, отшвырнув тот в сторону. Флагман Несущих Слово уже превратился в развалину, его броня потрескалась и покрылась воронками, щиты канули в небытие. Соборы и хребтовые крепости, прилепившиеся к его верхней части, были разрушены огненной яростью Ультрадесанта. Армада XIII Легиона нападала с бреющего полета, обмениваясь с громадным кораблем продолжительными бортовыми залпами и неся потери, чтобы досуха опустошить более крупный звездолет. С каждой атакой «Лекс» слабел, все меньше турелей и пушек вели огонь, а разрушающаяся броня становилась все менее прочной. Из дыр в корпусе бесшумно хлестали воздух и вода, из других таких же ран текли топливо и охлаждающая жидкость. Через сотни подобных пробоин вытягивало членов экипажа, многие из которых встречали смерть с молитвой. Чтобы увидеть все это, Лотаре хватило одного взгляда. Казалось, что «Лекс»

выворачивается наизнанку, а его внутренности охвачены огнем и выдернуты в пустоту.

И все же он продолжал сражаться. Окруженный малыми кораблями «Лекс» огрызался оставшимися орудиями, вертясь в свете собственного горящего корпуса.

Кто бы ни руководил Ультрадесантом с командной палубы «Отваги превыше всего», он сделал выбор. «Завоеватель» возьмут на абордаж и убьют изнутри. «Лекс» умрет первым, погибнув от тысячи ран, и покинет игровую доску.

«Завоеватель» не мог придти на помощь кораблю аналогичного класса. Оба флагмана бились поодиночке, не имея поддержки и страдая от бесконечных атак армады XIII Легиона.

— Скверный конец славного корабля, — заметила Лотара, — даже если он набит фанатиками.

С боков и подбрюшья «Лекса» срывались спасательные капсулы, а также более тяжелые корабли Механикума и грузовые челноки. Легионеры уже

находились на поверхности, и смертный экипаж звездолета спасался в последние минуты. Но тот все-таки еще сражался — вертелся, разворачивался и свирепствовал. Проходящие мимо крейсеры Ультрадесанта горели также сильно, как и корабль, который они убивали. Грязная драка, слишком близкая для расчетов, плотная и личная. Лотара ощутила укол совести за то, что наслаждается каждой секундой.

— Он еще с нами, — произнес Тобин.

— Ненадолго. Мы сможем пробиться к нему на помощь?

Сухой смешок Тобина был вполне красноречив.

Лотара пристально смотрела на персональный гололит.

— Невесело с тобой, Ивар.

У Эшрамара была одна-единственная обязанность, и сейчас она стала самой трудной за всю его жизнь. Все шло к тому, что, если не станет легче, она также окажется и последней. И при этом проваленной.

На поверхности все выглядело просто — он должен был просто дойти из одной точки в другую, ведя за собой Кирену. Сущность проблемы заключалась в том, что проклятый корабль разваливался по швам, а он практически обессилел, пробивая себе дорогу по заполненным толпой коридорам. Убийство превратилось в сбор урожая, как будто день за днем от рассвета до заката косишь пшеницу тяжелой косой. С той лишь разницей, что силовой скимитар Эшратара — эти свежевыкованные клинки выдали всем воинам Вакра Джал — пожинал жизни.

Он прожигал дорогу по наиболее тесно забитым коридорам, однако ему пришлось сдерживаться после того, как Благословенная Леди едва не задохнулась в дыму трупов.

Половина беснующихся групп людей, на которых они натыкались, давила друг друга в животной панике, пытаясь добраться до спасательных ангаров. Другая половина окружала Кирену и с воплями просила ее покровительства, веря,

что прикосновение к ней принесет удачу, которая избавит их от гибели в пустоте. Эшрамар убивал и тех, и других, его мало заботило, просят ли они пощады, или же выкрикивают имя Благословенной Леди перед смертью. Единственное, что имело значение — убрать их с дороги.

— Сюда, — сказал он, выдергивая меч из последнего тела в коридоре. Она пыталась идти, наполовину перелезая через кучи распоротых мертвецов. Ее глаза были широко раскрыты от ужаса, но это была не проблема Эшрамара. Его от шлема до сапог покрывала кровь членов экипажа собственного флагмана, однако и это не занимало его мысли в первую очередь.

Корабли гибли медленно — сперва в огне, затем в безмолвии. Эшрамар знал, что уже скоро «Лекс» развалится вокруг них, лишившись энергии и полностью открывшись безвоздушной пустоте.

— Сюда, — повторил он. — Моя госпожа, поторопитесь.

Кирена карабкалась по убитым, ее одеяния перемазались кровью, руки

покраснели до запястий от постоянных падений. Она провела на боевых кораблях большую часть своей жизни, однако никогда не бывала на распадающемся на части.

Эшрамар вел ее по коридорам, глухо стуча влажными сапогами по решеткам палубы. Он наполовину волок ее за запястье, стараясь не сломать руку или не выдернуть ее из сустава, но она продолжала стонать от резкой боли при грубом обращении.

Она знала, куда он направляется. На борту находилось несколько десантно-штурмовых кораблей, принадлежавших собственно ордену Вакра Джал, хотя она искренне сомневалась, что они еще на месте. Чтобы пересечь флагман, потребовалось почти полчаса. Подъемники не работали, превратившись в пустые трубы-туннели между палубами. Вентиляционные лазы светились оранжевым от далекого огня в жилах корабля. На палубах попадались целые полосы, густо заваленные телами и обломками.

Зачем вообще покидать корабль? Что ждет внизу, на Нуцерии, кроме смерти, отложенной на несколько часов?

От этого Кирена бежала только быстрее. Она была дочерью Совершенного Города и Исповедником Слова. Если была хоть крупица надежды, она не собиралась умирать здесь.

Эшрамар остановил ее перед закрытой переборкой. По наклону его головы было видно, что ту не должны были запирать даже при аварийной блокировке. Не было никаких ручек, никаких символов прохода, вообще ничего.

— Я не... — начал было он, однако не закончил мысль.

— Можешь прожечь ее насквозь? — спросила она, переводя дух. В горле ощущался вкус крови.

Наручные огнеметы были более чем способны на плавление металла, но время находилось не на их стороне.

— Это займет слишком много времени, — Эшрамар отвернулся от тупика, намереваясь сделать петлю и выбрать иной маршрут. — Пойдемте.

Больше он не сказал ничего. Скрытая шлемом голова, хрустнув, откинулась назад с монотонным звонким лязгом, и воин отшатнулся к стене позади него. На левой глазной линзе серебристого лицевого щитка была искореженная воронка. Когда он осел на палубу, Кирена услышала исходящий изнутри доспеха звук сигнала прекращения жизнедеятельности.

Она увидела в дыму на дальнем конце коридора, куда она прибежала с Эшрамаром, трех рабов Легиона, облаченных в рясы. Один из них опустил тяжелую длинноствольную винтовку. Двое других бросились к ней.

Она бы взяла болтер Эшрамара, если бы имела хоть какую-то надежду его поднять. Вместо этого, Кирена во второй раз с момента перерождения выхватила нож кваттари и побежала навстречу людям, которые убили ее последнего стража. Она не стала плакать, кричать, или смеяться, встретив нападающих яростным молчанием, сжав ритуальный нож так, что побелели костяшки. В точности как во время своей смерти год

назад.

Первый отвел удар предплечьем, и выбил кинжал у нее из рук.

— Кирена, — произнес он. — Кирена, прошу, подожди.

Дамон Пританис откинул капюшон и посмотрел ей в глаза, как уже делал час назад. На нем не было ни малейшего следа от пламени, которое его уничтожило.

— На сей раз ты меня выслушаешь? Идем с нами.

«Завоеватель» снова содрогнулся, перегревающиеся двигатели несли его вглубь медленно рассыпающейся вражеской армады. Щитов не было. Зубчатые стены были охвачены растворяющимся вспышками пламени от полученных в пустоте ран. Половина орудий умолкла. Им уже не суждено было выстрелить.

Лотара откинула распущенные волосы с лица, втягивая воздух из респиратора. Вентиляторы боролись с дымом, который заволакивал мостик.

— Сменить курс на три-шестнадцать, — велела она.

— Они проскакивают, — крикнул в ответ Тобин. — Капитан, «Воитель новой звезды» и «Триумф Эспандора» прорываются мимо. Батареи ведут огонь.

— Это их прикончит? — спросила Лотара.

— Они повреждены, но не гибнут. Так они окажутся ближе к пределу. Не рассчитывайте на большее, мэм.

Лотара потрогала скверный, обильно кровоточащий разрез на виске. Она не помнила, когда он появился. Пальцы окрасились красным. Почти оглушенная, она, прихрамывая, подбежала к консоли Пераллы. Мертвое тело провидицы безвольно висело в сгорбленной позе. Ее удерживали только трясущиеся кабели и провода между головой и потолком.

Лотара заново активировала центральный гололит, вглядываясь в его сбивчивое мерцание и выстатривая руны вражеских кораблей. Кровь Императора, как их могло уцелеть так много? Они точно перебили всю армаду и даже больше.

«Завоеватель» развернулся посреди расширяющейся сферы вражеских кораблей.

Уцелевшие орудия злобно плевались в пустоту, молотя, круша и воспламеняя оказавшиеся поблизости звездолеты Ультрадесанта.

На эфирном дисплее мигали «Воитель новой звезды» и «Триумф Эспандора», которые, пульсируя, двигались мимо связанного боем «Завоевателя». Однако Тобин ошибался. Они не пытались быстро проскочить, а попутно осуществляли атакующий заход. Исходя из ресурсов вражеского флота, она поступила бы точно так же — они не могли позволить себе вообще не вводить самые тяжелые крейсеры в перестрелку, несмотря на всю ее рискованность.

— Подведите нас ближе, — крикнула она на весь мостик. — Мне нужно оказаться в радиусе действия «медвежьих когтей». Неважно, кого мы зацепим при развороте, но пока я дышу, эти две баржи не запустят десантные капсулы на Нуцерию, — она улыбнулась, продемонстрировав белые зубы на покрытом сажей лице. — Никто не сбежит от «Завоевателя».

— Если «Хроника» сменит курс... — начал было Тобин.

— Сменит или нет, но никто не сбежит. Я хочу, чтобы двигатели выли погромче.

Флагман Пожирателей Миров рванулся вперед, его ревущие ускорители заработали мощнее и усерднее. Быстрее скорости маневрирования. Быстрее атакующей скорости. Быстрее скорости преследования.

Лотара и все уцелевшие члены экипажа мостика неотрывно смотрели на изображение, которое разрасталось на оккулусе. Она услышала, как Фейд выругался, и в тот же миг Тобин заорал: «Держитесь, держитесь!»

Поднимающийся вверх «Завоеватель» встретился с опускающейся «Хроникой». Оба корабля двигались по непредсказуемым траекториям, и столкнулись без пустотных щитов, которые бы могли погасить удар. Стратегиум содрогнулся так сильно, что все попадали с ног. У Лотары лязгнули зубы, она почувствовала, что несколько из них сломалось.

Визг терзаемого мукой металла длился почти целую минуту. Два боевых звездолета скользили друг о друга, в их встрече во мраке было что-то почти акулье. «Хронике» досталось сильнее, она значительно уступала в размерах, бронировании, инерции и массе. Весь ее левый борт разлетелся волной металлических обломков, выбросив тысячи членов экипажа в верхние слои атмосферы Нуцерии. Когда два корабля прекратили тереться друг о друга, подхваченная гравитацией «Хроника» ушла в бессильное падение, мчась к поверхности и разгораясь от стремительного прохода через атмосферу планеты.

«Завоевателю» повезло больше, но по всему его левому борту появился черный рубец. С корпуса полностью срезало целые крепости, наполненные пушками и экипажем. Лотара инстинктивно прикинула, что они лишились нескольких тысяч членов команды и при этом еще легко отделались.

Однако они оказались на свободе и

тчались к спасающимся крейсерам. Добыча находилась на расстоянии сорока километров, но в категориях войны в пустоте Лотара буквально их оседлала.

Она кивнула Тобину.

Вероятно, лучшим из творений Вел-Хередара была система вооружения, которую он два года устанавливал на переоснащаемый «Завоеватель» вскоре после того, как тот перестал называться «Твердой решимостью». Флагман XII Легиона превосходил по огневой мощи практически любой корабль сопоставимых габаритов даже своим стандартным оружием. Но подлинное отличие заключалось в когтях для преследования. Гарпуны «Псов войны» Легио Аудакс хорошо справлялись со своей задачей, однако «медвежьи когти» «Завоевателя» увеличивали свирепость Легионес Астартес до невиданных более нигде масштабов.

Обрушившись на убегающие крейсеры, «Завоеватель» запустил когти прямо им в хребты. Десятки пик, каждая из которых была размером с отдельный фрегат,

рванулись в передний сектор обстрела флагмана. Многие прошли мимо цели, как всегда бывало на таком расстоянии. А многие попали, как бывало всегда, когда Лотара стреляла ими, разозлившись.

Она следила, как тяжеловесные копья входят в хребты крейсеров, пронзая их и погружаясь вглубь. Огромные промышленные буры на конце каждого из гарпунов ожили, со скрежетом вгрызаясь в пораженные корабли. Сработали электромагнитные захваты. Пики высотой и толщиной с небоскреб зафиксировались внутри нанесенных ими проникающих ран. Цепи, которые соединяли гарпуны с кораблем-маткой, были изготовлены из сплава нострамского адамантия с феррекезианским титаном, и стоимость каждой из них равнялась годовой десятине среднего пограничного мира. При своих головокружительных размерах и амбициях Империум не жалел средств для провидцев и воинов.

Цепи гарпунов распрямились и натянулись. В это время «Завоеватель» отключил тягу. Созданные Механикумом

массивные барабаны, по сравнению с размерами и мощью которых титаны казались карликами, начали при помощи храповиков тянуть гарпуны обратно.

Захват корабля всегда требовал сложных расчетов. Когти преследования были разработаны для наиболее жестокого ближнего боя, и если бы слишком много пик прошло мимо цели — или вражеский корабль оказался бы чересчур мощным — пострадал бы «Завоеватель», который бы лишился управления, или хуже того — оказался разорван бегущей добычей. Ни того, ни другого ни разу не случалось. Лотара знала систему вооружения изнутри и снаружи: от имен бригадиров, которые надзирали за рабами, обслуживавшими системы ручного заряжания, до точных типов кораблей, которые она могла подбить при том или ином ускорении.

И «Воитель новой звезды», и «Триумф Эспандора» были повреждены, поскольку все корабли небе были повреждены. Благодаря «Трисагиону», они, как и остальная часть флота Ультрадесанта, попали под

сильный обстрел и получили массированный бортовой удар при атакующем проходе мимо «Завоевателя».

Ослабев, они стали идеальной целью.

Когти выстрелили, погрузились внутрь, углубились и крепко вцепились. Цепи туго натянулись, и «Завоеватель» вложил все свои ресурсы в обратную тягу. Два корабля Ультрадесанта медленно и неотвратимо тянуло назад, вопреки работе их двигателей. Они полностью потеряли инерцию и сошли с курса.

По мостику прокатилась еще одна волна ликования, на сей раз поредевшая.

— Подвести их поближе и прикончить лэнсами, — Лотара подковыляла обратно к трону. — Когда закончите, протаранить обломки и сменить курс, чтобы разбить эскадрилью сопровождения «Славы огня». Кто-нибудь, сообщите мне, в каком состоянии «Лекс».

— Погибнет через несколько минут, — отозвался Кеджик. — Они покидают корабль, уничтожив двенадцать целей.

Двенадцать. Лотара слабо улыбнулась. Хороший счет для фанатиков.

— Прикажите им подняться на минимальную безопасную дистанцию, — сказала она. — Я не хочу, чтобы они врезались в землю, пока наши силы еще сражаются на поверхности.

Кеджик передал распоряжение, но почти сразу же ответил.

— Они падают, капитан. Судя по проекционным отметкам, рухнут в восточный океан.

Лотара сглотнула, глядя прямо на своего магистра вокса.

— Как далеко от берега?

Было похоже, что Кеджику больно.

— Семнадцать километров. Если повезет, то двадцать.

— Все зависит от того, как они упадут. Это либо все, либо ничего.

Мостик содрогнулся так сильно, как еще не бывало, и труп Лераллы задергался, будто марионетка.

— Капитан!

Она обернулась к Фейду, который надзирал за орудийными бригадами и множеством их консолей.

— Офицер Халлертан?

— Три ударных крейсера проходят мимо «Лекса».

Это должно было произойти. Высадка была неизбежна. Лотара знала об этом. По крайней мере, они остановили... кто знает, сколько других кораблей?

И все же она была раздражена.

— Предупредите Легионы, — сказала она. Слова дались ей нелегко. Легче было бы выдергивать себе зубы. — И начинай выполнять свой замысел в отношении второй фазы. Я хочу, чтобы твои истребители сбивали все в небе. Десантные капсулы, штурмовые транспорты — что бы они ни увидели, пусть уничтожают. Мимо «Лекса» проходят корабли Механикума?

Тобин прошипел проклятие.

— Так точно, мэм.

— Хорошо. Позаботьтесь о том, чтобы Легионы узнали, что враг высаживает титанов. Прикажите «Трисагиону» не давать никому из звездолетов противника достаточно времени для точеченой орбитальной бомбардировки. И Кеджик, проследи, чтобы

наших воинов предупредили приготовиться к падению «Лекса» в море.

Пока магистр вокса передавал ее указания, Ивар Тобин посмотрел на капитана через центральный стол.

— Чего вы от них ждете, капитан? Нам повезет, если они все не утонут.

— Мне об этом хорошо известно, командор. Состояние «медвежьих когтей»?

Снаружи корабля пронзенные крейсеры Ультрадесанта подтягивало все ближе к заслоняющей небо тени «Завоевателя». Сильно уступающие по размерам крейсеры вертелись и рвались с цепной привязи, тщетно напрягая двигатели.

«Завоеватель» задрожал, его лэнсы снова ударили, рассекая пойманные крейсеры. Сперва их разрезало надвое, а затем второй залп разнес корабли на части.

— Втянуть когти. Пусть бригады рабов начнут перезаряжать каналы пропавших гарпунов на случай, если нам каким-то чудом представится возможность выстрелить еще раз.

Кеджик уже собирался подтвердить

ее приказ, когда его прервал Тобин.

— «Оружейник» идет на перехват, — он указал на руну на дисплее, выстатривая в дыму ближайшего офицера вооружений. — Еще одна боевая баржа! Уничтожьте ее, пока она не вышла на траверз!

Первый помощник еще отдавал приказ, а Лотара уже знала, что он требует невозможного.

— Нет времени, — ответила она, внезапно ощутив сюрреалистичное спокойствие. Флаг-капитан подняла микрофон вокса, встроенного в трон из темного железа, и ее голос затрещал по всему израненному кораблю. — Всем постам готовиться отбивать абордаж. Капитан Делварус, немедленно ответьте.

Ее сердце билось в такт идущим секундам, а ответа не поступало.

— Делварус, — повторила она. — Проклятье, ответь. Если ты высадился, клянусь, я уроню останки «Завоевателя» прямо на твою несчастную...

— Говорит триарий Делварус, — протрещал в ответ голос, который был громким и отчетливым, несмотря на

помехи корабельного вокса. — Я слышу вас, капитан.

Первая десантная капсула врезалась в пустую рыночную площадь, расшвыривая лотки и деревянные столы. Герметичные двери разблокировались с шипением сжатого воздуха и распахнулись наружу, превратившись в рампы. Наружу с болтерами наперевес выскочили первые из ступивших на Нуцерию Ультрадесантников, которых возглавлял сержант с высоко поднятым гладием. Они двигались с идеальным заученным единством, каждое движение было отработано тысячами часов тренировок и сотнями битв.

Пожиратели Миров уже ждали. Отделения выскочили из укрытий, выбегая из аллей и окрестных кирпичных зданий и разгоняя цепные клинки. Тем, кто не сразу поддался Гвоздям, хватило рассудка, чтобы заметить, что на легионерах XIII-го были потрескавшиеся доспехи, все еще покрытые рубцами и подпалинами от какого-то ужасающего боя, случившегося

несколько недель или месяцев назад.

Аргел Тал это увидел. Кхарн — нет. Пожиратель Миров покинул убежище вместе со своими людьми, хохоча и завывая от прилива адреналина, обжигающего рецепторы удовольствия.

Облаченный для битвы Эреб, сидевший на аллее рядом с Аргелом Талом, одарил бывшего подопечного безжалостной улыбкой.

— Ты за него боишься. Я не осуждаю тебя, Аргел Тал. Твоя верность — это дар.

Уже привставший и готовый бежать Аргел Тал остановился.

— Что?

Эреб тоже поднялся на ноги и сделал жест крозиусом.

— Я же тебе говорил, разве нет? Кхарн умрет на планете с серым небом в тусклом сиянии рассвета. Где мы сейчас находимся?

Аргел Тал поборол искушение взглянуть вверх.

— Ложь. Догадки.

— Пророчество, — мягко произнес Эреб. — Он умрет здесь, сын мой. Умрет

сегодня, с клинком в спине.

Аргел Тал отвернулся от сражения. С неба падал пылающий стальной дождь десантных капсул Ультрадесанта. При каждом их попадании в цель земля содрогалась. Демон Раут заворочался в крови, пробудившись от вкуса злобы.

Добыча идет. Давай охотиться, свежевать, убивать и питаться.

Это выжившие с Калта. Воины, которых не удалось убить Эребу.

Ну так давай закончим незавершенный труд Обманщика.

Я должен спасти брата.

Убийцу?

Да, Кхарна.

Охотиться, свежевать, убивать, питаться и спасать Убийцу. На этом поле боя это одно и то же.

Тварь была права. Аргел Тал перешел на бег, не отводя глаз от Кхарна, находившегося в гуще схватки. С каждым шагом его крылья вытягивались и увеличивались в размерах, вырываясь из керамита. Из шлема выступили рога, образовавшие кривой костяной венец, а

лицевой щиток разгладился, став демонической посмертной маской. Как будто нечто из языческих ночных мифов Первых Царств, Аргел Тал ринулся в бой, чтобы сражаться бок о бок с братом.

Рассветное небо над головой внезапно потемнело. Что-то — нечто громадное — медленно двигалось сквозь облака. Спускаясь вниз, оно воспламеняло небо, разгоняя колышущиеся валы туч.

— Нет... — произнес Несущий Слово. — Прошу, нет.

Лоргар стоял на крыше «Лендрейдера». Ветер трепал пергаменты, прикрепленные к его доспеху. Со своей позиции примарх наблюдал за тем, как окружающий его город гибнет только потому, что в нем встретились три Легиона. Судьба ли это? Городу в любом случае было суждено умереть в этот день, однако вырезание всего населения просто потому, что оно оказалось на дороге, было...

Растратой? Он чуть было не счел происходящее растратой. Но это было не

так, поскольку все их крики вливались в великую песнь. Не имело значения, как именно льется кровь. Самой своей атакой сыновья Жиллимана вели песнь к кульминации. Она близилась к пику, звуча в аритмичном грохоте болтеров и рычании умирающих, гордость которых не позволяла им кричать от боли.

Лоргар должен был разыскать Ангрона. Скоро настанет время.

На хребте Деш'елика ожесточенность брата почти дошла до нужного уровня. В тронном зале праксуария стала еще ближе. Лоргар не знал, как будет звучать финальная нота, однако ощущал ее приближение. Так запах озона в свежем воздухе возвещает о грядущем шторме.

Десантные капсулы Ультрадесанта были всего лишь первой волной. XIII Легион высаживался по всему городу, развертывая силы. Даже после потерь при гибели Калта их все еще было достаточно, чтобы заполонить собой небо Нуцерии.

Следом двигались десантно-

штурмовые корабли, транспортники, тяжелые челноки и огромные черные корабли-башни марсианского Механикума. Связь с идущей наверху пустотной войной прерывалась, но было ясно, что у вражеской армады хватает сил, чтобы сбрасывать своих воинов на поверхность. Ультрадесантники знали, что здесь находятся Лоргар и Ангрон, и прибыли окончить жестокое правление обоих примархов.

Как обычно, Ультрадесант создал плацдармы на пригодных к обороне позициях гибнущего города, расчищая место для высадки подкреплений. На каждый удерживаемый ими приходился один, захлестнутый бурей ревущих секир Пожирателей Миров, или же павший под неустанным натиском поющих Несущих Слово. Бешеные стаи XII Легиона налетали на XIII-й, демонстрируя, почему имперские силы десятилетиями боялись сражаться вместе с ними. Свободные, неуправляемые и неудержимые, они прорубали себе дорогу по укрепленным позициям Ультрадесанта, увлекаемые

радостью битвы из-за машин боли в мозгу.

XVII Легион тоже сошелся с кузенами-врагами, заменяя свирепость злобой и ненавистью. Ультрадесантники отвечали тем же, страстно желая отомстить тем, кто надругался над Калтом и погубил его звезду. Подразделения Несущих Слово маршировали, протяжно распевая мрачные гимны и декламируя проповеди из «Книги Лоргара». Над их рядами возвышались иконы из осквернённого металла и выбеленной кости, покрытые мертвыми телами.

Легио Аудакс шагал по Михору, по-шакальи завывая на ходу, пронзая танки «медвежьими когтями» и разрывая пехоту огнем мегаболтеров «вулкан». Лоргару никогда не нравилась неэффективность их стиля ведения войны, однако он уважал восхищение брата свирепостью Легио. Один из их сгорбившихся титанов-охотников с лязгом прошел по прилегающей улице. Судя по звукам людской паники, он пробирался по местному населению. На окраине города

вышагивали силуэты более крупных титанов — «Разбойников» и «Владык войны». Ультрадесант тоже высаживал свои боготашины, однако тех было мало, слишком мало. Аудакс мастерски умел охотиться на крупную дичь. Легио любил действовать, как волчьи стаи, которые опрокидывают медведей-одиночек.

Восходящее солнце померкло, и Лоргар поднял взгляд. По всему городу Несущие Слово точно так же смотрели вверх, ощущая внутри то же самое. Примарх чувствовал их скорбь — слишком печальную и болезненную эмоцию для страха или злости, но в чем-то превосходившую по отчаянию и то, и другое. Переживания сыновей нахлынули на него горькой волной, и отвести глаза стало еще труднее.

Какой удар по боевому духу — зрелище гибели флагмана.

Огромный силуэт «Фиделитас Лекс» прорвался через облака. Он был настолько велик, что его мрачная готическая громада закрыла собой половину неба. В крохотных обзорных портах плясали

огненные призраки. На протяжении нескольких ужасающих и полных смысла секунд над Михором висел еще один город, который, содрогаясь, двигался на восток. Издаваемый им шум был столь громким, что заглушил вопли паники и гибели тысяч и тысяч людей. Таким громким — Лоргар по-настоящему улыбнулся — что почти поглотил мелодию варпа.

Почти.

Чудовище прошло над головой. Мертвые двигатели напоминали открытые рты. Падающий корабль, раскачиваясь, медленно двигался к открытому океану, с него сыпались обломки и члены экипажа.

Лоргар проследил за его следом в сером небе и прошептал прощальное напутствие. «Лекс» славно ему послужил, но все должно заканчиваться. Он надеялся, что Благословенная Леди добралась до спасательных капсул. Как горько было бы переродиться лишь для того, чтобы спустя считанные недели погибнуть в огненной агонии.

Флагман падал вниз мучительно

медленно для объекта такой массы и размеров. Он удалялся к горизонту, но не скрывался из виду. Лорган знал, что гибель во власти гравитации не даст кораблю последнего шанса на изящество. Вес колоссальных двигателей неотвратимо тянул корму вниз, навстречу столкновению с поверхностью океана далеко от берега.

Но достаточно ли далеко?

— Говорит примарх, — тихо произнес он в вокс-сеть Легиона, обрывая сетования своих воинов. — Даже умирая, «Лекс» демонстрирует свою ярость. Приготовьтесь к приливной волне и вспомните Гимны Скорби. Не оплакивайте погибших в праведном сражении. Все на возвышенность, избегайте боя на востоке, куда ударит волна. Смещайтесь к западу.

Лорган спрыгнул с крыши боевого танка и убрал окровавленный крозиус, не обращая внимания на тела Ультрадесантников, которые давил сапогами.

На дальнем конце улицы о землю ударилась очередная десантная капсула.

Даже не посмотрев в ту сторону, он отправил смешанную группу Несущих Слово и Пожирателей Миров разобраться с ней, и распростер чувства, выискивая присутствие Ангрона.

Но его отвлекла песнь. Она задребезжала, лишая его концентрации и давя на кожу с таким же зудом статического электричества, как если бы он стоял рядом с братом Магнусом.

Лоргар снова потянулся в поисках источника диссонирующего искажения. Ответ пришел моментально, поскольку ответ находился прямо позади него.

Ответ, закованный в запятнанное кровью синее облачение, стоял на дальнем конце улицы, разжимая хватку громадных силовых кулаков на трупе последнего из Несущих Слово. Он помчался к Лоргару, выкрикивая его имя, и тот с холодной отчетливостью понял, что песнь так катастрофически сбилась с такта из-за того, что над ним смеется сама Судьба.

Сидя на своем месте, принцепс ультима Аудун Лирак все еще чувствовал

тряску. Конечно, от нее его кости не вылетали из суставов — всего лишь легкое покачивание из стороны в сторону при каждом шаге «Сиргалы» — однако это отличало его от Киды и Тота, которые не испытывали подобного неудобства. Он постоянно бросал взгляды на ветеранов экипажа кабины и вскоре понял, что они инстинктивно наклоняются влево-вправо в ритме поступи титана. Совсем небольшое движение, едва заметное. Они были так настроены на «Сиргалу», и он почувствовал укол совершенно детской ревности. Принцепс сомневался, что они вообще отдают себе отчет в этом.

Разумеется, он не стал делать комментариев по этому поводу. Они были беспощадны к его неопытности в отношении практики, и, хотя они и вели себя вполне вежливо во время перехода в последний месяц, это был его первый выход. Он заметно потел, виски блестели от влаги. Спину точно так же покрывала скользкая пленка пота. Он в уже в сотый раз попытался откинуться на трясущемся троне. Углы интерфейса в черепе и

позвоночнике отреагировали на его ерзанье резкой болью.

В конечном итоге, он радовался, что располагается позади командных кресел своих модерати. Последнее, что ему было бы нужно — это чтобы они видели, как ему неудобно. Сама «Сиргала» ощущалась как голос и улыбка-оскал где-то в затылке. Ее разум казался тлеющими углями, которые горели медленно, но слишком жарко, чтобы до них можно было дотронуться. Он чувствовал, что она жаждет охотиться, но неужели ей всегда было мало? Он уже потерял счет танкам, которые они уничтожили.

А еще титана продолжало тянуть на запад. Ему хотелось идти туда, он продолжал посылать в разум принцепса импульсы «запад, запад, запад», но это было всего лишь одно из нескольких мест высадки Ультрадесанта. Аудун не чувствовал там никаких аномалий. Ощущала ли «Сиргала» приближение приливной волны? Даже если бы она попала под удар, то смогла бы его перенести, погрузившись самое большее по середину

корпуса. В воксе трещал поток расчетов Механикума, и грядущее цунами явно можно было пережить. «Лекс» славно погиб, и благодаря этому они все останутся в живых.

Запад, запад, запад.

— Что с этим городом? — спросила Кида. Аудун отметил, что она адресовала вопрос Тому, не потрудившись обернуться и к нему тоже. — Я думала, что это развитый мир. А тут кажется, будто они только что выбрались из железного века. Большинство зданий каменные. Кирпичи и цемент.

— Оружие, — рассеянно отозвался Том. — У них продвинутое оружие. Не по нашим меркам, конечно же. Еще у них должны быть впечатляющие корабельные технологии. Береговая цивилизация.

— У них даже нет спутников.

— Есть, — Том поднес руку к гарнитуре. — Просто мало.

— Похоже, кто-то здесь читал инструктаж к заданию.

— Заткнись, Ки, — произнес Том, не поворачиваясь. — Сир, провидческие

системы «Сиргалы» фиксируют тепловой след на краю города. Она постоянно тянется в ту сторону.

Аудун был вынужден сглотнуть перед тем, как заговорить, но все равно опасался, что его голос звучит робким.

— Я тоже это чувствую. Дух машины жаждет добычи, что бы он там ни чуял.

В кабине на мгновение воцарилась тишина. Тот промолчал. Кида занялась расправой над тремя «Носорогами» Ультрадесанта при помощи шквала раскаленных добела болтерных зарядов.

Аудун прикусил нижнюю губу. Он слишком усердно пытался изъясняться, как они, теми же знакомыми терминами интерфейса титана? Они смеялись над ним?

— Так и есть, — согласился Тот. — Вот сигнал, который я имею в виду. «Сиргала» продолжает поворачивать к нему.

— На западном краю есть наши «псы»?

— Они докладывают о корабле-саркофаге. Его размеров хватит на три «Владыки войны», — он вяло приподнял

плечо. — Ничего невозможного, особенно если они там без поддержки. Мне сообщают, что истребители «Завоевателя» сбивают все пехотные транспорты, какие могут.

Казалось, Тот расслаблен, но тут это произошло снова. Титан настойчиво потянул к западу. От Аудуна требовалось принять решение.

— Какой Легио нам противостоит? Обозначения напоминают несколько...

— Оберон, — ответила Кида. — Оранжево-черные полосы и символ рассеченной короны. Это Легио Оберон — то, что от него осталось после сбора на Калте.

Оберон. Оберон. Он беззвучно произнес название, и «Сиргала» снова дернулась, желая направиться на запад. Оберон. Корабль-саркофаг Оберон, готовый к выгрузке на окраине города. Столь заманчивая цель, что ее хотел сам титан. «Сиргала» чувствовала вражеский боевой дух даже на таком расстоянии.

— Мы идем на запад, — Аудун положил скользкие руки на консоль

управления. — Вызвать к нам четыре стаи.

— Есть, сир, — откликнулся Тот.

Аудун запнулся, быстро проводя расчеты в уме.

— Тот, отмена последнего приказа. Вызвать пять стай.

— Это же больше четверти Аудакс, — Кида наконец-то обернулась. Она выглядела одновременно удивленной и встревоженной.

— Верно. Пусть будет шесть. И велите им собираться как можно быстрее. Мы придем туда вместе.

Тридцать «Псов войны». Хватит ли этого? Аудун Лирак был уверен, что хватит. Он был так же уверен, что многие из них не выживут, и молился Омниссии, чтобы его карьера не оборвалась во время первого же выхода.

— Тот, я хочу, чтобы ты убедился, что мы движемся при поддержке сил Легионов, готовых завершить бой после того, как мы его начнем. Пожиратели Миров, Несущие Слово — мне абсолютно все равно. Но мне нужно, чтобы у наших ног

находились легионеры, готовые нанести удар. Пусть перемещаются на борту спидеров и «Носорогов». У нас будет всего одна попытка, и все нужно будет сделать быстро.

Тот не оборачивался, но в его голосе явно слышалась усмешка.

— Похоже, вы знаете, что Оберон вводит в бой, принцепс.

— Так и есть. Если только я не сильно ошибаюсь, мы скоро повстречаемся с «Коринфянином».

При этой фразе Тот и Кида обменялись ухмылками. Аудун знал историю и родословную Аудакс лучше, чем кто-либо из живущих, исключая, возможно, Вел-Хередара — «да будет почтенно его имя». Ему было известно, что Легио строился на принципе охоты — быстро появиться, выпотрошить врага и отойти до ответного удара. Он знал, что экипажи Аудакс были воспитаны и обучены сражаться стаями по пять титанов, чтобы повергать крупную дичь. Это была не просто специализация Легио — это была причина, по которой они уже стали

наполовину легендарными.

И все же он никогда еще не видел двух людей, которым бы не терпелось сойтись в бою с «Императором».

У полубога в золотом и синем облачении было преимущество парного оружия, однако крозиус Лоргара давал ему дистанцию поражения, которой недоставало брату. Когда они сошлись в первый раз, не было яростного обмена исступленными ударами или мелодраматических речей о свершившейся мести. Два примарха встретились, силовой кулак ударился о булаву, и оба попятились от вспышки отталкивающихся энергетических полей. Повсюду вокруг их воины убивали друг друга, но ни один из примархов не удостоил их даже взгляда.

Лоргар стряхнул с навершия крозиуса цепкую молнию разряда и медленно покачал головой в знак отрицания.

— Ты губишь песню. Ты не должен быть здесь.

Робаут Жиллиман, повелитель

XIII Легиона, вперил в него полный ненависти взгляд.

— И все же я здесь.

21
Отметка Калта
Нежданное избавление
Кульминация

Братья сражались на каменной улице, из-под их сапог взлетали облака солонцеватой пыли. Оба воина больше не думали о гуманности и милосердии. Двое ненавидящих друг друга наконец-то бились, чтобы оборвать жизнь соперника.

Лоргар видел, что глаза Жиллимана наполнены чистейшей и безграничной ненавистью. Ненавистью, порожденной не каким-то одним событием или поступком, а химической смесью эмоций, силы которых хватило, чтобы одолеть даже самого спокойного и уравновешенного из полубогов Империума. Разумеется, в этих глазах пылала злость. Более того — ярость. Их усугубляло отчаяние, неспособность понять, почему такое происходит, а также неистовство человека, верящего, будто он в силах

положить этому конец. Боль — отчего-то видеть в глазах Жиллимана боль было хуже всего — тоже вливалась в ядовитую смесь, добавляя ей горечи. Это была не чистая ярость Коракса на смертном поле, ярость брата, ставшего жертвой предательства. Эта ярость переросла в нечто более жестокое и сложное. Это была боль созидателя, творца, верного сына, который исполнял все, о чем его просили, и увидел, как дело всей его жизни нелепо и непонятно погибло впустую.

Лоргару было известно это чувство. Он познал его, когда стоял на коленях в пепле Совершенного Города, полностью уничтоженного флотом Жиллимана по приказу Императора. Впервые за все годы своих абсолютно разных жизней Лоргар Аврелиан и Робаут Жиллиман сошлись как равные.

К собственному изумлению, от которого у него похолодела кровь, Лоргар ощутил стыд. Он наконец-то увидел на лице брата подлинную ненависть, и в этот миг понял то, что ускользало от него все эти десятилетия.

Жиллиман не питал к нему ненависти. Ультрадесантник никогда не подрывал его начинания, не прятал насмешливую улыбку под маской лживого безразличия, не ощущал тайной радости, когда принижал религиозные старания Лоргара в Монархии и Великом крестовом походе.

Жиллиман не питал к нему ненависти. До настоящего момента. Теперь появилась ненависть. Появилась абсолютная ненависть, подпитываемая обилием страдания. Это была заслуженная ненависть, и из-за нее Лоргар умрет, песнь не завершится, а Ложный Император останется на троне во главе империи, которую из-за своего невежества не имеет права возглавлять.

Носитель Слова ощутил внезапную жгучую потребность все объяснить, оправдаться и поведать о необходимости всего этого ради просвещения человечества. Восстание. Война. Ересь. Правда о реальности отвратительна, но ее нужно рассказать. Боги реальны, и они нуждаются в людях. Человеческая раса

может возвыситься в единстве и бессмертии как избранный народ Пантеона, или же погибнуть за грех невежества, как много веков назад умерли эльдар.

Блокируя сокрушительные удары кулаков брата, Лоргар начал проклинать песнь варпа, отвлекающую его. Она настойчиво и непрестанно звучала внутри черепа и перед глазами. Все казалось важным. Все звучало неправильно. Каждый раскатистый звон крозиуса, сшибающегося с кулаками Жиллимана, гудел не так, сбивая кульминацию, которая должна была нарастать.

Оба примарха сражались, не обращая внимания на своих воинов. Для бившихся вокруг космодесантников их богоподобные движения сливались в неразборчивое размытое пятно. Здесь разворачивался миф, для записи которого и создавался терранский орден летописцев — как двое сыновей Императора поднимают оружие, олицетворяя собой древнейшие из легенд: Ахилла, разрушителя города-крепости Трой, или Галиата, гиганта из племени

филистинцев. Никто и не предполагал, что герои новой эры обратятся друг против друга, и не мог предсказать их неиссякаемую злобу.

— Калт, — само слово стало оружием. Жиллиман выдохнул его, наполнив той же ненавистью, которой были озарены его глаза. — Калт. Юрса. Каллас. Высадка Корума. Эреф Пять. Квилхата. Тикор. Артатура. Сколько твоих миров, Лоргар? Сколько?

Лоргар парировал очередной взмах и крутанул крозиус, нанося тяжеловесный ответный удар. Жиллиман заблокировал его с той же легкостью, с какой Лоргар остановил выпад. Звуки ударов разносились над полем боя, словно звон храмовых колоколов, созывающих верующих на молитву.

— Калт, — повторил Жиллиман. — Ничего не скажешь, «брат»? Не ответишь, что твой Легион учинил на Пятистах Мирах?

Лоргар промолчал. После Исствана все изменилось. В часы после резни, пока он сидел в одиночестве, и с его лица текла

кровь от смертоносных когтей Коракса, он ощущал, как по ту сторону пелены меняется судьба. Будущее переписывало само себя, открывались пути новых возможностей. За прошлый год он, наконец, почувствовал, что получил мантию человека, которым всегда должен был стать. Иногда он даже хотел вновь повстречаться с Кораксом. В следующий раз события не сложатся в пользу Владыки Воронов столь идеально — в этом Лоргар был уверен.

— Отметка Калта, — в устах Жиллимана это прозвучало как обвинение. Сдержанное достоинство даже украшало его гнев. Он не впадал в безумие убийцы-берсерка, сражаясь с яростью, которая пылала холодным пламенем.

Руки Жиллимана столкнулись, поймав падающую булаву с резким визгом протестующих энергетических полей. Удерживая ее, он посмотрел поверх сцепившегося оружия прямо в глаза брату.

— Посмотри на меня. На мое лицо. Видишь Отметку Калта?

Даже исказившись от злобы, его

патрицианские черты обладали величавой и суровой красотой, однако их никогда нельзя было счесть созданными по образу Императора в такой же мере, как татуированное лицо Лоргара. Единственным различием между нынешним Жиллиманом и Жиллиманом, который стоял в прахе Монархии, была тонкая паутина темных вен на горле и щеках примарха — почти незаметных для тех, кто не знал его близко.

— Попадание в пустоту, — Ультрадесантник не выпускал оружие, хотя по его массивным перчаткам плясали молнии. Лоргар стиснул рукоять Иллюминарума, по которой пошла рябь энергии, вгрызавшейся в его бронированные руки и воспламенявшей пергаменты на наплечниках. — Попадание в пустоту, когда ты погубил один из моих миров и флот над ним.

Лоргар не стал огрызаться. Он покачал головой, борясь с силой брата.

На лице Жиллимана заиграла его улыбка политика.

— Ты изменился.

Лоргар ответил на упрек брата ворчанием.

— Мне все об этом говорят.

На сей раз вырвался Лоргар. Он высвободил Иллюминарум и поплатился за это попаданием кулака в живот. Удар вышиб из него дух, расколол нагрудник и вызвал окровавленную улыбку из-за поэтичной справедливости. Он разбил нагрудник брата в совершенном городе, и теперь пришла расплата. Судьба и впрямь насмехалась над ним.

— Первая кровь за мной, — произнес Жиллиман.

Сожаление в его голосе обжигало слух Лоргара. Он силился заговорить, вдохнуть, но не мог сделать ни того, ни другого. Песнь еще никогда не звучала так неправильно.

Руки Жиллимана царапали и скользили по его броне, стараясь схватиться мертвой хваткой и закончить бой. Лоргар оттолкнул противника направленным телекинетическим импульсом. Он вышел слабым и колеблющимся из-за того, что песнь все

еще была расстроена, однако брат отшатнулся. Булава рванулась следом, силовое поле оставляло за собой след из молний. Лоргар впечатал ее в висок Жиллимана с силой пушечного ядра. Раздался треск, который бы посрамил даже раскат грома.

— Вот тебе Отметка Калта, — отозвался Лоргар, отступая назад, чтобы перевести дыхание. Воздух с хрипом входил и выходил из легких. Он уже ощущал привкус крови — от удара Жиллимана внутри что-то сломалось. В лучшем случае, несколько ребер, а скорее всего — что-то более важное. Он глотнул воздуха, и на выдохе по доспеху потекла кровь.

Примархи стояли друг напротив друга под серым небом. Один страдал от внутреннего кровотечения, у второго половину лица заливала кровь, льющаяся из пробитого черепа.

— Наслаждайся шрамом, — вымученно улыбнулся Лоргар. — Он у тебя останется до самой смерти.

Он широко раскинул руки, охватывая

ими гибнущий город.

— Зачем было за мной гнаться, Робаут? Зачем? Твой флот не устоит перед «Трисагионом», а ты погибнешь здесь, внизу.

— Есть разница между самоуверенностью и высокомерием, шавка. Тебе наверняка кто-нибудь об этом уже говорил.

Несущий Слово вновь сплюнул кровью.

— Но почему ты пришел? Почему?

— Отвага, — Жиллиман двинулся вперед, не обращая внимания на рану. Ему не пришлось заставлять себя улыбаться, это получалось у него так же естественно, как дыхание. — Отвага и честь, Лоргар. Две добродетели, которых ты никогда не ведал.

Они двигались на запад, отбивая каждый дюйм пути и сражаясь на бегу с Ультрадесантниками, которые тоже отступали от приближающейся волны.

В военных хрониках, которые изучал Аргел Тал, часто упоминались воины, «которые сражались, будто одержимые». В

большинстве случае они были одержимы неким не поддающимся количественному выражению воинским духом, желанием защитить родину, или же просто уподобиться легендарным предкам.

Аргел Тал был одержим в подлинном смысле этого слова, и сомневался, что без паразитического симбиоза с Раутом смог бы поспеть за Кхарном. Покинув Эреба, Аргел Тал сражался в демонической форме. Ему было слишком тяжело, чтобы наслаждаться ее силой, он ненавидел собственное доверие к пророческому предостережению бывшего учителя. Он постоянно твердил себе, что это ложь, но продолжал действовать, чтобы не дать ей стать истиной.

Восьмой капитан XII Легиона со стехом целиком окунулся в грубую радость боя. Его цепные мечи выли и раздирали, брызги крови павших врагов украшали белый доспех, будто медали. Он едва ли все еще был Кхарном. Демоническое шестое чувство Аргела Тала было ограниченным и своенравным, однако он довольно легко мог найти в сознании те мысли, которые

лежали на поверхности. В случае с Кхарном он ощущал лишь ярость, столь горячую, что она обжигала мысли всякого, кто в нее углублялся. Опыт научил его распознавать укусы Гвоздей и оставлять их в покое.

Задача сохранить Кхарну жизнь оказалась под стать часам горячки на Исстване V. Если Аргел Тал подходил слишком близко, появлялся риск быть вспоротым клинками брата. Кхарн уже семь раз атаковал его в слепом бешенстве, и с каждым разом Пожирателю Миров требовалось все больше времени, чтобы осознать, что он делает, и снова развернуться к ближайшему противнику.

Если же Аргел Тал слишком отдалялся, то терял Кхарна из виду в бурлящем хаосе уличных схваток на бегу. Было нетрудно вскарабкаться по стене здания, чтобы лучше видеть бой, или же подняться в воздух на крыльях из металлической плоти, однако это всякий раз делало его целью для Ультрадесантников внизу.

Он не знал, скольких уже убил. Явно

недостаточно. Они все прибывали.

Хватит, — закипел Раум внутри. Мы не нужны Убийце. Сражайся вместе с Вакра Джал.

Я не стану рисковать на случай, если ты ошибаешься. Я подвел всех своих братьев. Кхарн — последний.

У тебя есть я.

Ты — воплощенное безумие. Аргел Тал вырвал алебарду из груди умирающего Ультрадесантника и вогнал ее в горло воину. Ты — ад в моей крови.

Кхарн находился где-то слева, прорубаясь вперед. Он постоянно смеялся, даже опередив братьев по оружию и глубоко врезавшись в толпу Ультрадесантников, покрытых отметинами от Калта. Аргел Тал видел опасность, которую Кхарн упускал из виду. Несущий Слово распростер крылья и оторвался от земли, рухнув на воинов, пытавшихся обойти его брата. Первый Ультрадесантник умер, когда алебарда Аргела Тала пронзила ему голову, выйдя наружу через затылок. Второй и третий пали от клинка кустодия — тот рассек

одного надвое, а второму отрубил руку и полголовы ударом наискось.

Жгучий шквал болтерных зарядов обрушился на его крылья и спину. Аргел Тал развернулся с ревом, который был слишком низким для смертного, и сомкнул на горле легионера вывернутую узловатую лапу. Героическая попытка Ультрадесантника снова открыть огонь оборвалась, когда лицевой щиток командующего Вакра Джал исказился, металл приобрел волчьи очертания, и клыкастая пасть раздавила голову уроженца Макрагга.

Очередной клинок проехался по спине. Еще один заряд болтера с треском врезался в голень с силой громового удара. Аргел Тал игнорировал получаемые раны, продираясь ближе к Кхарну. Ультрадесантники хотели крови Кхарна, попав под власть предсказанной судьбы? Или прозаичная истина состояла в том, что они просто узнавали офицерский плюмаж или геральдическую символику и хотели его убить? Или Аргел Тал вообще воображал все это после пророческих

нашептываний Эреба? Как узнать наверняка в таком хаосе?

Он не мог вспомнить, сколько все это продолжается. Пять минут. Пятнадцать. Пятьдесят. Солнце вставало, его краешек показался над горизонтом. Кровь богов, как же медленно вращался этот мир.

Их явно уверенно подавляли числом. Насколько ему было известно, «Трисагион» и «Завоеватель» погибли так же, как и «Лекс», и Ультрадесант имел свободный доступ к планете.

Он видел шлемы Пожирателей Миров, с которыми познакомился за последний год, пока тренировался и сражался бок о бок с Кхарном. Видел Лорке, который постоянно находился в самой гуще боя, круша все, что оказывалось у него на пути. Когда алебарда выскользнула из рук и затерялась в буре, он целиком положился на клинок кустодия. Когда тот разлетелся от столкновения с громовым молотом терминатора, он начал прокладывать дорогу своими звериными когтями. Те пели, словно отточенная сталь, с протекающих

наручных огнеметов капал алхимический огонь. Боли не было. Он поблагодарил Раума за это.

В воксе Аудакс звал на помощь. Несколько офицеров Пожирателей Миров сопротивлялись Гвоздям достаточно долго, чтобы направить поток прорываться к западу, но это едва ли можно было счесть единой линией фронта.

Он молился о Кирене, упрашивая хохочущих богов-убийц не играть с ее душой. Очередная неудача — он вернул ее назад лишь для того, чтобы снова потерять.

Кхарн действительно был последним из его ближайших сородичей, кого он еще не подвел, и Пожиратель Миров был ценнее всех. Кхарн был таким же, как когда-то Аргел Тал: еще нетронутым прикосновением варпа, не опустошенным злокачественным контактом с демоном, который по первому требованию лишал его рассудка и воспламенял кровь. Раум был благословением и проклятием. Несмотря на даваемую демоном силу, Несущий Слово никому не пожелал бы подобного дара.

Ему казалось, что он видел смерть Скане. На одно кратчайшее мгновение его взгляд метнулся по линии схватки, а мускулы напряглись, чтобы броситься на помощь сержанту разрушителей. Скане, которого выделяла черная броня, стоял на коленях в грязи, поднимая руку, оканчивающуюся около локтя.

Аргел Тал подавил свой порыв и отвел в сторону очередной цепной меч, опускающийся на наплечник Кхарна. Центурион глянул через плечо, и на миг Аргел Тал решил, что Гвозди достаточно успокились, чтобы Кхарну хватило времени придти в себя. Истина открылась спустя полсекунды, когда Кхарн ударил его двумя клинками. Несущий Слово парировал и зарычал, поскольку блокировка стоила ему еще одного пореза на руке от Ультрадесантника из толпы закованных в броню тел.

— Это я, — рявкнул волчий лицевой щиток обезумевшему брату. — Бейся с врагами, психопат.

Услышал Кхарн или нет, но он развернулся к ближайшему

Ультрадесантнику и выпотрошил того обоими клинками.

Аргел Тал продолжал сражаться, защищая впавшего в бешенство брата, который едва понимал, где находится. Впрочем, нигде не писали, будто искупление дается легко, и его всегда можно узнать.

Он успел сомкнуть когти на горле следующего противника прежде, чем вокс разразился обильными криками. Аргел Тал повернулся на восток, где у побережья показалось наследие «Лекса». Он увидел, как приливная волна накатывается на дальний край города и поблагодарил богов, что боевой корабль упал медленно. Если бы он ударил, как копье, и вонзился в кору, могло разнести на куски половину планеты. По крайней мере, так в уже гибнущем городе просто добавится еще один слой памятных руин.

Судя по вокс-сообщениям, серая морская вода обрушилась на берег с невообразимой силой. Ее уровня хватило, чтобы накрыть трех— и четырехэтажные строения. Потоп разметал их на части, и

к мчащемуся по улицам беспорядочному потоку техники добавились огромные каменные блоки. Башни рушились в воду, ломаясь у основания. Один-единственный удар начисто смел целый прибрежный район, и волна повлекла к западу тела обитателей Нуцерии и обломки жилых кварталов.

Земля впитывала воду, отгоняя ее назад, но та продолжала прибывать. Когда она дошла до Легионов, сражающихся на точках отхода, то достигала уровня пояса, остановив легкие танки и сведя на нет эффективность сопровождающих их скитариев.

Аргел Тал продолжал сражаться, хлюпая по соленой воде и постоянно следуя за Кхарном.

Кхарн же, казалось, вовсе ее не замечает. Он продвигался вперед, шагая в глубокой воде, как будто ее там не было.

Корабль-саркофаг Легио Оберон был самым большим посадочным модулем, который флоту Жиллимана удалось провести через прорванную блокаду. Его

тормозные двигатели подняли огромное облако солонцеватой пыли, которая смешалась с полным песка дымом, уже порожденным городским сражением.

Термин «корабль-саркофаг» был одним из наиболее редких названий — жаргоном Механикума, выраженным не кодом или бинарикой. Отвратительное наименование для отвратительного корабля — на западной окраине Михора приземлился настоящий толстобрюхий кит, луковицеобразный корпус которого покрывали опаленные полосы от входа в атмосферу. Чтобы опуститься на землю, развертывающимся рампам потребовалось целых пять минут, шум гидравлики разносился на полгорода. Приготовление любого титана к выходу представляло собой сложный формализованный ритуал, но в случае с титаном класса «Император» это дело выходило далеко за рамки того, что требовалось для богомашин более низкого класса.

Внутри оболочки стоял закрепленный «Коринфянин», которого удерживали на месте тысячи волоконных кабелей.

Магниты фиксировали его между трех портальных башен-пилонов. Сооружения, необходимые для посадки в шагоход Механикума и его удержания, мало чем отличались от опорных башен, которые использовались для запуска ракет к Луне в те смутные эпохи человечества, когда подобные смехотворные вещи считались достижением.

Разом отключившись, связующие кабели последовательно отцепились, затрещав, будто хлысты, и титан, наконец, получил свободу. Каждая нога колоссальной машины сама по себе была бастионом, занимаемым подразделениями вооруженных киборгов-скитариев. Расставленные когтистые пальцы представляли собой широкие лестницы, которые вели к защитным башням ног.

Первый шаг «Коринфянина» сотряс землю. Второй уничтожил городскую стену и три высоких строения, раздробив их в пыль. Возвещая о его появлении, прозвучал боевой горн, который сам по себе был практически акустическим оружием. Правая рука «Императора» сравняла бы с

землей целый городской район, если бы ей дали выстрелить хоть раз. Левая перемолола бы половину любой армии, вышедшей против него. Наверху — даже выше кабины в виде черепа, размеры которой больше подошли бы командной палубе — на плечах «Коринфянина» располагалась крепость, вдоль зубчатых стен которой тянулись противовоздушные орудия и лазерные батареи.

Последним звуком в какофонии ритуала приготовления стал драконий рев центрального ядра, набирающего энергию для боевой готовности. Сердце протолкнуло по венам жгучее жидкое топливо, и магнитные катушки плазменной руки начали долгий процесс зарядки. Если он выстрелит, они покойники. Они все покойники.

— Прекрасно, — выдохнул Аудун, глядя, как величественное воплощение Бога-Машины делает первые шаги на свободе. Они приближались к окраине города и уже видели «Коринфянина», возвышающегося над жилыми кварталами. Наводнение плескалось у ног-лап гиганта, совершенно

не мешая ему.

«Сиргала», сгорбившись, двигалась размашистым бегом, ведя свои стаи по затопленным улицам. Они не обращали внимания на палящих снизу Ультрадесантников, ненамеренно затаптывая тех десятками. Вместе с ними мчались «лэндспидеры» Пожирателей Миров, увеличенные для перевозки пехоты. Несколько «Псов войны» сами выступали в роли ездовых животных, их броню покрывали целые отделения разрушителей и штурмовиков, которые держались за бегущих титанов. От поступи каждого из титанов вверх взлетали фонтаны соленой воды — приливный вал остановился, но не желал отступать. Он пришел навсегда — город Михор окончит свое существование в виде затопленных и уничтоженных развалин.

— Он так красив, — вздохнул Аудун, не в силах отвести глаз от стального колосса. — Мы должны взять его живым.

— Вы полагаете, что Двенадцатый будет иметь это в виду?

— Можно лишь молиться об этом,

модерати Бли, — секундное усилие воли активировало личный вокс-канал связи Аудуна со всеми титанами его Легио. — Говорит принцепс ультима. Во имя Омниссии, «Коринфянину» нельзя позволить выстрелить. Вы все знаете, что делать. Аудакс был рожден для таких битв. Братья и сестры, готовьте «медвежьи когти». Начнем охоту.

В кабине снова на мгновение воцарилась относительная тишина. Он непроизвольно сглотнул.

— Отлично сказано, сир, — рискнул заметить Тот.

— Совсем как старик, — кивнула Кида.

Аудун Лирак, повелитель сотни боевых машин и нескольких тысяч аугметических воинов, почувствовал, что у него пылают щеки. Он промямлил слова благодарности, и модерати сделали вид, будто не слышат, чтобы не смущать его еще больше.

Из всех своих титулов, данных во славу или заслуженных бесчестьем, Ангрон больше всего презирал обращение «Красный

Ангел». У Империума уже был Ангел в лице Сангвиния, и Ангрон не желал подражать диковинному мутанту, командовавшему IX Легионом. Несмотря на все свои недостатки, он был самодостаточен и гордился этим превыше всего.

Лоргару было известно, что Ангрон ненавидит этот титул, и все же тот входил в число наиболее подходящих брату. Когда Пожиратель Миров вырвался из рядов Ультрадесанта, от его доспехов остались только расколотые остатки, а с обоих цепных мечей летели куски керамитовой брони и сгустки багряной крови. После часов, проведенных в свалке на передовой, Ангрона покрывала кровь павших — он был не просто запятнан, а омыт ею.

У него на груди висела перевязь с черепами из общей могилы на Деш'елике. Как и Ангрон, они были в крови. Это доставляло ему удовольствие, несмотря на боль от гвоздей. Он хотел дать братьям и сестрам еще раз вкусить крови и пронес их по всей Нуцерии, чтобы пустые глаза

узрели разорение городов верховых.

Пожиратель Миров метнулся к Жиллиману. Его изуродованное лицо было искажено, идеально подходя ангелу, одержимому убийственной ненавистью. Лоргар и Робаут одновременно развернулись — один, чтобы встретить новую угрозу, другой — чтобы поприветствовать ее.

У Лоргара перехватило дыхание. Не потому, что он изнемог — хотя так и было — и не потому, что он испытал облегчение при виде выбравшегося из схватки Ангрона — хотя и это было справедливо. У него перехватило дыхание, поскольку его сердце начало биться с яростным грохотом, снова идеально попадая в такт песни варпа.

Два примарха с ревом вступили в непрерывный поединок на том же месте, где Лоргар и Жиллиман прервали свой. На вершине высокого холма проблема воды стала смутной и далекой. Лоргар слышал змеиное шипение потока, но не думал о нем. Это не имело значения. Важна была только песнь.

Когда она восстановилась у него в сознании, Лоргар едва смог дышать. Здесь, — подумал он. Сейчас. Ангрон. Жиллиман. Робауту не суждено было погубить песнь. Он сам являлся частью кульминации.

Двое примархов оказались перед одним, и Жиллиману хватило ума, чтобы попятиться и занять доступную позицию.

— Вы двое, — он обратил на них тяжелый осуждающий взгляд. — Братья, братья мои, каким же жалким зрелищем вы стали. Предатели. Еретики. Ничем не лучше цивилизаций изменников, которые ты сокрушали последние двести лет. Вы ничему не научились? Ни один из вас?

— Постоянно поучаешь, — произнес Лоргар с восхищенной улыбкой. — Мне жаль, что это было необходимо, Робаут.

Жиллиман проигнорировал его, указав латной перчаткой на Ангрона.

— Я уже слышал еретическое нытье Лоргара. Как ты пал столь низко, брат? Машина внутри твоего черепа все-таки превратила верность в безумие?

— Хррргх. Они дают мне видеть сны. Дают покой. Что ты знаешь о борьбе,

Совершенный Сын? Ммм? Когда ты сражался с увечьем разума? Когда тебе приходилось заниматься чем-либо, помимо подсчета приведений к согласию и полировки доспехов?

— Ребячество, — вздохнул Жиллиман, указывая на гибнущий в огне город. — Неужели и вправду дошло до такого? Столь жалкое ребячество.

— Ребячество? Жители твоего мира нарекли тебя Великим. Жители моего называли меня Рабом, — Ангрон шагнул вперед, его цепные мечи завертелись быстрее. — Кто из нас упал в цивилизованном раю и был воспитан приемным отцом, Робаут? Кто прошел обучение в залах верховых Макрагга и получил под свое начало армии? Кто унаследовал сильное и развитое царство?

Ангрон говорил, исходя пеной и брызгая кровавой слюной.

— А кому пришлось восстать против царства, имея в своем распоряжении лишь орду голодных рабов? Кто в детстве стал рабом на планете чудовищ, чей мозг изрезали ножами?

Двое примархов вновь сошлись. Силовые перчатки Жиллимана должны были бы с легкостью отводить цепные мечи Ангрона, однако сила Пожирателя Миров шаг за шагом отталкивала брата назад. Зубья оружия разлетались так же обильно, как слюна из безгубой щели рта Ангрона.

— Послушай, как твои ничтожества в синем вопят об отваге и чести, отваге и чести, отваге и чести. Вам хоть известен смысл этих слов? Отвага — это сражаться с поработившим тебя царством, пусть даже его армии превосходят твою в отношении десять тысяч к одному. Ты ничего не знаешь об отваге. Честь — это бороться с тираном, пока все остальные причмокивают и жиреют от фальши, которой он их кормит. Ты ничего не знаешь о чести.

Жиллиман парировал, отступая все дальше под шквалом ударов Ангрона.

— Ты все еще раб, Ангрон. Порабощенный прошлым, слепой к будущему. Ты слишком переполнен ненавистью, чтобы учиться, и слишком

озлоблен, чтобы преуспевать.

Ультрадесантнику, наконец, удалось нанести скользящий удар, и его кулак проехался по нагруднику Ангрона. Цепь черепов Деш'елики лопнула, костяные обломки разлетелись по грязи.

Жиллиман снова отступил назад, и его сапог раздавил остатки черепа в прах.

Ангрон увидел это и бросился на брата. Его яростный вой был невозможен для смертного и невероятно насыщен болью. Он не знал об этом, но вопль идеально влился в великую песнь.

Лоргар тоже это заметил. В то мгновение, когда нога Жиллимана сокрушила череп, он почувствовал, как варп забурлил по ту сторону пелены. Носитель Слова запел на языке, на котором никогда еще не говорило ни одно живое существо. Его слова безупречно гармонировали с мучительным криком Ангрона.

22
Он умрет на этой планете
Когти Угольных Волков
Кровавый дождь

Прошедшие часы оказались немилосердны к Аргелу Талу. Он ощущал вкус крови, и на сей раз кровь была его собственной. Броню покрывали полосы порезов, погрузившихся в плоть. Один из рогов был наполовину обломан ударом силового топора. Доспех испещряли подпалины от струи огнемета, а выступавшие из брони костяные гребни кровоточили, хотя он не понимал причин этого и был слишком слаб, чтобы всерьез интересоваться. Он плотно прижимал крылья к спине, изо всех сил стараясь не обращать внимания на покрывавшие их свежие рубцы разрывов и порезов от клинков.

Он не отставал от Кхарна, до конца двигаясь бок о бок с братом по оружию. Он был единственным среди отделений в

белых доспехах, кто не сопровождал каждую забранную жизнь и занятую улицу хохотом и триумфальным воем, поскольку только у него не было примитивных имплантатов, перестраивающих работу мозга. Несколько Пожирателей Миров нападало на него, утратив ориентацию в бою под воздействием Гвоздей. Всякий раз он отбрасывал их назад, заставляя узнать себя, и получал при этом еще одну-три раны.

Теперь они двигались вместе с Аудакс, стягиваясь к громадной фигуре «Коринфянина», который сделал два первых шага наружу из корабля-саркофага. Аргел Тал присел на крыше «Носорога» с поврежденной гусеницей, напрягавшего двигатель в попытке пробиться через паводок. Чтобы удержаться, он всадил когти в броню. Пожиратели Миров заполняли корпус и висели снаружи, раскручивая готовые цепные топоры. Рядом находился Кхарн, который освободился от воздействия Гвоздей и теперь выглядел не лучше брата. Все сражение было окрашено нездоровым

отчаянием — воины с обеих сторон бросали в бой все, что могли, как будто это была единственная важная война.

Пожиратель Миров и Несущий Слово сидели рядом, глядя на возвышающегося над ними «Императора».

— Я потерял контакт с «Завоевателем», — признался Кхарн.

Аргел Тал попытался установить связь. Ответом стал огонь болтеров, а также крики злобы и боли. Лотара была занята боем.

— Их взяли на абордаж, — произнес Несущий Слово.

Кхарн кивнул.

— Это меня не тревожит. На сей раз Делварус остался.

Последовала неприятная пауза, а затем Кхарн обернулся.

— Что ты делаешь?

— Сражаюсь, — ответил Аргел Тал.

— Нет. Ты сражаешься вместе с нами, а не со своими людьми. Предсказание Эреба бессмысленно. Я не умру здесь, брат. Веди своих Несущих Слово.

Аргел Тал покачал головой.

— Ты хоть знаешь, как близко был от смерти этим утром? Сколько раз я отводил копья и ломал клинки?

— Уверен, что много, — сказал Кхарн. — Но не больше, чем обычно.

— Ошибаешься, — демоническая посмертная маска, обладавшая навязчиво-безупречной красотой, исказилась в улыбке. Повреждения были даже тут: тонкие губы рассекали трещины, похожие на слезы на одной из щек. — И ты глупец.

Он схватил Кхарна за предплечье, заставив Пожирателя Миров обратить на него внимание.

— Ты один из последних воинов Двенадцатого Легиона, на которых можно положиться.

Услышав слова Аргела Тала, висевший на бортовых поручнях танка Каргос поднял голову.

— Не слишком-то лестно, — заметил он.

Кхарн усмехнулся, однако Аргел Тал не обратил на апотекария ни малейшего внимания.

— Остальные вырождаются быстрее, —

— настойчиво произнес Несущий Слово, — или испытывают куда большие страдания. Ты нужен Легиону, Кхарн. Нужен восстанию.

— Я польщен, — сказал тот, хотя на самом деле ощутил холодок от того, как близко к угрозе прозвучала фраза.

— Хватит шуток, — рыкнул Аргел Тал. — Времена меняются, брат. Для Империума и сражающихся за власть в нем Легионов грядут великие перемены. Воины вроде нас с тобой, стоящие по правую руку от примархов, станут властителями Новой Империи. Неважно, если нас это не манит, или же мы не хотим для себя такой роли. За нас все решат обстоятельства. Просвещаясь, мятежные Легионы становятся сильнее, однако не все переживут испытания при вознесении.

Кхарн не был уверен, как все это понимать. Оно граничило с обычным для Несущих Слово фанатизмом, но Аргел Тал редко позволял себе подобное.

— Ты проповедуешь? — поинтересовался он.

На посмертной маске Аргела Тала появилось раздраженное выражение

— Я тебя предостерегаю. — «Носорог» дернулся, проломив временную баррикаду, однако Несущий Слово не обратил на это внимания. — Чтобы победить в войне, нам нужны Пожиратели Миров. Вот почему Лоргар до кровавого пота старается спасти Ангрону жизнь.

— И вот почему ты бьешься за мою.

— Не относись к этому несерьезно.

Вслед за раздраженным голосом брата пришло озарение.

— Ты это делаешь просто чтобы доказать неправоту Эреба, — сказал Кхарн.

— Не только, — отозвался Аргел Тал и кивнул в направлении «Коринфянина», который уже навис над ними. — Готовься. Будет непросто.

— Ошибаешься, — теперь Кхарн ухмылялся. — Смотри и учись, как гончие валят медведя.

«Коринфянину» нельзя было дать выстрелить. Все остальное не имело значения. Первым колоссальным шагом он

освободился от пут, а вторым уже достиг окраины. Внизу с грубой механической точностью поспешно приближались тридцать «Псов войны», несущихся по улицам пылающего города. С ними двигались подразделения Пожирателей Миров и Несущих Слово, а также пехотные транспорты скитариев и скиммеры, окрашенные в темно-красный и черный цвета Легио Аудакс.

Ультрадесант встретил надвигающуюся орду. Скитарии Оберон, только что высыпавшие из посадочных модулей, присоединились к своим союзникам с Макрагга. У ног «Коринфянина» переваливались вражеские «Псы войны», которые поднимали свои орудия. Однако, благодаря стараниям Потары, на планету высадилась лишь малая доля того, на что рассчитывала армада Жиллимана. Ничего не зная о судьбе своего флагмана наверху — помимо периодических вокс-передач криков и огня болтеров — Пожиратели Миров прорывались через тонкую линию обороны к когтистым ступням «Императора».

Защитные башни, служившие титану ногами, непрерывно изрыгали пламя вниз. Титаны Аудакс падали, давя сопровождающую их пехоту и поджигая ее, когда плазменные ядра приходили в критическое состояние посреди переполненных улиц. Все «Псы войны» Аудакс хлестнули огнем вверх, от нагрева их болтеры «вулкан» засветились красным, а затем белым, продолжая вращаться и плеваться. На улицы внизу с металлическим грохотом сыпался дождь стреляных гильз. Находившиеся там воины сражались по щиколотку в дымящихся пустых оболочках снарядов.

На «Коринфянина» обрушили такую огневую мощь, что его пустотные щиты вспыхнули. Истерзанные энергетические экраны залило огнем, вспышки от попаданий всех болтерных зарядов сливались друг с другом, окутывая весь кинетический барьер оранжевым пламенем. Защищавший «Коринфянина» силовой кокон, подошедший бы небольшому космическому фрегату, лопнул. Удар был таким мощным и раскатистым, что в

радиусе пяти километров выбило все оставшиеся окна, и к шквалу падающих гильз добавился стеклянный ливень.

Посреди всего этого, пока Кхарн и Аргел Тал бились спиной к спине при помощи клинка и когтей, прозвучал боевой горн «Сиргалы». После оглушительного рева «Коринфянина» он казался слабым гудением. Однако вопль был подхвачен другим титаном. Затем третьим. Вскоре все восемнадцать уцелевших «Псов войны» выли на добычу. Они доставали титану до колена, однако вместе ревели так громко, что затмили его крик свободы.

«Император» сделал еще один шаг вглубь города. Колоссальное движение, сопровождаемое протестом металла и напряжением сервоприводов, снесло невысокий жилой блок и раздавило «Кровавый молот» Пожирателей Миров. Тем временем, «Коринфянин» наводил свое орудие адской бури, медленно описывая им дугу. У всех воинов заныли зубы от визга накапливаемой энергии, сотрясавшего сам небосвод.

«Сиргала» сделала первый выстрел, и Аудакс последовал за ней. «Медвежьи когти» рванулись в небо, гарпуны вонзились в руки-орудия «Коринфянина», всверлились в них и зафиксировались магнитами. «Псы войны» дали задний ход, с натугой отступая все вместе. Усиленные цепи тут же натянулись.

«Псы войны» Легио Аудакс удерживают «Коринфянина»

— Они его опрокинут, — крикнул Аргел Тал окружавшим его Пожирателям

Миров. Его посмертная маска была залита кровью скитария. — Они его опрокинут на нас.

Кхарн испепелил Ультрадесантника мощным зарядом плазменного пистолета.

— И опять неверно, — отозвался он.

Срабатывало все больше гарпунов, которые с тяжелым лязгом попадали в цель, и их цепи крепко натягивались параллельно первым. Раздался звук практически божественного протеста, и массивные руки «Коринфянина» — каждая из них была размером с жилой шпиль — начали опускаться. Вновь прозвучал боевой горн великой богомашины, но на сей раз в этом было больше ярости, чем торжества. Ангел Тал сомневался, что подобная примесь эмоций возможна, однако впечатление складывалось именно такое. Он обнаружил, что смеется, пересиливая боль, проклятия и скрежет брони о броню

Колоссальные оружия опускались все ниже и ниже, их вынуждали целиться в землю, в затопленные улицы под ногами самого титана. Если бы он выстрелил, чтобы уничтожить ближайших «Псов

войны», то аннигилировал бы дружественную пехоту, а также собственные ноги. И все же он продолжал сопротивляться. Несмотря на нарастающее усилие множества мелких титанов, которые зацеплялись за него своим оружием, «Коринфянин» все еще пытался развернуться и навести крепостные орудия. Все понимали, что это такое — тщетное отчаянное усилие.

Он попался. Они поймали титана класса «Император».

В воксе раздался голос, полный озорной самоуверенности. Все воины слышали, что женщина улыбается.

— Говорит модерати «Сиргалы» Кида Вли всем силам пехоты. Все в воду, немедленно начинайте штурм-абордаж. Повторяю, штурмуйте «Коринфянина». Постарайтесь не забыть, что мы хотим получить его целым.

Лорке сражался вместе с группой библиариев Вориаса, убивая Ультрадесантников, которые бились, как львы, в безнадежной попытке помочь

своему примарху. Комби-болтеры почти опустели, и он из осторожности начал убивать энергетическими когтями. Это хорошо ему подходило, он точно так же дрался при жизни, а железная оболочка была создана, чтобы пробиваться сквозь вражеские подразделения, а не отступать и вести огонь издалека.

Несколько раз он пытался вызвать Лотару, или хотя бы коротышку Кеджика, однако вместо слов с «Завоевателя» раздавалась пальба. Лорке пожелал капитану удачи и сконцентрировался на том, с чем мог справиться.

Он восхищался планом лорда Жиллимана. Хотя его и нарушило нежданное присутствие сверхкорабля Несущих Слово, а также нежелание Лотары отступать, пока не останется иного выбора, однако для Ультрадесанта это было лучшей возможностью сразить обоих мятежных примархов, пока они окончательно не покинули пределы Ультрамара. Лорке не мог даже примерно угадать, какими данными руководствовался лорд Жиллиман в своих

действиях, но командующий Ультрадесанта славился на весь Империум своей тактической проницательностью, и это точно был не бездумный налет. В крайнем случае, удар, который оказался отчасти неудачным из-за яростного сопротивления Пожирателей Миров. Скорее же всего, это был авангард куда более крупного флота, который вот-вот должен был ворваться в систему Нуцерии.

Лорке подозревал, что Владыка Пятисот Миров собрал все корабли, уцелевшие после внезапной атаки Кор Фаэрона, увеличил численность за счет первого флота, пришедшего на подмогу Калту после бойни, и погнался прямо за Лоргаром при помощи астропатических хоров XIII Легиона. Он был в этом уверен, поскольку именно так поступил бы сам на месте Жиллимана.

Возможно, другие псайкеры могли слышать «мифическую песнь» Несущих Слово. Возможно, могли чувствовать искажения, вызванные шестым чувством Лоргара. Лорке ничего не знал на этот

счет, и его это совершенно не заботило. Однако Жиллиман был здесь и вынудил их драться. Отвага и честь.

Вориас, Эска и еще несколько библиариев, сохранившихся в XIII Легионе, были ценными боевыми братьями. Они держались вместе отделением-кругом, обмениваясь силой и безмолвными словами между связанными разумами. У них было то самое братство, которого им не давала остальная часть Легиона. Он считал их Псами Войны, а не Пожирателями Миров – положительное предубеждение в отношении тех, у кого не было Гвоздей Мясника.

Когда позволяла схватка, Лорке переключал внимание на примархов, наблюдая за их яростным тройственным поединком на вершине горы мертвых тел. Даже там Жиллиман держался против двоих, пока Лоргар не перестал нападать и не начал мучительно звучно петь. Ангрон и Робаут продолжали сражаться, и при каждом ударе Пожирателя Миров Владыка Ультрадесанта отступал назад. Несмотря на все отвращение, Лорке был

вынужден признать, что в некотором роде уважает своего генетического прародителя. У Жиллимана не было шансов против Ангрона. Бывший Магистр Легиона сомневался, что нашелся бы кто-то, имеющий такие шансы.

Несмотря на приглушенность эмоций в ходячем саркофаге с холодной амниотической жидкостью, в иссохших остатках сердца Лорке яростно пылало желание присоединиться к схватке. Несколько раз он чуть было так и не поступил. Как бы легко было вырваться из этого боя, бередящего воспоминания о Ночи Волка, и противопоставить свое железное тело генетической божественности сражающихся примархов.

Его останавливала не расчетливость и не страх быть уничтоженным. Нет, его останавливало то, что он не был уверен, кому из двух участников поединка на самом деле поможет, сделав первый судьбоносный шаг.

Ангрон всадил свой цепной меч под нагрудник лорда Жиллимана — неглубокая, но показательная рана. Ультрадесантник

переломил пронзивший его клинок кулаком и отшатнулся назад, теперь действительно обливаясь кровью. Чужеродное пение Лоргара продолжалось. Несмотря на холодный рассвет, небо постепенно темнело.

+Что-то не так+, — раздался в сознании дредноута голос Вориаса, — +Лоргар использует силу, невозможную для смертного. Магистр Легиона, если мы позовем, пойдете ли вы с нами?+.

+ Магистр? Ты так думаешь?+.

+ Я бы так думал, даже если бы вновь оказался на Терре+, — телепатически отозвался Вориас. С топоров Эски струился психический огонь, энергия его души воплощалась в виде пламени. Каждый удар, с хрустом попадавший в цель, воспламенял керамит, прожигая дорогу через открытые раны и доводя кровь в жилах врагов до кипения.

+Это Лоргар+, — Эска с грохотом ударил очередного Ультрадесантника сапогом в грудь, отшвырнув легионера на его братьев. — +Сила исходит от Лоргара+.

Вориас сражался клинком и посохом,

описывая ими дуги окутанного молниями металла.

+Нет. Сила исходит из варпа. Лоргар ее направляет+, — выпущенный сзади болт попал лекцио примус в ногу, заставив его опуститься на одно колено. Крик боли Вориаса прозвучал на канале как пульсирующий тихий вздох. Эска и еще один кодиций, Дамаркиен, пробились к раненому господину и наставнику, защищая его и давая подняться.

Эска рискнул бросить взгляд на небо. Тучи собирались в медленный вихрь, темнели и приобретали не-цвета, которые можно увидеть только в варпе. Им не было места по эту сторону реальности, и они проявлялись в виде сотни невозможных оттенков черного, в каждом из которых роились бьющиеся очертания плененных вопящих душ.

+Что он делает?+, — спросил Эска. — +Что происходит?+.

+Я не могу преодолеть барьер воли Лоргара+, — передал им Вориас. — +Его сила огромна+.

Эска потянулся собственными

чувствами. Стоило ему приблизиться к Носителю Слова, как его отшвырнуло прочь с мощью урагана.

+Единство+, — произнес он.

+Мы погибнем+, — мысленно резко отозвался Ралакас. — +Тут сотни воинов нашего Легиона, и ни один из них не станет защищать наши лежащие тела+.

Эску было не переубедить.

+Единство сможет пробиться+, — настойчиво повторил он.

Постаревшее, но решительное лицо Вориаса покрылось морщинами от напряжения.

— Возможно, — согласился он вслух.

В этот миг небеса разверзлись. Из грозовых туч, порожденных призраками сотни погубленных миров, на мертвый город внизу полился кровавый дождь.

Лорган поднял голову, обратив лицо к плачущему и истекающему кровью небу. Красный ливень омывал его, согревая кожу и заполняя рот. Он не переставал петь, непрерывным потоком произнося истинные имена бесчисленных Нерожденнных и

требуя, чтобы те отдали свою энергию в его распоряжение.

Так много силы. Силы, не поддающейся описанию и пониманию. По его желанию реальность уродовала сама себя, управлять мощью было так же просто, как открыть глаза или поднять руку. Такова была игра Четырех богов. Они использовали энергию такого масштаба каждый миг своего существования, но им не хватало физического присутствия, чтобы перенести свои замыслы в материальную вселенную. Метафизика неласкова даже к Силам Извне.

С истерзанных небес ударил вопящий луч солнечного света, заливший пространство вокруг Ангрона и Жиллимана ядовитым свечением. Тени обоих воинов, всех зданий и танков удлинились и превратились в терцающие образы корчащихся человеческих силуэтов, тянущих руки. Вопли доносились отовсюду: каждая душа-тень в городе рыдала под кровавым дождем. Они плясали, словно дым и пламя, ползая и пританцовывая в своем нетерпеливом

желании добраться до Пожирателя Миров.

Кульминация песни варпа, исполненная посредством инструмента с безупречной и безграничной яростью. Нет эмоции чище, чем ярость. Эти слова произнес сам Ангрон. Возможно, когда боль пройдет, он даже вновь согласится с ними.

Сам же Ангрон продолжал биться с Жиллиманом, возвышаясь над стоящим на коленях Ультрадесантником. Заметил ли он вообще кровавую бурю и льющийся с неба красный поток? От поднятых перчаток Робаута летели искры, он силился отвести удар за ударом. Он был побежден. Повержен. Раны покрывали его палитрой гордого поражения. Даже сейчас его воины продолжали сражаться, чтобы отбить своего примарха. По рубцам на броне и ощущению боли, исходящей от сознания брата, Лоргар решил, что тому повезет, если он снова сможет ходить.

Ангрон выглядел немногим лучше. Он воплощал собой изуродованное величие, на его теле виднелись огромные разрывы и порезы от сочленений перчаток Жиллимана.

Сейчас. Это должно произойти сейчас.

Лоргар сконцентрировался на торжествующей фигуре изуродованного брата, призывая Нерожденных ответить. Несущий Слово зафиксировал мускулы Ангрона, воспламеняя синапсы в мозгу. Он лишал Пожирателя Миров возможности нанести смертельный удар, тем самым распаляя его ярость еще сильнее. Раздались вопли — мелодия погубленных миров наконец-то зазвучала в материальной вселенной.

История повторялась. Еще один примарх отползал подальше от гнева Ангрона. Еще один брат, вступивший в права наследования, не будучи проклятым, которого не отрывали от корней и не оставляли горевать по несбывшемуся. Победа над ними не доставляла удовольствия. Ярость не утихала. Она становилась только глубже, усугубляясь горечью. Вожделенный покой битвы ускользал от него, оставляя лишь пустые обещания лживого любовника.

Ненависть не приносила победы.

Ничто не приносило.

Даже те, кого он повергал и сокрушал... даже они жалели его.

Прости меня. Я пытался тебе сказать. Все мы пляшем под дудку варпа. Даже ты, Ангрон.

На сей раз Жиллиман — а не Русс — отползал прочь, а Пожиратель Миров отшатнулся назад, вцепившись в истерзанное лицо и грудь. Он рвал собственную броню и плоть, отдирая их пригоршнями и крича так, как не смогло бы ни одно живое существо.

Плоть и кости, кровь и дух — все вибрировало в такт волнам варпа. Они звучали в каждом атоме, каждой субатомной частице божественного тела. Миллиарды и миллиарды вопящих душ.

И вместе с их криками пришла боль.

По мышцам Ангрона прошли первые разрушительные спазмы, обратившие его кровь в ртуть, затем в лаву и, наконец, в священный огонь. К крикам разочарованной ярости добавилась невообразимая мука. Его тело начало разрывать само себя, разрастаясь и поднимаясь ввысь.

Совершенствуясь после жизни, наполненной прерывающейся болью.

Лоргар наблюдал за агонией брата с виноватой радостью.

Это ты всегда был проводником. Никто не ненавидит так, как ты, с такой безграничной силой. Никто другой не чувствует такой боли, терзаемый совершенными в жизни предательствами. Это должен был быть ты, в миг глубочайшей ярости и горя. Другого проводника и быть не могло.

Жиллиман скрывался в стойких фалангах своих сынов, которые с достойным зависти единством отступали по затопленным дорогам. Раненый Ультрадесантник пристально смотрел на Ангрона, стоящего на вершине горы мертвых сыновей трех родов, и Лоргар заметил на лице брата выражение благоговейного отвращения. Даже отходя, XIII Легион продолжал стрелять. Их заряды били в обнаженную плоть мышц Ангрона, покрывая бескожее тело черными пятнами и взметая в воздух кровавые сгустки.

Барабанный бой. Стрельба была лишь барабанным боем, вступавшим в кульминацию великой песни. Болты гулко ударяли в Ангрона, расшвыривая внутренние органы по пологим дугам. Эффекта не было. Пребывая во власти небесного страдания, Ангрон вышел за пределы телесной боли.

В него ударила молния. Такого не ожидал даже Лоргар.

Прогремел гром, сложившийся в очередной фрагмент великой песни, и с кровоточащего неба ударили новые молнии, которые воспламенили примарха Пожирателей Миров, трупы у него под ногами и саму землю вокруг. Зажглось красное пламя, образованное мерцающими корчащимися призраками. Жизни погибших в обмен на его.

Кровавый ливень стал сильнее и горячее — столь жарким, что порождал туман и смывал краску с потрескавшегося керамита бесчисленных сражающихся воинов. Лоргар не переставал петь, произнося Имена и взывая к ним, чтобы они повиновались, как обещали. Он дал им

океаны крови и зажег миры. Теперь они были перед ним в долгу. Он обменял триллионы жизней на одну-единственную. Никто теперь не скажет, будто Лоргар Аврелиан не был верным братом.

Адское пламя, когда-то бывшее Ангроном из Пожирателей Миров, продолжало бушевать. В этот миг Лоргар ощутил первые сомнения. Он ничего не мог разглядеть в кроваво-красном зареве. Был ли вообще Ангрон внутри пожарища? Не уничтожили ли его боги в наказание за какой-то изъян в великой песне?

Он потянулся своим психическим чутьем, обратив его к гибельному пламени. Все, что он услышал — плач несправедливо убитых, их ярость и муку. Песнь, которую он сотворил из огня и геноцида, играла во имя спасения его брата.

В эту секунду он почувствовал чужое присутствие: нечто нечеловеческое, обладающее неизмеримо большей силой, чем любая душа или призрак Ультрамара? Раздался голос, который было невозможно игнорировать, и на мгновение абсолютного

экстаза примарх решил, что один из Четырех явился, дабы благословить его старания.

Я не бог. Голос был смягчен изумлением, однако ничто не могло скрыть мощь, звучащую в загробных интонациях. Я — Единство.

Для Лоргара это имя ничего не значило. Помоги мне! — потребовал он у сущности.

Перед ответом пришло ощущение скорби. Теперь я вижу. Я все вижу. Ты убиваешь нашего отца.

Я его спасаю! Вознесение! Вот как он ценен в глазах Четырех!

Лоргар Аврелиан, — произнес голос, — мы этого не допустим.

И точно так же, как покинули свои тела, они вытянули Лоргара из его собственного.

Он падал.

Падал в волны по ту сторону пелены, внутрь самой песни. По эту сторону реальности мелодия звучала гораздо более резко и едко. Она накатывалась на его

плоть, бурля и обжигая, затекая в рот и наполняя легкие. Он воспротивился вторжению, направив свою концентрацию на отталкивание. Эффекта не последовало. Если уж на то пошло, от этого огонь-вода стала жечь тело только сильнее.

Лоргар провел руками по не-цветам варпа, придавая смысл бессмысленному. Образ изменился, став доступным для восприятия разумом существа из плоти и крови в царстве нереального.

Он не падал. Его тянуло вниз, глубже самых черных волн. Он тонул, сжимая в руках крозиус.

А затем сияние. Следом за ним нырнуло нечто, пылающее собственным внутренним светом, которое преследовало его.

Пожиратель Миров.

Нет. Пес Войны. Его доспех был безмятежного бледно-синего цвета с белыми отметками. На его плечах располагался вставший на задние лапы красный боевой пес: старый забытый символ, отправленный в памятные архивы.

Даже без ореола жгучего сияния Пес Войны был одного роста с примархом. Двое сошлись, падая вместе. Топор против булавы. От звука столкновения психического железа по волнам нереальности пошла рябь.

— Ты эхо, — сказал Лоргар призрачному воителю. — Привидение. Ничто.

Воин развернулся в кружащейся черноте.

— Я — Единство.

Их оружие встречалось снова и снова, раз за разом сотрясая Море Душ. При каждом их столкновении сам варп вопил в ответ: огонь-вода сливалась в лица, издававшие крики, а затем вновь тонущие в первоматерии, из которой появились.

Шлем Пса Войны был старой конструкции и напоминал о тех простых и невинных временах, когда невежество Империума позволяло его обитателям ощущать себя в безопасности. Это зрелище вызвало у Лоргара смех.

— Ты — пережиток прошлого, — сказал он воину.

— Наш Легион пострадал более всех остальных, Лоргар Аврелиан, — в низком голосе рыцаря была холодная и оправданная угроза. — Довольно. Довольно. Ты не погубишь нашего повелителя.

— Я спасаю его! — произнес Лоргар сквозь зубы. Он слабел в волнах, продолжая падать и сознавая, что его тело неподвижно лежит на Нуцерии. Он мог представить, как броня и кожа темнеют от кровавой бури.

Их битва была состязанием воли, насколько это мог охватить разум смертного. Оружие вновь сшиблось. Пес Войны напирал, однако силы покидали их обоих. Из бурлящей воды потянулись когтистые руки. Лоргар зарычал и оттолкнул их психическим импульсом. Они набросились на Пса Войны, который полностью сконцентрировался на Лоргаре. Из ран, оставшихся на старинном доспехе Единства, начала струиться дымящаяся белая кровь.

— Ты пытался утопить меня в варпе, — на лице Лоргара появилась улыбка. — Но я здесь ничуть не слабее. Я —

первосвященник этих сил, маленький призрак.

Пес Войны пригнулся, налегая плечами на сцепившееся оружие. Слабее, слабее. Из его горла донеслось рычание.

А затем, опережая даже восприятие примарха, он нанес удар. Воин распался на части, рассеиваясь в черных водах. Булава Лоргара рассекла волны, не встретив сопротивления. Пес Войны вновь возник за Иллюминарумом, сомкнув руки на горле Несущего Слово.

Психическое воплощение крозиуса выскользнуло из рук и исчезло, как только потеряло контакт с пальцами. Лоргар обхватил шею Пса Войны собственными руками, силясь вдохнуть, хотя в этом месте никто из них в этом не нуждался. От инстинктов непросто избавиться.

Пока они падали, сцепившись в смертельном объятии и летя сквозь волны, Лоргар посмотрел в глазные линзы Пса Войны, и разглядел, с чем сражается. По ту сторону шлема находился не один призрак. Это была общность душ. Его губы скривились в очередной улыбке, которая

была скорее гримасой, а не ухмылкой.

— Дерзко, — прошипел Лоргар. — Весьма умно.

Он разжал пальцы и вогнал руку в нагрудник Пса Войны. Та прошла насквозь и погрузилась в психическую плоть. Воин напрягся, замер, его хватка ослабла, но не разжалась.

Лоргар сжал кулак. Внутри тела воина что-то лопнуло.

— Кто это был? — выкрикнул Лоргар, заглушая рев моря. Ореол света, окружавший Пса Войны, померк и уже не разгонял мрак с такой силой. — Ты, Эска? Ралакас? Нет, я все еще чувствую вас обоих...

Лоргар всадил воину в грудь второй кулак. Он раздавил еще одну сферу жгучей жидкости, и ореол потускнел еще сильнее.

— Лорке... — слабо затрепыхался Пес Войны, которого уже почти разорвало течением. В него вцеплялось все больше рук. — Лорке...

Лоргар открыл глаза, оказавшись под блестящим ливнем, и поднялся на ноги.

Адское пламя продолжало полыхать — прошло ли хоть какое-то время? — и в его кипящем центре все еще было не разглядеть брата. Казалось, что слабость последовала за ним из варпа, просочившись в плоть и закрепившись там. Он устал, как никогда в жизни.

В его сознании умирало Единство. Примарх ощутил, как оно буквально распадается на части, подвергаясь неосязаемому психическому уменьшению, а затем ему на смену пришел огонь болтеров.

Раздался скрежещущий рык могучих железных сочленений, и на его доспех обрушились отрывистые удары снарядов. Что-то заслонило собой столб призрачного света солнца. Что-то, превосходившее примарха ростом, и при этом вдвое шире.

— Мой Легион достаточно настрадался, — прогремел механический вокс-голос. Громадная лапа ударила по нагруднику Лоргара, сбив того с ног. — Теперь мы должны еще и подвергнуться порче? Неужто проклятия безумия оказалось мало?

23
Длань Судьбы
Из огня
Кровь Кровавому Богу

Кхарн сражался под кровавым дождем, расправляясь со скитариями на зубчатых стенах. Крепость на спине «Коринфянина» уже затопило ливнем, кровь стекала из пастей горгулий и водостоков, падая на город внизу. При взгляде через край были видны каскады кровавых водопадов, а также стаи «Псов войны» Аудакс, которые покидали место засады. После гибели экипажа мостика «Императора» — Каргос поклялся, что сохранит череп принцепса в качестве трофея для своего послужного списка — осталось только зачистить замок скитариев на плечах боготашины. Эта крепость сопротивлялась ожесточеннее всех, кроме ног-башен и грубо подавленных числом защитников командной палубы. Обороняющиеся собрались из казарм на последний бой,

невзирая на то, что уже проиграли битву за своего титана.

Кибернетика скитариев могла широко варьироваться по контекстуальной функциональности и смертоносности. Кузнецы плоти и механики Легио Оберон имели тенденцию усиливать руки своих боевых рабов тяжелыми роторными пушками, которые трещали и окутывались вспышками дульного пламени, распространяя пороховую вонь фицелина.

Кхарн прорубался сквозь них, на ретинальном дисплее вспыхивали предупреждения о повреждениях и руны, указывавшие, что левый коленный сустав приблизился к нестабильному состоянию. Заметные следы от попаданий, покрывавшие большую часть брони, дымились. Роторным пушкам не хватало пробивающей способности, однако они наверстывали это объемом огневой мощи.

Стены были широкими и больше напоминали железные мосты и переходы, а не какую-то крепость с феодального мира. Из-за кровавого ливня металлические

платформы стали скользкими и опасными.

Прикончив последнего из скитариев, Пожиратели Миров прошлись по съежившимся слугам и безмозглым сервиторам, оставшимся в жилых помещениях. Связанные клятвой прислужники Легио сопровождали расправу мольбами и криками, а рабы-киборги просто таращились, безразлично приоткрыв рты.

Когда врагов больше не осталось, Пожиратели Миров высыпали на стены, воздевая топоры и триумфально воя в кроваво-красное небо.

Цвет неба был единственным, на чем мог сосредоточиться Аргел Тал. Красное. Не серое. Воля Лоргара осуществлялась по всему городу, и Эреб оказался неправ.

Кхарн умрет на восходе на планете с серыми небесами. Во всех будущих, что я видел, он умирает, когда небо озаряется рассветом. И умирает с клинком в спине.

Однако Кхарн выжил. Он не погиб во время бесконечного рассвета Нуцерии, и небо перестало быть серым. Не было

никакого клинка в спине.

Броня Аргела Тала была такой же потрепанной и бесполезной, как у Пожирателей Миров, которых он сопровождал, однако их доспехи требовали обслуживания и ремонта, а его уже исцелялся, медленно регенерируя и покрываясь струпьями. Раум затих, как только последний из рабов с хрипом испустил предсмертный вздох. Демону стало некого убивать, и он раздраженно свернулся передохнуть.

Он медленно, обливаясь кровью, поднялся на стены, где Кхарн обозревал город. Кровавая буря заливала затопленные улицы, окрашивая незваную воду в красный цвет. Казалось, что весь Михор утопает в крови.

— Приближаются десантные корабли, — произнес центурион. Кхарн снял шлем, превратившийся в потрескавшиеся останки, и моргал под кровавым ливнем. Бледное лицо было покрыто кровоподтеками всех возможных цветов.

— Что происходит? — спросил он. — Что это за шторм?

— Лоргар, — ответил Аргел Тал. — Это Гибельный Шторм, который, наконец, выпущен на волю.

— Ужасно. Я такого не ожидал.

Несущий Слово пожал плечами, приподняв наплечник.

— А я ожидал именно этого.

Кхарн вытер лицо и надел шлем, скрывшись за решетчатой пастью и раскосыми глазными линзами, которые уже начинали наводить ужас на Империум.

— Эреб ошибался, — заметил Пожиратель Миров. — И я спас тебя семь раз, пока мы лезли на эту прекрасную боевую машину.

— Всего семь? Ты еще жив только потому, что я тебя спас по меньшей мере дюжину раз.

Братья улыбнулись незаметно друг для друга и стукнулись наручами. Над крепостью опускались некогда белые, а теперь покрасневшие от бури десантно-штурмовые корабли, которые полыхали двигателями, паря над стенами. Из открытых люков падали пассажирские

тросы, и Пожиратели Миров покидали свой громадный трофей, направляясь в другие места.

Аргел Тал развернулся, чтобы двинуться вместе с Кхарном, но Раум зашевелился, утомленно скользнув внутри.

Обманщик идет., — отозвался Несущий Слово. Он просто ошибся.

Он нас не обманывал

Я хочу его убить. Хочу его крови.

Он вернул Кирену. Он предупредил меня насчет Кхарна. Я перед ним в долгу.

Мы задолжали ему только боль. Кирена мертва, ее Второй Вдох растрачен впустую. А теперь Обманщик идет рассказывать новую ложь и изображать чувства, которых на самом деле не испытывает. Убей его, брат.

Я не могу убивать всех в галактике только потому, что ты их ненавидишь. Так никого не останется.

Кхарн наклонил голову, пристально глядя сквозь глазные линзы.

— Ты говоришь с демоном, да?

— Да.

— Я практически это слышу. У меня

десны ноют, — Кхарн потряс головой, словно избавляясь от неприятной мысли. — Гвозди жалят. Я не могу здесь оставаться.

Аргел Тал расправил изодранные кровоточащие крылья нетопыря, покрытые толстыми венами. Они высоко поднялись над лопатками, треща под дождем.

— Ступай, — сказал он. — Я вернусь к своему Легиону и встречусь с тобой на сборах.

— Так тому и быть. Доброй охоты, брат.

Центурион спрыгнул со стены, ухватившись за болтающийся пассажирский трос и забравшись в последний из кораблей. Двигатели полыхнули, унося машину прочь. Аргел Тал снова прижал крылья к плечам. Он услышал шаги, о приближении которых уже знал.

— Выглядишь ослабевшим, сын мой, — раздался позади голос Эреба. Аргел Тал оперся на зубчатый парапет. Кровавый ливень отмывал его доспех.

— Я и чувствую себя слабым. Я провел на передовой несколько часов, пытаясь

опровергнуть твое предсказание. Меня кололи, резали и расстреливали.

Убей его, или отдай мне контроль над нашим телом, чтобы я смог его убить.

Нет, я должен послушать.

Эреб вышел из башни на стену, присоединившись к бывшему ученику. Его крозиус, равно как и доспех, был девственно чистым, без единого следа крови. Аргел Тал заметил это, с отвращением покачал головой и снова перевел взгляд на охваченный сражением город, который уже начинал утопать в крови.

— Кхарн жив, — произнес Эреб. — Это хорошо, мальчик мой. Он должен жить. Знаешь, Силы возлагают на Восьмого капитана такие большие надежды.

Убей его, Аргел Тал. Убей сейчас.

Утолкни, Раум.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Аргел Тал вслух. Эреб встретился со вторым Несущим Слово взглядом, и его столь суровое и строгое умное лицо на мгновение смягчилось.

— Кхарн избран.

— Богами?

— Ну, разумеется, — ответствовал Эреб. — Кем же еще?

Он вздохнул, оттолкнулся от парапета и прошелся по стене. Пока Эреб удалялся, крылья Аргела Тала зудели и подергивались. Он смотрел, как Легионы сражаются в городе внизу, отбрасывая Ультрадесантников и тесня их по улицам обратно к местам высадки.

— Аргел Тал, — тихо сказал Эреб. Его интонация была странной: капеллан произносил имя, но казалось, что при этом он не обращается ко второму воину.

— Чт...

УБЕЙ ЕГО. ОН ЗАСТАВИЛ НАС СРАЖАТЬСЯ ЗА ЖИЗНЬ УБИЙЦЫ, ЧТОБЫ МЫ БЫЛИ СЛАБЫ СЕ...

Ритуальный кинжал мягко, будто любовно лаская, вошел в позвоночник Аргела Тала. Яростный вопль Раума отдалился, стих, и от него не осталось даже эха.

Первые несколько секунд ничего не происходило. Когда же от раны разлилась боль, казалось, будто внутри разворачивается что-то холодное,

обвивающее кости. Он пошатнулся, лапы заскребли по металлическим зубцам, полностью лишившись сил. Лапы? Руки. Парапет царапали его руки. Руки легионера. Слабость легионера.

Раум. Раум!

Раума не было. Шок от отсутствия демона приносил многократно больше боли, чем нож.

Шлем Аргела Тала соскользнул с головы, и под дождем оказалось его чересчур человеческое лицо. Он ощутил вкус крови бесчисленных невинных, убитых за время Теневого крестового похода. От нее щипало глаза, а у него не было сил вытереть лицо.

Нож резко вышел из раны с хрустом терзаемого мяса. Вместе с ним ушла боль, по мышцам разлилось отвратительно приятное онемение.

Эреб терпеливо стоял, наблюдая за падением Аргела Тала. У него в руках был покрытый выгравированными колхидскими рунами кинжал длиной с предплечье, с рукоятью из кости.

— Везде ты, — произнес капеллан. —

Во всех Десяти Тысячах Будущих твоя сумасбродная, переполненная эмоциями глупость ведет нас к поражению в войне. У тебя был единственный шанс избежать такой судьбы: просто пережить смерть этой никчемной шлюхи-жрицы. Но нет. Ты попросил меня вернуть ее, и тем самым показал, что так же никчемен, как и она. На тебя нельзя положиться. Тебе нельзя доверять. За неимением более подходящего слова, тебя нельзя контролировать. А нам нужен контроль, если мы собираемся выиграть эту войну, мальчик мой.

Аргел Тал закашлялся, сплевывая кровь, и протянул дрожащую руку, чтобы подползти к убийце.

— Не сопротивляйся, — покачал головой Эреб.— Признаюсь, я поражен, что ты вообще в состоянии двигаться. Никто другой не мог пошевелиться после смертельного удара. Как печально осознавать, что ты сильнее, чем я полагал.

Аргел Тал подполз еще на метр ближе. Эреб улыбнулся, поставив сапог на руку Вакра Джал. Керамит затрещал и

начал трескаться, но боли все так же не было.

— Кхарн избран, — сказал капеллан. — И во всех будущих, что я видел, его участь менял только... ты. Ты бы спас его, мальчик мой. Я — Длань Судьбы, Аргел Тал. Ты хоть можешь понять мою роль и ответственность? Ты бы перешел мне дорогу и изменил судьбу Кхарна. Я не могу этого допустить. Пусть он прокладывает свой путь без братства с тобой. Так его ждет бессмертие.

Аргел Тал приподнял голову.

— Я умру, — выдохнул он сквозь сжатые зубы, — в тени громадных крыльев. Не здесь. Не здесь.

Эреб сделал шаг в сторону. Позади него башне крепости располагалась имперская аквила, покрытая полосами крови от дьявольского шторма. Двухголовый орел неотрывно глядел на дождь, широко и горделиво раскинув крылья.

— Все верно, — согласился Эреб. Капеллан отвернулся. — Прощай, сын мой.

«Контемптор» упорно рвался к нему, протягивая когти и тесня его назад. Лоргар парировал все удары Иллюминарумом, и каждый лязг, напоминающий звон храмового колокола, вливался в великую песнь. Мускулы болели из-за коварного нападения Единства. После их мелкой и скучной засады ныли даже кости.

Сама идея о том, чтобы сосредоточиться, была смехотворной.

За Лорке следовала группа библиариев — по крайней мере, тех из них, кто остался в живых — с поднятыми болтерами и занесенным силовым оружием. Он чувствовал их слабость, ошеломление после того, как Единство оказалось столь жестоко разорвано на части. И все же они приближались. Пламя и молнии, которые окутывали их клинки, понеслись вперед яростной смесью стихий. Лоргар сотворил защитный барьер, однако его концентрация сбилась. Вместе с ней рухнула и преграда, и он оказался открыт огню.

Однако тот оказался слаб. Примарх

ощущал себя слабым, но они были еще слабее. Льющееся на него пламя побледнело и рассеялось, втянувшись в красное инферно на том месте, где находился Ангрон. Молния также изменила направление движения, с треском бича унеслась в сторону и влилась в пожар. На броню Лоргара обрушились лишь жалкие остатки их ярости, которые подожгли плащ, опалили плоть и встретились с ответной телепатической волной. Лоргар вложил в нее свои истощенные силы, и буквально снес библиариев с ног воплем. Иллюминарум взметнулся вверх, отражая очередной разгашистый удар Лорке. Жалкий ковен Вориаса не желал признавать поражения, они с трудом поднялись и снова открыли огонь. Несколько болтов угодили в Лорке — «Контемптор» этого даже не заметил.

Один попал примарху Несущих Слово в бедро, пробив броню до кости. Он пошатнулся, поднял крозиус, но когти дредноута тут же вышибли оружие у него из рук. Он не заметил, куда оно улетело, видел лишь, что оно, вертясь, пронеслось

над лежащими вокруг телами и безнадежно пропало.

Лоргар воздел руку, чтобы метнуть собственное тайное пламя, однако кисть разорвало детонацией заряда болтера, и она разлетелась на куски мяса и костей. Он еще не успел ощутить боль, а уже вогнал другой кулак в панцирь Лорке, пробираясь к трупу-пилоту внутри. Дредноут взвыл и отшатнулся, в единственной уцелевшей руке Лоргара осталась пригоршня железа и проводов.

Он увидел Эску, Вориаса и прочих. Хаскал умер в тот же миг, когда Лоргар взглянул на воина. Выдирая душу библиария из тела, примарх почувствовал, что это Хаскал выпустил болт, оторвавший ему руку.

Остальные продолжали приближаться. Они метали пламя, молнии, ветер... Лоргар отбивал все в сторону. Он шатался, но все еще оставался на ногах.

Гибельный Шторм. Ангрон. Великая песнь. Единство. Дредноут и ковен. Он так устал, что был готов просто лечь и

умереть. За всю историю жизни ни одно существо не пропускало через себя столько психической мощи.

Погиб еще один библиарий, горло которого пронзил упавший меч. Лоргар телекинетически поднял оружие изуродованной рукой и швырнул его точно в цель.

Он вновь пошатнулся, и на сей раз упал на колени. Над ним раздавался воющий визг десантно-штурмовых кораблей, борющихся с порывами шторма, но они опоздали, слишком опоздали. Он не мог отбиваться от Лорке и ковена, пока отражал их высвобожденные силы.

Спасение пришло с самой нежданной стороны.

— Брат мой!

Примарх расправился с еще одним наступающим библиарием, оттолкнув плоть воина и заставив его окатить самого Пса Войны. Ангрон с ревом пришел ему на помощь, и, несмотря ни на что, Лоргар захохотал.

Кхарн коснулся земли уже на бегу. Их

десантно-штурмовому кораблю было негде приземлиться в дьявольском пламени, бушующем на вершине холма, и он завис у подножия, дав Пожирателям Миров возможность спрыгнуть на залитую кровью улицу.

Он понятия не имел, что здесь происходит. И все же оно притягивало его, заставляя Гвозди вгрызаться глубже и превращая текущие в мозгу химикаты в кислоту. Каждый шаг вперед немного ослаблял боль. Каждый метр приближал к спокойствию. Чтобы прогнать эту муку и обрести покой, он бы убил кого угодно, даже собственного примарха.

Каргос был рядом, он не отставал, пока они наполовину бежали, наполовину ползли вверх по осквернённому холму. Легионеры со всего города стягивались ближе и карабкались на гору в поисках того же самого обещанного избавления. Примарх звал, хотя они и не знали, каким образом. Важно было лишь собраться возле него, в окружении красного пламени и кровавого дождя.

Они увидели окровавленного Лоргара,

отступающего назад. Увидели последних живых членов позабытого библиариума, которые вместе с Лорке окружали израненного примарха. Увидели огонь, наполненный тенями мертвых.

И они увидели Ангрона.

Все Пожиратели Миров застыли перед огнем. На их глазных линзах плясало отражение сына божьего, поднимающегося из пламени Ада, в отсутствии которого клялся Император.

Даже Лорке обернулся к своему генетическому предку.

— Брат мой! — снова взревел Ангрон. — Хрргх. Предатели, предатели хотят крови моего брата.

— Сир, — прогрохотала было боевая машина, но слова полностью утратили смысл, когда дредноут увидел, во что превращается Ангрон. Изменение еще не завершилось — плоть примарха продолжала пылать красным пламенем. Когда оно где-то опадало, то с ревом взметывалось ввысь в другом месте истерзанного тела. При каждом движении с него летела кровь. По ту сторону огня

Лорке увидел фрагмент грядущего.

Покрытая рубцами плоть примарха приобрела нечеловеческий оттенок обнаженного мяса и покрылась броней из кости, сплавленной с почерневшей бронзой. Видны были только образы: колоссальное раскаленное существо, воплощение вулканического гнева, плоть исходит паром под бурным ливнем, кровавые лужи на земле кипят от прикосновения когтистых ног. Он все еще продолжал разрастаться и подниматься ввысь, все его тело трепетало в такт музыке варпа. Великая песнь была не просто созвучием, меняющим форму пустоты, а мелодией, которой было уготовано переписать генокод примарха, испепелив саму его душу. Сквозь пламя в материальную вселенную должно было войти нечто более чистое. Нечто бессмертное, полностью состоящее из ярости, не подверженное боли и беспощадным уколам Гвоздей Мясника. Лоргар сотворил из варпа совершенство.

Лорке так и не увидел окончания преображения.

Лапа, обрушившаяся на железное

тело, разорвала оболочку «Контемптора» на части, раскидав обломки по земле. Белесые от амниотической жидкости биологические останки самого Лорке — искалеченный ссохшийся труп — рухнули на неровную почву, волоча за собой кабели системы жизнеобеспечения. Он сделал вдох, внезапно и резко втянув воздух, и больше не шевелился. Кровь заполнила его открытый рот и залила широко раскрытые глаза.

Примарх-зверь развернулся к библиариям. К созданиям, которые мучили его на протяжении десятков лет. Воинам, которые самим фактом своего присутствия поблизости заставляли Гвозди петь, а мозг — кровоточить. И вот теперь они напали на его брата, бросаясь своей терзостью в израненного Лоргара, который опустился на колени, лишившись одной руки.

— Предатели, — выдохнула тварь. Ее пасть хрустела и вытягивалась, железные зубы удлинялись, превращаясь в ржавые сабельные клыки. Гвозди Мясника стали болтающейся гривой косичек, которые

шипели и гудели под дождем.

Все они погибли по-разному. Вориас, старейший из них, ослеп, когда его глаза лопнули в глазницах. Он умер в странном спокойствии, не слыша своего генетического прародителя, да и вообще ничего не слыша, кроме торжествующего пения Лоргара. Ему показалось, что повелитель Несущих Слово смеется — и в этом он, безусловно, оказался прав.

Несколько прочих умерли от эмболии и кровоизлияний в мозг, а череп Ралакаса взорвался, как будто в него угодил заряд болтера, окатив последних живых братьев дождем осколков кости и окровавленной серой слизи.

Те, кто попытался спастись бегством, натолкнулись на непоколебимые фигуры закованных в броню сородичей, которые стояли на страже по ту сторону пламени. Хейан влетел головой в центуриона, и поднял взгляд кровоточащих глаз на лицо офицера.

— Кхарн...

В горло, запястья, наплечники бегущего библиария вцепились руки. Каргос

и остальные швырнули его обратно через визжащий огонь. Он рухнул на гору трупов, оказавшись во власти примарха. На него, словно грозовая туча, надвинулась тень Ангрона, однако последним, что увидел Хейан, было то, как Кхарн безмолвно смотрит сквозь пламя.

Последним погиб Эска. Он не знал, кто из братьев бросил его назад через огонь, но поднялся на ноги, вскинув сломанный топор. Над ним возвышался Ангрон — Ангрон, пожиравший труп Хейана. Закованный в броню торс и одна рука с грохотом провалились в чудовищную глотку примарха. Библиарий даже расслышал приглушенное шипение пищеварительной кислоты, что-то разъедающей глубоко внутри тела громадного существа.

Его сбил с ног рев. Глаза Ангрона полыхнули в глазницах деформирующегося черепа, и раздался рев, от которого содрогнулось небо. Эска рухнул обратно на землю, лишившись оружия и ощущая боль в таком количестве разорванных мышц, что ретинальный дисплей даже не мог указать

их все на одном экране.

Эска снова приподнялся, оказавшись на коленях, и посмотрел в лицо Лоргару Аврелиану, Владыке XVII Легиона. Безмятежные черты Несущего Слово были омыты густой кровью.

— Тебе следует меня поблагодарить, — сказал Лоргар. — Всему вашему Легиону следует.

Лишившись дара речи, Эска зарычал на примарха. Сзади на него упала тень: Ангрон — или то, чем он становился — приближался.

— Кровь Кровавому Богу, — произнес Лоргар, занося крозиус.

— Они бегут.

В былые времена Фейда Халлертана обвиняли в высокомерии, и он гордился своей внешностью. Посмотрев в осколок стекла, который держал в руках, он был вынужден признать, что уже не будет красивым. Во всяком случае, без обширной реконструкции лица.

Он выронил стеклянный нож, разбившийся о палубу, и уставился на

гололит уцелевшим глазом.

— Они бегут, — повторил он, а затем осознал, что вокруг нет вышестоящих офицеров. На мостике «Завоевателя» остались в живых только слуги, рабочие и сервиторы. Тело Лераллы висело на кабелях аугметических соединений, похожих на волосы Медузы. Тобин был в аналогичном состоянии, его проткнуло упавшей потолочной балкой, которая прошла прямо через грудную клетку, пригвоздив его к полу.

Палуба была покрыта трупами Ультрадесантников. Рядом с ними на полу лежали мертвые Пожиратели Миров, а также члены экипажа, которых Фейду было почти страшно считать.

Тут и там бродило несколько Пожирателей Миров, цепные топоры которых работали вхолостую. Казалось, они сбиты с толку, но шлемы не давали Фейду возможности удостовериться в этом.

Он узнал одного из них, увенчанного капитанским гребнем и вымазанного вражеской кровью.

— Делварус, — окликнул он. — Где тело капитана?

Делварус пригнулся, отодвинул обломки и протянул руку вниз. Фейд увидел, как Лотара схватилась за перчатку, и огромный легионер вздернул ее на ноги. Ее лицо было покрыто копотью, сбоку засохла темная корка крови.

— Спасибо, Дел, — сказала она. — Беру назад все, что про тебя когда-либо говорила.

Триарий улыбнулся. Она не увидела этого из-за шлема. Капитан нерешительно протянула руку к трещине в черепе. Окружающие рану волосы свалялись и испачкались.

— Голова болит, — произнесла она. — Фейд, ужасно выглядишь.

Фейд ответил виноватой детской улыбкой.

— Они бегут, капитан.

Лотара подковыляла к гололитическому столу.

— Ультрадесантники никогда не бегут. Они совершают отступления с боем и тактические отходы. И в данном случае

они совершенно правильно делают и то, и другое, — она указала на руну «Трисагиона», которая все еще пульсировала полной жизненной силой. — Мне неприятно благодарить Несущих Слово, но этот корабль просто убийца.

Она перевела взгляд на удаляющиеся руны остатков Ультрадесанта.

— Впрочем, они нас почти что поимели. Двигатели?

— Не работают, тэм.

— Орудия?

— Нет.

— Навигация?

— Нет.

Лотара фыркнула.

— Стало быть, нам повезло, что они бегут.

— Согласен, тэм.

Она развернулась к оккулусу, испорченному несколькими чудовищными дымящимися дырами от болтов, напоминающими кратеры на усиленном стекле. Изображение Нуцерии колебалось из-за визуального искажения, однако красная буря над Михором была все равно

видна с орбиты.

— На что я смотрю? — поинтересовалась она у всех окружающих.

— Понятия не имею, мэм, — отозвался Фейд.

Лотара продолжила пристально вглядываться и, наконец, прокашлялась. Она заговорила спокойным и отчетливым голосом, как будто за последнее время — да и раньше — не происходило ничего неожиданного.

— Кто-нибудь, свяжите меня с поверхностью, — произнесла она. — Мне нужно поговорить с Ангроном.

— Что вы сделали?

Как бы мягко Кхарн ни задал вопрос, им все равно двигала злость. Впрочем, это была холодная злость, а не жаркая ярость. Причина крылась не в Гвоздях. Она была куда более личной.

Новая келья для размышлений Лоргара на борту «Трисагиона» была скромным помещением из голого железа и неприкрытой стали. В ней еще не было налета домашнего уюта. Кхарн знал, что со временем она превратится в очередной храм-библиотеку, хранилище свитков и томов, которым посвятит себя примарх. Из-за нынешней своей пустоты она казалась менее привлекательной, однако и странным образом легче переносимой. В комнате не было окон, никаких порталов в варп. Кхарн не мог сказать, насколько существенна эта перемена. Из-за непостоянства примарха понять его настроение и поступки было настоящей проблемой даже в лучшие времена.

Как и всегда вне боя, Лоргар был облачен в рясу. Он трудился за письменным столом, поскрипывание пера сливалось в непрерывный шепот.

— Я сделал то, что было необходимо сделать, Кхарн.

Бывший советник сделал шаг вперед.

— В трюме «Завоевателя»... демон.

Лоргар так и не поднимал глаз.

— Это Ангрон. Не более и не менее.

— Не более? — ошеломление придало ему дерзости. — Пока вы его не связали, оно расправилось с сотнями моих людей. Оно всего лишь ревет во тьме внизу, сотрясая корабль. Лотара хочет выбросить его в космос: несколько палуб вокруг него обратились в человеческую плоть, лорд Аврелиан. Стены начали кричать на нас живыми ртами. После переработки наши запасы воды становятся кровью. Что бы там ни было, это не «Ангрон и не более того». Что вы сделали?

— Спустись туда, — Лоргар продолжал писать, шурша пером. — Взгляни сам.

— Что вы сделали? Ответьте мне.

Лоргар с угрожающей неторопливостью поднял голову. В его глазах сверкал свет варпа. Смотреть в них было все равно, что вглядываться в само Море Душ.

— Я его спас, Кхарн. Это был единственный способ. Только я пытался спасти его от Гвоздей, которые постепенно его убивали. Только я искал способы избавить его от существования во власти несравнимой ни с чем муки. И только я действовал во имя его спасения.

— Но...

Яростный взгляд Лоргара заставил его умолкнуть.

— Спустись туда и взгляни сам. Ангрон — это будущее, наше будущее. Будущее человечества. Бессмертная мощь и целая вечность на постижение тайной метафизики вселенной. Он не умер, Кхарн. Он вознесся.

— Но он связан.

— Ради нашей общей безопасности, — согласился Лоргар. — Ультрамар поражен Гибельным Штормом и отрезан от Империума. Но мне известен обратный

пусть через пламя. Мы соберем наши флотилии, разбросанные по Пятистам Мирам, а затем вновь примкнем к Гору. Вел-Хередар закончил ковать клинок?

— Да.

— Все, как я просил? — спокойно спросил Лоргар.

— Клинок черного цвета. На нем пылают руны богов.

— Принеси его мне, Кхарн. Я передам его Ангрону, и освобожу его, когда настанет время.

— И когда это произойдет?

— Неужели ты не можешь догадаться? Когда мы доберемся до следующего мира, который должен истечь кровью, как никогда раньше, — он улыбнулся, хотя это и выглядело печально. — Разве это чем-то отличается от того, как Ангрон жил в последние десятилетия? Когда его призывали только для резни?

Кхарн не нашелся, что ответить. Бессмысленно спорить с правдой.

— Ему больно?

— Да, — примарх снова вернулся к своим записям. — Но это ничто по

сравнению со страданием, которое терзало его с момента, когда его родильная камера рухнула на Нуцерию и жители Деш'ea вбили ему в голову Гвозди.

В воздухе между ними вновь повисло молчание. Кхарн нарушил его, поклонившись. При движении сочленения доспеха издали рычание.

— В таком случае, я взгляну собственными глазами, — он развернулся, чтобы удалиться, однако замер, когда Лоргар еще раз произнес его имя.

— Кхарн.

Капитан оглянулся, ожидая, что Лоргар все так же погружен в свой пергамент. Однако во взгляде примарха были жесткость и боль, выражение возвышенной и сдержанной ярости.

— Господин?

— Хочешь узнать, кто убил Аргела Тала? — тихо поинтересовался Лоргар.

Эреб поклонился толпе. Ему ответили глухие удары кулаков по голой груди. Отключенный крозиус у него в руке был забрызган кровью — первой кровью. Со своим обычным исполненным достоинства победительным видом Эреб протянул руку, помогая Скане подняться с палубы. Сержант принял помощь, сжав кисть своей новой аугметической конечностью.

— Славный бой, — сказал Первый капеллан.

Механизмы гортани Пожирателя Миров еще не починили, и тот не мог говорить, однако вместо слов он ухмыльнулся, кивнул и вернулся в толпу.

Вперед шагнул Делварус. То же самое сделал Кхарн. Толпа, уже было начавшая подбадривать первого воина, смолкла при виде второго. Капитан сказал центуриону триариев всего два слова.

— Позволь мне.

Делварус отсалютовал и отступил назад.

— До первой крови? — спросил Эреб.

В руках у Кхарна был топор — Дитя Крови с зубами слюдяных драконов, когда-то брошенный примархом. Он приковал оружие цепью к обнаженному запястью, подражая гладиаторам Нуцерии, чьи кости видел и почтил всего несколько дней назад на хребте Деш'елика.

Как и все присутствующие воины, капитан был раздет по пояс.

— Сангвис экстремис, — произнес Кхарн. Кое-кто в толпе изумленно вдохнул, проявив свое ошеломление совсем как люди, которыми они когда-то были. Остальные засмеялись и разразились воплями. Раздалось еще больше ударов кулаков по груди.

Эреб оглядел Кхарна холодным сосредоточенным взглядом. Несколько секунд прошли в тишине, а затем губы Несущего Слово скривились в мягкой снисходительной улыбке.

— Дерзко, Кхарн. Ты се...

Дитя Крови завертелось впервые с момента перерождения, вгрызаясь в воздух с гортанным рычанием высшего хищника.

Больше Кхарн ничего не ответил, и Эреб тоже поднял крозиус.

— Ну, тогда давай.

Три удара. Первый: Кхарн отбил булаву в сторону плоской стороной своего нового топора. Второй: он сокрушительно ударил Эреба головой в нос, с влажным хрустом переломив хрящ. Третий: Дитя Крови отведало первой крови, разодрав капеллану грудь и оставив глубокую прорезь на плотной субдермальной броне имплантированного в торс воина черного панциря.

Все это произошло, пока Эреб успел только моргнуть. Никто бы не смог двигаться так быстро, как Кхарн. Никто из людей и никто из смертных. Капеллан метнулся назад, вскинув крозиус в оборонительную позицию. Кхарн двинулся вперед, вдавив активатор Дитя Крови. Толпа безмолвствовала. Такого Кхарна они еще не видели даже на поле боя.

Еще три удара, нанесенных с такой же неуловимой быстротой. Булава Эреба с лязгом заскользила по палубе. Он получил удар кулаком в горло и сапогом в живот,

которые отбросили его назад с такой силой, что он рухнул на окровавленную железную решетку.

Лежа на полу, он взглянул на Кхарна и увидел в глазах Пожирателя Миров свою смерть. Он никогда не видел такого ни на одном из путей вероятности. Этого не могло происходить. Не могло этим кончиться. Он же Длань Судьбы.

Кхарн смотрел на него сверху вниз, явно давая капеллану время подобрать крозиус.

— Вставай.

Эреб поднялся, вновь сжимая в руках булаву. На сей раз, он атаковал, демонстрируя скорость и мастерство, которые позволили ему выстоять против Люция из Детей Императора и Локена из бывших Лунных Волков. Крозиус оставлял за собой след смертоносных разрядов, с яростным гудением снова и снова рассекая пустоту. Кхарн уклонялся от каждого удара менее чем за мгновение ока, он был быстрее, чем это вообще могли бы позволить мускулы.

Оружие столкнулось. Кхарн

парировал последний удар. Эреб ожидал увидеть в глазах Пожирателя Миров обвинение, и уж точно злость. Там не было ни того, ни другого. Хуже того, он заметил скучающую снисходительность. Капитан даже вздохнул.

Еще три удара. Эреб оказался на полу прежде, чем понял, как это произошло. В груди вспыхнула жаркая и резкая боль, под стать тошнотворной пульсации в разбитом лице. Он потянулся к ране рукой, которой больше не было.

Его рука. Она лежала на палубе в нескольких метрах от него. Из перемолотых вен отсеченной конечности сочилась кровь. Переведя неверящий взгляд вниз, он обнаружил, что предплечье кончается около запястья.

— Понадобится аугметика, — раздался из толпы голос Каргоса. Несколько воинов засмеялись, однако мало кто — с подлинным удовольствием. Они были слишком заворожены происходящим.

Эреб снова поднял взгляд на Кхарна. Тот просто ждал.

— Вставай.

Капеллан поднялся. Кхарн больше не выжидал — его удары слились в кровавое марево визжащих моторов и рвущих зубьев. По телу Эреба разлилась боль, и он снова упал лицом на пол, еще даже не успев выпрямиться после прошлого раза. Хотя у Эреба не было обезболивающих систем доспеха и химических стимуляторов, он подавил боль, нараспев зашептав священную мандалу. Кхарн оборвал его.

— Вставай.

Эреб попытался, но замер, ощутив у своего хребта зубья Дитя Крови. Работающий вхолостую цепной клинок урчал, испуская выхлоп прометиевого топлива. Неподвижные зубья топора касались позвонков Эреба.

Он никогда не предвидел этого поединка, даже в самых обрывочных видениях.

Этим не могло кончиться. Он не мог умереть здесь. Еще так много требовалось сделать. Сигнус Прайм. Сама Терра. Во всех Десяти Тысячах Будущих Эреб видел, как сражается в Долгой Войне до самого ее конца.

В тот миг, когда Эреб потянулся к висящему на поясе ритуальному ножу, Кхарн вдавил активатор топора.

Должен был раздаться вопль. Все этого ждали. Все присутствующие воины ожидали, что Первый капеллан Несущих Слово закричит, когда Дитя Крови вгрызется в его плоть. Но последовал только визг вращающегося клинка топора, перемалывающего воздух.

Казалось, что колдовство Несущих Слово никого не удивило. И уж тем более не удивила трусость. Кхарн отвернулся от крови на палубе и вышел из круга, не произнеся ни слова.

Спустя час, облачившись в доспех и вооружившись, Кхарн вновь был готов.

— Ты не должен этого делать.

Кхарн посмотрел на Каргоса, который стоял у консоли.

— Должен. Я уже так поступал. Открывай.

Апотекарий нажал на клавиши управления, и двери беззвучно распахнулись наружу. За ними в тень уходили костяные ступени, липкие от засыхающей крови. Во тьме разнесся очередной бессвязный низкий рев.

Кхарн двинулся вперед. Каргос закрыл за ним двери, и его окутала тьма. Первым, что он услышал, стал шепот мертвецов в темноте. Следующим — дыхание чудовища. Даже генетически усовершенствованные глаза не могли ничего разобрать при полном отсутствии света. Он медленно шагал, не обнажая оружия, невзирая на соблазн это сделать, и слушал, как демон дышит в черноте.

— — Кхарн, — произнесло нечто незримое, находящееся повсюду и нигде. Что бы это ни было, от него пахло свежими могилами и погребальными кострами, а его зубы были увлажнены.

— Господин?

Ответом стал медленный гром. Нет, хохот. Смешок.

— Я никому не господин. Никогда им не был. А теперь и того меньше.

Кхарн сглотнул, продолжая пробираться во мраке. Ему было слышно, как тварь, некогда бывшая его генетическим прародителем, облизывает пасть.

— Мне кое-что от тебя нужно, Кхарн.

— Скажите, что.

— — Хрргх. Возьми топор. Возьми своих братьев. Убейте триста человек на рабских палубах.

Кхарн уставился в ту сторону, где, по его мнению, покоилось чудовище.

— Зачем, сир? Чего ради?

— Три сотни. Соберите их черепа.

Кхарн услышал, как тварь улыбается, как влажная плоть отслаивается с

клыкастой пасти, кривящейся в ухмылке. Нечто громадное, крылатое и окутанное дымом мертвых душ попыталось приблизиться и уперлось в удерживающие его цепи, покрытые вытравленными рунами. Он увидел, как во мраке вспыхнули глаза, сферы тлеющего пламени цвета кипящей крови.

— Возьми их черепа, Кхарн. Сделай мне трон.